

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ.
Вып. II.

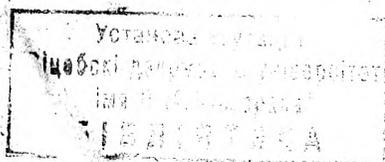
I-646.

К. КАУТСКІЙ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Обзоръ тенденцій современнаго сельскаго хозяйства въ
связи съ аграрной политикой.

Издание Я. Н. Толобкина.

ХАРЬКОВЪ.

Типо-Литографія „Печатное Дѣло“, кн. К. Н. Гагарина, Клочковская № 5.
1899.

524151

Дозволено цензурою. Г. Харьковъ, 21-го іюля 1899 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Поводомъ къ настоящему произведенію послужили дебаты, имѣвшіе мѣсто на франкфуртскомъ партейтагѣ, гдѣ обсуждался вопросъ объ аграрной программѣ, и на Бреславльскомъ, гдѣ аграрная программа была отвергнута. Какого-бы мнѣнія не быть объ этихъ дебатахъ, несомнѣнно одно: въ нихъ обнаружилось отсутствіе единства во взглядахъ на тенденціи развитія современнаго сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и отсутствіе лежащаго внѣ споровъ принципа, который могъ-бы лечь въ основу опредѣленной аграрной политики.

Поэтому въ Бреславлѣ была единогласно признана необходимость основательнаго изслѣдованія аграрныхъ отношеній.

Конечно, не было надобности въ этомъ поводѣ, чтобы возбудить во мнѣ интересъ къ аграрному вопросу. Живо занималъ онъ меня еще въ началѣ моей общественной дѣятельности. Въ 1878 г., когда я писалъ еще подъ псевдонимомъ «Symmachos», я обнародовалъ въ одномъ вѣнскомъ журналѣ рядъ статей о крестьянствѣ. Въ 1879 г. я окончилъ свое сочиненіе «*Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft*», въ которомъ большую роль играетъ вопросъ о производствѣ жизненныхъ средствъ; въ 1880 году въ «Ежегодникѣ Рихтера» появилась моя статья, носившая практическій характеръ; въ 1881 году въ «*Staatswirtschaftlichen Abhandlungen*» я изслѣдовалъ вопросъ о заатлантической конкуренціи въ производствѣ жизненныхъ средствъ. Кромѣ того я составилъ тогда цѣлый рядъ обшечопытныхъ изданій для крестьянъ «*Der Onkel aus Amerika*» и др.

Когда, поэтому, въ срединѣ этого десятилѣтія аграрный вопросъ занялъ первое мѣсто въ общественномъ вниманіи Европы, мнѣ оставалось только возобновить старое знакомство, — знакомство, котораго я никогда не прерывалъ совершенно. Время только придало ему большій интересъ, какъ практическій, такъ и теоретическій. Ростъ демократіи и земледѣльческой кризисъ сдѣлали этотъ вопросъ однимъ изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло. Между тѣмъ марксизмъ легъ повсюду въ основу теоретическаго міровоззрѣнія и практической дѣятельности, появился III томъ «Капитала» съ его блестящимъ изслѣдованіемъ земельной ренты; но въ то-же время развитіе сельскаго хозяйства обнаружило такія явленія, которыя кажутся несомвѣстными съ ученіемъ Маркса. Это придало аграрному вопросу и чрезвычайный теоретическій интересъ. При выполненіи уже давно знакомой мнѣ темы я не ожидалъ встрѣтить особыхъ затрудненій, и мнѣ хотѣлось по возможности скорѣе выступить съ моей работой передъ публикой, такъ какъ дѣло касается не академическихъ, а практическихъ вопросовъ чрезвычайной важности. Не смотря на это, прошло 3 года, прежде

чѣмъ мнѣ удалось опубликовать настоящее произведеніе. Это объясняется отчасти тѣмъ, что обязанности моей профессіи, занятія вопросами дня, а по смерти Энгельса и участіе въ изданіи наследства Маркса слишкомъ часто отрывали меня отъ работы, отчасти-же тѣмъ, что для обоснованія своихъ изслѣдованій я хотѣлъ воспользоваться преимущественно новѣйшими данными о состояніи сельскаго хозяйства, анкетой послѣдней парламентской аграрной комиссіи въ Англїи, третьимъ томомъ американскаго ценза 1890 года, касающимся земледѣлія, французской аграрной анкетой 1892 года и германской статистикой сельско-хозяйственныхъ промысловъ и производствъ 1895 года; все это появилось лишь въ 1897 году и даже въ 1898.

Но тутъ-же съ дальнѣйшимъ ходомъ работы обнаружилось, что намѣченные мною рамки брошюры оказались слишкомъ тѣсными для предлагаемаго сочиненія.

Я полагаю, что вопросъ не въ томъ, чтобы этой работой увеличить и безъ того уже не малое число монографій и анкетъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Хотя подобныя произведенія и заслуживаютъ вниманія, но не они могутъ помочь намъ выяснить отношенія сельскаго хозяйства: правительство, наука и публицисты господствующихъ классовъ ежегодно предъявляютъ публикѣ массу произведеній по этому вопросу; дѣйствительно же необходимымъ является изслѣдованіе, которое обнаружило-бы красную нить, проходящую черезъ весь этотъ хаосъ фактовъ, необходимымъ является выясненіе и опредѣленіе основныхъ тенденцій, кроющихся подъ поверхностью явленій. До сихъ поръ отдѣльныя явленія аграрнаго процесса, какъ напр., отношеніе между крупнымъ и мелкимъ производствомъ, право наследованія, заатлантическая конкуренція и пр. изслѣдовались изолированно, какъ самостоятельныя явленія; теперь-же дѣло идетъ о томъ, чтобы разсматривать ихъ какъ частныя явленія единаго общаго процесса.

Задача эта трудна, тема обширна; кромѣ того изъ предъидущей литературы мнѣ неизвѣстно ни одной крупной работы по этому вопросу, которая стояла-бы на точкѣ зрѣнія современнаго міровоззрѣнія. Естественно, что передовые теоретики занимались изслѣдованіемъ промышленнаго развитія. Энгельсъ и въ особенности Марксъ не разъ касались вопроса объ аграрныхъ отношеніяхъ, но это все—случайныя замѣтки и мелкія статьи. Исключеніе представляетъ отдѣлъ о *земельной рентѣ* въ третьемъ томѣ «Капитала». Марксъ умеръ, не окончивъ вполне труда цѣлой жизни. Но если-бы онъ и сдѣлалъ это, то онъ все-таки не даль-бы намъ разрѣшенія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые интересуютъ насъ въ настоящее время. По плану его работы онъ занимался только капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ; въ настоящее-же время насъ главнымъ образомъ интересуетъ роль докапиталистическихъ и некапиталистическихъ формъ сельскаго хозяйства внутри капиталистическаго общества.

И тѣмъ не менѣе «Капиталъ» является неоцѣнимымъ и для нашего изученія сельско-хозяйственныхъ отношеній, неоцѣнимымъ не только по своимъ результатамъ, но и по своему методу, который даетъ намъ возможность и въ этой области успѣшно продолжать дальнѣйшую работу. Если въ этомъ произведеніи мнѣ удалось развить новыя плодотворныя мысли, то я прежде всего обязанъ этимъ своимъ двумъ великимъ учителямъ, и я заявляю объ этомъ тѣмъ охотнѣе, что съ нѣкотораго времени даже въ кругахъ моихъ

единомысленниковъ начинаютъ раздаваться голоса, объявляющіе точку зрѣнія Маркса и Энгельса устарѣвшей; правда, въ свое время, говорятъ они, Марксъ и Энгельсъ создали нѣчто, вполне достойное вниманія; правда, и въ настоящее время ихъ произведенія будятъ мысль, но кто не хочетъ погрязнуть въ догматизмѣ, тотъ не долженъ всецѣло подчиниться ихъ вліянію; они должны только послужить ступенью для перехода къ высшей точкѣ зрѣнія; это-де слѣдуетъ уже изъ самой точки зрѣнія Марксовой діалектики, которая учитъ, что вѣчныхъ истинъ нѣтъ, и что всякое развитіе совершается черезъ отрицаніе существующаго.

Это выглядитъ очень философски, но въ то-же время приводитъ къ интересному выводу, что Марксъ неправъ уже потому, что правъ, что діалектика невѣрна уже потому, что вѣрна, къ выводу, въ которомъ неоспоримо только одно: ложность діалектики, только не діалектики Маркса....

Энгельсъ еще въ своемъ «Antidühring» (2-ое изд., стр. 133) указывалъ, какъ нелѣпо считать уничтожающее отрицаніе членомъ діалектическаго процесса. Развитіе путемъ отрицанія ни въ коемъ случаѣ не означаетъ отрицанія всего существующаго, оно скорѣе предполагаетъ остающимся то, что подлежитъ развитію. Отрицаніе капиталистическаго общества слѣдующимъ за нимъ строемъ не означаетъ уничтоженія челоуѣчества, но лишь уничтоженіе нѣкоторыхъ сторонъ одной изъ фазъ его развитія. Но оно не означаетъ и уничтоженія всѣхъ тѣхъ сторонъ капиталистическаго общества, которыя отличаютъ его отъ предшествовавшей ему общественной формы. Если капиталистическая собственность есть отрицаніе индивидуальной, то будущій строй есть «отрицаніе отрицанія. Онъ снова возстановитъ индивидуальную собственность, *основывающуюся на пріобрѣтеніяхъ капиталистической эры*». (Марксъ, «Капиталь», 2-ое нѣм. изд., ст. 793). Развитіе только тогда является прогрессомъ, если оно не просто отрицаетъ, уничтожаетъ, но также сохраняетъ, если въ существующемъ рядомъ съ тѣмъ, что заслуживаетъ разрушенія, оно открываетъ и то, что достойно сохраненія. Прогрессъ состоитъ въ накопленіи пріобрѣтеній предшествовавшихъ эпохъ развитія. Развитіе организма обусловливается не только *приспособленіемъ*, но и *наслѣдственностью*, классовая борьба, развивающая челоуѣческое общество, состоитъ не только въ *разрушеніи* и *созиданіи вновь*, но и въ *завоеваніи*, а слѣдовательно и въ *сохраненіи* существующаго; успѣхъ науки не былъ-бы возможенъ безъ *передачи* ея прежнихъ пріобрѣтеній и безъ *критическаго* отношенія къ нимъ; прогрессъ искусства основывается не на одной только *оригинальности* генія, не признающаго никакихъ обычныхъ границъ, но и на *пониманіи* классическихъ произведеній предшественниковъ.

Только изученіе дѣйствительности даетъ намъ возможность судить о томъ, что должно погибнуть и что должно сохраниться; здѣсь діалектика абсолютно не годна, она не можетъ служить шаблономъ, она не можетъ замѣнить этого изслѣдованія. Она даетъ только средство, способствующее систематичности изслѣдованія и изощряющее взглядъ изслѣдователя. Въ этомъ ея высокое достоинство. Но она не даетъ прямо въ руки готоваго результата.

Мнѣніе, выводящее изъ самаго ученія Маркса необходимость его собственнаго уничтоженія, покоится на неправильномъ пониманіи діалектики.

Что въ этомъ ученіи ошибочно и что представляетъ *κτῆρα ἐκ ἀεί*, вѣчное приобрѣтеніе науки,—этотъ вопросъ рѣшается не ссылкой на діалектику, а изслѣдованіемъ фактовъ. Но, какъ мнѣ кажется, это изслѣдованіе до сихъ поръ ни въ коемъ случаѣ не привело къ «отрицанію» марксизма. Я вижу одни только колебанія и сомнѣнія, но ни одной новой истины, которая въ состояніи была-бы оставить позади марксизмъ. Но одни колебанія и сомнѣнія не представляютъ отрицанія въ діалектическомъ смыслѣ, не представляютъ дальнѣйшаго развитія за предѣлы существующихъ знаній, не означаютъ еще побѣды надъ существующей теоріей. Причина сомнѣній, по моему мнѣнію, кроется скорѣе въ личностяхъ сомнѣвающихся, чѣмъ въ ученіи, подвергнутомъ сомнѣнію. Я думаю такъ не только на основаніи результатовъ изслѣдованія этихъ сомнѣній, но и на основаніи личнаго опыта.

Въ началѣ моей теперешней дѣятельности мои симпатіи были далеки отъ теоріи Маркса. Я относился къ ней столь-же критически и недовѣрчиво, какъ любой изъ тѣхъ, которые теперь такъ презрительно смотрятъ сверху внизъ на мой догматизмъ. Но сопротивляясь я сталъ ея сторонникомъ. И тогда, и позже всякій разъ, какъ у меня являлось какое-либо сомнѣніе въ основныхъ вопросахъ, я всегда, въ концѣ концовъ, находилъ, что вина во мнѣ, а не въ моихъ учителяхъ; углубленіе въ предметъ заставляло меня признать правильной ихъ точку зрѣнія.

Явленія сельско-хозяйственнаго развитія вызвали самыя серьезныя сомнѣнія въ «Марксовой догмѣ». Предлагаемое сочиненіе покажетъ, насколько они основательны.

К. Каутскій.

Берлинъ—Фриденау
Декабрь 1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе автора	V.
I. Введеніе	1.
II. Крестьянинъ и индустрія	5.
III. Сельское хозяйство во время феодализма	14.
а) Трехпольное хозяйство	14.
б) Стѣсненіе трехп. хозяйства крупн. помѣщ. хозяйствомъ	16.
в) Крестьянинъ начинаетъ голодать	22.
г) Трехпольная система дѣлается невыносимыми оковами	28..
IV. Новѣйшее сельское хозяйство	32.
а) Потребленіе и производство мяса	32.
б) Плодосмѣнное хозяйство. Раздѣленіе труда	36.
в) Машина въ сельскомъ хозяйствѣ	41.
г) Удобреніе, бактеріи	53.
д) Сельское хозяйство какъ наука	58.
V. Капиталистическій характеръ совр. хозяйства	62.
а) Цѣнность	62.
б) Прибавочная цѣнность и прибыль	68.
в) Дифференціальная рента	77.
г) Абсолютная земельная рента	84.
д) Цѣны на землю	92.
VI. Крупное и мелкое производство	105.
а) Техническое превосходство крупнаго производства	105.
б) Чрезмѣрный трудъ и недостаточ. потреблен. въ мелк. хозяйствѣ	121.
в) Товарищества	133.
VII. Границы крупн. капиталистическаго сельск. хозяйства	147.
а) Статистическія данныя	147.
б) Паденіе мелкаго производства въ индустріи	157.
в) Недостаточность земли	162.
г) Крупное производство не безусловно наилучшее	165.
д) Латифундіи	172.
е) Недостатокъ въ рабочей силѣ	179.
VIII. Пролетаризація крестьянина	189.
а) Тенденція къ раздробленію земли	189.
б) Формы крестьянскихъ побочныхъ занятій	201.

	Стран.
IX. Возрастаніе затрудненія товарн. сел. хозяйства	222.
а) Земельная рента	222.
б) Право наслѣдованія	227.
в) Фидеикоммиссъ и право наслѣдства	230.
г) Эксплуатація деревни городомъ	240.
д) Обезлюденіе деревни	248.
X. За-океанская конкуренція и индустриал. сел. хозяйства.	270.
а) Экспортная индустрія.	270.
б) Желѣзныя дороги	274.
в) Область конкуренціи въ произв. жизненныхъ средствъ	279.
г) Сокращеніе производства хлѣбовъ	291.
д) Соединеніе промышленности и земледѣлія	301.
е) Вытѣсненіе сел. хозяйства промышленностью	325.
XI. Взглядъ на будущее.	340.
а) Двигат. силы развитія	340.
б) Элементы обобщественнаго земледѣлія.	
Приложеніе	352.

I. Введение.

Въ современномъ обществѣ господствуетъ капиталистическій способъ производства. Антагонизмъ между представителями труда и капитала—вотъ движущій моментъ нашего вѣка, и онъ кладетъ на него свою печать. Но капиталистическій способъ—не единственная форма производства, существующая въ современномъ обществѣ; на ряду съ нимъ встрѣчаются еще остатки до-капиталистическихъ способовъ производства, сохранившіеся до настоящаго времени; съ другой стороны въ нѣкоторыхъ формахъ государственнаго и общественнаго хозяйства и кооперацій можно уже открыть зародыши новой, высшей формы производства. Но вышеуказанная социальная противоположность также не единственная въ наше время. Рядомъ и между этими двумя классами существуютъ еще многочисленныя другіе классы,—сливки и подонки общества, великіе мира и ихъ присные, съ одной стороны, разнаго рода босьяки (*Lumpenproletariat*) съ другой; классы эти отчасти являются продуктами до-капиталистическихъ общественныхъ формъ, отчасти же порождаются потребностями самаго капитализма или, по крайней мѣрѣ, развиваются подъ ихъ вліяніемъ. Эти разнородныя, частью развивающіеся, частью вымирающіе классы съ ихъ столь различными, постоянно мѣняющимися интересами, которые то многообразно перекрещиваются, то поглощаются интересами двухъ главныхъ общественныхъ группъ, но никогда вполнѣ не сливаются съ ними, именно эти классы придаютъ современной политической борьбѣ ея непостоянный характеръ, полный самыхъ странныхъ неожиданностей.

Теоретикъ, желающій изслѣдовать основные законы, направляющіе жизнь современнаго общества, не долженъ смущаться обиліемъ этихъ явленій. Онъ долженъ изслѣдовать капиталистическое производство въ его характерномъ видѣ, въ его классическихъ формахъ, вполнѣ освобожденныхъ отъ окружающихъ его остатковъ и зародышей другихъ формъ производства. Прак-

тический же дѣятель, напротивъ, сдѣлаетъ громадную ошибку, если вздумаетъ разсматривать представителей капитала и труда какъ единственные дѣйствующіе факторы современнаго общества, и не будетъ обращать вниманія на другіе классы.

Въ «Капиталѣ» Маркса рѣчь идетъ только о представителяхъ капитала и труда. Въ «18 Brumaire» и въ «Rev. und. Contrerev. in Deutschland» того же автора, рядомъ съ только что указанными двумя классами, играютъ роль также и великіе міра сего, и босяки, крестьяне и всякіе буржуа, бюрократы и солдаты, профессора и студенты.

Изъ этихъ промежуточныхъ слоевъ крестьянство, еще недавно самая значительная часть населенія нашихъ государствъ, всегда возбуждало особенный интересъ въ средѣ демократическихъ и другихъ передовыхъ партій нашего вѣка. Для нихъ, порожденій городовъ, крестьянинъ представлялся мистическимъ, непонятнымъ и, подчасъ, даже страшнымъ существомъ. Онъ, нѣкогда столь мужественно боровшійся противъ католической церкви, феодальныхъ князей и дворянства, теперь упорно держался за эти самыя учрежденія; ту силу, которую другіе классы употребляли для борьбы за свою эмансипацію, онъ употреблялъ для защиты своихъ эксплуататоровъ; оружіе, которое приносила ему демократія, онъ слишкомъ часто обращалъ противъ нея же. У насъ въ Германіи представители трудящихся массъ сначала обращали мало вниманія на крестьянство. Вѣдь они—не демократическая народная партія въ буржуазномъ смыслѣ слова, стремящаяся осчастливить весь міръ, защищать интересы всѣхъ классовъ, какъ бы они ни были противоположны; они—партія опредѣленнаго класса, сознающая антагонистичность его интересовъ интересамъ другихъ общественныхъ элементовъ. Въ первые годы послѣ своего возникновенія они обращали свое вниманіе исключительно на объединеніе тружениковъ городской индустріи. Они надѣялись, что и въ деревнѣ экономическое развитіе подготовитъ имъ почву, какъ и въ городѣ, и что борьба между крупнымъ и мелкимъ производствомъ и здѣсь приведетъ къ уничтоженію послѣдняго, такъ что имъ тогда удастся привлечь и массу сельскаго населенія, не теряя своего чисто классоваго характера.

Въ настоящее время эта партія настолько выросла, что городъ является для нея уже недостаточнымъ полемъ дѣятельности. Но какъ только она рѣшается отправиться въ деревню,

она встрѣчается съ той же таинственной силой, которая уже не разъ поражала своими неожиданностями прежнія демократически-передовыя партіи. Она видитъ, что не можетъ быть и рѣчи о быстромъ исчезновеніи мелкихъ сельско-хозяйственныхъ предприятий, что крупныя сельско-хозяйственныя предприятия завоевываютъ себѣ положеніе довольно медленно, а мѣстами даже теряютъ и пріобрѣтенное. Вся экономическая теорія, на которую она опиралась, оказывается ложной, какъ только она пытается приложить ее къ сельскому хозяйству. Но если эта теорія дѣйствительно не приложима къ сельскому хозяйству, то необходимо совершенно измѣнить не только тактику, которую примѣняли до сихъ поръ, но и всѣ свои основныя положенія. Очень рѣзко подчеркнул эту мысль бреславльскій профессоръ В. Зомбартъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи. «Какъ быть, говоритъ онъ, если въ экономической жизни существуетъ область, которая не подчиняется процессу обобществленія, и не подчиняется именно потому, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ мелкое предприятие здѣсь важнѣе и жизнеспособнѣе крупнаго? Въ этомъ вся проблема, которая, подъ видомъ аграрнаго вопроса, стоитъ теперь передъ взоромъ представителей трудящихся массъ. Должны ли подъ вліяніемъ крестьянства принципиально измѣниться покоящійся на крупномъ производствѣ общехозяйственный идеалъ и вытекающая изъ него программа? И если дѣйствительно придутъ къ выводу, что въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ никакой тенденціи къ развитію крупнаго производства, и что въ этой сферѣ производства крупное предприятие не представляется также непременно высшей формой, то тогда предстанетъ рѣшительный вопросъ: стать ли демократическими въ томъ смыслѣ, чтобы охватить и эти мелкія хозяйства и слѣдовательно измѣнить программу, отступивъ отъ общехозяйственнаго идеала, или же оставаться представителями лишеннаго всякой собственности труда, сохраняя общехозяйственный идеалъ и исключая, такимъ образомъ, изъ своего движенія эти элементы?

«Здѣсь я долженъ былъ употреблять слова «если» и «но», такъ какъ, по моему мнѣнію, въ настоящее время нельзя еще слѣдовать никакого опредѣленнаго вывода ни относительно того, какова тенденція развитія въ сельскомъ хозяйствѣ, ни о томъ, какая форма хозяйства въ земледѣліи является высшей, и можно ли тамъ вообще какую-нибудь форму хозяйства признать выс-

*

пей? Но насколько я вижу, въ данномъ пунктѣ система Маркса въ существенномъ недостаточна; насколько я вижу, его дедукціи не могутъ быть просто перенесены на область сельскаго хозяйства. У Маркса есть весьма пѣныя указанія и относительно аграрнаго вопроса, но его теорія развитія, покоющаяся на ростѣ крупнаго производства и пролетаризаціи массъ и выводящая изъ этого будущій хозяйственный строй, какъ нѣчто необходимое,—эта теорія несомнѣнна только для индустриальнаго развитія. Къ аграрному развитію она не приложима, и мнѣ кажется, что только научное изслѣдованіе въ состояніи было бы пополнить этотъ несомнѣнно существующій пробѣлъ». («S. und. soc. Bewegung im 19 Jahrhundert», стр. 111 ¹⁾).

Мы опасаемся только, что этого намъ придется долго ждать. Спорный вопросъ о томъ, выгоднѣе-ли крупныя или мелкія земледѣльческія хозяйства, занимаетъ экономистовъ уже болѣе столѣтій, и этому спору не видать конца. Но это нисколько не помѣшало сельскому хозяйству, пока теоретики спорили о преимуществахъ крупныхъ или мелкихъ хозяйствъ въ земледѣліи, пройти гигантскій путь развитія, что неоспоримо и можетъ быть ясно прослѣжено. Но чтобы видѣть это, не слѣдуетъ направлять свое вниманіе исключительно на борьбу между крупнымъ и мелкимъ производствомъ и разсматривать сельское хозяйство самостоятельно, отдѣльно отъ всего общественнаго производства.

Несомнѣнно—и это мы считаемъ заранѣе доказаннымъ,—что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, какъ индустрія. Сельское хозяйство слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ. Но этимъ ни въ коемъ случаѣ не сказано, что развитіе земледѣлія представляетъ прямую противоположность развитію индустріи и несоединимо съ нимъ. Мы надѣемся скорѣе доказать, что они оба стремятся къ одной цѣли, если только разсматривать ихъ не изолированно другъ отъ друга, но какъ нераздѣльные члены одного и того же процесса.

Вѣдь содержаніе Марксовой теоріи капиталистическаго производства не исчерпывается сведеніемъ этой формы производства къ формулѣ «вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ», такъ что каждый, кто знаетъ наизусть эту формулу, имѣетъ въ карманѣ ключъ ко всей новѣйшей экономіи.

¹⁾ Русскій переводъ см. «Нов. слово» за 1897 годъ.

Если желательнo изслѣдовать аграрный вопросъ въ духѣ метода Маркса, то недостаточно просто поставить себѣ вопросъ, имѣетъ ли мелкое производство будущность въ земледѣліи; гораздо въ большей степени мы должны заняться изслѣдованіемъ измѣненій, претерпѣваемыхъ сельскимъ хозяйствомъ въ процессѣ развитія капиталистическаго производства.

Мы должны изслѣдовать, *овладѣваетъ ли капиталъ сельскимъ хозяйствомъ и какимъ образомъ это ему удается, совершаетъ ли онъ въ немъ переворотъ, приводитъ ли онъ къ тому, что прежнія формы производства и собственности оказываются отжившими, и вызываетъ ли онъ необходимость въ новыхъ.*

Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы можемъ сказать, приложима ли теорія Маркса къ сельскому хозяйству или нѣтъ, и суждено ли процессу уничтоженія частной собственности на средства производства остановиться предъ главнымъ изъ нихъ, землей?

Этимъ вполне ясно намѣчается наша задача.

II. Крестьянинъ и индустрія.

Капиталистическій способъ производства обыкновенно (за исключеніемъ нѣкоторыхъ колоній) развивается прежде всего въ *городахъ, въ индустриіи*. Сельское хозяйство долго остается нетронутымъ имъ. Но уже индустриальное развитіе приводитъ къ тому, что сельскохозяйственное производство принимаетъ другой характеръ.

Средневѣковая крестьянская семья представляла изъ себя хозяйственную общину, совершенно или почти совершенно самодовлѣющую; она не только производила средства для своего пропитанія, но строила также свой домъ, приготовляла себѣ мебель и домашнюю утварь и даже большинство своихъ незамѣливыхъ инструментовъ, занималась дубленіемъ кожи, работывала для себя ленъ и шерсть, сама шила для себя платье и т. д. Крестьянинъ, конечно, отправлялся на базаръ, но лишь затѣмъ, чтобы продавать излишекъ своего производства и покупать только предметы роскоши (за исключеніемъ желѣза), къ чему онъ, впрочемъ, прибѣгалъ по возможности рѣже. Отъ

рынка могли зависѣть удобства и комфортъ его жизни, но не его существованіе.

Эта самодовлѣющая община была неуязвима. Самое худшее, что съ ней могло случиться, это—неурожай, пожаръ или вторженіе непріятельской арміи. Но даже эти удары судьбы носили характеръ временныхъ замѣшательствъ; они не изсушали источниковъ существованія. Отъ неурожаяевъ большею частью спасали обильные запасы, хранившіеся въ закромахъ; скотъ давалъ молоко и мясо; лѣсъ и вода также доставляли кое-что къ столу. Въ лѣсу же крестьянинъ находилъ строительный матеріалъ для возстановленія своего сторѣвшаго дома. Отъ врага убѣгалъ онъ въ лѣсъ со скотомъ и движимымъ имуществомъ и возвращался обратно, какъ только непріятель уходилъ. Какое бы опустошеніе непріятель ни произвелъ, онъ не въ состояніи былъ уничтожить пашни, пастбища, лѣса—этихъ основъ тогдашняго существованія. Если находились необходимыя рабочія силы—бѣдствіе вскорѣ залѣчивалось.

Еще въ нашемъ столѣтіи консервативный экономистъ Сисмонди въ яркихъ краскахъ изобразилъ привольную жизнь этого независимаго крестьянства, жизнь, которая была для него идеаломъ. «Деревенское счастье, картину котораго рисуетъ намъ исторія славныхъ временъ Италіи и Греціи, не чуждо и нашему вѣку. Всюду, гдѣ можно найти крестьянское землевладѣніе, можно также встрѣтить то благосостояніе, обеспеченность, увѣренность въ будущемъ, ту независимость, которыя одновременно обеспечиваютъ счастье и добродѣтель. Крестьянинъ, который вмѣстѣ съ своими дѣтьми исполняетъ всю работу на своемъ маленькомъ наслѣдственномъ участкѣ, который не платитъ ни арендныхъ денегъ лицамъ надъ нимъ стоящимъ, ни заработной платы ниже его стоящимъ, который соразмѣряетъ свое производство съ потребностями, ѣстъ свой собственный хлѣбъ, пьетъ собственное вино, одѣвается въ собственные льняныя и шерстяныя платья,—такой крестьянинъ очень мало заботится о рыночныхъ цѣнахъ: ему очень мало приходится покупать или продавать, и онъ никогда не разоряется при торговыхъ кризисахъ. Далекій отъ того, чтобы бояться за будущее, онъ украшаетъ его въ своемъ воображеніи; въ интересахъ своихъ дѣтей или даже грядущихъ вѣковъ онъ употребляетъ каждую свободную отъ повседневной работы минуту. Ему не стоитъ много времени положить въ землю зерно, ко-

торое через сто лѣтъ превратится въ могучее дерево, или прокопать ровъ, который навсегда осушитъ его поле, провести воду изъ источника, улучшить принадлежащій ему скотъ и растенія неустаннымъ трудомъ въ минуты, урванные отъ отдыха. Его маленькое наслѣдственное имѣнiще—настоящая сберегательная касса, которая всегда готова принять его маленькiя сбереженiя, готова превращать въ цѣнность каждую свободную минуту. Вѣчно дѣятельная сила природы оплодотворяетъ ее и вознаграждаетъ сторицею. Крестьянинъ очень живо чувствуетъ свое счастье, неразрывно связанное съ его собственностью, «(J. C. L. Simon de Sismondi:» Etudes sur l'économie politique. I, стр. 170, 171).

Еще 60 лѣтъ тому назадъ знаменитый экономистъ того времени могъ изобразить въ такiхъ краскахъ счастье мелкаго крестьянина. Картина представлена, правда, нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ; она не характерна для общаго состоянiя крестьянства. Сисмонди имѣетъ здѣсь въ виду Швейцарiю и нѣкоторыя мѣстности Верхней Италiи. Но, во всякомъ случаѣ, картина эта не вымыслена, а срисована съ природы тонкимъ наблюдателемъ.

Если теперь сравнить съ нею состоянiе современнаго крестьянства во всей Европѣ, включая и Швейцарiю, то не трудно будетъ замѣтить, какая страшная экономическая революцiя произошла за это время.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленiи явилось разложене крестьянскаго ремесленнаго производства подъ влiянiемъ преимущественно городской индустри и торговли.

Въ предѣлахъ крестьянской семьи возможно было только ничтожное раздѣленiе труда, которое не шло дальше раздѣленiя труда между мужчиной и женщиной. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что городская индустри очень скоро опередила крестьянское ремесленное производство и создала для крестьянина утварь и орудiя, которыя онъ самъ приготавливалъ далеко не съ такимъ совершенствомъ, а иногда и совсѣмъ не былъ въ состоянiи сдѣлать. Но развитiе индустри и торговли вызвало также и въ городѣ новыя потребности, которыя, какъ и новыя улучшенныя орудiя, тѣмъ быстрѣе и неудержимѣе распространялись въ деревняхъ, чѣмъ живѣе были сношенiя между городомъ и деревней; крестьянская промышленность была не въ состоянiи удовлетворять эти потребности.

Мѣсто полотняной куртки, овчины занимаетъ суконное платье; лапти повсюду вытѣсняются кожаной обувью и т. д. Милитаризмъ, стягивая въ городъ сыновей крестьянъ и знакомя ихъ съ городскими потребностями, очень сильно способствуетъ этому развитію. Ему главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать распространеніе потребленія табаку и водки. Наконецъ, городская индустрія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ достигла такого превосходства, что продукты крестьянскаго производства оказались въ сравненіи съ нею слишкомъ дорогими, чтобы бережливый крестьянинъ могъ употреблять ихъ, и поэтому онъ отказывается отъ ихъ производства. Такъ развитіе хлопчатобумажной индустріи, которая доставила такой дешевый ситецъ, очень сильно сократило, а мѣстами и совершенно уничтожило обработку льна крестьянами для собственнаго потребленія.

Разложеніе крестьянской индустріи, производящей для собственнаго потребленія, беретъ свое начало въ среднихъ вѣкахъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ городского ремесла. Но вліяніе городского ремесла на деревню распространялось очень медленно, ограничивалось лишь близкими къ городу мѣстностями и едва замѣтно затрогивало условія жизни крестьянства. Около того самаго времени, когда Сисмонди воспѣвалъ крестьянское счастье, Иммерманъ могъ еще въ лицѣ сельскаго старосты (въ «Münchhausen») представить крупнаго вестфальскаго крестьянина, который говоритъ: «Глупъ тотъ, кто отдаетъ кузнецу, что онъ самъ можетъ сдѣлать», и который «самъ чинить у себя въ домѣ косяки, двери и пороги, ящики и сундуки, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ даже дѣлаетъ новые. При желаніи онъ могъ бы оказаться искуснымъ столяромъ и былъ бы въ состояніи приготовить настоящій шкафъ». Въ Исландіи еще и теперь нѣтъ особаго ремесла, которое заслуживало бы этого названія: тамъ еще и до сихъ поръ крестьянинъ является своимъ собственнымъ ремесленникомъ.

Только капиталистическое производство настолько могущественно, что быстро уничтожаетъ домашнее крестьянское производство для собственнаго потребленія, и только капиталистическій способъ сношеній съ его желѣзными дорогами, почтами и газетами переноситъ взгляды и произведенія города въ самые глухіе уголки страны, захватывая въ этотъ процессъ не только окрестности города, но и все сельское населеніе.

Чѣмъ дальше идетъ этотъ процессъ, чѣмъ больше разла-

гается первобытное крестьянское домашнее производство, тѣмъ сильнѣе растетъ потребность крестьянина въ деньгахъ; ему нужны теперь деньги не только на покупку предметов роскоши, но и на покупку предметов первой необходимости. Безъ денегъ онъ не въ состоянїи ни продолжать своего хозяйства, ни поддержать своего существованїя.

Одновременно съ ростомъ потребности въ деньгахъ у крестьянъ росла эта потребность и у ихъ эксплуататоровъ, т. е. у феодаловъ, князей и прочихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась государственная власть. Естественнымъ слѣдствїемъ этого было превращенїе натуральныхъ повинностей въ денежныя; это же вызвало и стремленїе къ все большему и большему увеличенїю этихъ повинностей, что, въ свою очередь, еще болѣе усилило потребность крестьянина въ деньгахъ.

Единственный способъ добыванїя денегъ заключался въ превращенїи его продукта въ товаръ и въ снесенїи его на рынокъ для продажи. Понятно, что это не были продукты его отсталой индустрїи, для которыхъ онъ нѣкогда находилъ покупателей, но продукты, которыхъ городская индустрїя не производила. Такимъ образомъ, крестьянинъ долженъ былъ превратиться въ «крестьянина» въ современномъ смыслѣ слова, какимъ онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ съ самаго начала: онъ долженъ былъ превратиться въ *чистаго земледѣльца*. Но чѣмъ дальше шло это превращенїе, тѣмъ больше индустрїя отдѣлялась отъ сельскаго хозяйства, тѣмъ скорѣе исчезала та самостоятельность, увѣренность и приволье, которыя Сисмонди встрѣчалъ еще мѣстами у нѣкоторыхъ свободныхъ крестьянъ.

Крестьянинъ сдѣлался теперь зависимымъ отъ рынка, который для него оказался болѣе капризнымъ и менѣе поддающимся какимъ-либо расчетамъ, чѣмъ погода. Противъ коварствъ послѣдней онъ по крайней мѣрѣ могъ до извѣстной степени защитить себя: отводными канавами онъ могъ ослабить дѣйствїе слишкомъ сырого лѣта, оросительными приспособленїями противодѣйствовать сильной засухѣ, дымящими кострами защитить свой виноградникъ отъ весеннихъ холодовъ и т. д. Но у него не было никакихъ средствъ, чтобы остановить паденїе цѣны и продать зерно, которое не находитъ покупателя. И хорошій урожай, бывший до сихъ поръ для него благословенїемъ, становится теперь проклятїемъ. Это обнаружилось въ началѣ настоящаго столѣтїя, когда сельско-хозяйственное про-

изводство въ Западной Европѣ почти повсюду приняло характеръ товарнаго производства, средства же сообщенія были еще несовершенны и не могли еще компенсировать недостатокъ въ одномъ мѣстѣ избыткомъ въ другомъ. При урожаѣ цѣны падали, какъ при неурожаѣ онѣ повышались. Во Франціи урожай пшеницы давалъ слѣдующій доходъ:

Средній урожай съ гектара въ гектолитрахъ.	Цѣны за гектаръ въ франкахъ.
Въ 1816 г. 9,736	28,31
» 1817 г. —	36,16
» 1821 г. 12,25	17,79
» 1822 г. —	15,49

Въ 18²¹/₂₂ г., при увеличеніи урожая *на одну треть*, французскіе сѣльскіе хозяева выручали съ одного гектара всего около 200 франковъ, т. е. *на одну треть меньше*, чѣмъ въ 18¹⁶/₁₇ г. Нечего поэтому удивляться сожалѣнію, которое король выразилъ палатѣ по поводу того, что никакой законъ не въ состояніи «устранить убытковъ, причиняемыхъ чрезмѣрнымъ урожаемъ».

Чѣмъ дальше шель процессъ превращенія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ товары, тѣмъ труднѣе было оставаться на примитивной ступени непосредственной продажи продуктовъ производителями потребителямъ. Чѣмъ болѣе удалялся и расширялся рынокъ, на который производили крестьяне, тѣмъ невозможнѣе дѣлалась для нихъ непосредственная продажа потребителямъ, тѣмъ необходимѣе становились для нихъ посредники; между производителемъ и потребителемъ появляется торговецъ. Онъ гораздо лучше крестьянина знакомъ съ рынкомъ, до извѣстной степени управляетъ имъ и пользуется этимъ для эксплуатаціи крестьянина.

Къ хлѣботорговцу и гуртовщику вскорѣ присоединился и ростовщикъ, который часто соединялся съ первыми въ одномъ лицѣ. Въ неблагоприятные годы денежные доходы крестьянина оказываются недостаточными для покрытія его потребности въ деньгахъ; ему остается только воспользоваться кредитомъ, заложить свою землю. Отсюда начало новой зависимости, новой эксплуатаціи со стороны ростовщическаго капитала, — эксплуатаціи, которая превосходитъ всѣ прочія и отъ которой ему удастся освободиться только съ большимъ трудомъ. Да и это ему не всегда удается; часто новое бремя оказывается для него

слишкомъ тяжелымъ, и пѣсня кончается продажей съ молотка его наслѣдственного владѣнія для удовлетворенія ростовщика и сборщика податей. Что прежде не въ состояніи были сдѣлать неурожаи, пожаръ и мечъ, то производятъ теперь кризисы на хлѣбномъ и скотномъ рынкѣ. Бѣдствія, приносимыя крестьянину кризисами, не всегда временнаго характера; кризисы могутъ отнять у него источникъ его существованія—землю, они могутъ, въ концѣ концовъ, совершенно отдѣлить его отъ земли, *превратить его въ пролетарія*. Такимъ образомъ, приходитъ конецъ благосостоянію, независимости и обеспеченности свободного крестьянина повсюду, гдѣ разрушается его домашняя индустрія для собственного потребленія, и гдѣ онъ принужденъ нести бремя денежныхъ налоговъ.

Но развитіе городской индустріи кладетъ также начало разложенію первобытной крестьянской семьи. Въ составъ крестьянскаго хозяйства первоначально входило столько земли, сколько необходимо было для прокормленія семьи, а гдѣ нужно было, и для уплаты оброка помѣщику.

Но съ усиленіемъ зависимости крестьянина отъ земли, съ увеличеніемъ его потребности въ деньгахъ, т. е. съ увеличеніемъ доли жизненныхъ средствъ, производимыхъ имъ для продажи, это равновѣсіе постепенно нарушалось. При неизмѣнности производственныхъ отношеній у крестьянина оказывалось слишкомъ мало земли для удовлетворенія потребностей всей семьи. Но ни мѣнять по произволу традиціонныхъ способовъ производства, ни расширять своихъ владѣній онъ не могъ. Зато, если семья его оказывалась слишкомъ большой, онъ свободно могъ отсылать излишекъ рабочихъ силъ изъ отцовскаго дома на службу на сторонѣ, въ качествѣ сельскихъ рабочихъ, солдатъ, городскихъ пролетаріевъ, или въ Америку, гдѣ они находили новую родину. Такимъ образомъ, крестьянская семья была уменьшена до крайнихъ предѣловъ возможности.

Въ томъ же направленіи дѣйствовало другое обстоятельство. Сельское хозяйство не такое занятіе, которое всегда равномерно нуждалось бы въ рабочей силѣ. По временамъ, при обработкѣ земли, въ особенности же, во время жатвы, является очень большая потребность въ рабочихъ рукахъ; иногда же въ нихъ нѣтъ почти никакой надобности. Лѣтомъ спросъ на рабочую силу въ сельскомъ хозяйствѣ въ два, три, а иногда четыре раза больше, чѣмъ зимою.

Пока существовала крестьянская домашняя индустрия, эта неравномерная потребность в рабочей силе не имела особого значения. Если не было полевых работ, или их было мало, крестьянская семья больше занималась дома и домом. С исчезновением крестьянской домашней индустрии исчезла и эта часть работ. Вот еще одна причина, заставляющая крестьянина уменьшать свою семью до минимума, чтобы зимою не приходилось кормить тунеядцев.

Здесь мы говорим только о влиянии исчезновения крестьянского домашнего производства. Это влияние может быть парализовано различными переменными в сельско-хозяйственном производстве, напр., переходом от выгонного хозяйства к интенсивному скотоводству, которое требует больше труда; другие изменения, наоборот, могут еще больше усилить влияние этого фактора. Так одною из главных сельско-хозяйственных работ, которые производились зимою, была молотба. Введение молотилки положило этому конец и таким образом явилось сильным мотивом для дальнейшего уменьшения крестьянской семьи.

Соответственно этому остающаяся часть семьи должна, конечно, летом работать изо всех сил. Но при всем напряжении сил им не удастся возместить рабочую силу ушедших. Благодаря этому, делается необходимым прибегать к вспомогательной рабочей силе, к *наемным рабочим*, которых нанимают только во время напряженной работы и отпускают, как только исчезает нужда в них. Как бы дорого ни приходилось платить им, они все же обходятся дешевле, чем содержание членов семьи в течение круглого года. Подобную наемную рабочую силу доставляют пролетаризированные крестьяне, крестьяне ищущие подсобного заработка и крестьянские сыновья и дочери, ставшие в тягость своей семье.

Один и тот же процесс, создавая потребность в наемных рабочих с одной стороны, с другой—способствует их появлению. Он пролетаризирует некоторых крестьян, уменьшает крестьянскую семью, как мы уже видели, и выбрасывает на рабочий рынок лишних членов крестьянских семей. Наконец, у мелких крестьян он вызывает потребность в подсобных промыслах помимо занятия их собственным хозяйством. Земля их слишком ограничена, чтобы производить излишек над потребностями собственной

семьи; у нихъ нѣтъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которые они могли бы вынести на рынокъ. Единственный товаръ, который они могутъ продавать—это ихъ *рабочая сила*, которая только по временамъ можетъ быть цѣликомъ использована въ ихъ собственномъ хозяйствѣ. Одно изъ средствъ превратить ее въ деньги—это наняться въ батраки къ болѣе крупнымъ сельскимъ хозяевамъ.

До самаго XVII столѣтія только изрѣдка можно встрѣтить поденщиковъ, слугъ и служанокъ на службѣ у крестьянъ. Но съ этого времени число ихъ увеличивается. Замѣна членовъ семьи наемными рабочими оказываетъ въ свою очередь вліяніе на положеніе рабочихъ силъ, остающихся въ лонѣ своей семьи. Они все болѣе и болѣе низводятся до уровня наемныхъ рабочихъ, состоящихъ на службѣ у главы семьи, и, такимъ образомъ, одновременно крестьянскій дворъ, собственность цѣлой семьи, постепенно превращается въ исключительную собственность представителя семьи.

Вмѣсто старой крестьянской семейной общины, обрабатывавшей свой участокъ исключительно собственными силами, въ болѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ появляется группа наемныхъ рабочихъ, которые подъ надзоромъ землевладельца обрабатываютъ его поля, пасутъ его скотъ и собираютъ его жатву.

Классовая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между имущими и пролетаріями проникаетъ въ село, даже въ нѣдра самой крестьянской семьи и разрушаетъ прежнюю гармонію и общность интересовъ.

Какъ уже было сказано, процессъ этотъ начался еще въ средніе вѣка, но только капиталистическій способъ производства ускорилъ его и упрочилъ его господство въ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Этотъ процессъ еще не закончился, и въ настоящее время онъ продолжаетъ еще развиваться, захватывая все новыя области, превращая все большія отрасли крестьянскаго производства для собственнаго потребленія въ товарныя производства, увеличивая разными способами потребность крестьянина въ деньгахъ и замѣняя работу членовъ семьи работой наемныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, уже одно развитіе капиталистическаго производства въ городахъ, безъ проникновенія капитала въ сельскохозяйственное производство и безъ возникновенія противоположности между крупнымъ и мел-

кимъ производствомъ, въ состояніи совершенно измѣнить устои крестьянской жизни.

Но капиталъ не ограничиваетъ своего вліянія одной только индустріей. Достаточно окрѣпнувъ, онъ распространяетъ свое господство и на сельское хозяйство.

III. Сельское хозяйство во время феодализма.

а) *Трехпольное хозяйство.*

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать происхожденіе отношеній собственности у крестьянъ. Для нашей цѣли достаточно показать, въ какомъ состояніи были отношенія собственности и производства у крестьянъ послѣ бурной эпохи переселенія народовъ въ странахъ, населенныхъ германцами, отношенія, которыя, за малымъ исключеніемъ (главнымъ образомъ въ Англіи), продержались до XVIII вѣка, а мѣстами сохранились и до настоящаго времени. Они представляли компромиссъ между общинной собственностью на землю, какъ этого требовало крестьянское выгонное хозяйство, и частной собственностью на пахатную землю, что соотвѣтствовало потребностямъ тогдашняго крестьянскаго земледѣлія.

Подобно крестьянской семьѣ, представлявшей семейную общину, удовлетворяющую свои потребности собственными силами, и село представляло замкнутое въ себѣ самодовлѣющее хозяйственное товарищество, сельскую общину (*Markgenossenschaft*).

Мы здѣсь не касаемся тѣхъ формъ поселеній, которыя состояли изъ *отдѣльныхъ* разбросанныхъ *дворовъ*, а не замкнутыхъ селъ; эти формы долгое время разсматривались, какъ первоначальныя, но въ настоящее время твердо установлено, что онѣ составляютъ только отдѣльные случаи, вызванные исключительными и географическими особенностями. Нормальной и типичной является система селъ, и съ ней мы будемъ имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи.

Исходной точкой крестьянскаго хозяйства являлась усадѣбная земля, которая уже перешла въ частную собственность. Кромѣ жилого помѣщенія и необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ, къ ней принадлежалъ еще отгороженный участокъ земли вокругъ построекъ. Этотъ участокъ заключалъ въ себѣ

огородъ со всѣми необходимыми для кухни растеніями, овощами, льномъ, плодовыми деревьями и т. д. Село состояло изъ большаго или меньшаго числа подобныхъ усадебъ. За селомъ тянулась раздѣленная на участки земля марки, ея пашня.

Тамъ, гдѣ господствовала трехпольная система, а это было въ большинствѣ случаевъ, пахатная земля раздѣлялась на три поля (*Fluren*) или нивы (*Zelgen*). каждое поле въ свою очередь распадалось на доли (*Gewannen*) или участки (*Kampre*), которые отличались качествомъ почвы и расположеніемъ. Каждая усадьба имѣла свой надѣлъ въ каждомъ участкѣ. За надѣльной землей находилась нераздѣленная земля общины (алмены, общественная земля), т. е. лѣсъ и пастбище.

Нераздѣленной землей община владѣла сообща. На пашнѣ каждая семья обрабатывала для себя свой собственный надѣлъ. Но и въ этомъ отношеніи она не могла совершенно свободно распоряжаться: хотя на полѣ воздѣлывался хлѣбъ для потребностей людей, но скотоводство, выгонная система занимала еще главное мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ. И когда обработка земли стала частнымъ занятіемъ каждой семьи, выгонное хозяйство оставалось еще дѣломъ всей общины. Эта форма хозяйства оказывала свое воздѣйствіе на отношенія собственности. Въ качествѣ пашни земля была частной собственностью, въ качествѣ выгона — общинной. Это значитъ, что каждое поле тотчасъ послѣ жатвы превращалось въ пастбище, и, какъ таковое, оно подпадало праву пользованія всей общины, которая превращала всѣ поля въ общее пастбище. И пожниво, и пашня, оставленная подъ паръ, превращались въ выгонъ для скота всей общины. Но такой порядокъ былъ бы невозможенъ, еслибы каждый членъ села обрабатывалъ свой надѣлъ по собственному желанію. Поэтому господствовала *принудительная запашка*, т. е. внутри cadaго поля (*Flur*) или нивы (*Zelge*) всѣ собственники надѣловъ должны были воздѣлывать ихъ одинаково. Каждый годъ изъ трехъ полей одно оставалось подъ паромъ, другое шло подъ озимые, третье подъ яровые. Обработка поля мѣнялась ежегодно. Кромѣ пожнива и пароваго поля имѣлись еще луга, постоянныя пастбища и лѣса, доставлявшіе кормъ для скота; рабочая сила, навозъ, молоко, мясо этого скота имѣли одинаковое значеніе для крестьянскаго хозяйства.

Такая система сельскаго хозяйства господствовала во всѣхъ населенныхъ германцами странахъ. Въ этомъ отношеніи не

замѣчается никакой разницы между крестьянами, находившимися въ положеніи вполнѣ свободныхъ людей, или живущими на землѣ помѣщика и платящими ему оброкъ, или же отказавшимися отъ своей независимости, чтобы отдатъся подъ защиту и охрану могущественнаго властелина, или, наконецъ, насильственно лишенными независимости.

Эта система производства отличалась удивительной силой и стойкостью; она была консервативна, охранительна въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Обезпеченность крестьянина и его благосостояніе покоились на общинномъ строѣ не менѣе, чѣмъ на его домашней индустріи. Трехпольная система съ лѣсомъ и пастбищемъ не нуждалась ни въ какомъ привозѣ извнѣ. Она сама производила скоть и навозъ, которые были необходимы для обработки поля и предупрежденія его истощенія. Общность же пастбища и пахатныхъ полей приводила къ сплоченности членовъ общины, которая служила имъ надежной охраной отъ чрезмѣрной эксплуатаціи со стороны внѣшней силы.

Но какъ ни прочна была эта хозяйственная система, развитіе городской промышленности, а вмѣстѣ съ нею денежнаго хозяйства, нанесло и ей, какъ и крестьянскому ремеслу, смертельный ударъ.

б) Стѣсненіе трехпольнаго хозяйства крупнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ.

Мы видѣли, какъ городская индустрія увеличила потребность крестьянина въ деньгахъ; но она также увеличила эту потребность и у той силы, которая существовала на счетъ крестьянъ, именно феодальнаго дворянства и возникающаго новѣйшаго государства. Мы также видѣли, что, благодаря этому, крестьянинъ принужденъ былъ производить съѣстные припасы для продажи на рынкахъ растущихъ городовъ. Это одно уже нарушало равновѣсіе марки, весь хозяйственный порядокъ которой былъ рассчитанъ на то, чтобы собственными силами удовлетворять ея потребностямъ, ничего, или почти ничего, не получая извнѣ, но и ничего не отдавая.

Сначала почти во всѣхъ общинахъ было даже строго запрещено безъ разрѣшенія общины вывозить или вообще отчуждать за предѣлы ея какіе бы то ни было предметы пользованія общины, напр., дрова, солому, сѣно, навозъ; всѣ про-

изведенія земли должны были также, насколько возможно, потребляться внутри самой общины. Это относилось и къ вскармливаемому въ общинѣ скоту; выкормленные ею свиньи не должны были быть продаваемы за предѣлы общины. Точно также было принято, чтобы хлѣбъ и виноградъ, уродившійся въ общинѣ, былъ ею смолотъ, спечень, превращень въ вино и ею же съѣденъ и выпить. По этому во многихъ сельскихъ общинахъ возникли *запретительные законы* (Bannrechte). При феодальной эксплуатаціи это стремленіе,—ничего не вывозить изъ общины и все потреблять внутри ея,—принимало иногда курьезныя формы. Г. Л. фонъ-Мауреръ въ своей «Geschichte der Dorfverfassung» (I, стр. 316) рассказываетъ объ одномъ эльзасскомъ дворянинѣ, который въ 1540 году предложилъ своимъ крестьянамъ, въ качествѣ барщинной работы, выпить все его прокисшее вино, чтобы освободить бочки для хорошаго вина урожая настоящаго года. «Они должны были, говорить, по словамъ Маурера, старая хроника, три раза въ недѣлю опустошать бочки и платить оброкъ только сыромъ и хлѣбомъ; когда же они напивались и начинали драться другъ съ другомъ, то помѣщикъ налагалъ на нихъ штрафы за буйство, и такимъ образомъ получалъ за свое вино гораздо больше, чѣмъ еслибы онъ его продалъ». Нашимъ шнайсъ-юнкерамъ слѣдовало бы поставить памятникъ этому храброму христіанско-германскому герою, который еще въ тѣ далекія времена съ такимъ пониманіемъ и стойкостью отстаивалъ алкоголизмъ, прибыль и христіанскую мораль.

Ограниченія посредствомъ запретительныхъ законовъ оказались отжившими или бесполезными помѣхами съ тѣхъ поръ, какъ производство на рынокъ стало для крестьянъ необходимою. Но постоянный вывозъ въ городъ питательныхъ веществъ, болѣе уже не возвращавшихся почвѣ, долженъ былъ постепенно все больше истощать и ухудшать ее.

Экономическое равновѣсіе общины между тѣмъ нарушалось еще и инымъ путемъ. По мѣрѣ того, какъ произведенія земли превращались въ товаръ, приобрѣтали цѣну на рынкѣ, сама земля также превращалась въ товаръ, обладающій извѣстной цѣнностью. Когда сельско-хозяйственное товарное производство въ началѣ новыхъ вѣковъ стало захватывать все большую и большую область, не было уже ~~въ одной общинѣ земли,~~ какъ въ тѣ времена, ~~когда деревни~~ ~~Владимиръ и Серватинъ~~ ~~и~~ ~~імя У. І. Ленина~~

вмѣсто пастбищнаго хозяйства номадовъ, дополняемаго обширной охотой и ничтожнымъ, въ высшей степени примитивнымъ земледѣліемъ, переходили къ трехпольной системѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Каждому способу производства соотвѣтствуетъ извѣстный максимумъ населенія, который можетъ прокормиться съ опредѣленной площади земли. Достигли ли Германцы въ эпоху переселенія народовъ этого максимума, гнало ли ихъ въ Римскую Имперію переселеніе или, скорѣе, беззащитность послѣдней, все это вопросы спорные. Достоверно только то, что переходъ къ высшей формѣ сельскаго хозяйства, которымъ они были обязаны соприкосновенію съ римской культурой, послѣ Великаго переселенія значительно повысилъ ёмкость прокормленія территории германскихъ народовъ. Незначительное населеніе очень мало удовлетворяло потребностямъ новаго способа производства, и этотъ послѣдній очень благопріятствовалъ сильному размноженію населенія. По этому, какъ только пронесли бури переселенія народовъ и въ Европѣ до нѣкоторой степени водворился миръ и безопасность, населеніе начинаетъ быстро увеличиваться. Приростъ населенія легко находилъ необходимую землю въ обширныхъ незаселенныхъ пространствахъ. Если населеніе села увеличилось, то или раздвигали межу и заново перераспредѣляли всю землю между членами общины, или же изъ части общинной земли образовывалась территория для новой сельской общины—дочерняго села, которое возникало рядомъ со старымъ. Кроме того, князья дарили церквямъ и своимъ благороднымъ дружинамъ совершенно или почти необработанные участки земли, которые, за небольшой оброкъ, отдавались владѣльцами переселяющимся сельскимъ общинамъ. Вслѣдствіе постоянного оттѣсненія славянъ, открывались все новыя области для германской колонизаціи.

Въ началѣ XV вѣка гусситскія войны въ Богеміи и уничтоженіе власти нѣмецкаго ордена въ Польшѣ положили конецъ дальнѣйшему распространенію германской колонизаціи на востокъ. А къ тому времени населеніе Европы, если и не достигло максимума, соотвѣтствовавшаго тогдашнему способу производства, то достаточно сильно разрослось, такъ что уже не было недостатка въ людяхъ, въ рабочей силѣ, не было избытка земли, которое позволяло бы оставлять ее безъ вниманія. Такимъ образомъ, возникла возможность и необходимость монополизиро-

ванія самаго важнаго изъ всѣхъ средствъ производства. Изъ-за этого между крестьянами и феодальнымъ дворянствомъ возникла самая упорная и ожесточенная борьба, которая продолжалась вплоть до новѣйшаго времени и, собственно говоря, не вполне закончилась еще и теперь. Но рѣшительныя битвы ея сыграны были въ Германіи уже въ 16 вѣкѣ. Почти повсюду онѣ закончились побѣдой феодальнаго дворянства, которое подчинилось растущей силѣ государства и за это получило ея поддержку противъ крестьянства.

Побѣдоносное дворянство начинаетъ само производить товары, такъ что способъ производства представляетъ удивительную смѣсь капитализма и феодализма. Оно начало при помощи крупнаго хозяйства производить прибавочную цѣнность, обыкновенно съ помощью принудительнаго феодальнаго, а не наемнаго труда. Его лѣсная политика, земледѣльческое хозяйство и скотоводство все болѣе и болѣе суживали крестьянскую землю и подкапывались подъ устойчивость трехпольной системы.

Лѣсное хозяйство представляло больше всего удобствъ для феодально-капиталистической эксплуатаціи, для крупнаго товарнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ только потребности города сдѣлали дерево ходкимъ товаромъ,—а въ то время оно еще не замѣнялось каменнымъ углемъ и железомъ, и потому въ качествѣ топлива и строительнаго матеріала употреблялось въ сравнительно большемъ количествѣ, чѣмъ теперь,—помѣщики тотчасъ употребили всѣ свои старанія, чтобы овладѣть лѣсомъ. Для этого они или лишали сельскія общины принадлежавшаго имъ права собственности на лѣсъ, или же, если лѣсъ и раньше составлялъ собственность помѣщика, они по возможности суживали право общинъ пользоваться дровами, соломой и пастбищами.

Уже въ 1525 году между двѣнадцатю пунктами, выставленными возставшими крестьянами, былъ одинъ (пятый), гласившій такъ: «Въ пятыхъ, мы очень нуждаемся въ дровахъ, такъ какъ наши господа присвоили себѣ все дерево (всѣ лѣса), и если бѣдному человѣку что-нибудь нужно, то онъ долженъ платить вдвойнѣ: наше мнѣніе таково, что лѣса, какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ лицъ, находящіеся въ ихъ владѣніи, а не купленные ими, должны снова перейти къ общинамъ, и каждому члену общины должно быть предоставлено право даромъ пользоваться лѣсомъ для домашнихъ надобностей, а

также, если ему понадобится, и для плотничьихъ работъ, однако съ вѣдома избранныхъ для этого общиной лицъ, чѣмъ будетъ предупреждено расхищеніе дерева».

Распространеніе охоты еще болѣе сѣузило права крестьянъ на пользованіе лѣсомъ.

Охотничье оружіе первоначально было также и военнымъ оружіемъ, и охота была подготовительной школой къ войнѣ; охота и война были тѣсно связаны между собою. Пока охота была необходима для обезпеченія потребностей обыкновеннаго свободнаго человѣка, этотъ послѣдній былъ и воиномъ. Когда же охота, какъ источникъ добыванія средствъ къ существованію, отступила на задній планъ передъ земледѣліемъ, тогда появилась необходимость въ раздѣленіи труда между «сословіемъ, добывающимъ средства къ существованію», и «сословіемъ, охраняющимъ»; это раздѣленіе, конечно, имѣло и другія причины. Наоборотъ, чѣмъ больше война дѣлалась достояніемъ дворянства, тѣмъ болѣе и охота превращалась въ исключительный спортъ благороднаго сословія.

Но успѣхи охоты и земледѣлія взаимно исключали другъ друга. Въ изобиліи дичь могла водиться только въ громадныхъ лѣсахъ, и она служила постояннымъ источникомъ убытковъ и потерь для крестьянъ.

По мѣрѣ того, какъ дворянство становилось все болѣе не нужнымъ, болѣе заносчивымъ, въ борьбѣ интересовъ земледѣлія и охоты, послѣдняя все чаще одерживала верхъ. Дальнѣйшему развитію земледѣлія, угрожавшаго лѣсамъ—мѣстопробыванію дичи, былъ положенъ предѣлъ: запрещались лѣсныя запашки, строго наказывалась охота крестьянъ, которые не имѣли права убивать дичь,—даже если она опустошала ихъ поля.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ и 12 пунктовъ крестьянъ 1525 г. Тамъ говорится: «Въ четвертыхъ, до сихъ поръ было принято, что никто изъ бѣдныхъ людей не имѣетъ права убивать дичь или ловить рыбу въ текучей водѣ. Это, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо и противно слову Божію. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ господа держатъ дичь, чтобы приносить намъ много бѣдъ и убытковъ, такъ какъ мы не имѣемъ права запрещать бессмысленному животному поѣдать безъ всякой пользы плоды нашихъ трудовъ, самимъ Богомъ предназначенные для пользы человѣка, и при этомъ мы должны молчать, что противно божескимъ и человѣческимъ законамъ».

Но въ послѣдующіе вѣка стало еще хуже. Во Франціи только Великая Революція положила конецъ этому, а въ Германіи спустя и 100 лѣтъ послѣ Великой Революціи прусскіе юнкера въ рейхстагѣ осмѣливаются требовать, чтобы крестьянинъ кормилъ ихъ зайцевъ своей капустой, не встрѣчая серьезнаго отпора со стороны большинства.

И такъ, тамъ, гдѣ возникалъ рынокъ для лѣса, было очень легко и просто превратить лѣсъ въ частную собственность и эксплуатировать его на капиталистическихъ началахъ, хотя и подъ покровомъ феодальныхъ формъ; также легко и просто былъ переходъ къ капиталистическому пастбищному хозяйству тамъ, гдѣ открывались рынки для продуктовъ скотоводства (шерсть) и гдѣ условія климата и почвы способствовали скотоводству, которое, какъ лѣсоводство, не требовало ни большого количества наемныхъ рабочихъ, ни большихъ затратъ капитала, и техника котораго была весьма несложна. Для экстенсивной формы капиталистическаго скотоводства, какъ и для капиталистическаго лѣсоводства, было необходимо почти только одно условіе—частная собственность на обширныя пастбища, и тамъ, гдѣ къ этому толкали выше указанныя обстоятельства, въ 15 и 16 столѣтіи въ Англии и Испаніи, а позже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи, представлявшихъ условія для овцеводства, помѣщики не мало потрудились надъ созданіемъ этихъ условій. Самою мягкою формою было монополизированіе помѣщикомъ права овцеводства, т. е. права пасти овецъ на общественныхъ пастбищахъ. Жалобы на это въ Германіи появляются только послѣ крестьянскихъ войнъ. Но часто доходность овцеводства побуждала помѣщиковъ обращать въ частную собственность даже общественныя пастбища, урѣзывать крестьянскія земли, превращая пашню въ пастбище.

Если возникалъ гдѣ-либо рынокъ для продуктовъ земледѣлія, феодалы не прочь были и эти послѣдніе сдѣлать предметомъ своего собственнаго производства. Но здѣсь это было не такъ легко, какъ въ области лѣснаго хозяйства и скотоводства. Земледѣліе требуетъ меньшаго количества добавочной земли, но за то больше нуждается въ добавочной рабочей силѣ и требуетъ извѣстной затраты капитала.

Въ средніе вѣка каждый помѣщикъ, обыкновенно, велъ хозяйство только на части принадлежавшей ему земли, и подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, или черезъ своего управ-

ляющаго (Vogt). Остальную часть своей земли онъ отдавалъ въ пользованіе крестьянамъ на оброкъ, который отчасти уплачивался натурой, отчасти же барщиннымъ трудомъ въ его собственномъ хозяйствѣ, въ его помѣстьѣ. Мы видѣли, какъ возникновеніе городского рынка для състныхъ припасовъ, съ одной стороны, сдѣлало возможнымъ замѣну этихъ повинностей денежными взносами, съ другой—превратило эту возможность въ необходимость. Но тамъ, гдѣ и помѣщикъ начиналъ производить для продажи, эта тенденція сталкивалась съ другой; наемный трудъ былъ еще мало развитъ, помѣщичье имѣніе обрабатывалось при помощи принудительнаго труда оброчныхъ крестьянъ. Чѣмъ больше продуктовъ земледѣлія старался производить помѣщикъ, тѣмъ больше онъ нуждался въ рабочей силѣ, но и тѣмъ больше земли ему было необходимо. Это, съ одной стороны, вызвало стремленіе къ расширенію помѣщичьей земли на счетъ крестьянской, путемъ-ли урѣзыванія нераздѣленной общиной земли, т. е. пастбища, или же путемъ непосредственнаго изгнанія крестьянъ; съ другой стороны также населеніе достигаетъ максимума, могущаго быть прокормленнымъ при господствующей системѣ сельскаго хозяйства.

Крестьянское существованіе было этимъ потрясено до самыхъ своихъ основъ.

Глубокія измѣненія въ условіяхъ существованія крестьянина обнаружались уже въ *питаніи* крестьянина.

в) *Крестьянинъ начинаетъ голодать.*

Да позволено будетъ намъ сдѣлать здѣсь маленькое отступленіе, чтобы рассмотреть вопросъ, который имѣетъ лишь слабую связь съ общей нашей темой, но который тѣмъ не менѣе можетъ, по нашему мнѣнію, бросить нѣкоторый свѣтъ и на эту послѣднюю.

Довольно распространенная въ настоящее время школа, опирающаяся на Конта и Спенсера, любитъ безъ оговорокъ переносить законы природы на человѣческое общество. Результаты естественно-научнаго изслѣдованія въ текущемъ столѣтіи были настолько блестящи, что естествоиспытатели очень легко повѣрили, будто онѣ владѣютъ ключемъ для всѣхъ загадокъ, даже для такихъ областей, которыя были очень далеки отъ нихъ. Съ другой стороны, нѣкоторымъ соціологамъ казалось

болѣе удобнымъ распространить твердо установленные законы природы на свою область, чѣмъ путемъ сложнаго изслѣдованія отыскивать особые законы послѣдней.

Къ аксіомамъ этой естественно-научной социологіи относится признаніе тѣсной зависимости между *климатомъ и питаніемъ*. «Хотя и въ холодномъ, и въ жаркомъ климатѣ мы съѣдаемъ одинаковое по вѣсу количество пищи; говоритъ Либихъ, но безконечная мудрость проявила себя здѣсь, устроивъ такъ, что тѣ же количества пищи содержатъ неодинаковыя количества углерода. Плоды, употребляемые южными жителями, въ свѣжемъ видѣ содержатъ не болѣе 12% углерода, тогда какъ жиръ и ворвань, употребляемые полярными жителями, содержатъ его въ количествѣ 66—80%». (Chemische Briefe, стр. 246).

Бокль выводитъ изъ этого, что рабство индуса представляетъ «естественное» состояніе народа, «принужденнаго къ такому состоянію неумолимыми законами природы». (Исторія цивилизаци, I т.). Дѣло въ томъ, что климатъ дѣлаетъ ихъ вегетеріанцами, а чрезвычайное богатство тропической растительности способствуетъ росту населенія и переполненію «рабочаго рынка».

Мы, конечно, не станемъ опровергать общепризнаннаго положенія физиологіи, что въ холодныхъ странахъ человѣкъ ощущаетъ большую потребность въ углеродѣ, т. е. мясной пищѣ, чѣмъ въ теплыхъ. Но эта разница вовсе не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ. И въ полярномъ кругѣ человѣкъ ищетъ растительной пищи. «Кромѣ рыбы и мяса», рассказываетъ Норденшельдъ, «чукчи съѣдаютъ еще громадное количество овощей и прочихъ питательныхъ веществъ растительнаго царства... Писатели, рассматривающіе чукчей, какъ народъ, живущій исключительно продуктами животнаго царства, жестоко ошибаются. По моему мнѣнію, напротивъ, въ извѣстное время года чукчи являются въ гораздо большей степени «растеніеядными», чѣмъ какой бы то ни было изъ извѣстныхъ мнѣ народовъ». (Die Umseglung Asiens und Europas auf der Vega, II, 108 стр.). Съ другой стороны, и подъ тропиками «обычная пища» не состоитъ «почти исключительно» изъ фруктовъ, риса и другихъ растеній, какъ полагалъ Бокль; чистое вегетеріанство является тамъ исключеніемъ. «Это сказка, будто въ Африкѣ потребность въ мясѣ меньше», говоритъ Бюхнеръ (Kamerun, стр. 153, 116) и факты подтверждаютъ его взглядъ. Во

всей Африкѣ мясная пища въ большомъ ходу. Особенно аппетитнымъ долженъ быть столъ у негровъ Бонго, о которыхъ Швейнфуртъ рассказываетъ, что они не брезгаютъ никакой животной пищей, исключая собакъ и людей, и употребляютъ даже крысъ, змѣй, гѣнь, скорпионовъ, муравьевъ и гусеницъ. Нѣчто подобное извѣстно и объ индѣйцахъ Британской Гвіаны, живущихъ подъ экваторомъ. «*Главная пища ихъ состоитъ изъ дичи и рыбы*, однако, они не брезгаютъ также крысами, обезьянами, кайманами, лягушками, червями, гусеницами, муравьями, личинками и жуками». (Appun bei Peschel, Völkerkunde, стр. 163).

Далекіе отъ того, чтобы питаться одними плодами, многіе живущіе подъ тропиками народы включаютъ въ число питательныхъ средствъ также и человѣческое мясо. Кажется даже, что каннибализмъ преимущественно свойственъ тропическимъ странамъ: Только на очень высокой ступени культуры человѣкъ достигаетъ такого господства надъ природой, что въ состояніи свободно выбирать себѣ пищу, соответствующую его потребностямъ. Чѣмъ ниже, онъ стоитъ, тѣмъ больше онъ принужденъ довольствоваться тѣмъ, что находитъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ приспособляться къ пищѣ, вмѣсто того чтобы приспособлять пищу къ себѣ. Если эскимось питается преимущественно мясомъ и варванью, то это гораздо меньше зависитъ отъ предписаній климата, чѣмъ отъ того обстоятельства, что онъ не находитъ другой пищи. Онъ не можетъ питаться плодами по той простой причинѣ, что въ Гренландіи ихъ растетъ очень мало. Что онъ выбираетъ исключительно мясную пищу не изъ фізіологическихъ соображеній, это видно изъ того, какую онъ придаетъ цѣну тѣмъ немногимъ растеніямъ, которыя ему доступны. Южные эскимосы еще могутъ собрать въ лѣтніе мѣсяцы нѣсколько ягодъ; живущіе же на сѣверѣ почти нигдѣ не находятъ какихъ-либо растеній, кромѣ тѣхъ, которыя, на половину переваренныя, попадаютъ въ желудкѣ сѣвернаго оленя; но и это они считаютъ за дорогіе деликатессы.

Это все таки крайній случай. Громаднѣйшая часть земной поверхности изобилуетъ большимъ разнообразіемъ животной и растительной пищи. Не повсюду человѣкъ такъ ограниченъ въ выборѣ питательныхъ средствъ, какъ у полюсовъ. Но нигдѣ ему не предоставлено свободно выбирать по желанію какую угодно пищу. Сумма питательныхъ веществъ, которыя

давались бы человѣку безъ труда всякій разъ, какъ они ему нужны, ограничена. Будетъ ли въ состояніи данный источникъ пропитанія доставлять человѣку постоянную и достаточную пищу—это зависитъ не отъ количества содержащагося въ немъ углерода, не отъ потребности человѣка въ немъ, а прежде всего отъ способа и уровня его техники, отъ умѣнія владычествовать надъ природой, однимъ словомъ, отъ способа его производства. Въ сравненіи съ этимъ климатъ, устройство поверхности и другія физическія условія имѣютъ ничтожное значеніе. Сравнивъ различныя дикія племена американскихъ индѣйцевъ, находящіяся на одинаковой степени культуры, мы найдемъ, что отношеніе между количествомъ потребляемой рыбы, дичи и растительной пищи, въ общемъ почти у всѣхъ будетъ одинаково: и у живущихъ въ пампасахъ, и въ Rocky Mountains, на Амазонкѣ и на Миссури; сколько-нибудь значительная разница зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ условій, напр., изобилія рыбъ въ рѣкахъ и т. п., а не отъ климатическихъ вліяній.

Съ измѣненіемъ способа производства какого-нибудь народа, измѣняется и его питаніе, независимо отъ измѣненія климата. Если современный лаццарони Неаполя питается макаронами, сардинками и чеснокомъ, то этимъ онъ обязанъ не прекрасному небу, подъ которымъ онъ живетъ. Подъ тѣмъ же небомъ люди героическаго періода Греціи, какъ намъ извѣстно изъ Илліады и Одиссеи, съѣдали громадныя количества не только мяса, но и «блестящаго» жира—пища, которая удовлетворила бы и эксимоса.

Индусы также не всегда были вегетеріанцами. Прежде, чѣмъ они прибыли въ долину Ганга и осѣли тамъ, они были кочующими пастухами; ихъ пища состояла преимущественно изъ молока и мяса животныхъ, составлявшихъ ихъ стада. Когда же измѣнился способъ ихъ производства, когда земледѣліе отодвинуло скотоводство на задній планъ, такъ какъ долина Ганга представляла удобныя условія для перваго, а не для втораго, тогда стало считаться грѣхомъ и мотовствомъ употребленіе мяса животнаго, служившаго и пахаремъ и поставщикомъ молока.

Подобное измѣненіе въ способѣ питанія крестьянъ началось въ нашихъ странахъ съ XV вѣка. Еще въ 14 в. лѣса, луга, вода и птичій дворъ доставляли обильную мясную пищу. Мясо было тогда во всей Германіи обычной повседневной пищей

простого человѣка; 2—3 мясныхъ блюда въ день для поденщика не были необычныхъ явленіемъ.

Насколько въ то время было распространено потребление мяса, видно изъ разчета Кледенса, по которому въ 1308 г. во Франкуртѣ на Одерѣ потребление мяса на одного человѣка равнялось 250 фунтамъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ Берлинѣ на одного человѣка приходится мяса 130—150 ф., а въ Бреславлѣ въ 1880—1889 гг. приходилось только 86 фунтовъ.

XVI вѣкъ былъ рѣшающимъ для крестьянъ. Лѣсъ и вода сдѣлались для нихъ недоступными; дичь, вмѣсто того чтобы доставлять крестьянину пищу, уничтожала его средства пропитанія. Площадь пастбищъ все больше и больше уменьшалась; скотъ и птицу, которые ему еще удавалось выкармливать, онъ долженъ былъ, за исключеніемъ рабочаго скота, продавать, чтобы добыть необходимыя ему деньги. Столъ крестьянина становится все бѣднѣе. Крестьянинъ, подобно индусу, превратился въ вегетеріанца.

Уже въ 1550 г. мы слышимъ жалобы шваба Генриха Мюллера: «Еще на памяти моего отца, который былъ крестьяниномъ, говоритъ онъ, крестьяне питались совершенно иначе, чѣмъ теперь. Каждый день было изобиліе мяса и другихъ блюдъ; на сельскихъ праздникахъ и другихъ пирушкахъ столы ломились подъ тяжестью яствъ; здѣсь пили вино, какъ воду, наѣдались и брали еще съ собою, что только угодно было, такъ какъ всего было въ изобиліи. Теперь все измѣнилось. Давно уже наступили тяжелыя времена и дороговизна, и состоятельнѣйшіе крестьяне питаются теперь хуже, чѣмъ прежніе поденщики и слуги».

Но паденіе скотоводства должно было вскорѣ вызвать подобное же явленіе въ земледѣліи. Чѣмъ меньше скота, тѣмъ меньше навоза. Часто также страдала сама обработка земли, такъ какъ съ прекращеніемъ скотоводства уменьшалось и количество рабочаго скота. Въ томъ же направленіи дѣйствовало увеличеніе барщины какъ личнымъ трудомъ, такъ и съ лошадыю, барщины, требовавшей, чтобы крестьянинъ работалъ на помѣщичье хозяйство какъ разъ тогда, когда его собственное хозяйство нуждалось въ его трудѣ.

Въ то самое время, когда количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, производимыхъ для города, все болѣе уве-

личивалось и когда необходимо было покрывать вытекающей отсюда дефицитъ увеличеніемъ удобренія и интенсивной обработкой земли, какъ разъ въ это время обработка и унавоживаніе земли все болѣе понижались. Слѣдствіемъ этого было паденіе крестьянскаго хозяйства, растущее истощеніе и неплодородіе почвы. Въ урожайный годъ хлѣба едва хватало для поддержанія крестьянина до весны. Неурожая или вторженія непріятеля, причинявшихъ прежде только временныя бѣдствія, теперь было достаточно, чтобы окончательно уничтожить крестьянское хозяйство.

Мы видѣли, какъ въ XVI столѣтіи крестьянинъ превратился въ вегетеріанца; въ XVII и XVIII вѣкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ уже просто не доѣдалъ. Извѣстно описаніе французскаго крестьянина, сдѣланное Labruyèr'омъ за 100 лѣтъ до Великой Революціи. «Существуетъ, говоритъ онъ, родъ челоукоподобныхъ животныхъ мужскаго и женскаго пола, черныхъ, худыхъ и загорѣлыхъ отъ солнца; они живутъ въ деревьяхъ и прикованы къ землѣ, которую они съ неослабнымъ терпѣніемъ взрываютъ и вскапываютъ. У нихъ есть нѣчто, вродѣ членораздѣльной рѣчи и, когда они поднимаются, показываютъ челоуческое лицо. На самомъ дѣлѣ это люди, которые на ночь уходятъ въ пещеры, гдѣ они питаются чернымъ хлѣбомъ, кореньями и водой». Въ нѣкоторыхъ деревьяхъ крестьяне питались одними только травами и полевыми растеніями. Въ 1740 году епископъ Клермонъ-Феррана, Массильонъ, писалъ Флери: «Наше крестьянское населеніе живетъ въ страшной нищетѣ... Большинство въ теченіе полугода нуждается даже въ ячменномъ и овсяномъ хлѣбѣ, который составляетъ ихъ единственную пищу».

Прямо ужаснымъ дѣлалось положеніе въ неурожайные годы, которые, благодаря увеличивающемуся неплодородію почвы, все болѣе учащались. Съ 1698 до 1715 года населеніе Франціи, вслѣдствіе повальной нищеты, уменьшилось съ 19 милліоновъ на 16.

Въ правленіе Людовика XV, болѣе мирное, чѣмъ царствованіе Людовика XIV, военныя тягости были меньше, но гнетъ феодальныхъ повинностей остался; этотъ гнетъ сталъ невыносимымъ. Многіе крестьяне охотно оставляли свою землю, которая приковывала ихъ къ нищенскому существованію; они предпочитали идти въ наемные рабочіе или жить подаяніемъ

и грабежомъ. Уже въ 1750 году, по словамъ Кенэ, одна четверть пахатной земли оставалась необработанной; непосредственно передъ французской революціей, по расчетамъ Артура Юнга, треть пахатной земли (болѣе 9 милліоновъ гекторовъ) пустовала! Согласно сообщенію сельско-хозяйственнаго общества въ Реннѣ, двѣ трети Бретани лежали подъ паромъ.

Положеніе не повсюду было такъ печально, какъ во Франціи, гдѣ правительственная власть, находившаяся всецѣло въ рукахъ тщеславной, безчестной, жадной и близорукой придворной знати, неограниченно властвовала надъ крестьянствомъ. Тѣмъ не менѣе и въ Германіи положеніе крестьянъ было очень печально, и бѣгство съ земли представляло частое явленіе.

г) Трехпольная система дѣлается невыносимыми оковами для сельскаго хозяйства.

Но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сила прокормленія земли, при господствующей системѣ сельскаго хозяйства, не суживалась насильственно надменнымъ юнкеромъ, даже тамъ, въ теченіе XVIII в., эта система становилась все болѣе и болѣе стѣснительной. Въ рѣдкихъ случаяхъ населеніе достигало уже такой плотности, что для увеличенія силы прокормленія необходимо было перейти къ высшей формѣ производства. Подобный переходъ совершился уже въ Англии, гдѣ, подъ влияніемъ своеобразно сложившихся отношеній, устой феодальнаго сельскаго хозяйства были разрушены цѣлымъ рядомъ революцій, начиная съ реформъ Генриха VIII и кончая «славной революціей» 1688 года, открывая такимъ образомъ путь для развитія капиталистическаго интенсивнаго сельскаго хозяйства, замѣнившаго пастбищное кормленіемъ скота въ стойлѣ и посѣвомъ кормовыхъ травъ, и, рядомъ съ производствомъ зернового хлѣба, начавшаго производство корнеплодовъ. Но повсемѣстное распространеніе этого преобразования на европейскомъ континентѣ оказалось невозможнымъ безъ революціонизированія существующихъ отношеній собственности. Чрезполосица пахатной земли и принудительная запашка дѣлали невозможнымъ всякое нововведеніе въ устарѣвшей трехпольной системѣ. Переходъ отдѣльнаго хозяйства къ посѣву новыхъ культурныхъ растений, напр., картофеля, совершался въ предѣлахъ огорода, находившагося на усадебной землѣ, на которую принудитель-

ность запашки не распространялась, или же въ большихъ угодьяхъ, которыя были выдѣлены изъ общинной земли.

Рядомъ съ потребностью расширить производство продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, и потребность согласованія производства съ спросомъ, предъявляемымъ рынкомъ, приводила къ невозможности сохранить прежній способъ производства, по крайней мѣрѣ, въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ, гдѣ значительный излишекъ продуктовъ отправлялся на рынокъ.

Средневѣковый способъ производства былъ отлично приспособленъ къ потребностямъ общины равныхъ, ведущихъ одинаковый образъ жизни и производящихъ для собственнаго потребленія. Здѣсь была умѣстна общинная земля съ ея прочно установленнымъ сѣвооборотомъ: яровые хлѣба, озими и паръ. Но вотъ возникаетъ рынокъ съ его измѣняющимися потребностями, и начинается неравенство между членами общины, изъ которыхъ одни едва производятъ необходимое для собственнаго пропитанія, другіе же получаютъ еще излишекъ. Одни, болѣе слабые, производятъ, какъ и прежде, на себя и прочно держатся за общинное землевладѣніе. Для другихъ это послѣднее превращается въ оковы, такъ какъ, каковы бы ни были требованія рынка, они должны производить только то, что предписано общиной.

Точно также развивалась противоположность интересовъ по отношенію къ остаткамъ общиннаго пастбища. Мелкій крестьянинъ нуждался въ немъ, у него не было средствъ, чтобы перейти къ высшей формѣ производства; раздѣлъ общаго пастбища сдѣлалъ бы для него невозможнымъ содержаніе скота. Ему крайне необходимо было удобреніе. Раздѣлъ пастбища увеличивалъ нѣсколько его пашню, но за то уменьшалъ количество удобренія, т. к. онъ заставлялъ его ограничивать количество удобренія, заставлялъ его ограничивать количество содержаемаго имъ скота. Крупный крестьянинъ, наоборотъ, считалъ грѣхомъ и мотовствомъ оставлять землю подъ пастбищемъ, такъ какъ онъ былъ въ состояніи эксплуатировать ее гораздо выгоднѣе. И на его сторонѣ были теоретики, защитники развившейся въ Англіи высшей формы производства.

Чтобы перейти къ ней, необходимо было уничтожить компромиссъ между земельнымъ коммунизмомъ и частной собственностью, компромиссъ, который составлялъ сущность средне-

вѣковой системы производства. Необходимость требовала установленія полной частной собственности, раздѣла общаго пастбища, уничтоженія общинной собственности на землю, принудительной запашки и чрезполосицы; необходимо было соединить эти разбросанные участки въ одно непрерывное поле и предоставить его каждому хозяину въ полную собственность такъ, чтобы онъ могъ хозяйничать, сообразуясь исключительно съ требованіями конкуренціи и рынка. Но какъ ни необходима была эта революція въ отношеніяхъ крестьянской собственности, экономическое развитіе не выдвинуло среди сельскаго населенія никакого класса, который могъ бы проявить достаточно силы и энергіи для осуществленія этой революціи.

Между тѣмъ сельское хозяйство въ настоящее время не живетъ совершенно самостоятельной, независящей отъ остального общества, жизнью. Его развитіе тѣсно связано съ развитіемъ всего общества. Та революціонная инициатива и сила, которой не могло развить изъ себя сельское хозяйство, проникла въ него изъ города. Экономическое развитіе *города* вызвало полный переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ деревни и сдѣлало необходимымъ измѣненіе отношеній собственности. Это же развитіе создало *въ городѣ* тѣ революціонные классы, которые, возставъ противъ феодализма, распространили юридическую и политическую революцію на деревню и осуществили здѣсь сдѣлавшееся необходимымъ преобразование отношеній, часто при радостныхъ кликахъ массы крестьянства, но иногда и вопреки его сопротивленію.

Вначалѣ за это преобразование взялась городская бюрократія просвѣщеннаго абсолютизма, но она дѣлала это не всегда удачно, часто шаблонно, и, не смотря на свой высокопарный тонъ, дѣйствовала крайне нерѣшительно и мелочно.

Только когда въ 1789 г. поднялись революціонные классы Парижа, политически руководимые буржуазіей, когда разрушеніе Бастиліи подало поработенному крестьянству сигналъ къ сверженію оковъ феодализма, только тогда преобразование отношеній земельной собственности пошло быстрымъ и рѣшительнымъ темпомъ, сначала въ самой Франціи, а затѣмъ подъ ея вліяніемъ и въ сосѣднихъ странахъ.

Это преобразование во Франціи совершилось незаконнымъ насильственнымъ путемъ: однимъ ударомъ крестьяне не только освободились отъ гнета феодализма, но и приобрѣли конфи-

скованныя земли, принадлежащія церквамъ и эмигрантамъ, поскольку эти земли не были захвачены буржуазіей.

Въ Пруссіи эти преобразованія были вызваны поражениемъ при Іенѣ. Здѣсь, какъ и вообще въ Германіи, процессъ шелъ мирнымъ, законнымъ путемъ, т. е. бюрократія проводила эти неизбѣжныя преобразованія съ страшной медленностью и постепенностью, съ громадной затратой труда, съ большими расходами, стараясь не затрогивать интересовъ юнкеровъ, которые въ концѣ концовъ только выиграли отъ этихъ реформъ еще не вполне законченныхъ даже въ 1848 году. За этотъ мирный и законный путь крестьяне дорого заплатили юнкерамъ наличными деньгами, частью своей земли и новыми налогами.

«Можно считать, что за освобожденіе отъ незаконно наложенныхъ повинностей крестьяне уплатили дворянству и фиску сумму въ 300 милліоновъ талеровъ, если не цѣлый милліардъ марокъ.

«Милліардъ марокъ за возвращеніе, свободной отъ повинностей, ничтожной части той земли, которая незаконно захватывалась въ теченіе 400 лѣтъ! И именно, наименьшей части, такъ какъ громадную часть земли дворянство и фискъ удержали за собой въ видѣ маіоратовъ, рыцарскихъ имѣній и доменовъ». (Фридрихъ Энгельсъ, «Вступленіе» къ прекрасному сочиненію Вильгельма Вольфа: «Schesischen Milliarde», впервые появившемуся въ «Neue Rheinische Seitnug» въ 1849 г., а въ 1886 г. вышедшему отдѣльнымъ оттискомъ). Новѣшнія изслѣдованія только подтвердили взгляды Вольфа.

Подобнымъ же путемъ прошла крестьянская реформа и въ Россіи послѣ крымской войны; крестьяне были освобождены не только отъ крѣпостной зависимости, но и отъ лучшей части земли.

Но какъ-бы печально ни совершились эти революціи тамъ, гдѣ онѣ шли мирнымъ, законнымъ путемъ, конечный результатъ всюду былъ одинъ и тотъ же, именно: уничтоженіе феодалныхъ повинностей, съ одной стороны, и остатковъ первобытнаго земельного коммунизма, съ другой, т. е. полное установленіе частной собственности на землю. Путь для капиталистическаго сельскаго хозяйства былъ открытъ.

IV. Новѣйшее сельское хозяйство.

а) Потребление и производство мяса.

Съ одной стороны, увеличеніе количества навоза, т. е. расширеніе скотоводства при уменьшеніи земельной площади, необходимой для производства корма для скота, съ другой стороны—большая приспособляемость къ требованіямъ рынка, вотъ два главныхъ требованія, которымъ должно было удовлетворять новое сельское хозяйство, для развитія котораго буржуазная революція создала юридическую почву, между тѣмъ какъ техническія и общественныя условія были уже прежде подготовлены для него.

Развитіе скотоводства шло на встрѣчу не только потребностямъ земледѣлія, но и потребностямъ рынка. Правда, начиная съ XVI столѣтія, потребленіе мяса и въ городахъ уменьшалось, но уменьшалось относительно, а не абсолютно, именно по сравненію съ числомъ городскихъ жителей. Но ростъ городского населенія шель чрезвычайно быстрымъ темпомъ, и нигдѣ въ городахъ относительное паденіе потребленія мяса не принимало такихъ размѣровъ, какъ въ деревнѣ. Какъ ни велика нищета, жизненный уровень въ городѣ все таки выше, отчасти подъ вліяніемъ высокаго жизненнаго уровня аристократіи и капиталистовъ, расточающихъ въ городѣ плоды эксплуатаціи цѣлой страны, отчасти вслѣдствіе концентраціи рабочихъ, облегчающей имъ борьбу за заработанную плату; сюда надо отнести еще и то обстоятельство, что городской образъ жизни и труда связанъ съ столькими вредными моментами для здоровья, что воспроизведеніе рабочей силы въ городѣ требуетъ болѣе высокаго жизненнаго уровня, чѣмъ въ деревнѣ. Горожанинъ, работающій въ закрытомъ помѣщеніи, напрягающій часто односторонне свои нервы въ ущербъ своимъ мускуламъ, долженъ для сохраненія своей работоспособности употреблять больше удобоваримой мясной пищи, чѣмъ деревенскій рабочий. Относительно большее потребленіе мяса въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ должно было еще облегчаться тѣмъ обстоятельствомъ, что до проведенія желѣзныхъ дорогъ скотъ принадлежалъ къ тѣмъ продуктамъ сельскаго хозяйства, которые (въ живомъ видѣ) легче всего было транспортировать на боль-

шія разстоянія; этотъ продуктъ могъ доставлять на рынокъ даже крестьянинъ, живущій на далекомъ отъ него разстояніи.

По Зеттегасту, въ настоящее время расходы по транспортированію продуктовъ по трактамъ, выраженные въ процентной стоимости товара, составляютъ про центнеръ: для соломы—15,00, картофеля—10,00, сѣна—7,50, молока и свѣжихъ фруктовъ—3,75, ржи, ячменя и овса—2,00, пшеницы и стручковыхъ растений—1,50, живого скота—0,25. Разница въ расходахъ по перевозкѣ между другими продуктами, включая и пшеницу, и не битыми животными—громадна.

Разница между потребленіемъ мяса въ городѣ и деревнѣ во Франціи установлена въ цифрахъ. По даннымъ анкеты 1882 г. въ этомъ году на одного человѣка мяса приходилось:

Въ Парижѣ	79,31	килогр.
въ прочихъ городахъ	58,87	»
въ деревняхъ	21,89	»
во всей Франціи	33,05	»

Впрочемъ, начиная съ 1882 года, во Франціи замѣчается тенденція къ уравнию этой разницы между городомъ и деревней. Въ городѣ потребленіе мяса уменьшается, въ деревнѣ увеличивается. По даннымъ комиссіи 1892 года количество потребленнаго мяса на одного городского жителя уменьшилось по сравненію съ 1882 г. съ 64,60 на 56,12 килогр., т. е. на 6,48 кил., въ то же время потребленіе на одного сельскаго жителя увеличилось съ 21,89 до 26,25, т. е. на 4,36 килогр.

Чѣмъ быстрѣ развиваются капиталистическая крупная индустрія и средства сообщенія, и чѣмъ сильнѣе растутъ города, тѣмъ больше увеличивается потребленіе мяса, даже при отсутствіи роста благосостоянія городского и сельскаго населенія. Потребленіе мяса можетъ даже увеличиваться при одновременномъ паденіи благосостоянія городского, деревенскаго или того и другого населенія; для этого необходимо только, чтобы ростъ городовъ совершался достаточно быстро. Ростъ потребленія мяса, на который такъ охотно указываютъ экономисты-аполотеты, ни въ какомъ случаѣ не служитъ безошибочнымъ признакомъ роста національнаго благосостоянія. Менѣе спорное и болѣе очевидное относительное, а часто и абсолютное, уменьшеніе сельскаго населенія, при относительномъ и абсолютномъ ростѣ городского населенія, часто достаточно объясняетъ увеличеніе потребленія мяса, поскольку оно вообще имѣетъ мѣсто.

Ему способствует также уменьшение рождений, равносильное повышению процентнаго отношенія взрослого населенія, питающагося мясомъ, и пониженію категоріи лицъ, не потребляющихъ или почти не потребляющихъ мяса, именно—дѣтей.

Въ статьѣ О. Герлаха (въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften) «О потребленіи мяса и цѣнахъ на него» приведены примѣры нѣсколькихъ городовъ, въ которыхъ въ первой половинѣ нашего столѣтія наблюдался не ростъ, а уменьшеніе потребленія мяса. Въ Мюнхенѣ годичное потребленіе говядины, телятины, баранины и свинины составляло на одного человѣка:

18 ⁰⁹ / ₁₉ . 111 килогр.	18 ³⁹ / ₄₉ . 86 килогр.
18 ¹⁹ / ₂₉ . 104 »	18 ⁴⁹ / ₅₉ . 75 »
18 ²⁹ / ₃₉ . 93 »	

Съ этого времени потребленіе начинаетъ нѣсколько увеличиваться.

Въ Гамбургѣ каждая семья въ среднемъ потребляла въ теченіе года мяса:

18 ²¹ / ₂₅ . 538 фунтовъ.	18 ⁴¹ / ₄₅ . 429 фунтовъ.
18 ²⁶ / ₃₀ . 523 »	18 ⁴⁶ / ₅₀ . 339 »
18 ³¹ / ₃₅ . 452 »	181 . 2357 »
18 ³⁶ / ₄₀ . 448 »	182 . 5379 »

Весьма поразительный примѣръ уменьшенія потребленія мяса въ недавнее время представляетъ Парижъ, населеніе котораго съ 1887 года по 1896 увеличилось на 300.000, между тѣмъ какъ потребленіе мяса за тотъ же промежутокъ времени упало съ 185 милліоновъ до 173 мил. Здѣсь, такимъ образомъ, имѣетъ мѣсто не только *относительное*, но даже *абсолютное* уменьшеніе потребленія мяса. Но это—исключительное явленіе. Обыкновенно ростъ большихъ городовъ идетъ такъ быстро, что потребленіе мяса въ городахъ, и вслѣдствіе этого во всей странѣ, растетъ абсолютно, если даже въ первыхъ оно относительно и падаетъ.

Абсолютный ростъ потребленія мяса сталъ возможнымъ благодаря увеличенію количества скота, которое характеризуетъ первую половину нашего столѣтія. Въ восьми старѣйшихъ прусскихъ провинціяхъ, напр., количество овецъ равнялось:

	тонкорунныхъ	болѣе низк. пор.	пр. овцы	всего.
въ 1816 г.	. 719.209	2.367.010	5.174.186	8.260.408
въ 1849 г.	. 4.452.913	7.942.718	3.901.297	16.296.952

Высшей точки своей овцеводство достигло въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1864 г. въ тѣхъ же провинціяхъ считалось 19.314.666 головъ овецъ, въ 1883 только 12.362.936. Паденіе овцеводства прекрасно объясняется заатлантической конкуренціей, о которой намъ еще придется говорить. Съ этой послѣдней началась новая эпоха въ сельскомъ хозяйствѣ. Пока мы говоримъ вѣобщемъ только о томъ положеніи вещей, которое существовало до начала 70-ыхъ годовъ; однако въ тѣхъ случаяхъ, когда тенденція осталась неизмѣнной, материала же о предъидущемъ времени не имѣется въ достаточномъ количествѣ, я пользуюсь для иллюстраціи своихъ мыслей матеріаломъ болѣе поздняго времени. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, чтобы предупредить недоразумѣнія.

Наряду съ количествомъ овецъ увеличилось также количество прочаго скота. Въ тѣхъ же восьми прусскихъ провинціяхъ считалось:

	1816	1840	1864
лошадей . . .	1.243.261	1.512.429	1.863.009
кр. рог. скота (кромѣ телятъ).	4.013.912	4.975.727	6.111.994
свиней . . .	1.494.369	2.238.749	3.257.531
козъ	143.433	359.820	871.259

Увеличеніе производства мяса было гораздо значительнѣе, чѣмъ можно было бы заключить по этимъ цифрамъ, такъ какъ въ теченіе настоящаго столѣтія *вѣсъ* отдѣльныхъ головъ скота *въ среднемъ* значительно *возросъ*. Thaer считаетъ средній вѣсъ живой коровы въ 450 фун.; приблизительно 25 лѣтъ спустя (въ 1834 г.) Швейцерь принималъ средній вѣсъ коровы въ 500—600 ф. Въ настоящее время существуетъ масса хозяйствъ, гдѣ коровы въ среднемъ вѣсятъ 1000 фун. и даже 1200.

По даннымъ французской аграрной анкеты 1892 г. средній вѣсъ мяса равнялся:

	1862	1892
у быковъ, коровъ и воловъ .	225 кило,	262 кило.
» телятъ	39 »	50 »
» овецъ	18 »	20 »
» свиней	88 »	94 »

Одновременно съ увеличеніемъ производства мяса росло также и производство хлѣба. Это явленіе особѣнно хорошо можетъ быть прослѣжено во Франціи со времени революціи

1789 г. Въ слѣдующей табличкѣ приведены количества произведенныхъ продуктовъ въ миллионахъ гектолитровъ:

	1789	1815	1848
пшеницы	34	44	70
ржи и т. п.	46	44	40
картофеля	2	20	100

б) Плодосмѣнное хозяйство. Раздѣленіе труда.

Откуда такіе поразительные результаты? Они являются продуктомъ переворота во всемъ сельскохозяйственномъ производствѣ, который въ Англіи послѣдовалъ за революціями XVII столѣтія, а на европейскомъ континентѣ—за революціей 1789 года со всѣми ея отпрысками.

Съ тѣхъ поръ какъ земледѣлецъ приобрѣлъ свою землю въ полную собственность, прекратились принудительная запашка, общій выгонъ на пожниво и поля, оставленные подъ паромъ: съ раздѣломъ альменды исчезла всякая побудительная причина пасти свой скотъ на выгонѣ. Техническія условія для высшей формы скотоводства уже существовали съ введеніемъ посѣва различныхъ кормовыхъ травъ, которыя при одинаковой величинѣ площади доставляли гораздо больше корма, чѣмъ выгоны. Превративъ пастбище въ пашню, засѣявъ ее кормовыми травами, можно было, не выгоняя лѣтомъ скота въ поле, а держа его все время въ хлѣвѣ, при тѣхъ же условіяхъ содержать гораздо больше скота, не ограничивая при этомъ нисколько площади посѣва зерновыхъ хлѣбовъ. Мало того, результаты травосѣянія и содержанія скота на подножномъ корму были такъ хороши, что совершенно не представлялось надобности отводить подъ посѣвъ кормовыхъ травъ все превращенное въ пашню пастбище. Для этой цѣли достаточно было употребить только часть пастбища, увеличивъ при этомъ количество скота. Остальную часть пастбища можно было засѣять зерновыми хлѣбами.

Такимъ образомъ, для посѣва зерновыхъ хлѣбовъ освободилась громадная земельная площадь. По Рошеру, при трѣхпольномъ хозяйствѣ можно было въ среднемъ отводить подъ хлѣба только 20% общинной земли. По Тюену же, при плодосмѣнной системѣ и кормленіи скота въ хлѣвѣ можно засѣять зерновыми хлѣбами 55 и даже 60% всей земли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ростъ количества скота доставлялъ также гораздо больше удобренія для пашни и больше, животной рабочей силы. Это одно уже должно было улучшить обработку почвы. Не только увеличилась площадь посѣва, но; благодаря этой революціи, возрасло также и плодородіе почвы. Во Франціи средній урожай пшеницы съ гектара, по даннымъ вышеупомянутой анкеты, равнялся:

въ 1816—1820	10,22	гектолитр.
» 1821—1830	11,90	»
» 1831—1840	12,77	»
» 1841—1850	13,68	»
» 1851—1860	13,99	»
» 1861—1870	14,28	»
» 1871—1880	14,60	»
» 1881—1890	15,65	»
» 1891—1895	15,83	»

Но этимъ не ограничилось вліяніе переворота на способъ производства. Съ переходомъ земли въ полную частную собственность крестьянина исчезъ принудительный характеръ веденія хозяйства, ничто не заставляло крестьянина, какъ прежде, засѣвать площадь, предназначенную для прокормленія скота, только зерновыми хлѣбами. Сообразуясь съ спросомъ рынка, требованія котораго приобрѣтали все болѣе рѣшающее значеніе для земледѣлія, онъ могъ культивировать и другія растенія, которыхъ раньше, при трехпольной системѣ, онъ обыкновенно или совершенно не производилъ, или долженъ былъ отводить подъ нихъ свой огородъ. Растенія эти могли быть предназначены въ пищу, напр., картофель, стручковые растенія, или же для техническихъ цѣлей (маслянистыя растенія, напр., рапсъ, макъ, волокнистыя растенія—ленъ, конопля; квасильныя растенія—марена, вайдь, или синильникъ etc.; пряности—хмель, тминъ и другія техническія растенія вродѣ табаку).

При послѣдовательномъ засѣваніи различныхъ растеній и при чередованіи ихъ съ зерновыми хлѣбами замѣчено, что не всѣ они одинаково истощаютъ почву и что при рациональной послѣдовательности въ выборѣ растеній для посѣва можно значительно поднять плодородіе почвы. Одни растенія, напр., зерновые хлѣба, маслянистыя и волокнистыя растенія берутъ свои питательные соки предпочтительно изъ почвы. Они болѣе всѣхъ другихъ растеній истощаютъ ее. Другія растенія щадятъ почву

и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ улучшаютъ ее, такъ какъ, благодаря густой тѣни, заглушаютъ сорныя травы, своими глубоко идущими корнями, они удобряютъ подпочву и разрыхляютъ землю; наконецъ, нѣкоторыя растенія (клеверъ, стручковые) удобряютъ почву, извлекая изъ воздуха азотъ и накопляя его. Хорошее дѣйствіе чередованія растений было извѣстно еще древнимъ римлянамъ. Но систематическое примѣненіе плодосмѣнной системы въ широкихъ размѣрахъ началось только съ середины прошлаго столѣтія въ Англіи, откуда эта система была перенесена въ Германію и во Францію. Всеобщее распространеніе она получила только въ текущемъ столѣтіи. Плодосмѣнное хозяйство допускало безчисленное множество комбинацій, отвѣчающихъ требованіямъ рынка и новой системѣ земледѣлія. Эти комбинаціи умножились вмѣстѣ съ ростомъ сношеній и прогрессомъ естественно-научныхъ изслѣдованій, знакомившимъ европейскія сельскія хозяйства съ новыми растеніями, годными для культуры. По словамъ В. Гекке, средне-европейское сельское хозяйство въ теченіе этого времени ввело у себя около 100 различныхъ отдѣльныхъ видовъ растений.

Но рука объ руку съ развитіемъ плодосмѣнной системы шло также все болѣе возрастающее раздѣленіе труда между отдѣльными сельскохозяйственными производствами. Трехпольное хозяйство было приспособлено для удовлетворенія собственныхъ потребностей крестьянъ и помѣщиковъ, и поэтому во всей средней Европѣ оно имѣло однѣ и тѣ же черты. Каждое село, каждый крестьянинъ, обыкновенно, производили одно и то же, каково бы ни было состояніе почвы. Теперь производство имѣетъ въ виду рынокъ. Вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтаетъ значеніе новый факторъ—конкуренція. Это означаетъ, что для сельскаго хозяина выгоднѣе производить тѣ изъ требуемыхъ продуктовъ, которые въ зависимости отъ свойствъ почвы его поля, мѣстоположенія его имѣнія, путей сообщенія, размѣровъ его капитала и земли и т. п., обойдутся ему дешевле всего. Отдѣльныя хозяйства приспосабливаютъ себѣ особыя специальности. Одни преимущественно занимаются земледѣліемъ, другія—скотоводствомъ, третьи—садоводствомъ, четвертыя—разведеніемъ виноградниковъ и т. д. Земледѣльцы и скотоводы, въ свою очередь, распадаются на многочисленныя подраздѣленія. Одни скотоводы занимаются преимущественно молочнымъ хозяйствомъ, другіе—откармливаніемъ убойнаго скота, третьи—разведеніемъ мо-

лодыхъ животныхъ. Особенно сильно развито раздѣленіе труда въ Англии и Соед.-Штатахъ. Въ Англии допускаются подраздѣленія даже при использованіи одного и того же вида животнаго. Такъ, напр., въ молочномъ хозяйствѣ различаютъ производство молока для продажи въ свѣжемъ видѣ отъ производства его для выдѣлки масла и сыра. Для каждой отдѣльной цѣли употребляются особыя породы животныхъ и особый способъ ухода за ними... Классической страной широко развитаго раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ является Сѣверная Америка, (Бакгаузъ «Die Arbeitstheilung in der Landwirthschaft» Conradsche Jahrbücher, 1894 г. стр. 314).

Это раздѣленіе труда при благопріятныхъ условіяхъ (соответственный климатъ и почва, высокая заработная плата, хорошій рынокъ) можетъ привести къ возстановленію выгоннаго скотоводства, только въ болѣе высокой, интенсивной, капиталистической формѣ, связанной съ большими затратами основнаго капитала на вспомогательное удобреніе, на производство различныхъ работъ и на обзаведеніе улучшенными породами скота. Такого рода новѣйшее капиталистическое выгонное скотоводство встрѣчается, напримѣръ, въ Южной Англии. Съ трехпольной системой оно ничего общаго не имѣетъ.

Рядомъ съ раздѣленіемъ труда между отдѣльными хозяйствами, т. е. съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, развивается также раздѣленіе труда внутри производствъ, по крайней мѣрѣ внутри болѣе крупныхъ.

Въ феодальномъ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство въ этомъ отношеніи не отличалось существенно отъ мелкаго. Большую часть необходимой ему рабочей силы, какъ человѣческой, такъ и животной, помѣщику доставляли его крѣпостные крестьяне, которые отбывали свои повинности съ помощью собственныхъ орудій и инструментовъ, телѣгъ, плуговъ и пр. Различіе между крупнымъ и мелкимъ производствомъ здѣсь состояло не въ лучшемъ распредѣленіи и большемъ развитіи раздѣленія труда, но въ принудительности труда крѣпостнаго крестьянина: работая на помѣщика, крестьянинъ исполнялъ работу лѣнливо и небрежно, тогда какъ, примѣняя тѣ же самыя орудія труда въ своемъ хозяйствѣ, онъ работалъ со всей тщательностью и заботливостью, свойственной работѣ на себя и на свою семью.

Только новѣйшее сельское хозяйство, гдѣ какъ крупный, такъ и мелкій хозяинъ производятъ съ помощью собственныхъ орудій, скота и рабочихъ, могло развить въ крупныхъ предпріятіяхъ раздѣленіе труда, значительно превосходящее раздѣленіе труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Раздѣленіе труда внутри предпріятія, какъ и между отдѣльными предпріятіями, обиліе культуръ и способовъ обработки— все это должно было вести къ усовершенствованію рабочихъ, орудій, инструментовъ, сѣмянъ и породъ скота, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сильно увеличивало зависимость сельскаго хозяина отъ посредниковъ.

Не только какъ ремесленникъ, но и какъ сельскій хозяинъ крестьянинъ уже не въ состояніи самъ удовлетворять свои потребности. Теперь онъ принужденъ покупать не только дорогіе инструменты, но даже часть средствъ существованія, такъ какъ его специализировавшееся хозяйство больше не въ состояніи производить ихъ, или производить въ недостаточномъ количествѣ. Съ ростомъ раздѣленія труда увеличивалось число хозяевъ, особенно мелкихъ, у которыхъ воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ отступило на задній планъ, и которые поэтому были принуждены покупать хлѣбъ или муку. Иногда хозяйства не производятъ сами даже сѣмянъ для посѣва; приплода скота, особенно крупнаго, они, обыкновенно, не вскармливаютъ, у себя. Специальныя хозяйства занимаются исключительно культурой и улучшеніемъ сѣмянъ и породъ скота; сельскій хозяинъ покупаетъ у нихъ то, что лучше всего соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Съ другой стороны ему приходится также продавать скоть, отчасти такой, который сталъ для него бесполезнымъ, напр., дойная корова, дающая мало молока, отчасти же такой, который достигъ стадіи, соотвѣтствующей какимъ-нибудь особымъ хозяйственнымъ цѣлямъ, напр., въ хозяйствахъ, занимающихся разведеніемъ молодаго скота, скоть ставшій годнымъ для работы или убоя. Чѣмъ больше специализируется хозяйство, чѣмъ больше скоть становится для него полезнымъ только въ той или иной формѣ, тѣмъ быстрее идетъ развитіе обмѣна. Но тѣмъ дальше идетъ также и развитіе посредничества, подчиняющаго себѣ именно мелкаго крестьянина, который плохо знакомъ съ рынкомъ и гораздо скорѣе попадаетъ въ стѣснительное положеніе. Это посредничество становится источникомъ всяческаго обиранія и эксплуатаціи крестьянина.

Зависимость крестьянина отъ рынка растетъ по мѣрѣ развитія торговли и сношеній вообще, по мѣрѣ того, какъ накопленіе капитала производить переворотъ въ условіяхъ сношеній.

Этотъ идущій изъ города переворотъ увеличиваетъ зависимость сельскаго хозяина отъ рынка, но вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно измѣняетъ для него и условія рынка. Отрасль производства, бывшая прибыльной, пока ближайшій рынокъ сообщался съ всемірнымъ рынкомъ только сельскою дорогою, становится убыточной и должна быть замѣнена другой, какъ только черезъ данную мѣстность проводится желѣзная дорога, которая доставляетъ дешевый хлѣбъ, такъ что производство зерновыхъ хлѣбовъ становится невыгоднымъ, но за то открывается возможность сбывать молоко. Развивающіеся пути сообщенія приносятъ все новыя и улучшенныя растенія для культуры; они дѣлаютъ возможнымъ привозъ племенного, рабочаго и проч. скота съ все болѣе дальнихъ разстояній. Англійскій племенной скотъ распространенъ теперь повсюду. На сколько великъ транспортъ на дальнія разстоянія убойнаго скота, лучше всего можно судить по пошлинамъ на скотъ и по тому крику, который аграріи поднимаютъ за ихъ повышеніе, хотя привозимый скотъ идетъ не исключительно на убой, но также для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, напр. тощій скотъ для откармливанія, удойный скотъ, лошади и т. п.

Но переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ достигъ своего апогея, когда и деревнѣ стали доступны пріобрѣтенія новѣйшаго естествознанія, механики, химіи, фізіологіи растеній и животныхъ, пріобрѣтенія, сдѣланныя раньше городомъ.

в) *Машина въ сельскомъ хозяйствѣ.*

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ *машина*. Блестящіе результаты, достигнутые благодаря примѣненію машины въ индустріи, должны были навести на мысль примѣнить ее и въ сельскомъ хозяйствѣ. Крупное производство съ его раздѣленіемъ труда—съ одной стороны дѣленіе на рабочихъ физическаго труда и научно-образованныхъ, съ другою—специализація инструментовъ и орудій, соединеніе ихъ съ особыми приспособленіями и съ массовымъ производствомъ на рынокъ—подготовило для этого почву.

Однако, въ сельскомъ хозяйствѣ машинному производству приходится преодолевать гораздо больше препятствій, чѣмъ въ индустріи. Въ индустріи мѣсто работы создается искусственно, поэтому оно приспособляется къ потребностямъ машины. Въ сельскомъ хозяйствѣ мѣсто примѣненія большинства машинъ указывается самой природой; здѣсь должна приспособляться машина. Это не всегда возможно, а иногда совершенно невыполнимо. Обыкновенно примѣненію машинъ должна предшествовать уже высокая степень обработки земли.

Но примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ встрѣчаетъ трудности не только техническаго, но и экономическаго характера. Здѣсь большинство машинъ служитъ только извѣстную часть года, между тѣмъ въ индустріи машина работает круглый годъ. Слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, экономія въ рабочей силѣ, благодаря машинѣ, въ послѣднемъ случаѣ будетъ гораздо больше, чѣмъ въ первомъ. Если изъ двухъ машинъ каждая замѣняетъ въ день 10 рабочихъ, но одна находится въ дѣйствіи только 10 дней въ теченіе года, другая же 300 дней, то годовая экономія первой будетъ равняться 100 рабочимъ днямъ, послѣдней—3000. Если считать, что каждая изъ нихъ прослужитъ 5 лѣтъ, то для земледѣльческой машины мы получимъ экономію въ 500 дней, а для индустриальной въ 15000 рабочихъ дней. Это значитъ, что, если стоимость каждой машины равна 1000 рабочихъ дней, то индустриальная машина дастъ экономію въ 14000 рабочихъ дней, земледѣльческая же—убытокъ въ 500 дней.

Условія сельскаго хозяйства ухудшаются еще тѣмъ, что при капиталистическомъ способѣ производства машина имѣетъ въ виду не экономію рабочей *силы*, а экономію *заработной платы*. Чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ труднѣе введеніе машины. Но, благодаря цѣлому ряду причинъ, заработная плата въ деревнѣ гораздо ниже, чѣмъ въ городѣ; а вслѣдствіе этого и меньше побужденій къ замѣнѣ человѣческой силы машиной.

Къ этому присоединяется еще одно различіе между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ. Машины, употребляемыя въ индустріи, не нуждаются въ болѣе интеллигентномъ и ловкомъ рабочемъ, чѣмъ ремесло и мануфактура. Для потребностей крупнаго производства достаточно тѣхъ рабочихъ силъ, которыя доставляютъ ему предшествовавшіе способы производства. Ра-

бочій, непрерывно работающій на одной и той-же машинѣ, очень быстро достигаетъ большой ловкости въ обхожденіи съ ней.

Иначе обстоитъ дѣло съ сельско-хозяйственными машинами. Онѣ въ большинствѣ случаевъ очень сложны и для работы на нихъ требуется значительное умственное развитіе. Но именно въ деревнѣ въ послѣднія столѣтія условія для образованія и умственнаго развитія народа были чрезвычайно неблагоприятны. Поэтому машина часто не находитъ здѣсь пригодныхъ для нея рабочихъ силъ.

Къ тому же сельскій рабочий не работаетъ въ теченіе цѣлаго года на одной и той же машинѣ и, слѣдовательно, не можетъ такъ легко свыкнуться съ ней, какъ индустріальный рабочий.

Наконецъ, сельское хозяйство, въ противоположность крупной индустріи, часто находится вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и машиностроительныхъ заводовъ. Это обстоятельство значительно затрудняетъ и повышаетъ стоимость транспорта и ремонта машинъ, особенно сложныхъ.

Но, не смотря на все это, примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ быстро развивается—доказательство достигнутого ими совершенства.

Относительно развитія этого дѣла во Франціи у насъ имѣется рядъ сравнительныхъ данныхъ за послѣднія тридцать лѣтъ. Тамъ въ сельскомъ хозяйствѣ считалось:

	1862 г.	1882 г.	1892 г.
паровыхъ машинъ и локобилей	2849	9288	12037
молотилокъ	100733	211045	234380
сѣялокъ	10853	29291	47193
сѣнокосилокъ, грабельныхъ машинъ (сноповязалокъ)	18349	35172	62185

Въ Германіи было сельско-хозяйственныхъ производствъ, примѣнявшихъ

	1882 г.	1895 г.
паровые плуги	836	1696
сѣялки	63842	20673
посилки	19633	35084
паровыя молотилки	75690	259069
другія молотилки	298367	596869

И такъ, повсюду замѣчается сильный приростъ, особенно по отношенію къ молотилкамъ. Исключеніе составляютъ сѣялки, вытѣсненныя машиной для сѣянія рядами (Drillmaschine), на которую до 1882 года совершенно не было спроса. Въ 1895 году она уже примѣнялась въ 140792 хозяйствахъ.

Родина сельско-хозяйственныхъ машинъ — Англія. Она впервые примѣнила машину въ индустріи; она же первая создала благопріятныя условія для проникновенія машины въ сельское хозяйство. Таковымъ условіемъ Perels считаетъ высокую степень культуры земли. Сельскіе хозяева — обыкновенно капиталисты повсюду, почти въ каждомъ маленькомъ городкѣ, разбросаны машиностроительные заводы, такъ что ремонтъ машинъ не встрѣчаетъ трудностей.

Наряду съ Англіей примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ развивалось въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ введеніе машинъ было вызвано недостаткомъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и высокой заработной платой. Это развитіе облегчалось высокимъ умственнымъ уровнемъ американскаго рабочаго и, съ другой стороны, затруднялось низкой степенью культуры земли и отдаленностью большинства сельско-хозяйственныхъ производствъ отъ машиностроительныхъ заводовъ. Вслѣдствіе этого американскія сельско-хозяйственныя машины иного рода, чѣмъ въ Англіи, устраиваются гораздо проще и прочнѣе, но за то и работаютъ не съ такимъ совершенствомъ, какъ англійскія.

Условія развитія машиннаго сельско-хозяйственнаго производства въ Германіи гораздо менѣе благопріятны. На западѣ и на югѣ земля слишкомъ раздроблена. Хотя на востокѣ и господствуетъ крупное производство, но жизненныя условія и культурность сельско-хозяйственнаго рабочаго здѣсь слишкомъ низки, машиностроительные заводы слишкомъ отдалены. Наилучшія условія представляетъ Саксонія, гдѣ существуютъ крупное производство, интеллигентное рабочее населеніе и многочисленныя машиностроительные заводы. Во всемъ Баденѣ только одинъ паровой плугъ, во всемъ Вюртембергѣ ни одного, а въ Саксоніи паровые плуги находятъ примѣненіе въ 428 хозяйствахъ. Но и въ остальной Германіи машина побѣдоносно справляется съ встрѣчающимися препятствіями, что видно не только изъ вышеприведенной статистической таблицы, но и изъ быстрого роста производства сельско-хозяйственныхъ машинъ. Кромѣ паровыхъ плуговъ, производство которыхъ все еще гораздо со-

вершениѣ въ Англии, и косилокъ, привозимыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, всѣ безчисленныя машины, употребляемыя въ настоящее время въ сельскомъ хозяйствѣ, производятся въ самой Германіи.

Экономія рабочей силы—не единственная задача машины; въ сельскомъ же хозяйствѣ эта цѣль иногда даже отступаетъ на задній планъ. Скорѣе всего ее должны были бы имѣть въ виду при введеніи *молотилокъ*. Многие агрономы, какъ на-примѣръ Th. v. d. Goltz., приписываютъ имъ даже вліяніе на уменьшеніе деревенскаго населенія. «Какъ ни полезна и ни необходима молотилка въ сельскомъ хозяйствѣ, широкое распространеніе ея оказало однако очень неблагопріятное вліяніе на положеніе земледѣльческихъ рабочихъ. Молотьба цѣломъ была главнымъ занятіемъ земледѣльческихъ рабочихъ въ теченіе зимы. Молотилка требуетъ гораздо меньше людей. Чтобы имѣть по возможности скорѣе какъ можно больше продажнаго зерна, молотьба часто предпринимается еще осенью, именно тамъ, гдѣ примѣняется паровая молотилка».

Чтобы помочь горю, фонъ-Деръ-Гольцъ предлагаетъ ограничить примѣненіе молотилокъ, особенно паровыхъ, повидимому въ интересахъ рабочихъ, но въ дѣйствительности въ интересахъ помѣщиковъ: какъ онъ самъ говоритъ, за убытки, которые они потерпятъ отъ такого ограниченія, они будутъ вознаграждены сторицей, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, въ вилѣ обилія рабочихъ рукъ лѣтомъ (*Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat* стр. 144, 145).

Къ счастью, это доброжелательство къ рабочимъ, явно консервативнаго характера, не болѣе какъ реакціонная утопія. Молотилка слишкомъ прибыльна въ «настоящемъ», чтобы согласиться отказаться отъ нея ради благъ въ «будущемъ». И потому она будетъ все болѣе распространяться, продолжая свою революціонную дѣятельность; она будетъ гнать сельскаго рабочаго въ городъ, превращаясь, такимъ образомъ, въ могущественное средство, съ одной стороны для поднятія заработной платы въ деревнѣ, съ другой—для способствованія развитію примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Какъ показываетъ вышеприведенная цитата, молотилка важна не только потому, что она берегаетъ рабочую силу, но и потому, что она работаетъ гораздо быстрѣе рабочаго. Съ

того времени, какъ производство на рынокъ смѣнило производство для личнаго потребленія, скорость работы стала играть немаловажную роль. Въ настоящее время важно какъ можно быстрѣ воспользоваться всѣми конъюнктурами рынка. Производитель хлѣба можетъ сдѣлать это тѣмъ легче, чѣмъ скорѣе его хлѣбъ готовъ для рынка, т. е. чѣмъ скорѣе онъ смолотъ. Если прежде молотба была зимней работой, которой крестьянинъ занимался наряду съ домашними ремеслами, то теперь, напротивъ, съ постояннымъ ростомъ примѣненія паровыхъ молотилокъ, молотба производится непосредственно за жатвой, благодаря чему сберегается время на перевозку и уменьшается потеря въ зернѣ, которая всегда сопровождаетъ нагрузку и разгрузку нѣкоторыхъ произведеній, какъ напримѣръ рапса. Перельсъ въ своемъ сочиненіи: «Die Bedeutung des Maschinenwesens für die Landwirthschaft» приводитъ случаи, гдѣ «значительные расходы на молотилку окупались одной только удачной продажей зерна, благодаря быстрому приготовленію его для рынка».

Значеніе быстроты работы, наряду съ экономіей труда, въ жатвенной машинѣ еще больше, чѣмъ въ паровой молотилкѣ. Плоды трудовъ за цѣлый годъ всецѣло зависятъ отъ удачи жатвы. Она должна быть закончена въ нѣсколько дней. Каждый потерянный день приноситъ большіе убытки. Вслѣдствіе этого машина, сокращая до минимума время жатвы, здѣсь особенно цѣнится; но, кромѣ того, экономія времени и труда дѣлаетъ хозяина болѣе независимымъ по отношенію къ рабочимъ, которые во время жатвы необходимы болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и которые, пользуясь этимъ, высоко поднимаютъ заработную плату и въ это время болѣе всего склонны устраивать стачки. Интересенъ тотъ фактъ, что многія хозяйства, гдѣ жнутъ ручнымъ способомъ, все таки вводятъ иногда машины, не съ цѣлью примѣненія, а только для защиты отъ стачекъ. Такъ, напр., Кергеръ въ своей книгѣ объ отхожихъ земледѣльческихъ рабочихъ (Sachsengängerei) рассказываетъ, что въ провинціи Саксоніи машины находятся почти на всѣхъ большихъ свекловичныхъ плантаціяхъ, но главное назначеніе ихъ—это служить орудіемъ защиты противъ стачекъ рабочихъ. Пока рабочихъ достаточно и они сговорчивы, жатва производится ручнымъ способомъ, такъ какъ, благодаря тучному удобренію, созрѣвшій хлѣбъ быстро ложится и машина становится непримѣнимой.

Но съ того времени, о которомъ говоритъ Фергеръ (1890), уже изобрѣтена машина, которая жнетъ и полегшій хлѣбъ.

Но машина не только замѣнила человѣка: она исполняетъ работы, которыя или совсѣмъ не могутъ выполняться человекомъ, или выполняются имъ далеко не съ такимъ совершенствомъ. Она достигаетъ этого, благодаря своей большей точности и большей силѣ.

Къ машинамъ перваго рода принадлежатъ сѣялки, машины для распредѣленія удобренія и для очистки зерна.

Посѣвъ сѣмянъ машиной производится гораздо лучше, чѣмъ рукой, поэтому машинное сѣянье вытѣсняетъ ручное даже тамъ, гдѣ это послѣднее дешевле. Машины для сѣянія рядами и сдѣлали возможными подобные способы обработки на большой площади (сѣянье рядами). Благодаря этому были получены такіе результаты, какихъ нельзя получить при ручномъ разбрасываніи сѣмянъ. «Наилучшій урожай получается только при тщательномъ сѣяніи рядами» (Зеттегасть). Мѣсто вѣянья при помощи лопаты, «котораго держатся еще многіе правовѣрные крестьяне, утверждающіе, что такой способъ даетъ превосходное зерно», заняли машины для очистки и сортировки зерна, которыя удаляютъ всѣ сорныя сѣмена и другія примѣси, а также сѣмена вредныхъ растений, и сортируютъ зерна по ихъ величинѣ, вѣсу и формѣ. Такимъ образомъ, онѣ доставляютъ прекрасное зерно и сортированный чистый товаръ для рынка.

Въ числѣ машинъ, главное преимущество которыхъ заключается въ развиваемой ими большой силѣ, первое мѣсто занимаетъ *паровой плугъ*.

Для произрастанія хлѣба не безусловно необходима глубокая распашка. Поэтому при господствѣ трехпольной системы земля не вспахивалась особенно глубоко. Еще Эггартъ (1754) въ своей *Experimentalökonomie* считаетъ наилучшей распашкой борозду глубиной, въ зависимости отъ почвы, въ $2\frac{1}{2}$ —3, самое большее въ 4 дюйма, и только при исключительныхъ свойствахъ почвы въ 5—6 дюймовъ. Онъ открыто предостерегаетъ отъ глубокаго вспахиванья. Подобныя же указанія можно встрѣтить въ *Allgemeiner ökonomische Lexikon* Г. Г. Цикена (5 издание 1780 г.). (Th. v. d. Goltz «Ackerbau» въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, I томъ, стр. 28). Когда же была введена плодосмѣнная система, то нашли, что нѣко-

торыя изъ вновь воздѣлываемыхъ растений—клеверъ, картофель, свекловица—при болѣе глубокой распашкѣ даютъ лучшіе урожаи. Были изобрѣтены новые плуги, увеличена упряжка, и тогда убѣдились, что глубокая распашка выгодна и для произрастанія хлѣбовъ. Болѣе глубокая распашка уменьшаетъ вредное вліяніе излишней сырости и засухи; кромѣ того, глубоко распаханная земля легче согрѣвается и представляетъ менѣе удобную почву для сорныхъ травъ.

Но главное значеніе глубокой распашки заключается въ томъ, что этимъ растенію предоставляется возможность болѣе свободнаго пусканія корней въ почву, гдѣ оно можетъ находить все необходимое для своего развитія.

Въ настоящее время въ каждомъ рациональномъ хозяйствѣ земля распахивается гораздо глубже, чѣмъ въ началѣ этого столѣтія. Если тогда глубина въ 4 дюйма была обыкновенной, то теперь ее удвоили и нерѣдко, при глубокой распашкѣ, она достигаетъ 12—15 дюймовъ и больше. «Въ глубокой обработкѣ земли кроется будущность нашего земледѣлія... Но для тщательнаго проведенія ея необходима сила бѣльшаго постоянства и объема, чѣмъ сила животныхъ» (Перельсъ). Такую силу даетъ *паровая машина*.

Многokrato цитированный Перельсъ, который пожалуй, больше всего содѣйствовалъ распространенію пароваго плуга въ Германіи, пишетъ по этому поводу:

«Преимущество паровой обработки земли передъ конной заключается въ слѣдующемъ:

«1. Не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ не оспаривается, что работа пароваго плуга гораздо лучше, чѣмъ работа коннаго...

«Достоинство работы пароваго плуга выражается въ высшемъ урожаѣ и болѣеи надежности его. Это повсюду доказали хозяйства, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ примѣнявшія паровые плуги.

«Другое достоинство пароваго плуга заключается въ томъ, что при немъ возможно своевременно начать обработку земли и окончить ее до наступленія поздней осени. Непосредственно послѣ жатвы, когда, слѣдовательно, въ большинствѣ хозяйствъ ни люди, ни лошади неспособны приступить къ обработкѣ, въ хозяйствахъ съ паровымъ плугомъ можно уже приступить къ вспашкѣ. Поздней осенью, когда обыкновенно приходится прекращать работу, паровой плугъ можетъ работать безъ особыхъ

затрудненій, и работы такимъ образомъ могутъ закончиться къ началу зимы. Особенно цѣнно это преимущество тамъ, гдѣ зима начинается очень рано». (*Die Anwendung der Dampfkraft in der Landwirthschaft*, стр. 307—309).

Если, не смотря на всѣ эти преимущества, паровой плугъ во многихъ мѣстностяхъ еще не приобрѣлъ права гражданства, то это объясняется тѣмъ, что вышеупомянутыя препятствія, встрѣчаемыя при введеніи машинъ, имѣютъ особое значеніе по отношенію къ паровому плугу. Онъ не примѣнимъ тамъ, гдѣ встрѣчаются значительныя препятствія со стороны почвы, гдѣ попадаются большіе камни, въ болотистыхъ мѣстностяхъ и въ сильно раздробленныхъ участкахъ. Приучить рабочаго къ обращенію съ плугомъ не легко, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плугъ часто требуетъ починки. Но главное препятствіе къ введенію плуга—это его дороговизна: паровой плугъ съ двумя локомотивами стоитъ 4000 марокъ и болѣе, а съ однимъ, слѣдовательно менѣе рациональный,—болѣе 3000 марокъ. Пользованіе имъ,—какъ и пользованіе паровой молотилкой,—однако облегчено, благодаря возможности брать на прокатъ.

Англія, родина парового плуга, примѣняетъ его по преимуществу. Только въ началѣ 50-ыхъ годовъ удалось изобрѣсти паровой плугъ, годный для практическаго примѣненія. Еще въ 1867 году, по словамъ *Royal Agricultural Society*, паровая обработка земли примѣнялась лишь въ 135 хозяйствахъ. Напротивъ того, официальные данныя для выставки въ Вольфергамптонѣ въ 1871 году показываютъ, что къ тому времени въ Англіи работало болѣе 2000 паровыхъ плуговъ. Въ Германіи же въ то же время ихъ было только 24. Между тѣмъ въ 1882 г. считалось уже 836 хозяйствъ, примѣнявшихъ паровой плугъ, а въ 1895 г.—1696. Въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ Саксоніи плуги представляютъ общее явленіе.

И въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ Австріи и Венгріи паровой плугъ встрѣчаетъ все большее примѣненіе.

Но сельское хозяйство нуждается въ паровой машинѣ не только для вспахиванія, но и для сглаживанія, скороженія, бороненія и т. п. И для молотьбы она оказывается также гораздо лучше коннаго ворота, не говоря уже о ручномъ. Въ саксонскихъ свекловичныхъ хозяйствахъ, являющихся настоящими образцовыми хозяйствами съ интенсивной культурой, весь хлѣбъ, за исключеніемъ ржи—ржаная солома употребляется для

связыванья—обыкновенно молотится посредствомъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ. Даже крестьяне замѣняютъ локомотивомъ ворота въ молотилкахъ (Кергеръ *ibid* стр. 13).

Паровая машина оказываетъ также хорошія услуги въ качествѣ насоса для орошенія и осушки полей, наконецъ, въ приготовленіи корма для скота, въ прессованьи, при соломорѣзкахъ, на мельницахъ, въ лѣсопилкахъ и т. п.

Вюсть (въ «Handbuch der Landwirthschaft» Гольца II, стр. 721) говоритъ: «Не смотря на значительную потерю тепла, паровая машина для сельскаго хозяйства все таки является самой дешевой и почти повсюду примѣнимой силой».

Число паровыхъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ дѣйствительно очень быстро растетъ. Въ Пруссіи подвижныхъ и неподвижныхъ паровыхъ машинъ насчитывалось:

	1879		1897		Процентъ прироста.	
	Число	Лош. сил.	Число	Лош. сил.	Число	Лош. сил.
Въ сельскомъ хозяйствѣ	2731	24310	12856	132805	470%	546%
Въ горной обрабатывающей промышл. и путяхъ сообщенія (исключая жел. дор. и пароходы)	32606	910574	68204	2748994	209%	302%

Какъ видно, приростъ паровыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ былъ великъ не только абсолютно: онъ шелъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Но можетъ быть *электричество* на этомъ поприщѣ отпразднуетъ еще большіе триумфы, чѣмъ паръ, съ одной стороны, вытѣсняя его изъ завоеванныхъ имъ областей, съ другой—замѣняя силу человѣка и животнаго въ тѣхъ сферахъ, которыя до сихъ поръ оставались недоступными для пара. Куда не могли проникнуть локомотивы и безконечный ремень, туда легко можетъ быть перенесена сила электричества. Она, кромѣ того, хорошо дѣлится и не требуетъ необходимо угля. Въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ каменно-угольнаго производства, гдѣ поэтому невыгодно примѣненіе пара, электричество можетъ сдѣлать выгоднымъ примѣненіе машиннаго плуга, если только имѣется дешевая водяная сила.

Электрическій плугъ, кромѣ того, гораздо легче парового. «Большіе плуги съ паровой машиной въ 50 лошадиныхъ силъ при полномъ снаряженіи, т. е. вмѣстѣ съ водой и углемъ, вѣсятъ 22 тонны; мелкіе же рѣдко вѣсятъ меньше 14—16 тоннъ». Электрическій плугъ въ 20 лошадиныхъ силъ вѣситъ 8 тоннъ, въ 50—12 тоннъ. «Главное преимущество электрическаго плуга передъ паровымъ заключается въ меньшемъ вѣсѣ перваго, благодаря чему только и становится возможнымъ примѣнять машинный плугъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, въ холмистой мѣстности или въ мѣстности съ мягкой почвой. Кромѣ того, при одинаковомъ вѣсѣ работоспособность перваго по сравненію со вторымъ гораздо больше *)».

Электричество уже теперь нрѣдко находитъ практическое примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ. Одинъ нашъ хорошій знакомый специалистъ сообщилъ о примѣненіи электричества въ имѣніи нѣкоего Ф. Пра въ департаментѣ Тарнъ (во Франціи).

Водопадъ, который въ состояніи доставить 30 лошадиныхъ силъ, приводитъ въ движеніе турбину, соединенную съ динамомашинной. Динамомашина въ состояніи развить токъ въ 40 амперъ и 375 вольтъ. По всему имѣнію проведены проволоки, поддерживаемыя, какъ обыкновенно, столбами; отъ этихъ то проволокъ токъ берется тамъ, гдѣ въ немъ нуждаются.

До сихъ поръ электричество примѣнялось почти исключительно для распаханія посредствомъ блочкового мотора въ 18 лошадиныхъ силъ.

Наряду съ другими выгодами электрическая сила имѣетъ еще и то преимущество, что вся площадь имѣнія можетъ быть освѣщена электричествомъ; это даетъ возможность въ крайнихъ случаяхъ, на примѣръ, во время жатвы, производить полевые работы и ночью—во всякомъ случаѣ, это преимущество выгоднѣе для помѣщика, чѣмъ для рабочихъ.

Въ Германіи также уже есть имѣнія, примѣняющія электричество. Въ сентябрѣ прошлаго года даже сообщалось изъ Кольберга объ опытахъ снабженія 60 имѣній электрической силой *изъ одного централнаго пункта* въ цѣляхъ улучшенія

*) Ц. Кергенъ: «Ist die Elektrotechnik nach dem heutigen Stande ihrer Entwicklungs schon befähigt, mit begründeter Aussicht in den Dienst der Landwirtschaft zur Erhöhung des wirtschaftlichen Reinertrags zu treten?» Thiels Landwirt. Jahrbücher, XXVI, вып. 4—5.

и удешевленія сельско-хозяйственнаго производства, но о результатахъ этихъ опытовъ мы ничего не знаемъ.

Къ сберегающимъ трудъ механическимъ приспособленіямъ, на ряду съ машинами, слѣдуетъ причислить и полевая желѣзныя дороги. Расходы на перевозку въ сельскомъ хозяйствѣ играютъ большую роль. Ему приходится передвигать на большія разстоянія тяжести сравнительно небольшой стоимости, какъ-то удобрёніе, солому, сѣно, свекловицу, картофель и пр. Проведеніе хорошихъ дорогъ, стоитъ много денегъ, и онѣ занимаютъ много мѣста. Въ лучшихъ полевыхъ дорогахъ треніе представляетъ еще очень большое сопротивленіе. Въ этомъ отношеніи желѣзныя дороги гораздо удобнѣе. Та же упряжка въ состояніи легко провезти по желѣзной дорогѣ вчетверо большую тяжесть, чѣмъ по шоссе. И такая полевая желѣзная дорога безъ особыхъ приготовленій и труда можетъ быть проведена даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ невозможно проложить обыкновенной, напр., по болотистымъ и тонкимъ мѣстамъ по обработанному полю и пр. Полевая желѣзная дорога не только сберегаетъ трудъ, но часто, только благодаря ей, и дѣлается возможнымъ подвозъ тяжелыхъ матеріаловъ, безъ которыхъ не могутъ быть примѣнены нѣкоторыя меліораціи.

Меліораціи въ существенной своей части—орошеніе и осушка—также относятся къ механическимъ вспомогательнымъ средствамъ. Въ противоположность до сихъ поръ упомянутымъ онѣ были извѣстны въ глубокой древности. На Востокѣ мы встрѣчаемъ подобныя сооруженія, во времена доисторическія. Но въ Европѣ, къ сѣверу отъ Альпъ, при трехпольной системѣ меліораціи развивались очень туго. Климатъ дѣлалъ ненужнымъ орошеніе, сырая земля отводилась подъ луга. Пока еще было достаточно много новины, лѣсовъ и луговъ, не ощущалось потребности, да и не доставало рабочей силы для производства меліорацій въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Но когда населеніе дѣлалось болѣе густымъ, тогда феодальныя повинности начинаютъ давить крестьянина и отнимать его силы и средства для цѣлей меліораціи; революція же создала и необходимыя для этого предварительныя условія.

Изъ современныхъ меліорацій особенно важное значеніе приобрѣло дренажированіе почвы, т. е., осушка ея посредствомъ подземной сѣти обожженныхъ глиняныхъ трубъ; это усовершенствованіе стало однако возможнымъ съ прогрессомъ въ произ-

водствѣ кирпича. Дренажъ дѣлаетъ почву суше, мягче, рыхлѣе и облегчаетъ ея обработку; она согрѣвается скорѣе и на болѣе продолжительное время, «такъ что послѣдствія осушительныхъ работъ тождественны съ перемѣной климата» (Гаммъ). Въ Шотландіи наблюдалось, что на дренажированной почвѣ урожай поспѣваетъ на 10—14 дней скорѣй, чѣмъ на не дренажированной. Дренажъ обработанной земли въ Англіи увеличиваетъ валовой доходъ въ среднемъ на 20—30⁰/о, но иногда это увеличеніе доходитъ до 100 и 200⁰/о. На нѣкоторыхъ поляхъ только благодаря дренажу становится возможнымъ воздѣлываніе злаковъ и кормовыхъ травъ.

г) Удобреніе, бактеріи.

Химики и фізіологи—послѣдніе съ помощью микроскоповъ—произвели въ сельскомъ хозяйствѣ не меньшій переворотъ, чѣмъ инженеры.

При трехпольной системѣ весь скотъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ кормомъ, который онъ находилъ на выгонѣ и на лугу. Въ настоящее время, благодаря развитію путей сообщенія, сельское хозяйство ползуется разнообразными видами кормовыхъ средствъ, какъ производимыми его собственными силами, такъ и покупными, представляющими дешевые продукты или отбросы индустріи; это даетъ ему возможность засѣвать свои земли чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе выгоднымъ, чѣмъ кормовыя растенія. Съ другой стороны, фізіологія животныхъ даетъ ему сравнительную оцѣнку кормовыхъ средствъ, учитъ готовить—въ чемъ, какъ мы видѣли, оказываютъ большія услуги машины—и распредѣлять кормъ соответственно полу, возрасту, породѣ и назначенію скота; все это даетъ возможность наилучше утилизировать животныхъ.

Далѣе фізіологія растений знакомитъ его съ тѣми условіями, въ которыя должно поставить растенія, чтобы безъ потери матеріала, времени и труда достигнуть наибольшаго, гарантированнаго дохода. На ряду съ механической обработкой почвы, гдѣ, какъ мы уже видѣли, играютъ машины большую роль, первое мѣсто принадлежитъ *удобренію*, т. е. стремленію къ тому, чтобы почва содержала растворимыя вещества именно въ тѣхъ пропорціяхъ, какія необходимы для произрастанія растений. Химія не только знакомитъ его съ этими веществами,

но и производить искусственно тѣ изъ нихъ, которыхъ не достаетъ въ почвѣ и которыхъ сельское хозяйство не можетъ производить въ достаточномъ количествѣ и безъ громадныхъ затратъ своими силами.

Въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ, работающемъ для рынка, — и при томъ для такого рынка, который въ большинствѣ случаевъ не возвращаетъ землѣ полученныхъ имъ питательныхъ веществъ, — для поддержанія равновѣсія почвы одного навоза недостаточно. Почва при этомъ все болѣе и болѣе обѣднѣетъ тѣми составными частями, которыя идутъ на образованіе воздѣлываемыхъ растений. Улучшенные методы обработки, воздѣлываніе кормовыхъ травъ съ глубоко проникающими корнями, глубокая распашка и т. п. — все это увеличиваетъ урожай съ данной площади, но лишь увеличивая одновременно интенсивность и быстроту истощенія, эксплуатацію почвы. «Во всякомъ случаѣ плодородіе почвы можно значительно повысить на счетъ ея запаса питательныхъ веществъ, именно съ помощью прогрессивнаго физическаго улучшения, достигаемаго усиленнымъ примѣненіемъ навоза, механическимъ разрыхленіемъ почвы, известковымъ удобреніемъ и т. п. Однако, примѣняемый въ теченіе долгаго времени, этотъ приѣмъ приведетъ не только къ обѣдненію почвы, но, въ концѣ концовъ, и къ уменьшенію ея плодородія» (Вернеръ).

Безсмертная заслуга Либиха заключается въ томъ, что онъ открылъ этотъ фактъ и нашелъ вѣрное средство для борьбы съ хищнической эксплуатаціей земли, какой была практиковавшаяся въ первой половинѣ нашего столѣтія повышенная культура почвы. Онъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что плодородіе нашихъ полей можетъ быть устойчиво и прогрессивно только въ томъ случаѣ, если возвратитъ имъ составныя части сельскохозяйственныхъ продуктовъ, отнятыхъ у нихъ рынкомъ. Городскіе отбросы должны возвратиться въ деревню. Въ своей книгѣ «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie» онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Соединеніе ряда случайностей (введеніе культуры клевера и картофеля, открытіе гуано и примѣненіе гипсового удобренія) увеличило число жителей во всѣхъ европейскихъ государствахъ въ отношеніи, превышающемъ производительность этихъ странъ, и это число достигло такой высоты, на которой, при сохраненіи современнаго способа хозяйства, оно

можетъ удержаться только при слѣдующихъ двухъ предположеніяхъ:

«1. Если какое-нибудь Божье чудо возвратитъ полямъ ту производительность, которую у нихъ отняло непониманіе и невѣжество.

«2. Если будутъ открыты залежи навоза и гуано, не меньшія англійскихъ каменноугольныхъ.

«Понятно, что ни одинъ мыслящій человекъ не станетъ основывать своихъ надеждъ на подобныхъ фантазіяхъ... Результатомъ введенія ватеръ-клозетовъ въ большинствѣ англійскихъ городовъ было то, что ежегодно безвозвратно пропадаютъ средства, которыя дали бы возможность возстановить производительныя силы почвы, достаточныя для пропитанія $3\frac{1}{2}$ милліоновъ человекъ:

«Вся та громадная масса удобренія, которую ежегодно ввозитъ Англія, большей частью уносится обратно черезъ рѣки въ моря, и производимыхъ при такихъ условіяхъ продуктовъ оказывается недостаточно для прокормленія прироста населенія.

«Несчастіе заключается въ томъ, что этотъ процессъ самоуничтоженія имѣетъ мѣсто повсюду, хотя и не въ такомъ большомъ масштабѣ, какъ въ Англіи. Управленія большихъ городовъ континента тратятъ ежегодно большія суммы, чтобы сдѣлать недоступными для сельскаго хозяина средства, необходимыя для возстановленія и поддержанія плодородія полей.

«Отъ рѣшенія ассенизаціоннаго вопроса въ городахъ зависитъ сохраненіе богатства и благосостоянія государства и прогрессъ культуры и цивилизаціи» *).

Эти положенія были высказаны Либихомъ еще 50 лѣтъ тому назадъ. Большое значеніе человѣческихъ экскрементовъ, какъ средства удобренія, и необходимость ихъ для сельскаго хозяйства съ того времени давно признано всѣми. Но то рѣшеніе вопроса о клоакахъ, котораго требовалъ Либихъ, въ настоящее время еще дальше отъ осуществленія, чѣмъ въ то время. До сихъ поръ не удалось изобрѣсть такой системы удаленія человѣческихъ экскрементовъ изъ большихъ городовъ, которая не была бы соединена съ чрезмѣрными расходами и соответствовала бы требованіямъ гигиены и сельскаго хозяйства. Система полей орошенія, введенная въ Берлинѣ, кажется мнѣ изъ

*) Chem. Prozess d. Ernährung d. Vegetabilien, стр. 125, 128—9, 153.

всѣхъ до сихъ поръ предложенныхъ самой цѣлесообразной съ точки зрѣнія гигиены, такъ какъ благодаря ей избѣгается засореніе рѣкъ нечистотами, вытекающими изъ каналовъ. Но, конечно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы смотрѣть на эти нѣсколько полей орошенія, которыя могутъ быть около каждаго города, какъ на возвращеніе сельскому хозяйству взятыхъ у него веществъ. Этотъ вопросъ при современномъ состояніи техники могъ бы быть рѣшенъ съ помощью системы полей орошенія очень просто и безъ большихъ затратъ, если бы исчезла противоположность между городомъ и деревней, и населеніе было бы равномерно расселено по всей странѣ. Но при теперешнемъ способѣ производства объ этомъ и думать нечего.

Чѣмъ меньше утилизируются до сихъ поръ въ интересахъ сельскихъ человѣческіе экскременты въ городахъ, чѣмъ больше въ то же время эксплуатировалась почва, благодаря уже упомянутымъ методамъ интенсивнаго хозяйства и увеличенія производства для рынка, тѣмъ скорѣе ученые и практики набрасывались на паліативы, долженствующіе вернуть почвѣ извлеченныя изъ нея питательныя вещества, т. е. на изобрѣтеніе и приготовленіе такихъ вспомогательныхъ удобреній, которыя доставляли бы почвѣ недостающія именно для данныхъ растений и при томъ въ удобномъ для усвоенія видѣ. Этихъ веществъ, отчасти ввозимыхъ, отчасти приготовляемыхъ фабричнымъ способомъ, цѣлый легіонъ, и число ихъ все увеличивается (калійныя удобренія, фосфаты, и азотистыя удобренія); для каждаго рода почвы, способа обработки и вида растений производятся особыя сорта удобреній; это позволяетъ не только сохранять богатства почвы, но и въ значительной степени увеличивать ихъ; благодаря искусственному удобренію сельскій хозяинъ при известныхъ обстоятельствахъ можетъ обойтись совершенно безъ плодосмѣнной системы и навоза, и такимъ образомъ въ состояніи всецѣло приспособить воздѣлываніе растений къ потребностямъ рынка и всю свою земельную площадь отвести подъ производство на рынокъ. Въ этомъ свободномъ сельскомъ хозяйствѣ современное земледѣліе достигаетъ своей высшей точки въ техническомъ и экономическомъ отношеніи. Не только машиностроительный заводъ и лабораторія химика, но и мастерская оптика производятъ переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Мы не думаемъ заняться здѣсь выясненіемъ значенія спектральнаго анализа для открытія нѣкоторыхъ веществъ.

или роли поляризационнаго аппарата въ сахарной индустриі, ни фотографіи въ дѣлѣ распознаванія породъ и вообще въ скотоводствѣ. Мы ограничимся указаніемъ на важнѣйшій для сельскаго хозяйства инструментъ—*микроскопъ*.

«Прошло много времени, говорить Гаммъ, прежде, чѣмъ рѣшили примѣнить на практикѣ этотъ инструментъ, сдѣлавшійся теперь необходимымъ. Въ настоящее же время значеніе его общепризнано, а *сельское хозяйство въ частности не можетъ безъ него обойтись*. При современномъ положеніи дѣла анализъ состава почвы производится исключительно микроскопомъ... Только благодаря микроскопу намъ такъ хорошо извѣстно внутреннее строеніе растенія, сущность клѣтки и ея содержимаго, форма и различія крахмальныхъ зеренъ и другихъ образованій. Только ему обязаны мы знаніемъ способа размноженія тайнобрачныхъ растеній и свойствъ различныхъ грибовъ, которые то въ видѣ ржавчины или плѣсени, то въ видѣ картофельнаго или винограднаго грибка поражаютъ плантаціи культивируемыхъ растеній, повреждая и иногда совершенно уничтожая урожай. Возможность отличать другъ отъ друга разнообразныя волокна, структуру шерсти и волоса, открытіе безчисленныхъ животныхъ-враговъ продуктовъ производства и другихъ предметовъ, каковы, на примѣръ, бактеріи, вибрионы пшеницы, нематоды свекловицы и т. п... все это стало осуществимымъ, благодаря микроскопу. Особую услугу оказываетъ микроскопъ при разборѣ сѣмянъ. Въ рукахъ опытнаго человѣка въ дѣлѣ отличія натурального отъ поддѣльнаго, сѣмянъ отъ сорныхъ растеній—микроскопъ незамѣнимъ». (*Die Naturkräfte in der Landwirthschaft*, стр. 142—145).

Съ того времени, какъ Гаммъ написалъ это (1876), микроскопъ, благодаря развитію бактериологіи, далъ возможность сельскому хозяйству сдѣлать одни изъ самыхъ важныхъ шаговъ въ своемъ поступательномъ движеніи.

Благодаря этому прогрессу, сельскій хозяинъ въ состояніи устранить, лѣчить, или, по крайней мѣрѣ, опредѣлить нѣкоторыя въ высшей степени опустошительныя болѣзни растеній и животныхъ, какъ-то: сибирскую язву, рожу свиней, туберкулезъ, филлоксеру.

Во второй половинѣ 80-ыхъ годовъ было сдѣлано открытіе, что легуминозы (стручковые растенія и виды клевера), въ отличіе отъ другихъ культурныхъ растеній, весь необходимый имъ

азотъ получаютъ не изъ почвы, а изъ воздуха, и притомъ не только не обѣдняютъ почву азотомъ, но, напротивъ, обогащаютъ ее. Но этимъ свойствомъ они обладаютъ только въ томъ случаѣ, если въ почвѣ, находятся извѣстные микроорганизмы, которые прививаются къ ихъ корнямъ. Если ихъ нѣтъ, то, засѣявши площадь легуминозами, можно увеличить содержаніе азота въ бѣдной имъ почвѣ съ помощью соотвѣтствующей прививки, т. е. нѣкоторымъ образомъ удобрить ее для произрастанія другихъ растений. Этотъ способъ, обыкновенно съ соединеніи съ извѣстнымъ минеральнымъ удобреніемъ (фосфаты и калийныя удобрения), можетъ надолго чрезвычайно увеличить производительность почвы и безъ всякаго навоза. Только съ этимъ открытіемъ свободное хозяйство приобрѣло вполнѣ прочное основаніе.

д) *Сельское хозяйство какъ наука.*

Какой переворотъ представляетъ переходъ отъ трехпольной системы времянъ феодализма къ независимому сельскому хозяйству конца девятнадцатаго вѣка! И самая грандіозная часть этого переворота совершилась въ нѣсколько десятилѣтій! Лишь съ 1840 года начинаются изслѣдованія Либиха, проложившія новую дорогу, изслѣдованія, которыя только въ 50-хъ годахъ получили общее признаніе; въ тоже время паровая машина начала проникать въ сельское хозяйство, и въ немъ впервые была практически примѣнена бактеріологія (1837 г. открытіе бациллы пятнистой болѣзни шелковичнаго червя и дрожжевого грибка; 1849—открытіе бациллы сибирской язвы). Сельское хозяйство, бывшее прежде самымъ консервативнымъ изъ всѣхъ производствъ, почти не прогрессировавшее въ теченіе тысячелѣтій, абсолютно не двигавшееся съ мѣста въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, превратилось въ нѣсколько десятилѣтій въ одно изъ самыхъ революціонныхъ, если не въ самое революціонное, современныхъ производствъ. Но вмѣстѣ съ этимъ переворотомъ изъ рутиннаго *ремесла*, передававшагося отъ отца къ сыну, оно превратилось *въ науку*, или скорѣе въ комплексъ наукъ, которыя быстро развиваются по мѣрѣ накопленія данныхъ и выработки теоретическаго пониманія. Сельскій хозяинъ, не знакомый съ этими науками, «практикъ», беспомощно стоитъ предъ всѣми новшествами; онъ не можетъ оставаться при ста-

ромъ, т. е. хозяйничать по испытанному способу дѣдовъ и прадѣдовъ.

Превращеніе сельскаго хозяйства въ науку сильно отразилось на исторіи развитія сельско-хозяйственнаго образованія, особенно въ высшей школѣ. На прогрессъ научной агрономіи указываетъ не только объемъ и содержаніе учебнаго матеріала, но и внѣшняя исторія сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній.

Таеръ, изучившій усовершенствованное англійское сельское хозяйство конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, пытавшійся научно обосновать его и ввести въ Германію, первый призналъ необходимость специальныхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Уже въ 1798 году въ своемъ произведеніи: «*Einleitung zur Kenntniss der englischen Landwirthschaft*» онъ пропояндировалъ «идею учрежденія земледѣльческой академіи», и нѣсколько лѣтъ спустя основалъ первую подобную академію (въ 1802 г. въ Целль, а въ 1804 г. въ Меглинъ); велѣдъ за тѣмъ въ ближайшія десятилѣтія были учреждены и другія, при чемъ въ числѣ первыхъ находилась открытая Гогенгеймомъ въ Вюртембергѣ въ 1818 году. Каждое изъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній было соединено съ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего они находились внѣ городовъ. Только такимъ путемъ возможно было, на ряду съ «сѣдой теоріей», давать ученикамъ необходимыя наглядныя указанія въ примѣненіи ея, такъ какъ число рациональныхъ хозяйствъ было тогда еще мало.

Но подобное положеніе дѣлъ измѣнилось въ теченіе первой половины нашего столѣтія, и въ этой перемѣнѣ немалую роль играли названныя учебныя заведенія. Значительное число крупныхъ имѣній перешло къ рациональному, научно-обоснованному способу обработки, молодой сельскій хозяинъ не нуждался болѣе въ образцовомъ хозяйствѣ учебнаго заведенія, чтобы изучить примѣненіе теоріи на практикѣ.

Но по мѣрѣ роста числа рациональныхъ хозяйствъ расширялся и углублялся учебный матеріалъ сельско-хозяйственной школы подъ вліяніемъ вышеуказаннаго переворота въ механикѣ, химіи, фізіологіи и въ общихъ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Высшая сельско-хозяйственная школа стала требовать все больше научныхъ вспомогательныхъ средствъ, стала охватывать все больше вспомогательныхъ наукъ; ей стала необходима болѣе высокая духовная атмосфера; разсѣяныя по

деревнѣ, изолированныя учебныя заведенія становились все менѣе совершенными въ сравненіи съ растущими задачами, которыя къ нимъ предъявлялись.

И въ этой области Либихъ открываетъ новые пути; какъ президентъ Баварской Академіи наукъ, онъ въ 1861 г. произнесъ торжественную рѣчь, въ которой рѣзко указалъ на неудобства, представляемыя сельско-хозяйственными академіями, расположенными въ деревнѣ, и потребовалъ перенесенія ихъ въ университетскіе города. И это требованіе его встрѣтило почти такую же страстную борьбу, какъ и Либиховская теорія плодородія и истощенія почвы. Но и въ этомъ случаѣ великій ученый вышелъ изъ спора такимъ же побѣдителемъ, какъ и въ первомъ, и его требованіе повсюду было удовлетворено. За исключеніемъ Гогенгеймовской, всѣ высшія сельскохозяйственныя школы находятся въ университетскихъ городахъ, не только въ Германіи, но и въ Австріи, Франціи, Итали, при чемъ онѣ или представляютъ факультетъ университета, или самостоятельныя высшія учебныя заведенія (въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ).

Сельское хозяйство изучается въ большомъ городѣ! Вотъ самая поразительная иллюстрація всесторонней и полной зависимости сельскаго хозяйства отъ города, въ которомъ оно черпаетъ силы для своего прогрессивнаго развитія.

Конечно, однимъ университетскимъ образованіемъ сельскій хозяинъ не можетъ довольствоваться. Смѣшно было бы примѣнять теперь къ сельскому хозяйству изреченіе: опытъ—выше науки, но еще смѣшнѣе думать, что можно ограничиться одной наукой. Знаніе и опытъ здѣсь еще важнѣе, чѣмъ въ индустріи, такъ какъ область дѣйствительности, къ которой приходится примѣнять теорію, въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо сложнѣе и разнообразнѣе. Здѣсь необходимо производить опыты и накапливать наблюденія, но необходимо также имѣть опредѣленное ясное представленіе о каждой отдѣльной отрасли этой обширной области; а это возможно только при помощи точной, рациональной *бухгалтеріи*.

При трехпольной системѣ сельскій хозяинъ, производившій преимущественно для себя, не нуждался въ ней. Условія существованія отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ данной мѣстности въ главныхъ чертахъ тогда были сходны, неизмѣнны съ прадрѣдовскихъ временъ, просты и ясны. Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ. Оно имѣетъ дѣло

съ обширными, разнообразными, постоянно мѣняющимися отношеніями—отношеніями производства и обмѣна, купли и продажи. Безъ точной и правильной бухгалтеріи оно безпомощно мечется въ общей сутолкѣ. Это примѣнимо ко всякому крупному производству, но ярче всего это проявляется въ сельскомъ хозяйствѣ. Современное промышленное заведеніе производитъ продуктъ только одного рода, тогда какъ каждое сельское хозяйство представляетъ изъ себя соединеніе различныхъ частныхъ производствъ, какъ-то: скотоводство, земледѣліе, огородничество, садоводство, птицеводство и т. д., изъ которыхъ каждое доставляетъ разнообразнѣйшіе продукты. Промышленникъ обыкновенно всѣ средства производства покупаетъ и всѣ продукты продаетъ. Въ сельскомъ же хозяйствѣ этого никогда не бываетъ; оно покупаетъ только часть потребныхъ ему средствъ производства, остальную часть оно производитъ само: скоть, кормъ для скота, удобрение, сѣмена оно частью покупаетъ, частью производитъ; заработная плата отчасти денежная, отчасти натуральная; соотвѣтственно этому только часть продуктовъ идетъ на рынокъ для продажи, часть же потребляется въ самомъ производствѣ. Наконецъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не такъ легко прослѣдить результаты какого-нибудь способа производства; иногда проходитъ нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ обнаружится его значеніе. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ бухгалтерію крайне необходимой для сельскаго хозяйства, при томъ бухгалтерію точную и правильную, охватывающую всѣ детали и основанную не только на коммерческой, но и на научной точкѣ зрѣнія. Нужно помнить, что сельскій хозяинъ имѣетъ дѣло не только съ капиталомъ и прибылью на капиталъ, но также съ землей и съ земельной рентой, а эта послѣдняя, по скольку она представляетъ дифференціальную ренту, зависитъ отъ богатства почвы. Поддержаніе определенной высоты ренты и, по возможности, увеличеніе ея въ настоящее время для передового сельскаго хозяина является такой же важной задачей, какъ и возможно прибыльное помѣщеніе капитала.

Пожалуй, ничто такъ хорошо не характеризуетъ современнаго сельскаго хозяйства, какъ эта бухгалтерія, одновременно основанная на научныхъ и коммерческихъ соображеніяхъ. Тѣсная связь между наукой и промышленностью, свойственная всему новѣйшему способу производства, нигдѣ такъ рѣзко не выступаетъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Это един-

ственная отрасль промышленности, бухгалтерія которой изучается въ университетахъ.

V. Капиталистическій характеръ современнаго сельскаго хозяйства.

а) Цѣнность.

Чтобы сельское хозяйство могло выйти изъ той стадіи, на которой оно находилось во времена феодализма, достигнуть своей современной высоты и принять участие въ непрерывно развивающемся техническомъ и экономическомъ прогрессѣ— для этого прежде и теперь были необходимы деньги. Эта мысль едва ли нуждается въ какихъ-нибудь доказательствахъ или иллюстраціяхъ. Достаточно замѣтить, что въ Англии съ 1835 по 1842 г. на одинъ только дренажъ было израсходовано болѣе 100 милліоновъ марокъ, а съ 1846 г. по 1855 г.—болѣе 50 милліоновъ марокъ. На эти 50 милліоновъ былъ произведенъ дренажъ на протяженіи 1365000 акровъ, а оставалось еще устроить дренажъ на протяженіи 21525000 акровъ.

Современное сельское хозяйство не можетъ существовать безъ денегъ, иначе говоря, *безъ капитала*, такъ какъ при современномъ способѣ производства каждая сумма денегъ, не предназначенная для личнаго потребленія, можетъ превратиться— и обыкновенно превращается— въ капиталъ, т. е. въ стоимость, высиживающую прибавочную стоимость*).

Современное сельское хозяйство есть, такимъ образомъ, капиталистическое хозяйство. Оно носитъ на себѣ характерныя черты капиталистическаго способа производства, которыя, однако, въ данномъ случаѣ, принимаютъ своеобразныя формы. Для пониманія ихъ намъ придется сдѣлать маленькое отступленіе въ область экономическихъ абстракцій и вкратцѣ набросать нашу теоретическую точку зрѣнія—теорію стоимости, прибавочной стоимости, прибыли и земельной ренты Маркса.

*) Мы согласны, что слово *Werth* лучше переводить словомъ *цѣнность*, но, въ виду привычки слуха русскаго читателя, часто сохраняемъ и прежній переводъ его черезъ слово *стоимость*. Ред.

Само собою разумѣется; что мы будемъ ограничиваться одними только указаніями, отсылая къ тремъ томамъ «Капитала» Маркса тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые еще не знакомы съ ними и которые пожелали бы обстоятельнѣе изучить основной вопросъ настоящей главы.

Разсматривая современное сельское хозяйство, мы встрѣчаемъ въ немъ два основныхъ факта: *частную собственность на землю и товарный характеръ сельскохозяйственныхъ продуктовъ*. Первый изъ этихъ фактовъ мы имѣли возможность изучить въ процессѣ его возникновенія, второй же со всѣми его послѣдствіями представляетъ предметъ настоящей главы. Товаръ—это продуктъ человѣческаго труда, который не предназначенъ для потребленія самого производителя (или для отдачи другимъ членамъ семьи, помѣщику и проч. безъ полученія вознагражденія), но, какъ не нужный своему производителю, онъ долженъ быть отданъ другому лицу взаменъ продукта, необходимаго первому.

Отношеніе, въ которомъ опредѣленное количество одного товара обмѣнивается на извѣстное количество другого, вначалѣ опредѣляется совершенно случайно. Чѣмъ болѣе развивается товарное производство, чѣмъ чаще повторяется обмѣнъ, тѣмъ скорѣе эти отношенія теряютъ случайный характеръ и тѣмъ болѣе проявляется извѣстная законосообразность мѣновыхъ отношеній; каждый товаръ при данныхъ условіяхъ получаетъ опредѣленную *мѣновую цѣнность*. Въ дальнѣйшемъ процессѣ обмѣнъ превращается въ продажу, т. е. опредѣленный товаръ превращается въ денежный товаръ,—товаръ, который всѣмъ нуженъ, на который каждый охотно промѣниваетъ и съ помощью котораго всѣ товары измѣряютъ свою цѣнность. Опредѣленное количество денежнаго товара—золота или серебра—получаемое за извѣстный товаръ, называется *цѣной* этого товара.

Товарная цѣнность проявляется только какъ *тенденція*, какъ законосообразное стремленіе, господствующее надъ процессомъ обмѣна или продажи. Результатомъ этого процесса является существующее въ данный моментъ фактическое мѣновое отношеніе, фактически существующая цѣна. Понятно, что законъ и его результатъ—двѣ различныя вещи. Всякій изслѣдователь естественныхъ или общественныхъ процессовъ долженъ изолировать ихъ, если онъ намѣревается открыть управляющіе ими законы. Каждый процессъ онъ долженъ разсматривать въ чис-

томъ видѣ, независимо отъ мѣшающихъ побочныхъ обстоятельствъ. Только въ такомъ случаѣ можетъ онъ достигнуть пониманія законовъ, лежащихъ въ основѣ извѣстныхъ явленій. Разъ они извѣстны, пониманіе покоящихся на нихъ явленій уже не представляетъ трудности. При обратномъ ходѣ изслѣдованія и тѣ и другіе остаются непонятными. Это ясно, какъ Божій день, повторялось сотни разъ, и тѣмъ не мѣнѣе—именно, если дѣло касается теоріи—цѣнность постоянно забывается.

Что же опредѣляетъ мѣновую цѣнность двухъ товаровъ, извѣстную законосообразность ихъ мѣновыхъ отношеній? Обмѣнъ возникаетъ на почвѣ раздѣленія труда. Товарное же производство есть такая форма производства, при которой независимые другъ отъ друга рабочіе различныхъ отраслей труда производятъ другъ для друга. Въ будущемъ обществѣ они будутъ работать другъ на друга непосредственно. Но какъ производители, независимые другъ отъ друга, они могутъ работать другъ на друга, только взаимно обмѣниваясь продуктами своего труда, Они свободны и равны—только при такихъ условіяхъ можно говорить о дѣйствительномъ обмѣнѣ товаровъ: тамъ, гдѣ одна часть зависитъ отъ другой, рѣчь можетъ идти о насиліи или грабежѣ, но не объ обмѣнѣ. Ни одинъ свободный человекъ не станетъ работать на другого даромъ; онъ не захочетъ отдавать труда больше, чѣмъ получаетъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, возникаетъ тенденція, чтобы при обмѣнѣ товаровъ, другъ другу противустояли продукты съ одинаковой затратой труда и чтобы цѣнность товара опредѣлялась общественно-необходимой для его производства затратой труда. Но удастся ли производителю реализовать цѣнность на товарномъ рынкѣ, дѣйствительно ли цѣна товара оплатитъ, по крайней мѣрѣ, затраченный имъ трудъ—это зависитъ отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, которыя можно объединить подъ общимъ именемъ спроса и предложенія.

Современная университетская наука горячо оспариваетъ положенія теоріи, признающей, что цѣнность товара опредѣляется затраченнымъ на него общественно-необходимымъ трудомъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ эти возраженія покоятся на смѣшеніи *товарной цѣнности* или съ *потребительной стоимостью*, или съ *цѣной*. Всѣ академическія теоріи стремятся къ тому, чтобы на ряду съ затратой труда поставить, въ качествѣ элементовъ цѣнности, полезность продукта и спросъ на него.

Само собою понятно, что каждый продукт долженъ быть полезнымъ, долженъ соотвѣтствовать (дѣйствительной или воображаемой) потребности для того, чтобы стать товаромъ, чтобы получить цѣнность. *Потребительная стоимость*—*предварительное условіе товарной цѣнности*, но не она опредѣляетъ ея высоту. Обмѣнъ двухъ товаровъ предполагаетъ качественное различіе ихъ; въ противномъ случаѣ обмѣнъ является безцѣльнымъ. Но между потребительными стоимостями различнаго рода не возможно такое чисто количественное сравніваніе, каковымъ является обмѣнъ. Если я говорю, что аршинъ полотна стоитъ въ десять разъ дороже фунта желѣза, то было бы абсурдомъ видѣть причину этого въ томъ, что полотно удовлетворяетъ въ десять разъ больше потребностей или въ десять разъ полезнѣе фунта желѣза. Полезности двухъ различныхъ товаровъ представляютъ совершенно отличныя, несоизмѣримыя между собою понятія.

Для различныхъ товаровъ одного и того же вида можно еще установить большую или меньшую высоту ихъ потребительныхъ стоимостей: болѣе прочная пара сапогъ обладаетъ болѣе потребительной стоимостью, чѣмъ менѣе прочная,—стаканъ рюдесгейма заключаетъ больше потребительной стоимости, чѣмъ стаканъ грюнбергскаго. За большую потребительную стоимость охотно платятъ дороже, чѣмъ за меньшую: и такъ, потребительная стоимость все таки является элементомъ товарной цѣнности! Дѣйствительно, съ перваго взгляда можетъ такъ показаться. Но тутъ, является вопросъ: если большая потребительная стоимость создаетъ большую товарную цѣнность, то почему каждый производитель не приготовляетъ товаровъ лучшаго качества, почему сапожникъ не производитъ лишь сапогъ высшаго сорта, почему каждый винодѣль не приготовляетъ первокласснаго вина? Отвѣтъ очень простъ. Качество сапогъ—если оставить въ сторонѣ индивидуальныя различія рабочаго и сырой матеріалъ, инструменты и т. ц., такъ какъ эти условія не измѣняютъ результата—зависитъ отъ болѣе солидной работы, т. е. отъ *большей затраты труда*. И именно эта-то большая затрата, а не высшая потребительная стоимость, и опредѣляетъ большую цѣнность качественно лучшаго товара. Извѣстное выраженіе: самые дорогіе товары—самые дешевые, означаетъ только то, что ихъ потребительная стоимость превышаетъ потребительную стоимость товаровъ низшаго качества

въ гораздо большей степени, чѣмъ ихъ цѣнность—цѣнность товаровъ низшаго достоинства. Пара сапогъ за 12 марокъ носится, пожалуй, вдвое дольше, чѣмъ такая же пара за 10 марокъ. Большая цѣна юганнисбергскаго въ сравненіи съ рюдесгеймскимъ объясняется тѣмъ, что вино перваго сорта производится не повсюду. Здѣсь вообще прекращается дѣйствіе закона цѣнности, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ монополіей; законъ же цѣнности предполагаетъ свободную конкуренцію.

Если въ самой сферѣ товаровъ одного и того же рода различіе въ качествѣ ихъ вызываетъ различіе въ ихъ цѣнахъ, то это различіе объясняется или разницей въ количествѣ затраченнаго труда, или монополіей. Было бы нелѣпо допустить, чтобы, при отсутствіи этихъ обоихъ факторовъ, каждый рабочий со средней степенью ловкости—что необходимо предположить—не производилъ только товары высшаго качества.

Все сказанное о полезности товаровъ можетъ быть отнесено и къ большей или меньшей *потребности* въ товарѣ. Колебанія спроса и предложенія могутъ объяснять, почему сегодня цѣна,—но не цѣнность даннаго товара—выше, а завтра ниже; но они не объясняютъ, почему въ теченіе долгаго времени цѣна одного товара постоянно во столько-то разъ выше цѣны другого, почему, напримѣръ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, не смотря на различныя колебанія цѣнъ, фунтъ золота въ среднемъ былъ постоянно приблизительно въ 13 разъ дороже фунта серебра? Это объясняется только тѣмъ, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій условія производства обоихъ металловъ были одинаковы. Было бы смѣшно думать, что въ теченіе всего этого времени спросъ золота въ 13 разъ превышалъ спросъ серебра.

Совѣстно въ сотый разъ повторять эти объясненія. Однако, это оказывается необходимымъ всякій разъ, когда рѣчь заходитъ о теоріи цѣнности, такъ какъ противники ея никогда не устаютъ повторять для ея опроверженія одно и то-же *qui pro quo*. Такъ, напримѣръ, профессоръ Луи-Брентано въ своей послѣдней книгѣ объ аграрной политикѣ (I ч. «Theoretische Einleitung in die Agrarpolitik»), касаясь вопроса о земельной рентѣ, не упускаетъ случая возвратиться къ лежащей въ его основѣ теоріи цѣнности. «Рикардо и его школа, пишетъ онъ, говорятъ о естественной цѣнности, въ качествѣ каковой у нихъ является сумма *издержекъ производства* какого-нибудь блага. Дальнѣйшее-же социаль — демократическое развитіе этой теоріи на-

зываетъ *естественной цѣнностью* сумму *общественнаго рабочаго времени*, необходимаго для производства даннаго блага». Мы не знаемъ, что понимаетъ Brentano подъ «общественнымъ рабочимъ временемъ». Во всякомъ случаѣ, «*общественно-необходимое рабочее время*» есть нѣчто другое. Далѣе Brentano говоритъ: «Объ эти теоріи цѣнности, какъ Маркса, такъ и Рикардо, въ наукѣ въ настоящее время считаются опровергнутыми. Ея несостоятельность доказана еще Германомъ, указавшимъ, что издержки производства являются только однимъ изъ многихъ факторовъ, опредѣляющихъ *цѣну*, и что, кромѣ нихъ, въ опредѣленіи цѣны играютъ роль настоятельность потребности, полезность товара, возможность достать его въ другомъ мѣстѣ, платежная способность покупателя, необходимость сбыть товаръ съ рукъ, мѣновая цѣнность платежнаго средства и другія преимущества положенія покупателя, какъ, съ другой стороны, и преимущества положенія продавца» (стр. 84).

И такъ, ученіе Маркса о цѣнности «опровергнуто наукой», потому что—*цѣна* не опредѣляется однимъ только затраченнымъ трудомъ.

Рикардо и Адамъ Смитъ говорили о «естественной цѣнѣ». Brentano заставляетъ ихъ и даже Маркса говорить о «естественной цѣнности»! Такъ произвольно испещрены эти двѣ строки словами «цѣна» и «цѣнность»!

Если же исключить эти факторы, опредѣляющіе *колебаніе* цѣнъ, то и у Brentano останется только одинъ опредѣляющій факторъ — затраченный трудъ, или, «какъ правильнѣе» выражается Brentano, *издержки производства*. Но это исправленіе весьма сомнительнаго свойства.

Издержки производства предполагаютъ то, что онѣ должны объяснить—цѣнность. Чѣмъ опредѣляются издержки производства? Сумма ихъ—это сумма израсходованныхъ цѣнностей. И такъ, сначала цѣнность опредѣляется черезъ издержки производства, потомъ эти послѣднія черезъ цѣнность! Такимъ образомъ, насъ посылаютъ отъ Понтія къ Пилату!

Однако положеніе, что цѣнность опредѣляется издержками производства, не совсѣмъ безсодержательно. Но не университетская политическая экономія объясняетъ намъ, при какихъ условіяхъ оно имѣетъ смыслъ. Чтобы понять эти условія, мы должны выяснитъ разницу между простымъ и капиталистическимъ товарнымъ способомъ производства.

б) Прибавочная цѣнность и прибыль.

Простое товарное производство представляет первоначальную форму этого способа производства. Отличительнымъ его признакомъ является не только то, что производители противостоятъ другъ другу, какъ свободные и равные, но также и то, что они владѣютъ средствами производства.

Простое товарное производство, какъ и всѣ крупныя эпохи хозяйственнаго развитія, никогда не господствовало безраздѣльно, но всегда смѣшивалось съ другими экономическими формами: съ натуральнымъ, феодальнымъ и монополюсно-цеховымъ хозяйствомъ. Поэтому при данной формѣ производства закону цѣнности удавалось обнаруживаться только отчасти, по скольку возникали постоянныя, работающія для рынка и свободно конкурирующія между собой производства.

На извѣстной высотѣ развитія мѣсто простого занимаетъ капиталистическое товарное производство, а это значить, что рабочій перестаетъ быть собственникомъ средствъ производства. Теперь капиталистъ выступаетъ предъ экспропрированнымъ рабочимъ, какъ собственникъ средствъ производства. Рабочій не можетъ уже работать непосредственно на потребителя; онъ работаетъ на капиталиста-предпринимателя, которому онъ продалъ свою рабочую силу; онъ становится наемнымъ рабочимъ.

Лишь при этомъ способѣ производства товарное производство становится всеобщей, или, по крайней мѣрѣ, господствующей формой производства; быстро исчезаетъ натуральное хозяйство; феодальная эксплуатація и цеховая монополія становятся невозможными; свобода и равенство производителей дѣлается всеобщимъ правиломъ. Но именно этотъ способъ производства, который только и создаетъ условія для проявленія цѣнности, какъ всеобщаго закона, ставитъ между цѣнностью и рыночной цѣной промежуточное звено, затемняющее законъ цѣнности и видоизмѣняющее его дѣйствіе. Это промежуточное звено и представляютъ издержки производства, т. е. сумма денежныхъ расходовъ, необходимыхъ для производства даннаго товара.

При простомъ товарномъ производствѣ нелѣпо опредѣлять цѣну товара издержками производства. Возьмемъ самый простой примѣръ патриархальнаго крестьянина-ткача, который самъ произвелъ необходимый сырой матеріалъ и самъ сдѣлалъ свой

ткацкій станокъ. Въ своемъ производствѣ ему не приходится дѣлать ни малѣйшихъ денежныхъ затратъ. Его продуктъ не стоитъ ему ничего, кромѣ труда.

Не такъ нелѣпо опредѣлять цѣну издержками производства тамъ, гдѣ, вслѣдствіе раздѣленія труда, производитель покупаетъ средства производства. И для ткача-крестьянина, и для ремесленника цѣна произведеннаго имъ полотна опредѣляется общественно-необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ; но въ послѣднемъ случаѣ законъ не выступаетъ такъ ярко; такъ ремесленникъ уже не производитъ самъ ни пряжи, ни станка: онъ покупаетъ ихъ. Цѣнность ихъ образуетъ издержки производства, которыя входятъ въ цѣнность продукта: цѣнность потребленной пряжи всецѣло, а цѣнность станка постольку, поскольку онъ расходовался при производствѣ полотна. Но эти издержки производства не образуютъ всей цѣнности полотна. Для полученія цѣнности къ издержкамъ производства необходимо прибавить цѣнность, созданную трудомъ ткача.

Совершенно мѣняется дѣло при капиталистическомъ товарномъ производствѣ. Собственникъ средствъ производства и рабочій стали двумя совершенно различными лицами. Если капиталистъ вздумаетъ начать производство, ему недостаточно приобрести сырой матеріалъ и орудія производства, какъ ткачу въ нашемъ послѣднемъ примѣрѣ. Онъ долженъ также купить и самую рабочую силу—рабочаго. Для капиталиста, такимъ образомъ, всѣ элементы производства превращаются въ денежные затраты, въ издержки; но это становится возможнымъ только при капиталистическомъ способѣ производства. Только для капиталиста товаръ стоитъ не *труда*, а *денегъ*; только для него опредѣляющими цѣну являются издержки производства, *денежныя затраты*, а не затрата *труда*. Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть разницы между простымъ и капиталистическимъ способомъ производства, чтобы считать всеобщимъ закономъ товарнаго производства опредѣленіе цѣны издержками производства и такимъ путемъ «исправить» теорію трудовой цѣнности.

При опредѣленіи цѣны издержки производства, съ точки зрѣнія капиталиста, не исчерпываются дѣйствительными издержками производства. Если бы цѣна товара была равна суммѣ денегъ, израсходованной капиталистомъ на производство

товара, то отъ продажи товара. онъ ничего бы не выигралъ. А вѣдь выигрышъ является мотивомъ капиталистическаго способа производства. Если бы затрата денегъ не приносила капиталисту никакого выигрыша, то для него было бы гораздо выгоднѣе израсходовать эти деньги для личнаго потребленія. Именно выигрышъ и превращаетъ сумму денегъ въ капиталъ. Всякая сумма денегъ, потребленная съ цѣлью получить прибыль, представляетъ капиталъ.

Капиталистъ, такимъ образомъ, дѣлаетъ нѣкоторую надбавку къ суммѣ своихъ расходовъ на производство; онъ считаетъ убыточнымъ производство, не приносящее ему, по крайней мѣрѣ, обычной прибыли. Сумма израсходованныхъ на производство денегъ + обычная въ данной странѣ прибыль — вотъ для капиталиста издержки производства; ими онъ измѣряетъ цѣну товара, съ такимъ расчетомъ, чтобы непременно вернуть издержки.

Это повседневный фактъ капиталистическаго общества, и поэтому онъ давно извѣстенъ.

Уже Адамъ Смитъ отличалъ цѣнность труда, которая при простомъ товарномъ производствѣ одна образуетъ основу колеблющихся рыночныхъ цѣнъ, отъ цѣнности при капиталистическомъ способѣ производства, видоизмѣненной благодаря издержкамъ производства, образующимъ естественную цѣну (а не, какъ говоритъ Brentano, цѣнность), т. е. то, что Марксъ называетъ цѣной производства. Прогрессъ современной университетской политической экономіи по сравненію съ этими «устарѣвшими» политико-экономами состоитъ въ томъ, что она смѣшиваетъ въ одну кучу не только простое и капиталистическое товарное производство, но и цѣнность, естественную цѣну и рыночную цѣну и признаетъ классическую теорію цѣнности не состоятельной потому, что «естественная цѣнность» не объясняетъ колебанія цѣнъ.

«При незрѣломъ состояніи общества, говоритъ Смитъ въ 6-й главѣ 1-й части его «Wealth of Nations», когда земля еще не стала частной собственностью и не образовался еще капиталъ, единственнымъ масштабomъ, регулирующимъ обмѣнъ продуктовъ, было, повидимому, отношеніе количествъ труда, необходимыхъ на ихъ производство...

«Но какъ только въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ накопился капиталъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ явилось естественное стрем-

лене нанять искусныхъ рабочихъ, дать имъ средства существованія и матеріаль для работы, чтобы, продавши ихъ продукты, или цѣнности, прибавленныя къ матеріалу ихъ трудомъ, получить прибыль».

Здѣсь рѣзко проведено различіе между простымъ товарнымъ и капиталистическимъ способомъ производства. Въ 7-й главѣ Смитъ замѣчаетъ, что въ каждомъ обществѣ и государствѣ существуетъ средняя высота заработной платы, прибыли и земельной ренты; относительно послѣдней мы ниже поговоримъ подробнѣе, поэтому сейчасъ не коснемся ея. Эти среднія нормы можно назвать ихъ естественнымъ уровнемъ.

«Если цѣна товара не больше и не меньше суммы денегъ, опредѣляемой естественной мѣрой земельной ренты, заработной платы и прибыли съ капитала, употребленнаго на производство, отдѣлку и доставку товара на рынокъ, то товаръ, какъ говорятъ, продается по его *естественной цѣнѣ*».

Эта «естественная» норма прибыли, какъ и цѣнность, существуетъ только въ тенденціи. Какъ цѣна тяготеетъ къ цѣнности, такъ прибыль тяготеетъ къ «естественной» или средней прибыли.

Но чѣмъ же опредѣляется высота этой «естественной», или, какъ выражаются, обычной въ странѣ прибыли? На этотъ вопросъ Адамъ Смитъ такъ же мало могъ отвѣтить, какъ Рикардо или какой-нибудь другой буржуазный экономистъ; все, что они говорятъ по этому поводу—большій или меньшій рискъ, большая или меньшая заработная плата,—объясняетъ только *отклоненіе* дѣйствительной прибыли отъ средней, какъ спросъ и предложеніе объясняютъ *отклоненіе* рыночной цѣны отъ цѣнности, т. е. отъ цѣны производства; но они нисколько не объясняютъ данной высоты средней прибыли. Они объясняютъ, почему въ одномъ случаѣ прибыль равняется 19⁰/₀, въ другомъ 21⁰/₀, а не средней нормѣ прибыли—20; но они не объясняютъ, почему средняя норма прибыли равна 20, а не 200 и не 2000.

Это объясненіе даетъ Марксъ своей теоріей прибавочной цѣнности. Самый фактъ прибавочной цѣнности открыть не Марксомъ, но и не заимствованъ имъ у Томпсона, такъ какъ этотъ фактъ намѣченъ еще у старика Смита, который въ упомянутой уже 6 главѣ его «Wealth of Nations» (1 часть) говоритъ: «Цѣнность, которую рабочіе прибавляютъ къ матеріалу, распадается, такимъ образомъ, (въ капиталистическомъ произв-

водствѣ), на двѣ части, изъ которыхъ одна оплачиваетъ заработную плату, другая—прибыль предпринимателя на весь капиталъ, затраченный имъ въ видѣ матеріала и заработной платы».

Здѣсь почти понято и установлено явленіе прибавочной цѣнности, и Томпсонъ ничего не прибавилъ къ этому пониманію, а только вывелъ изъ экономическаго факта юридическое требованіе сомнительнаго свойства. Онъ такъ же мало думалъ начать объясненіе экономическаго процесса съ объясненія прибавочной цѣнности, какъ Адамъ Смитъ и другіе предшествовавшіе Марксу экономисты. Прибавочная цѣнность пригодилась ему только затѣмъ, чтобы осудить прибыль, но не объяснить ее. Это удалось лишь Марксу. Только онъ подробно и систематически показалъ, какъ возникаетъ и функционируетъ прибавочная цѣнность, и всѣ открытія Антона Менгера и К^о ничего не прибавили къ его теоріи.

Возникновеніе прибавочной цѣнности объясняется тѣмъ, что при извѣстномъ уровнѣ техническаго развитія человѣческая рабочая сила способна производить излишекъ надъ цѣнностью продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія и воспроизведенія ея. Такой излишекъ, прибавочный продуктъ, человѣческая сила производитъ съ незапамятныхъ временъ, и весь культурный прогрессъ покоится на постепенномъ увеличеніи этого излишка подъ вліяніемъ усовершенствованій техники.

При простомъ товарномъ производствѣ прибавочный продуктъ принимаетъ форму товаровъ, заключаетъ въ себѣ цѣнность, которую, однако, нельзя назвать прибавочной цѣнностью, такъ какъ человѣческая рабочая сила на этой стадіи создаетъ цѣнность, но сама еще не цѣнность, т. е. не товаръ.

Выручка за прибавочный продуктъ достается такимъ образомъ рабочему; онъ можетъ употребить ее на улучшеніе жизненныхъ условій своей семьи, на удовольствія болѣе грубаго или болѣе тонкаго свойства, на сбереженіе копѣйки на черный день, на собираніе клада, или на улучшеніе средствъ производства. Но большую или меньшую часть этой прибыли онъ долженъ уступить въ видѣ платежей князьямъ, общинамъ, помѣщикамъ, иногда же въ видѣ процента, если онъ нуждался въ деньгахъ. Однако можетъ случиться, что съ самаго начала у него отнимаютъ всю или часть цѣнности его прибавочнаго продукта. Его стѣсненнымъ положеніемъ поль-

зуются не только ростовщикъ, но, при извѣстномъ состояніи рынка, и купецъ, который часто не отличается отъ ростовщика. Прибыль купца при простомъ товарномъ производствѣ объясняется не только тѣмъ, что онъ продаетъ товары выше цѣнности, но и тѣмъ, что онъ покупаетъ ихъ ниже цѣнности. Чѣмъ больше конкуренція на товарномъ рынкѣ, чѣмъ стѣсненнѣе положеніе производителя, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ послѣдній источникъ прибыли. Еще одинъ шагъ впередь—и изъ стадіи простого товарнаго производства мы попадаемъ въ область капиталистическаго производства.

Отсюда естественно вытекаетъ, что купецъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ рабочаго, предпочитаетъ на мѣсто свободнаго производителя, продающаго купцу свой продуктъ по пониженной цѣнности, поставить наемнаго рабочаго, превращая его въ производителя, производящаго товары не въ своей мастерской, а въ мастерской капиталиста, и существующаго не на счетъ продажи своихъ продуктовъ, а на счетъ продажи своей рабочей силы.

И такъ, рабочая сила превращается въ товаръ, содержащій цѣнность, равную цѣнности средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія и воспроизведенія этой силы. Излишекъ произведенной рабочимъ цѣнности надъ цѣнностью его рабочей силы превращается въ прибавочную цѣнность. Тамъ, гдѣ цѣна рабочей силы, заработная плата, совпадаетъ съ ея цѣнностью, онъ цѣликомъ достается капиталисту.

Промышленному капиталисту достается весь продуктъ, произведенный его наемными рабочими. Цѣнность этого продукта равна цѣнности потребленныхъ средствъ производства—сырого матеріала, траты машинъ, зданій и т. п., плюсъ цѣнность рабочей силы, или, выражаясь проще, заработной платѣ + прибавочная цѣнность. Послѣдняя-то и образуетъ прибыль. Но превращеніе прибавочной цѣнности въ прибыль еще сложнѣе, чѣмъ превращеніе цѣнности въ цѣну.

Въ процессъ производства капиталистъ вноситъ не трудъ, а капиталъ. Для него прибыль является не продуктомъ прибавочнаго труда его рабочихъ, а продуктомъ его капитала. Онъ вычисляетъ норму прибыли не по количеству вложеннаго труда, а по количеству вложеннаго капитала. Но отсюда слѣдуетъ, что если нѣсколько предпріятій получаютъ одинаковую норму прибавочной цѣнности, то норма прибыли въ нихъ будетъ различна, если различны величины вложенныхъ ими капиталовъ.

Пояснимъ это примѣромъ, который постараемся по возможности упростить. Возьмемъ три предпріятія, въ которыхъ равны не только нормы прибавочной цѣнности, т. е. эксплуатація рабочихъ, но и время оборота капиталовъ. Капиталистъ высчитываетъ норму прибыли на основаніи отношенія между полученной имъ отъ предпріятія въ теченіе года суммой прибыли и суммой капитала, израсходованнаго на это предпріятіе. Если, при одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности и при одинаковомъ количествѣ капитала, скорость оборота капиталовъ какихъ-нибудь двухъ предпріятій различна, то и норма прибыли будетъ различна.

Если капиталъ въ 100.000 марокъ при каждомъ оборотѣ приноситъ прибавочную цѣнность въ 10.000 марокъ, то при одномъ оборотѣ въ годъ отношеніе между годичной прибавочной цѣнностью и капиталомъ будетъ равно 1:10, а при десяти оборотахъ—10:10. Въ первомъ случаѣ норма прибыли будетъ равняться 10%, во второмъ—100%.

Мы не будемъ обращать вниманія на это различіе, чрезвычайно усложняющее вопросъ, и возьмемъ три предпріятія съ одинаковой нормой прибавочной цѣнности, одинаковой скоростью оборотовъ капитала и одинаковымъ числомъ рабочихъ; различно въ этихъ предпріятіяхъ лишь количество капитала, необходимаго для занятія того же самаго числа рабочихъ. Необходимо замѣтить, что Марксъ различаетъ два вида капитала: переменный и постоянный. Переменнымъ капиталомъ называется тотъ, который расходуется на заработную плату рабочихъ; его примѣненіе создаетъ прибавочную цѣнность. Эта часть капитала растетъ въ процессѣ производства, она не постоянна, она измѣнчива. Напротивъ, та часть капитала, которая вложена въ постройки, машины, сырой матеріалъ и пр., словомъ, въ средства производства, не измѣняется въ процессѣ производства,—ея цѣнность появляется въ произведенныхъ съ ея помощію продуктахъ; она, слѣдовательно, постоянна. Такимъ образомъ, въ нашемъ примѣрѣ мы исходимъ изъ того предположенія, что во всѣхъ трехъ предпріятіяхъ вложенъ одинаковый переменный и различный постоянный капиталъ. Пусть въ одномъ изъ этихъ предпріятій, напр., въ плотничьемъ дѣлѣ, вложенъ чрезвычайно малый постоянный капиталъ. Здѣсь работа производится безъ всякихъ построекъ и машинъ, съ помощію простыхъ инструментовъ, надъ дешевымъ строевымъ лѣсомъ. Во второмъ пред-

пріятіи вложенъ чрезвычайно большой постоянный капиталъ. Пусть это будетъ химическій заводъ, который нуждается въ большихъ, солидныхъ постройкахъ и множествѣ машинъ, но обходится сравнительно небольшимъ количествомъ рабочихъ. И, наконецъ, въ третьемъ предпріятіи, напр. мебельной фабрикѣ, пусть переменный и постоянный капиталъ будутъ примѣнены въ среднемъ отношеніи.

Намъ необходимо сдѣлать еще одно допущеніе, чтобы представить нашъ примѣръ въ самомъ простомъ видѣ, именно допущеніе, что весь постоянный капиталъ потребляется въ теченіе года и снова появляется въ цѣнности продукта. Ясно, что въ дѣйствительности это едва ли имѣетъ мѣсто въ какомъ-нибудь капиталистическомъ производствѣ. Постройки, машины не потребляются такъ быстро; если машина въ ходу 10 лѣтъ, то каждый годъ она прибавляетъ къ произведеннымъ продуктамъ только $\frac{1}{10}$ часть своей цѣнности. Однако безъ нашего допущенія мы напрасно усложнимъ примѣръ, несколько не измѣняя конечнаго результата. Въ каждомъ изъ 3 предпріятій занято по 100 рабочихъ, получающихъ одинаковую заработную плату,—1000 марокъ на человека въ годъ. Норма прибавочной цѣнности въ каждомъ предпріятіи равна 100%, сумма прибавочной цѣнности—100,000 мар. Постоянный же капиталъ въ плотничьемъ производствѣ А равенъ 100,000 мар., въ мебельной фабрикѣ В—300,000 мар., а въ химическомъ заводѣ С—500,000 мар. Въ каждомъ изъ нихъ капиталъ оборачивается одинъ разъ въ годъ. Такимъ образомъ, мы получимъ:

Предпріятіа.	К а п и т а л ъ.			Прибавочная цѣнность. Марки.	Отношеніе прибавочной цѣнности ко всему капиталу.
	Переменный. Марки.	Постоянный. Марки.	Весь. Марки.		
А	100.000	100.000	200.000	100.000	1:2
В	100.000	300.000	400.000	100.000	1:4
С	100.000	500.000	600.000	100.000	1:6

Если-бъ товары продавались по ихъ цѣнности, то А получилъ-бы прибыль въ 50%, В—25%, С—16,6%. Высшій законъ капиталистическаго способа производства, равен-

ство, не людей, а прибылей, былъ бы самымъ грубымъ образомъ нарушенъ. Капиталисты будутъ избѣгать, какъ чумы, производства типа С, и наоборотъ цѣлыми толпами наживаться на предпріятія типа А. Предложеніе продуктовъ предпріятія С быстро падеть, и поэтому цѣна поднимется надъ уровнемъ цѣнности; обратное произойдетъ съ А; наконецъ, цѣны продуктовъ А и С достигнутъ одного уровня, при которомъ онѣ дадутъ такую же норму прибыли, какъ средній капиталъ В. Эта норма прибыли и есть средняя норма прибыли, она опредѣляетъ цѣну производства. Мы получимъ тогда:

Предпріятія.	Весь капиталъ. Марки.	Прибавочная цѣнность. Марки.	Вся цѣнность продуктовъ за одинъ годъ. Марки.	Норма прибыли.	Прибыль.	Вся цѣна производства продуктовъ за годъ.
А.	200.000	100.000	300.000	25%	50.000	250.000
В.	400.000	100.000	500.000	25%	100.000	500.000
С.	600.000	100.000	700.000	25%	150.000	750.000
Итого . .	1.200.000	300.000	1.500.000	25%	300.000	1.500.000

Цѣны производства, опредѣляемыя «издержками производства», нѣсколько уклоняются отъ цѣнностей продуктовъ, но законъ цѣнности этимъ не уничтожается, а только видоизмѣняется. Онъ остается дѣйствующимъ за цѣнами производства регулирующимъ элементомъ и сохраняетъ абсолютную силу закона для общей суммы товаровъ и для общей массы прибавочной цѣнности, и, вслѣдствіе этого, представляетъ прочный базисъ какъ для цѣны, такъ и для нормы прибыли, которыя безъ этого оказываются висящими въ воздухѣ.

Университетская политическая экономія съ пренебреженіемъ смотритъ на давно опровергнутую «наукой» теорію цѣнности Маркса, что однако не мѣшаетъ той же самой экономіи считать необходимымъ изъ года въ годъ фабриковать цѣлый рядъ толстыхъ книгъ и трактатовъ для новаго опроверженія давно опровергнутой теоріи, произведенія, цѣнность которыхъ едвали всегда соответствуетъ потраченному на нихъ труду: но что другое остается ей привести для объясненія средней прибыли, кромѣ словъ «обычная въ странѣ»?

в) *Дифференциальная рента.*

Объясняя «обычную въ странѣ» прибыль, мы оказались на порогѣ земельной ренты.

Однимъ изъ источниковъ ея является то обстоятельство, что капиталистъ на ряду съ «обычной въ странѣ», общепринятой прибылью можетъ получить еще сверхъ-прибыль. Изъ разныхъ видовъ этой послѣдней насъ интересуесть здѣсь лишь одинъ, имѣющій мѣсто въ области производства и вытекающій изъ того, что промышленный предприниматель, благодаря особенно выгоднымъ средствамъ производства, находящимся въ его исключительномъ распоряженіи, производитъ съ меньшими затратами, чѣмъ того требуютъ общія господствующія производственныя отношенія.

Пояснимъ примѣромъ природу этой сверхъ-прибыли. Допустимъ тѣже упрощенія, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ.

Возьмемъ двѣ сапожныя фабрики въ одномъ и томъ же городѣ. Одна, скажемъ фирма Мюллеръ, производитъ съ помощью общеупотребительныхъ машинъ, другой же—Шульце, удалось завести необыкновенно хорошія машины. Мюллеръ при затратѣ капитала въ 320,000 марокъ производитъ въ годъ 40,000 паръ башмаковъ. Средняя норма прибыли равняется 25⁰/₁₀₀. Мюллеръ, слѣдовательно, долженъ назначить такую цѣну на 40,000 паръ башмаковъ, стоящихъ ему 320,000 м., чтобы получить 80,000 мар. прибыли. Только заполучивъ ихъ, онъ можетъ по капиталистическимъ понятіямъ считать, что производитъ безъ убытка. Цѣна производства 40,000 паръ башмаковъ для фирмы Мюллеръ составляетъ сумму въ 400,000 мар., т. е., каждой пары—въ 10 мар.

Шульце, наоборотъ, благодаря своимъ отличнымъ машинамъ, производитъ при затратѣ 320,000 мар. 45,000 паръ башмаковъ; дѣйствительная, индивидуальная цѣна производства одной пары башмаковъ въ данномъ случаѣ равняется не 10, а 8,88 мар.; но онъ въ состояніи продавать ихъ по общественной цѣнѣ производства, какъ и его конкуррентъ, т. е. по 10 мар. за пару. Поэтому онъ получаетъ за свои башмаки 450,000 марокъ; кромѣ*обычной прибыли въ 80,000 марокъ, онъ забираетъ себѣ еще круглую сумму въ 50,000 марокъ въ качествѣ сверхъ-прибыли.

Приложимъ этотъ примѣръ къ сельскому хозяйству. Въ-сто двухъ фабрикъ возьмемъ два участка пахатной земли (каждый, скажемъ, въ 20 гектаровъ) неодинаковаго плодородія, на которыхъ ведутъ хозяйства капиталистическіе предприниматели. Одинъ участокъ при затратѣ 3200 марокъ даетъ 400 центнеровъ пшеницы, другой при той же затратѣ—450 центнеровъ. Чтобы получить обычную прибыль, собственникъ перваго участка при средней нормѣ прибыли въ 25⁰/₀ долженъ прибавить къ 8 маркамъ, издержкамъ производства центнера пшеницы, еще 2 марки, т. е. цѣна производства будетъ 10 марокъ, общая прибыль сельскаго хозяина—800 марокъ. Второй сельскій хозяинъ продаетъ свою пшеницу также по 10 марокъ за центнеръ, выручаетъ 4500 марокъ, но получаетъ кромѣ средней прибыли еще 500 марокъ сверхъ-прибыли.

Съ перваго взгляда этотъ случай вполне тождественъ съ случаемъ, взятымъ изъ области индустріи; и однако онъ существенно отличается отъ него. Разсматриваемый здѣсь видъ сверхъ-прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ подлежитъ дѣйствию совершенно отличныхъ законовъ и образуетъ поэтому особенную экономическую категорію—*земельную ренту*.

Земля (къ ней слѣдуетъ прибавить всѣ производительныя силы, которыя являются принадлежностью земли, напр., сила водопадовъ и текучихъ водъ) представляетъ средство производства совершенно особаго рода. Она не можетъ быть произвольно увеличена, не повсюду обладаетъ тѣми же свойствами; исключительныя особенности какого-нибудь участка земли соединены съ нимъ и не могутъ быть по произволу перенесены. Машины же и инструменты, напротивъ, могутъ по желанію быть увеличены и перенесены, могутъ отличаться одними и тѣми же достоинствами.

Если поэтому въ области индустріи капиталисту, вслѣдствіе благопріятныхъ условій производства, удастся получить сверхъ-прибыль, то этимъ онъ обязанъ необыкновеннымъ индивидуальнымъ свойствамъ или отношеніямъ, особенно счастливой случайности, исключительной опытности, смысленности, энергіи или же обладанію необыкновенно большимъ капиталомъ. Его сверхъ-прибыль возбудитъ тотчасъ жадность другихъ капиталистовъ; они направятъ всѣ свои старанія, чтобы поставить свои предпріятія въ такія же условія производства, и такимъ образомъ раньше или позже необычныя выгодныя

условія производства стануть всеобщими, увеличенное предложение понизитъ цѣны, и сверхъ-прибыль капиталиста, который впервые ввелъ улучшения, исчезнетъ.

Въ индустріи сверхъ-прибыль, получаемая благодаря особо выгоднымъ условіямъ производства, всегда представляетъ лишь исключительное и временное явленіе.

Иначе обстоитъ дѣло въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ сверхъ-прибыль зависитъ отъ различной производительности почвы. Эта неодинаковая производительность есть результатъ естественныхъ условій, и при данныхъ техническихъ условіяхъ представляетъ постоянную величину. Если даже допустить, что всѣ прочія условія производства совершенно одинаковы для различныхъ сельскихъ хозяевъ, все же останется разница въ качествѣ почвы. Земельная рента поэтому представляетъ не временное, а *постоянное явленіе*.

Далѣе, цѣна производства какого-нибудь продукта индустріи, какъ мы знаемъ, опредѣляется средней въ странѣ прибылью и средне-необходимыми при данныхъ производственныхъ отношеніяхъ издержками производства, т. е. необходимой для производства данного продукта тратой капитала. Предпріятіе, въ которомъ индивидуальныя издержки производства ниже «общественно-необходимыхъ», получаетъ сверхъ-прибыль; напротивъ, то, въ которомъ онѣ выше, получаетъ меньше обычной въ странѣ прибыли, иногда даже убытокъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, наоборотъ, издержки производства не опредѣляются высотой таковыхъ на землѣ средняго качества. Если на ряду съ лучшей почвой въ значительномъ количествѣ обрабатывается и худшая, то этого, какъ мы уже замѣтили, нельзя приписывать индивидуальнымъ отношеніямъ или свойствамъ сельского хозяина. Это объясняется тѣмъ, что лучшая почва не въ состояніи производить жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для прокормленія населенія. Но капиталистъ—рѣчь, конечно, идетъ о капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ—требуетъ отъ своего предпріятія не только покрытія издержекъ производства, но также и средней прибыли. Поэтому капиталисты займутся обработкой худшей почвы только въ томъ случаѣ, если недостаточное предложение сѣстныхъ припасовъ такъ подниметъ ихъ цѣны, что станетъ выгодной обработка и худшей почвы. Это значитъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ цѣна производства опредѣляется издержками производства *не на средней, а на худшей изъ обрабатываемыхъ почвъ*.

Но изъ этихъ двухъ различій между рентой и индустриальной прибылью вытекаетъ еще и третье. Населеніе растетъ, особенно тамъ, гдѣ растетъ и индустрія, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и спросъ на жизненные средства. Слѣдовательно, становится необходимой обработка худшей почвы. Благодаря этому по мѣрѣ экономического развитія *растетъ* и разница въ продуктивности различныхъ участковъ земли, а потому и *земельная рента*.

Чтобы ясно показать это, придется продолжить вышеприведенный примѣръ. Для большей наглядности представимъ его въ видѣ таблицъ, при чемъ допустимъ, что пришлось перейти къ обработкѣ почвы еще худшей, чѣмъ въ первомъ примѣрѣ, т. е. отъ земли, приносящей при затратѣ въ 3200 марокъ—400 центнеровъ пшеницы, сдѣланъ переходъ къ землѣ, приносящей при той же затратѣ и съ той же площади только 320 центнеровъ.

	Сорта почвы.	Продукты: пшеница. Центнеры.	Затрата ка- питала. Марки.	Норма при- были.	Индивидуальная цѣна производств.		Общественная цѣна производств.		Земельная рента.
					Всего продукта. Марки.	Pro центнеръ. Марки.	Всего продукта. Марки.	Pro центнеръ. Марки.	
I	А . .	450	3200	25%	4000	8.88	4500	10	500
	В . .	400	3200	25%	4000	10.00	4000	10	—
II	А . .	450	3200	25%	4000	8.88	5650	12.50	1650
	В . .	400	3200	25%	4000	10.00	5000	12.50	1000
	С . .	320	3200	25%	4000	12.50	4000	12.50	—

Мы видимъ, такимъ образомъ, что съ расширеніемъ производства и переходомъ къ худшей почвѣ земельная рента съ участка А повысилась съ 500 до 1650, а участокъ В, который раньше совсѣмъ не давалъ ренты, приноситъ теперь 1000 марокъ.

Въ процессѣ капиталистическаго развитія норма прибыли имѣетъ тенденцію къ *пониженію*. Мы не будемъ говорить здѣсь о причинахъ этого явленія, которое должно быть признано неоспоримымъ. Земельная рента, напротивъ, обладаетъ тенденціею къ *повышенію*. Это, конечно, не значитъ, что рента съ опредѣленнаго участка земли непрерывно увеличивается. Въ странѣ съ культурнымъ прошлымъ ростъ земледѣлія совершается

путемъ перехода отъ лучшей земли къ худшей. Въ случаѣ же съ молодой культурой часто бываетъ наоборотъ, такъ какъ здѣсь сначала обрабатывается не лучшая, а болѣе доступная почва. Если мы допустимъ, что расширение земледѣлія идетъ путемъ перехода отъ худшей къ лучшей почвѣ, то наша таблица представится приблизительно въ слѣдующемъ видѣ:

	Сорта почвы.	Продуктъ пшеница. Центнеры.	Затрата капитала. Марки.	Норма прибыли. Марки.	Индивидуальная цѣна производств.		Общественная цѣна производств.		Земельная рента. Марки.
					Всего продукта. Марки.	Pro центнеръ. Марки.	Всего продукта. Марки.	Pro центнеръ. Марки.	
III	X . . .	500	3200	25%	4000	8.00	5000	10	1000
	A . . .	450	3200	25%	4000	8.88	4500	10	500
	B . . .	400	3200	25%	4000	10.00	4000	10	—

Въ этомъ случаѣ земельная рента съ участка А не повысилась, но за то участокъ X, который раньше совсѣмъ не приносилъ ренты, теперь даетъ 1000 марокъ. Сумма земельной ренты, доставшейся собственникамъ земли, повысилась абсолютно, а по сравненію съ первой таблицей и по отношенію ко всему затраченному капиталу.

При благопріятныхъ условіяхъ подъ обработку попадетъ такое количество хорошей земли, что цѣны на жизненные средства падутъ, и обработка воздѣлывавшихся до сихъ поръ худшихъ участковъ перестанетъ быть прибыльной, а потому и прекратится. Въ этомъ случаѣ земельная рента съ извѣстнаго участка *падаетъ*, и тѣмъ не менѣе, вся сумма увеличивается и абсолютно, и по отношенію къ затраченному въ сельскомъ хозяйствѣ капиталу. Это иллюстрируется слѣдующей таблицей:

	Сорта почвы.	Продуктъ: пшеница. Центнеры.	Затрата капитала. Марки.	Норма прибыли.	Индивидуальная цѣна производств.		Общественная цѣна производств.		Земельная рента.
					Всего продукта. Марки.	Pro центнеръ. Марки.	Всего продукта. Марки.	Pro центнеръ. Марки.	
IV	У . . .	600	3200	25%	4000	6.66	5328	8.88	1328
	X . . .	500	3200	25%	4000	8.00	4440	8.88	440
	A . . .	450	3200	25%	4000	8.88	4000	8.88	—

Цѣна производства понизилась; участокъ В совершенно исключень изъ сферы хозяйственной дѣятельности. Почва А совсѣмъ перестала приносить ренту; рента съ участка X съ 1000 марокъ упала до 440, и всетаки весь доходъ отъ земельной ренты повысился съ 1500 марокъ (табл. III) до 1768 (т. IV).

Нашъ примѣръ не измѣнится, если вмѣсто отдѣльныхъ участковъ мы возьмемъ всѣ сорта почвы цѣлой страны, или даже мірового хозяйства. Только въ послѣднемъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ сотнями и тысячами, а съ сотнями и тысячами *милліоновъ*.

Но ренту создаетъ не только разница въ *плодородіи* почвы, но и разница въ *положеніи* участка, *отдаленности его отъ рынка*. Чѣмъ больше растетъ населеніе какого-нибудь рынка жизненныхъ средствъ и, слѣдовательно, спросъ на эти послѣднія, тѣмъ отдаленнѣе тѣ районы, откуда они должны доставляться. Но отдаленные участки начинаютъ воздѣлываться для рынка только въ томъ случаѣ, если цѣны жизненныхъ средствъ настолько повысились, что въ состояніи не только покрыть издержки производства и издержки транспорта, но и доставлять среднюю прибыль. Отсюда вытекаетъ земельная рента для близъ лежащихъ участковъ.

Возьмемъ три участка, лежащихъ на различномъ разстояніи отъ рынка, и пусть, для большей простоты, всѣ они одинаковаго плодородія. Издержки транспорта, положимъ равняются пфенигу рго центнеръ и километръ. Тогда мы получимъ:

Участки земли.	Отдаленность отъ рынка. Километр.	Продуктъ пшеница. Центнеры	Индивидуальная цѣна производства на мѣстѣ. Марки.	Расходы по транспорту. Марки.	Рыночная цѣна 400 цент. пшеницы. Марки.	Земельная рента.
А.	5	400	4000	20	4400	380
В.	50	400	4000	200	4400	200
С.	100	400	4000	420	4400	—

И этотъ видъ земельной ренты имѣетъ тенденцію, по мѣрѣ роста населенія, повышаться. Но улучшение путей сообщенія, удешевляющее транспортъ жизненныхъ средствъ, дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи. Наконецъ, возможна еще

третья форма земельной ренты, и эта форма въ странахъ съ древней культурой имѣетъ самое важное значеніе. Производство жизненныхъ средствъ можно увеличить не только воздѣлываніемъ новыхъ, до сихъ поръ необрабатывавшихся участковъ земли, но также и путемъ улучшенія уже воздѣлывавшихся участковъ, путемъ приложенія къ нимъ большаго труда, словомъ, большаго капитала (расходы на заработную плату, скотъ, удобреніе, орудія и пр.). Если этотъ добавочный капиталъ, вложенный въ лучшую почву, дастъ большій доходъ, чѣмъ обработка самой худшей, которую въ противномъ случаѣ пришлось-бы обрабатывать, то добавочный доходъ даетъ новую сверх-прибыль, новую земельную ренту.

Для иллюстраціи этого случая вернемся къ первой таблицѣ. Мы имѣемъ два одинаковой величины участка земли А и В. В принадлежитъ къ самымъ худшимъ участкамъ, цѣна его производства (10 марокъ рго центнеръ) является для рынка опредѣляющей. На участокъ А затрачивается добавочный капиталъ, удваивающій прежній капиталъ; новая затрата не такъ производительна, какъ первая, но производительнѣе той, которая была произведена на худшей почвѣ. Мы такимъ образомъ найдемъ:

	Вложенный капиталъ.	Продуктъ—пшеница Центн.	Размѣръ капитала. Марки.	Норма прибыли. л.	Издержки производ-ства. Марки.	Рыночная цѣна.		Земельная рента. Марки.
						Рго центн. Марки.	Всего продук. Марки.	
V	A ¹ . .	450	3200	25%	4000	10	4500	500
	A ² . .	420	3200	25%	4000	10	4200	200
	Всего.	870	6400	25%	8000	10	8700	700
	В . .	400	3200	25%	4000	10	4000	—

Земельная рента съ участка А, т. е. вся сумма ея, повысилась, благодаря прибавочной затратѣ капитала.

Какъ ни разнородны разсматриваемыя здѣсь формы земельной ренты, онѣ имѣютъ одно общее: всѣ онѣ возникаютъ благодаря различію въ плодородіи или расположеніи опредѣ-

ленныхъ земельныхъ участковъ; онъ поэтому *дифференціальная ренты*.

Но кому онъ достаются?

Сверхъ-прибыль въ индустріи, получаемая вслѣдствіе превышенія средней производительности труда, достается капиталисту, хотя онъ и не изобрѣлъ, *а только примѣнилъ болѣе совершенную машину, благодаря которой онъ обладаетъ* преимуществомъ передъ конкурентами, хотя большая производительность труда, зависящая отъ приложенія большаго капитала, т. е. отъ болѣе высокаго характера производства, и не составляетъ его личной заслуги. Не такъ хорошо для него обстоитъ дѣло съ сверхъ-прибылью, получаемой благодаря большому плодородію и болѣе благоприятному расположенію земельного участка.

Если собственникъ земли и сельскій хозяинъ представляютъ одно и то же лицо, то ему, конечно, и достается сверхъ-прибыль. Но совсѣмъ другое, если сельскій хозяинъ-капиталистъ и собственникъ земли—два различныхъ лица, если первый является только арендаторомъ чужой земли. Земля не можетъ быть по желанію увеличена или перенесена. Сельскій хозяинъ, не владѣющій самъ землей, и желающій заняться хозяйствомъ, не можетъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія собственника земли, и это разрѣшеніе онъ принужденъ купить уступкой своей сверхъ-прибыли, земельной ренты. Больше этой сверхъ-прибыли помѣщикъ, обыкновенно, не получаетъ (по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній ведетъ капиталистическое хозяйство, что здѣсь и предполагается). Если капиталистъ не надѣется получить обычной прибыли, то онъ отказывается отъ дѣла, и собственникъ земли остается безъ арендатора. Если же, наоборотъ, арендная плата ниже земельной ренты, то часть получаемой сверхъ-прибыли остается въ рукахъ арендатора; этотъ послѣдній получаетъ прибыль, болѣешую средней, что даетъ поводъ къ конкуренціи, и въ результатѣ арендная плата повышается.

1) Абсолютная земельная рента.

Но монополія собственника земли, безъ разрѣшенія котораго на послѣдней запрещается заниматься сельскимъ хозяйствомъ, даетъ себя знать также и въ другомъ отношеніи. Мы до сихъ поръ

принимали, что худшая почва не приносит никакой сверх-прибыли. Но если-бы рыночныя цѣны капиталистически произведенныхъ товаровъ опредѣлялись непосредственно ихъ цѣнностью, а не цѣною производства, то капиталистическое сельское хозяйство могло-бы получить сверх-прибыль и съ самой худшей почвы.

Для поясненія этого мы воспроизведемъ приведенную на страницѣ 76 таблицу, въ которой мы наглядно представили отношеніе между прибавочной цѣнностью и всѣмъ капиталомъ въ трехъ различныхъ предпріятіяхъ. У насъ 3 предпріятія А, В и С съ «различнымъ, по терминологіи Маркса, органическимъ составомъ капитала», при чемъ «составъ капитала» надо понимать въ смыслѣ, «на сколько онъ опредѣляется его техническимъ строеніемъ и отражаетъ его» (Капиталь; III, рус. пер. 104 стр). Чѣмъ меньше затрачивается постояннаго капитала сравнительно съ переменнымъ, тѣмъ ниже строеніе капитала. Эксплуатація рабочихъ, т. е. норма прибавочной цѣнности во всѣхъ 3-хъ случаяхъ одна и таже.

Предпріятія.	Н а п и т а л ь .			Прибавочная цѣнность. Марки.	Отношеніе прибавочной цѣнности ко всему капиталу.
	Переменный. Марки.	Постоянный. Марки.	Весь. Марки.		
А	100.000	100.000	200.000	100.000	1:2
В	100.000	300.000	400.000	100.000	1:4
С	100.000	500.000	600.000	100.000	1:6

Если товары будутъ продаваться по ихъ цѣнности, т. е. сумма прибавочной стоимости будетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ равняться прибыли, то, если считать В за капиталъ средняго строенія, А принесетъ, по сравненію со средней прибылью, сверх-прибыль. Прибыль съ А равна 50%, съ В—25%, слѣдовательно сверх-прибыль съ А равняется 25%.

Если А производитъ при условіяхъ свободной конкуренціи, то онъ не можетъ долго удерживать эту сверх-прибыль; она имѣетъ временный характеръ. Совсѣмъ другое дѣло, если онъ занимаетъ исключительное положеніе, если онъ въ состояніи до извѣстной степени избѣгнуть конкуренціи. Но это имѣетъ мѣсто при обладаніи землей. Во всѣхъ давно существую-

щихъ государствахъ обладаніе землей представляетъ монополию, и это даётъ возможность не подвергать землю обработкѣ, если она не приноситъ ренты. Гдѣ все любить, тамъ Карлосъ не можетъ ненавидѣть; гдѣ каждый помѣщикъ получаетъ ренту, тамъ и собственникъ самой худшей земли, не дающей дифференціальной ренты, также получить земельную ренту. Онъ приступаетъ къ обработкѣ своей земли не раньше, чѣмъ цѣны на жизненные средства поднимутся настолько, что дадутъ также сверхъ-прибыль.

Но эта сверхъ-прибыль можетъ возникнуть и безъ того, чтобы цѣна производства хлѣба превысила его цѣнность. Дѣло въ томъ, что сельское хозяйство принадлежитъ къ тѣмъ отраслямъ производства, которыя, по крайней мѣрѣ, пока не достигнутъ извѣстной высоты технического развитія, требуютъ капитала низшаго строенія, такъ какъ оно почти не измѣняетъ никакого *сырого матеріала*, который оно впервые и производитъ. Родбертусъ, которому принадлежитъ заслуга первоначальнаго указанія на вытекающую отсюда сверхъ-прибыль, какъ на источникъ земельной ренты, ошибается, думая, что болѣе низкое строеніе сельско-хозяйственнаго капитала при всякихъ обстоятельствахъ свойственно ему, какъ таковому. Если сельское хозяйство и примѣняетъ меньше сырого матеріала, чѣмъ другія капиталистическія отрасли производства, то затраты его на машины и постройки—амбары, стойла, гидравлическія сооруженія—съ прогрессомъ техники все болѣе и болѣе растутъ. Весьма сомнительно, чтобы въ настоящее время интенсивное сельское хозяйство по органическому строенію своего капитала стояло ниже средняго.

При исчисленіи прибыли, однако, слѣдуетъ принимать во вниманіе и скорость оборота капитала, чего до сихъ поръ, въ видахъ простоты, мы избѣгали, но чего теперь нельзя обойти молчаніемъ. Капиталистъ опредѣляетъ свою норму прибыли отношеніемъ всей суммы прибыли, полученной имъ въ теченіе извѣстнаго времени (года), ко всему затраченному капиталу. Но при равенствѣ органическаго состава капитала и размѣровъ производства необходимъ тѣмъ болѣе капиталъ, чѣмъ медленнѣе совершается его оборотъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ оборотъ капитала совершается особенно медленно, поэтому, если скорость оборота ниже средняго, можетъ исчезнуть сверхъ-прибыль, вытекающая изъ другихъ источниковъ.

Допустимъ, что въ 3 предпріятіяхъ А, В, С приведенной выше таблицы скорость оборота капитала различна. Чтобы получить 100,000 м. прибавочной цѣнности, первое должно затратить 200,000 м., второе—400,000 м., третье—600,000 м. Скорость оборота перваго капитала равна году (мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ разницу между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ), второго—6 мѣсяцамъ, третьяго—3 мѣсяцамъ. Въ такомъ случаѣ А для годового оборота въ 200,000 м. долженъ затратить всѣ 200,000 м., В для годового оборота въ 400,000—также только 200,000 м., а С для годового оборота въ 600,000 м. можетъ обойтись капиталомъ въ 150,000 м. Въ такомъ случаѣ получимъ:

Предпріятія.	Весь капиталъ.	Прибавочная цѣнность.	Отношеніе прибавочной цѣнности ко всему капиталу.
	Марки.	Марки.	
А	200.000	100.000	50.0%
В	200.000	100.000	50.0%
С	150.000	100.000	66.6%

Болѣе быстрый оборотъ капитала покрылъ и превзошелъ убытокъ, который получилъ С въ предыдущей таблицѣ, благодаря болѣе высокому строенію капитала.

Родбертусъ, слѣдовательно, ошибался, предполагая, что при продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ по ихъ цѣнности, сельско-хозяйственный капиталъ, какъ низшій по строенію, естественно долженъ принести прибыль. Съ одной стороны, совсѣмъ нѣтъ необходимости, чтобы капиталъ былъ низшимъ по строенію, а съ другой, вліяніе этого обстоятельства можетъ быть совершенно парализовано медленностью оборота сельско-хозяйственнаго капитала.

Но если Родбертусъ не попалъ въ цѣль, стремясь доказать, что изъ низшаго строенія сельско-хозяйственнаго капитала необходимо возникаетъ особая форма ренты, то тѣмъ не менѣе онъ намѣтилъ путь, руководствуясь которымъ не трудно показать, какъ она можетъ возникнуть. Марксу оставалось изслѣдовать законы этой особой формы ренты, которую онъ назвалъ *абсолютной рентой*.

Цѣна жизненныхъ средствъ, благодаря монополіи на землю, какъ всякая монополюная цѣна, можетъ повысить цѣнность. Степень этого повышенія зависитъ отъ того, насколько, въ предѣлахъ монополіи, еще имѣютъ силу законы конкуренціи. Она опредѣляется конкуренціей собственниковъ земли между собой и съ другими странами, размѣрами, въ которыхъ добавочный капиталъ подъ вліяніемъ растущихъ цѣнъ прилагается къ лучшей землѣ и повышаетъ ея производительность, и, наконецъ,— и это важнѣйшій моментъ—покупательной силой населенія. Чѣмъ выше цѣна жизненныхъ средствъ, тѣмъ меньше кругъ потребителей, тѣмъ больше число лицъ, которыя должны ограничивать себя, не будучи въ состояніи уплачивать этой цѣны, что увеличиваетъ спросъ на суррогаты и вызываетъ ихъ производство. Если и такимъ путемъ не удастся достаточно обезпечить населеніе жизненными средствами, то увеличивается эмиграція, смертность, словомъ, уменьшается населеніе.

Господа собственники земли не могутъ, такимъ образомъ, произвольно повысить абсолютную ренту, но что можно выжать, то они выжимаютъ.

Если абсолютную ренту приносить и худшая почва, то ее будетъ давать и всякая почва. Это можно доказать простымъ расчетомъ. Вспомнимъ вторую таблицу (см. 8). Тамъ худшая почва С при цѣнѣ пшеницы въ 12,50 марокъ за центнеръ совсѣмъ не приносила земельной ренты. Посмотримъ, какъ измѣнится эта таблица, если почва С не будетъ воздѣлываться до тѣхъ поръ, пока цѣна пшеницы не поднимется гораздо выше 12,5. Далѣе пусть теперь она поднялась настолько, что даже обработка почвы С и поднявшійся, вслѣдствіе этого, спросъ понизили цѣну не ниже 15 марокъ. Тогда получимъ:

Родъ почвы.	Продуктъ пшеница. Центнеры.	Производительная цѣна рго центнеръ:		Рыночная цѣна рго центнеръ. Марки.	Дифференціальная рента. Марки.	Абсолютная рента. Марки.	Вся рента.
		Индивидуальная. Марки.	Общая. Марки.				
А . . .	450	8.88	12.50	15	1650	1125	2750
В . . .	400	10.00	12.50	15	1000	1000	2000
С . . .	320	12.50	12.50	15	—	800	800

Собственникъ или собственники почвы С, какъ христіане на дѣлѣ, повышеніемъ цѣнъ на пшеницу не только обезпечили ренту себѣ, но и почти удвоили ее своимъ коллегамъ. Средство, какимъ они добились этого,—обычное средство картелей: ограниченіе производства для повышенія цѣнъ. Разница между данной и индустриальной картелью та, что естественная монополія собственниковъ земли дѣлаетъ для нихъ повышеніе цѣнъ гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ для ихъ коллегъ въ индустріи и торговлѣ, которые принуждены создавать монополію искусственно. Это, однако, нисколько не помѣшало тому, что никто не выражаетъ большаго негодованія противъ хлѣбныхъ ростовщиковъ и картелей торговцевъ пшеницей (Weizenringe), какъ собственники земли, тѣ самые которые запретили «жидовскія» сдѣлки на срокъ, такъ какъ подобныя сдѣлки препятствуютъ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. Земельная рента достается земельному собственнику единственно по праву владѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ сдаетъ имѣніе въ аренду, ему даже не приходится ударить палецъ о палецъ, чтобы получить земельную ренту. Капиталистическій же предприниматель, чтобы реализовать прибыль, доставляемую ему рабочими, долженъ, если не принимать активное участіе въ процессѣ производства, то, по крайней мѣрѣ, проявлять активность въ сферѣ обращенія товаровъ при покупкѣ и продажѣ; долженъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока акціонерныя общества не сдѣлаютъ его излишнимъ и въ этой области. Землевладѣльцу же достаточно владѣть своимъ имѣніемъ и смотрѣть, какъ получается рента а, нерѣдко, и какъ она самопроизвольно увеличивается.

Капиталистическую земельную ренту не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми повинностями, которыя налагались на крестьянъ феодальными владѣльцами. Въ древности и, въ большей или меньшей степени, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ на феодалахъ лежали важныя обязанности, которыя имъ приходилось исполнять и которыя потомъ взяло на себя государство, за что крестьянинъ платитъ теперь государству. Помѣщикъ отправлялъ правосудіе, слѣдилъ за порядкомъ, представлялъ интересы своихъ крѣпостныхъ за предѣлами своихъ владѣній, защищалъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и исполнялъ за нихъ военную службу.

Въ капиталистическомъ обществѣ о всѣхъ этихъ обязанностяхъ землевладѣльцевъ не можетъ быть и рѣчи. Поскольку земельная рента—дифференціальная, она получается благодаря конкуренціи, поскольку она абсолютная—благодаря монополии. То, что она попадаетъ въ руки землевладѣльца, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, является не вознагражденіемъ за какую-нибудь исполняемую имъ общественную функцію, но единственно и исключительно результатомъ частной собственности на землю.

На практикѣ земельная рента выступаетъ нераздѣльной; въ ней нельзя отличить дифференціальной ренты отъ абсолютной. Обыкновенно въ нее входятъ еще и проценты на капиталъ, затраченный землевладѣльцемъ. Если землевладѣлецъ въ тоже время и сельскій хозяинъ, земельная рента является частью сельско-хозяйственной прибыли.

И тѣмъ не менѣе различіе между обоими видами ренты имѣетъ весьма важное значеніе. Дифференціальная рента получается благодаря капиталистическому характеру производства, а не благодаря частной собственности на землю; она продолжала-бы существовать и въ томъ случаѣ, если бы, какъ того желаютъ реформаторы земельныхъ отношеній, земля сдѣлалась собственностью государства, а способъ веденія сельскаго хозяйства былъ-бы по-прежнему капиталистическимъ; она досталась-бы только не единичнымъ частнымъ лицамъ, но государству. Абсолютная рента есть слѣдствіе собственности на землю и противоположности интересовъ собственника и общества въ цѣломъ. Націонализація земли дала-бы возможность уничтожить ее и уменьшить цѣну сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на сумму ея.

Второе различіе между дифференціальной и абсолютной рентой состоитъ въ томъ, что первая не принимаетъ участія въ опредѣленіи цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а вторая принимаетъ. Первая вытекаетъ изъ цѣны производства, вторая изъ превышенія рыночной цѣны надъ цѣной производства. Первая образуется изъ излишка, изъ сверхъ-прибыли, которая получается вслѣдствіе большей производительности труда на хорошей почвѣ, или благопріятнаго мѣстоположенія участка. Вторая, напротивъ, вытекаетъ не изъ *большой доходности* нѣкоторой части сельско-хозяйственнаго труда, а путемъ вычета изъ существующихъ цѣнностей, что собственникъ земли

дѣлаетъ въ свою пользу, путемъ вычета изъ всей массы прибавочной цѣнности, т. е. путемъ пониженія *прибыли* или уменьшенія *заработной платы*. Если повышаются цѣны на жизненные средства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же мѣрѣ и заработная плата, то падаетъ прибыль на капиталъ; если же при этомъ заработная плата не повышается въ той-же мѣрѣ, то страдаетъ рабочій.

Наконецъ, можетъ быть и такой случай—обыкновенно это и бываетъ,—что капиталистъ и рабочій вмѣстѣ несутъ убытокъ, причиняемый имъ абсолютной земельной рентой.

Къ счастью ростъ абсолютной ренты имѣетъ свои границы. Мы уже выше указали, что землевладѣльцы не могутъ вполнѣ произвольно повышать ее. Въ Европѣ до недавняго времени она, какъ и дифференціальная рента, постоянно росла, благодаря росту населенія, все болѣе и болѣе упрочивающему монополюный характеръ владѣнія землей. Но за-атлантическая конкуренція пробила сильную брешь въ этой монополиі. У насъ нѣтъ никакого основанія допускать, что дифференціальная рента въ Европѣ пострадала отъ этой за-атлантической конкуренціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ Англии; вѣдь нигдѣ не видно, чтобы какую-нибудь землю перестали обрабатывать. Даже самая худшая почва все еще продолжаетъ воздѣлываться; измѣнился развѣ только способъ веденія хозяйства, но не его интенсивность. Но абсолютная рента понизилась, и это прежде всего послужило въ пользу трудящимся классамъ. Если условія ихъ жизни, начиная съ 70-хъ годовъ, во многомъ, особенно въ Англии, улучшились, то это главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать паденію абсолютной ренты, конечно, на ряду съ усиленіемъ политическаго и экономическаго могущества пролетаріата, способствовавшаго тому, чтобы получаемая такимъ образомъ прибыль не попадала исключительно въ руки капиталистовъ.

Но эти выгоды имѣютъ и свои невыгоды. Паденіе земельной ренты привело къ кризису въ сельскомъ хозяйствѣ, который, въ отличіе отъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, имѣетъ не временный, но хроническій характеръ; онъ даетъ себя чувствовать особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ это бываетъ въ большинствѣ странъ, собственникъ земли и сельскій хозяинъ одно и то же лицо, такъ что каждый убытокъ землевладѣльца является вмѣстѣ съ тѣмъ и убыткомъ сельскаго

хозяина, и гдѣ земельная рента фиксирована въ видѣ *цѣны на землю*.

Частная собственность на землю до начала за-атлантической конкуренціи, благодаря росту земельной ренты, была однимъ изъ главныхъ источниковъ обнищанія трудящихся классовъ; подъ вліяніемъ же этой конкуренціи она сдѣлалась источникомъ обнищанія землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. И каждая попытка засорить одинъ изъ этихъ источниковъ, составляетъ другой битвѣя сильнѣй.

д) *Цѣны на землю.*

Разъ господствуетъ частная собственность на землю и земля производитъ товары, отдѣльные участки земли сами превращаются въ товары. Если средства производства превращаются въ капиталъ, то отсюда не далеко до того, чтобы и землю разсматривать какъ капиталъ. Однако она ни въ коемъ случаѣ не капиталъ. Сколько бы мы не называли землю капиталомъ, собственникъ земли не станетъ отъ этого богаче ни на одинъ пфеннигъ. Правда, его имѣніе превратилось въ товаръ, имѣющій опредѣленную цѣну и рыночную стоимость, но она подлежитъ совершенно другимъ законамъ, чѣмъ обыкновенная товарная цѣнность. Земля не продуктъ человеческого труда; ея цѣна не опредѣляется ни необходимымъ для ея производства трудомъ, ни ея издержками производства. Она опредѣляется *земельной рентой*. Въ капиталистическомъ обществѣ цѣнность участка земли или имѣнія считается равной цѣнности капитала, процентъ съ котораго равенъ величинѣ данной земельной ренты. Величина этаго капитала и есть рыночная цѣнность земли. Слѣдовательно, она опредѣляется съ одной стороны высотой земельной ренты, съ другой—высотой «обычнаго въ странѣ» размѣра процентовъ.

Процентъ на капиталъ—это часть прибыли, которую капиталистъ-предприниматель уступаетъ владѣльцу капитала за пользование этимъ послѣднимъ, иначе говоря, та часть прибыли, которую капиталистъ получаетъ на основаніи одного только права собственности на капиталъ, не принимая активнаго участія ни въ промышленности, ни въ торговлѣ. Это вѣрно не только по отношенію къ ссудному, но и по отношенію къ акціонерному капиталу. Формы примитивнаго ссуднаго капитала

и характеръ его внѣ сферы производства насъ въ данномъ случаѣ не касаются.

Нормы процента на капиталъ, какъ и нормы прибыли, имѣютъ тенденцію къ взаимному выравниванію. Капиталы устремляются туда, гдѣ платится выше средняго процента и отливаются оттуда, гдѣ платится ниже средняго—предполагая, конечно, равенство прочихъ условій. Однако, «размѣръ процента, будетъ-ли это средній процентъ или опредѣляемый каждый разъ рынкомъ, представляется чѣмъ-то отличнымъ отъ равномѣрной, ясной и опредѣленной величины, какой является общая норма прибыли». (Марксъ, «Капиталъ», III. 1, рус. перев. стр. 294). Выравниваніе размѣра процента происходитъ гораздо скорѣе, чѣмъ выравниваніе нормы прибыли. Это послѣднее совершается путемъ измѣненія всего процесса національнаго производства, путемъ расширенія производства въ одной области и сокращенія въ другой. Въ денежномъ капиталѣ это выравниваніе прибыли совершается болѣе удобнымъ способомъ, и притомъ очень быстро. На рынкѣ, гдѣ предлагается и покупается капиталъ, выше цѣнится тотъ, который даетъ процентъ болѣе большій средняго, и ниже—тотъ, который даетъ ниже средняго процента. Если акція, купленная мною за 200 марокъ, приноситъ дивидендъ въ 10%, а обычный въ странѣ размѣръ процента равняется 5, то я могу продать акцію за 400 марокъ, какова бы ни была цѣнность средствъ производства, предоставляемыхъ ею.

Землю можно разсматривать, какъ подобный вкладъ капитала, и она оцѣнивается по высотѣ земельной ренты, доставляемой ею своему собственнику. Но если, благодаря этому, нѣкоторые экономисты разсматриваютъ землю, какъ капиталъ, то они совершенно упускаютъ изъ виду представляемую ею отличія.

При свободной конкуренціи, т. е. если не принимать во вниманіе монопольныхъ отношеній, какъ напр. въ желѣзнодорожномъ, горномъ дѣлѣ и т. п., процентъ съ капитала, внесеннаго въ какое-нибудь промышленное предпріятіе, также не можетъ долго продержаться на уровнѣ, вышемъ средняго, какъ и превышающая среднюю норма прибыли. Поэтому оцѣнка вклада капитала выше цѣны производства также можетъ быть только временнымъ явленіемъ.

При цѣнѣ земли объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ мы уже знаемъ, что земля, какъ таковая, не имѣетъ ни-

могутъ находиться различныя постройки или приспособленія, имѣющія въ виду удобства или роскошь, что обыкновенно бываетъ въ большихъ помѣстьяхъ. Подобныя части имѣнія, ничего общаго не имѣющія съ производствомъ, повышаютъ, конечно, цѣну, но не земельную ренту. Чѣмъ больше цѣна подобныхъ сооружений, тѣмъ меньшимъ покажется процентъ на «земельный капиталъ», если причислить первую къ послѣднему. Если, какъ въ нашемъ прежнемъ примѣрѣ, участокъ земли приноситъ земельную ренту въ 6000 мар., то, при среднемъ обычномъ процентѣ, равномъ 3, цѣна его будетъ 200.000 м. Но если собственникъ выстроитъ на немъ замокъ за 100.000 м., то онъ повыситъ теперь рыночную цѣну имѣнія до 300.000 м., т. е. «земельный капиталъ» принесетъ только 2°/_o, гораздо меньше, чѣмъ обыкновенный капиталъ.

Очень часто приходится слышать утверженіе, что земельный капиталъ отличается замѣчательнымъ свойствомъ приносить такіе ничтожныя проценты, какихъ не доставляетъ ни одинъ видъ капитала. Однако, дѣло обстоитъ иначе.

Какъ мы уже видѣли, такого капитала собственно нѣтъ, это не болѣе какъ фикція; но что дѣйствительно существуетъ—это земельная рента, по которой только и *исчисляется* размѣръ «земельнаго капитала». При этомъ исчисленіи земельная рента обыкновенно капитализируется выше, чѣмъ бы слѣдовало по среднему размѣру процента, но не потому, что земельный капиталъ имѣетъ таинственное свойство приносить меньшій процентъ, а потому, что капиталистъ обладаетъ ни сколько не таинственнымъ, а вполне понятнымъ свойствомъ смотрѣть на землю, мѣсто производства земельной ренты, какъ на такое помѣщеніе капитала, которое имѣетъ особыя преимущества. Въ большинствѣ случаевъ, это вполне основательно. Съ обладаніемъ землей часто связаны матеріальныя и не матеріальныя выгоды, которыя не отражаются на земельной рентѣ (владѣніе дачей или замкомъ, о чемъ мы уже упоминали, производство жизненныхъ продуктовъ для собственнаго потребленія, охота, политическое вліяніе); но, кромѣ того, земельная рента еще недавно въ Европѣ,—а въ городахъ и окрестностяхъ городовъ еще до сихъ поръ—въ противоположность проценту на капиталъ имѣла тенденцію *къ повышенію*. За эти надежды капиталистъ долженъ заплатить особо, когда покупаетъ землю.

Но всё эти особенности, связанные съ землевладѣніемъ и земельной рентой, не превращаютъ собственника земли, какъ такового, въ капиталиста. Можно, конечно, быть одновременно землевладѣльцемъ и капиталистомъ, но здѣсь рѣчь не объ этомъ. Купля и продажа превращаютъ владѣніе землей въ затрату капитала, но не въ капиталъ, какъ должность судьи въ прошломъ столѣтіи не превращалась сама въ капиталъ только потому, что на приобрѣтеніе ея необходимо было затратить капиталъ. Землевладѣлецъ, конечно, можетъ продать свою земельную собственность и такимъ путемъ стать капиталистомъ; но въ тотъ моментъ, какъ онъ станетъ имъ, онъ перестаетъ быть землевладѣльцемъ. Наоборотъ, капиталистъ, потратившій весь капиталъ на то, чтобы купить имѣніе, перестаетъ быть капиталистомъ съ того момента, какъ сдѣлается земельнымъ собственникомъ.

Что землевладѣлецъ не капиталистъ, это прежде всего замѣтили англійскіе помѣщики, раньше континентальныхъ помѣщиковъ лишившіеся феодальныхъ повинностей своихъ крѣпостныхъ и принужденные вслѣдствіе этого раньше перейти къ капиталистическому способу веденія хозяйства. Но имъ пришлось ограничиться одними только попытками, такъ какъ кредитъ тогда еще не былъ развитъ. Они принуждены были поэтому разбить свои помѣстья на большіе или меньшіе участки и сдавать ихъ въ аренду сельскимъ хозяевамъ, которые сами имѣли живой и мертвый инвентарь, необходимый для веденія хозяйства. Отдача въ аренду капиталисту-арендатору—вотъ путь, которымъ сельское хозяйство привлекло къ себѣ необходимый капиталъ.

На Европейскомъ континентѣ, въ особенности къ сѣверу отъ Альпъ, современное капиталистическое арендаторство развито значительно менѣе, чѣмъ въ Англии. Изъ всей обрабатываемой въ Англии поверхности въ 1895 году только на 4.640.000 акрахъ хозяйство велось владѣльцами, а на 27.940.000 акр. арендаторами. Тамъ считалось 61.014 хозяйствъ на собственной землѣ, 459.042 на арендованной.

Другія цифры получаемъ мы для *Германіи и Франціи*. Однако и здѣсь арендное хозяйство растетъ. Въ Германіи съ 1882 г. до 1895 г. число арендныхъ хозяйствъ увеличилось съ 2.322.899 до 2.607.210, т. е. на 284.311, между тѣмъ какъ

число хозяйствъ на собственной землѣ уменьшилось съ 2.953.445 до 2.951.107. Во Франціи считалось хозяйствъ:

	На собственной землѣ.	На арендованной землѣ.
въ 1882	3.525.342	1.309.904
въ 1892	3.387.245	1.405.569
Увелич. (+) или уменьш. (—):	—138.097	+ 95.665

Даже въ *Соед.-Штатахъ* арендаторство растетъ:

	Владѣльческія хозяйства.		Арендныя хозяйства.	
1880 . .	2.984.306	75%	1.024.601	25%
1890 . .	3.269.728	72%	1.294.913	28%

Въ старыхъ штатахъ Союза мы находимъ не только относительное, но и *абсолютное* уменьшеніе владѣльческихъ хозяйствъ:

	На собств. землѣ.	На арендов. землѣ.
въ 1880 было фермъ	584.847	111.292
въ 1890 » »	537.376	121.193
Уменьш. (—) или увелич. (+):	—47.471	+ 9.001

Но во всѣхъ этихъ государствахъ господствующимъ все еще является владѣльческое хозяйство. Капиталистическое веденіе сельскаго хозяйства приняло здѣсь болѣе значительныя размѣры только тогда, когда городской капиталъ и, слѣдовательно, кредитъ были уже сильно развиты. Такимъ образомъ, для сельскаго хозяйства открывался и другой путь привлеченія капитала, именно—кредитъ. Имъ пользовались отчасти въ видѣ личнаго кредита, отчасти въ видѣ кредита подъ залогъ недвижимости. Намъ интересуетъ здѣсь только послѣдній видъ кредита. Землевладѣлецъ дѣлаетъ ипотечный долгъ, т. е. отдаетъ подъ залогъ свою земельную ренту, чтобы быть въ состояніи приобрести необходимый скоть, машины, удобреніе.

При капиталистической системѣ аренды всѣ три большія группы дохода въ капиталистическомъ обществѣ оказываются рѣзко раздѣленными. Собственникъ земли и собственникъ прочихъ средствъ производства—капиталистъ—суть два отдѣльныя

лица, которымъ противостоить эксплуатируемый капиталистами наемный рабочій. Этотъ послѣдній получаетъ заработную плату, капиталистъ-предпринимательскую прибыль, собственникъ земли—земельную ренту. Послѣдняя личность для сельскохозяйственнаго производства совершенно излишня. У него нѣтъ ни коммерческой, ни организаторской роли, которую выполняетъ капиталистъ—предприниматель; ему не остается ничего дѣлать, кромѣ выжиманія по возможности большей арендной платы и потребленія ея вмѣстѣ со своими паразитами.

При ипотечной системѣ дѣло не такъ ясно и просто, но въ основѣ его лежитъ одно и то же. И здѣсь мы встрѣчаемъ раздѣленіе на собственника земли и предпринимателя,—конечно, скрытое особыми юридическими формами. Земельная рента, при арендной системѣ попадающая въ карманъ землевладѣльца, при ипотечной системѣ достается ипотечному кредитору. Онъ является владѣльцемъ земельной ренты и фактическимъ собственникомъ земли. Номинальный же собственникъ, напротивъ, въ дѣйствительности только капиталистъ, который собираетъ предпринимательскую прибыль и земельную ренту, чтобы снова отдать послѣднюю въ формѣ ипотечныхъ процентовъ. Если его предпріятіе не удастся, то онъ не въ состояніи уплатить слѣдующую земельную ренту и принужденъ, въ такомъ случаѣ, покинуть свою мнимую собственность, какъ арендаторъ покидаетъ арендуемое имъ имѣніе въ случаѣ неуплаты слѣдующихъ денегъ. Очень часто ипотечный кредиторъ имѣетъ даже возможность выгнать изъ имѣнія неудобнаго для него сельскаго хозяина, настойчиво требуя уплаты ипотечнаго долга, точно такъ-же, какъ это дѣлаетъ землевладѣлецъ, отказывая отъ аренды. Между арендной и ипотечной системой только та разница, что при послѣдней дѣйствительный собственникъ земли называется капиталистомъ, а настоящій капиталистъ-предприниматель—землевладѣльцемъ. Благодаря этому *quid pro quo*, наши сельскіе хозяева, которые фактически исполняютъ капиталистическія функціи, сердятся на эксплуатацію со стороны «движимаго капитала», т. е. на ипотечныхъ кредиторовъ, исполняющихъ фактически ту же экономическую роль, которую при арендной системѣ исполняютъ землевладѣльцы.

Во всѣхъ культурныхъ государствахъ мы встрѣчаемъ быстрый ростъ ипотечныхъ долговъ.

Въ Пруссіи сумма новыхъ долговъ на земельные участки превышала сумму погашеній:

Въ 1886/87 на . . .	133 мил. мар.	Въ 1891/92 на . . .	207 мил. мар.
» 1887/88 » . . .	88 » »	» 1892/93 » . . .	209 » »
» 1888/89 » . . .	121 » »	» 1893/94 » . . .	228 » »
» 1889/90 » . . .	179 » »	» 1894/95 » . . .	255 » »
» 1890/91 » . . .	156 » »		

Въ теченіе не многихъ лѣтъ мы видимъ приростъ въ 1½ миллиарда!

Этотъ быстрый ростъ означаетъ ни что иное, какъ тотъ же повсемѣстный процессъ, который, хотя и въ другой формѣ, такъ далеко пошелъ въ Англии, именно, процессъ освобожденія сельскаго хозяина отъ земельной собственности. Сельскій хозяинъ, конечно, далеко еще не пролетарій, какъ не пролетарій англійскій арендаторъ. Онъ, какъ этотъ послѣдній, владѣетъ всѣми своими средствами производства, за исключеніемъ земли (здѣсь дѣло идетъ объ ипотечныхъ, а не о личныхъ долгахъ).

Ростъ ипотечной задолженности не указываетъ необходимо на стѣсненное положеніе сельскаго хозяйства. Она можетъ быть вызвана и имъ—потребность въ улучшеніи и поднятіи хозяйства не единственная причина ипотечной задолженности. Ниже мы увидимъ и другія причины. Но прогрессъ и расцвѣтъ сельскаго хозяйства должны вызвать увеличеніе ипотечной задолженности съ одной стороны, вслѣдствіе растущей потребности къ капиталъ, потребности, развивающейся подъ вліяніемъ прогресса сельскаго хозяйства, съ другой—вслѣдствіе роста земельной ренты, дѣлающаго возможнымъ расширеніе сельскохозяйственнаго кредита.

Въ Австріи, имѣющей лучшую статистику ипотекъ за болѣе продолжительный періодъ времени, ростъ ипотечной задолженности равнялся (безъ Галиціи, Буковины и приморскихъ земель):

1871	46.740.671 гул.	1881	10.034.617 гул.
1872	107.621.665 »	1882	22.926.080 »
1873	202.458.662 »	1883	34.289.210 »
1874	156.127.016 »	1884	57.241.240 »
1875	136.692.565 »	1885	55.871.264 »
1876	99.276.440 »	1886	52.708.237 »
1877	24.694.812 »	1887	56.330.623 »
1878	44.160.263 »	1888	56.954.250 »
1879	22.765.037 »	1889	52.738.799 »
1880	18.404.585 »		

Именно въ лучшіе для сельскаго хозяйства (и городской земельной собственности) годы, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, ипотечная задолженность возрасла всего сильнѣе.

Раздвоение владѣющаго землей сельскаго хозяина на земле-владѣльца и предпринимателя является естественно-необходимымъ послѣдствіемъ частной собственности на землю при капиталистическомъ способѣ производства. Но это же раздѣленіе создаетъ возможность уничтоженія частной собственности на землю, даже тогда, когда еще нѣтъ условій для уничтоженія частной собственности на прочія средства сельскохозяйственнаго производства. Въ странахъ съ арендной системою это можетъ произойти путемъ перехода земли къ государству, т. е. обобществленія земли; въ странахъ съ ипотечной системою—путемъ перехода къ государству ипотекъ. Условія для этого тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ больше концентрація въ рукахъ немногихъ лицъ (при арендной системѣ) земельной собственности или ипотекъ (при владѣльческомъ хозяйствѣ). Къ сожалѣнію, очень трудно доказать статистически подобную концентрацію для цѣлыхъ государствъ и для большихъ промежутковъ времени. Если у насъ и имѣется обширная статистика сельско-хозяйственнаго производства, то статистика ипотекъ, напротивъ до сихъ поръ была недостаточна, а статистика земельной собственности не такова, чтобы съ ея помощью можно было сравнивать отдѣльные періоды или прослѣдить повсюду процессъ концентраціи отдѣльныхъ имѣній въ немногихъ рукахъ. Примѣры концентраціи земельной собственности въ отдѣльныхъ прусскихъ провинціяхъ будутъ приведены ниже въ связи съ другимъ вопросомъ. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что тамъ, гдѣ число арендъ и площадь заарендованной земли увеличиваются, происходитъ и концентрація земельной собственности, такъ какъ объ отдачѣ всей или части земли въ аренду можетъ думать только тотъ, кому не нужна его собственная земля для хозяйства, у кого избытокъ земли. Страны съ развитой арендной системою являются въ то же время странами съ крупною по преимуществу земельной собственностью.

Для Германіи ипотечная система важнѣе арендной. Здѣсь ясно выраженъ процессъ концентраціи земельной собственности или, точнѣе, земельной ренты. Мы еще увидимъ, какъ безчисленные мелкіе деревенскіе ростовщики постепенно сходятъ со сцены, уступая мѣсто централизованнымъ капиталистическимъ или товарищескимъ учреждениямъ, монополизирующимъ ипотечный кредитъ. По даннымъ Ф. Гехта, взятымъ изъ его книги о городскомъ и сельскомъ земельномъ кредитѣ въ Гер-

мані, вся сумма закладныхъ листовъ германскихъ земельныхъ кредитныхъ учрежденій, находившихся въ обращеніи въ концѣ 1888 года, превышала $4\frac{3}{4}$ миллиарда марокъ. Изъ этой суммы на учрежденія, организованныя на товарищескихъ началахъ, приходилось 1.900 милл. мар., на государственныя учрежденія земельного кредита—420 мил. мар., и на акціонерныя и ипотечныя банки—2,5 миллиарда марокъ. Правда, большая часть ихъ ипотечнаго кредита падала на городскую земельную собственность, но за то для централизаціи ипотечнаго кредита существуютъ еще другія крупныя учрежденія: сберегательныя кассы, страховыя общества и союзы всякаго рода. 80% фондовъ 35 германскихъ обществъ страхования жизни и 50% фондовъ прусскихъ сберегательныхъ кассъ вложены въ ипотеку. Прусскія сберегательныя кассы въ 1892 г. вложили въ сельскія ипотеки капиталъ въ 1 миллиардъ марокъ. Въ 1887 г. 17 находящихся въ Пруссіи товариществъ земельного кредита (провинціальныя) выпустили закладныхъ листовъ на сумму 1.650 милліоновъ марокъ, тогда какъ 11 Прусскихъ же учрежденій частнаго земельного кредита въ 1886 году приобрѣли ипотечныхъ долговыхъ обязательствъ на сумму 735 милліоновъ марокъ. Эти числа говорятъ о громадной концентраціи земельной ренты въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ; но эта концентрація идетъ еще дальше. Въ 1875 г. германскіе ипотечныя банки выпустили закладныхъ листовъ на сумму 900 мил. марокъ, въ 1888 г.— $2\frac{1}{2}$ миллиардовъ, а въ 1892 г. сумма возрасла до 3 400 милліоновъ, и эта сумма была сконцентрирована въ 31 (въ 1875 г.—27) банкахъ.

Гермесъ въ своей статьѣ «Landschaften» (2 дополнит. томъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften) приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ быстро земельная задолженность концентрировалась въ прусскихъ товариществахъ земельного кредита. Курмарскія и Неймарскія дворянскія кредитныя учрежденія (за вычетомъ погашенныхъ) выпустили закладныхъ листовъ на сумму:

1805 . . .	11.527.000 м.	1875 . . .	82.204.000 м.
1855 . . .	38.295.000 м.	1894 . . .	189.621.000 м.

Новое Бранденбургское кредитное учрежденіе, основанное въ 1869 году, выпустило закладныхъ листовъ (за вычетомъ погашенныхъ) на сумму:

1870 . . .	48.000 м.	1890 . . .	74.275.000 м.
1880 . . .	3.695.000 м.	1895 . . .	101.434.000 м.

Эти числа ясно показываютъ, что «Марксова догма» и для *земельной собственности* имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ для капитала. Впрочемъ, значеніе ея въ этомъ смыслѣ никѣмъ не оспаривается. Но она будто бы недѣйствительна для *сельскохозяйственнаго производства*. Этотъ болѣе важный вопросъ ниже мы рассмотримъ подробнѣе. Здѣсь же рѣчь идетъ лишь о земельной собственности и о тѣхъ двухъ формахъ, которыя она принимаетъ при капиталистическомъ режимѣ.

Мы видѣли, какъ арендная и ипотечная системы во многихъ отношеніяхъ оказались сходными; но между ними есть и существенныя различія.

Самое важное различіе состоитъ въ томъ, что колебаніе арендной платы слѣдуетъ за колебаніемъ земельной ренты. Напротивъ, съ ипотечными процентами этого не бываетъ. Правда, и эти послѣдніе не неподвижны, хотя и менѣе подвижны, чѣмъ арендная плата, но колебаніе ихъ опредѣляется не колебаніемъ земельной ренты, а колебаніемъ процента на капиталъ, которое слѣдуетъ совершенно другимъ законамъ. Земельная рента и процентъ на капиталъ могутъ одновременно колебаться въ противоположныхъ направленіяхъ: первая можетъ повышаться, второй падать. До недавняго времени это и было нормальнымъ движеніемъ въ старыхъ странахъ капиталистическаго производства. При арендной системѣ отъ этого выигрываетъ землевладѣлецъ, при ипотечной системѣ, напротивъ, этотъ приростъ ренты кладетъ себѣ въ карманъ или употребляетъ на приобрѣтеніе новаго ипотечнаго капитала фактической сельскохозяйственный предприниматель и номинальный землевладѣлецъ.

Эта выгода земельной собственности такъ-же мало принадлежитъ ипотечному кредитору, какъ и другія выгоды, повышающія рыночную стоимость земельной собственности и обусловливающія низкій процентъ «земельнаго капитала». Вслѣдствіе этого ипотечный кредиторъ, по крайней мѣрѣ, при повышеніи земельной ренты требуетъ на свой капиталъ большаго процента, чѣмъ приносимый «земельнымъ капиталомъ», т. е. сумма ипотечнаго капитала, для оплаты процентовъ котораго идетъ вся земельная рента, меньше рыночной цѣны задолженной земли.

Поясимъ это вышеприведеннымъ примѣромъ имѣнія, приносящаго 6.000 марокъ земельной ренты. Средній размѣръ процента равенъ 4; капитализированная земельная рента будетъ, слѣдовательно, равняться 150.000 маркамъ. Но съ обла-

даніемъ имѣніемъ связаны значительныя выгоды, о которыхъ мы уже говорили и изъ которыхъ самая важная—надежда на повышеніе ренты. Собственникъ поэтому просить за свое имѣніе значительно дороже 150.000 мар., скажемъ 200.000 м. Соотвѣтственно этому «земельный капиталъ» принесетъ только 3%. Ипотечный кредиторъ требуетъ, однако, средній размѣръ процента, т. е. 4, между тѣмъ сельскій хозяинъ можетъ уплатить ему только 6.000 м. Такимъ образомъ, ипотечный долгъ можетъ возрасти только до 150.000 м., т. е. до трехъ четвертей стоимости земли; но и тогда уже онъ поглотитъ всю земельную ренту.

Однако, при растущей земельной рентѣ (что здѣсь предполагается) ипотечная система для сельскаго хозяина гораздо удобнѣ арендной. Но обратная сторона медали обнаруживается при паденіи ренты. Въ такомъ случаѣ арендаторъ, по крайней мѣрѣ, капиталистъ-арендаторъ, взваливаетъ свои убытки на землевладѣльца; этотъ послѣдній, хотя и не безъ борьбы, иногда продолжительной, соглашается на пониженіе арендной платы. Напротивъ, землевладѣлецъ, ведущій хозяйство на собственной землѣ, долженъ прежде всего самъ нести убытки отъ паденія земельной ренты; онъ не можетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій взваливать ихъ на ипотечнаго кредитора.

При арендной системѣ паденіе ренты только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода приводитъ землевладѣніе въ стѣсненное положеніе; при ипотечной же системѣ сельскохозяйственный предприниматель или, какъ говорятъ, «сельское хозяйство» попадаетъ въ это положеніе тотчасъ же. Фактическихъ собственниковъ земли — ипотечныхъ кредиторовъ—сначала это обстоятельство не касается, конечно; одновременно съ паденіемъ земельной ренты можетъ понизиться и размѣръ ипотечнаго процента; но въ такомъ случаѣ это пониженіе будетъ слѣдствіемъ не угнетеннаго состоянія сельскаго хозяйства, а общаго паденія процента на капиталъ—явленія, касающагося всего ссуднаго капитала. Размѣръ ипотечнаго процента опредѣляется общимъ размѣромъ процента на капиталъ, и въ какомъ-бы плачевномъ состояніи ни находилось сельское хозяйство, оно не въ состояніи его понизить. Напротивъ, чѣмъ хуже положеніе сельскаго хозяина, тѣмъ большую премію за рискъ принужденъ онъ платить, тѣмъ выше будетъ размѣръ процента, съ которымъ ему придется считаться, по крайней

мѣръ, при заключеніи новаго займа, и тѣмъ меньше будутъ границы ипотечнаго долга по отношенію къ цѣнности имѣнія.

При ипотечной системѣ приспособленіе земледѣлія къ падающей рентѣ совершается не путемъ пониженія платы, какъ при арендной системѣ, а путемъ банкротства предпринимателей и потерь капитала ипотечными кредиторами; во всякомъ случаѣ, эту операцію нельзя назвать безболѣзненной и особенно рациональной.

Кромѣ ипотечной и арендной системы, возможенъ еще третій случай, именно, когда землевладѣлецъ въ то же время и капиталистъ, т. е. кромѣ земельной собственности у него достаточно наличныхъ денегъ, чтобы на свои средства завести у себя новѣйшее сельское хозяйство и, такимъ образомъ, забирать себѣ кромѣ предпринимательской прибыли и всю земельную ренту.

Но этотъ видъ соединенія землевладѣльца и капиталиста въ одномъ лицѣ въ исторіи встрѣчался лишь въ видѣ исключенія, и въ дальнѣйшемъ ходѣ капиталическаго способа производства онъ необходимо останется исключеніемъ. Причину этого слѣдуетъ искать, во первыхъ, въ *преимущества крупнаго производства передъ мелкимъ*, а во вторыхъ, въ *частной собственности на землю*.

VI. Крупное и мелкое производство.

а) *Техническое превосходство крупнаго производства.*

Чѣмъ болѣе сельское хозяйство становится капиталистическимъ, тѣмъ скорѣе растетъ качественная разница техники между крупнымъ и мелкимъ производствомъ.

Въ до-капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ, какъ мы уже говорили, не было ничего подобнаго, если не говорить о плантаторскомъ хозяйствѣ и другихъ подобныхъ системахъ производства, которыхъ въ данномъ случаѣ намъ не приходится принимать во вниманіе. Помѣщикъ обрабатывалъ свою землю съ помощью человѣческой и животной рабочей силы и орудій своихъ крѣпостныхъ. То, что доставлялось имъ самимъ, было очень незначительно и не имѣло преимуществъ предъ крестьянскими орудіями производства. Онъ имѣлъ больше челяди,

но она служила прежде всего удовлетворенію большихъ потребностей его домашняго хозяйства и не оказывала вліянія на способы обработки земли. Кроме того, помѣщичья земля не отличалась отъ крестьянской по отношенію къ раздробленности. Участокъ помѣщика, какъ и крестьянскіе участки, состоялъ изъ клочковъ, разбросанныхъ между крестьянскими участками, и наравнѣ съ этими послѣдними подлежалъ принудительной запашкѣ. Единственная разница между крестьянскимъ и помѣщичьимъ хозяйствомъ, какъ мы уже указывали, состояла въ томъ, что послѣднее обрабатывалось съ помощью принудительнаго труда крестьянъ, которые старались по возможности меньше напрягать себя и свой скотъ. Такимъ образомъ, помѣщичье хозяйство того времени отличалось чрезвычайно непроизводительной затратой рабочаго времени и орудій труда.

Но все это измѣнилось съ уничтоженіемъ феодальныхъ повинностей, когда землевладѣлецъ сталъ свободнымъ собственникомъ своей земли, которую онъ по возможности округлялъ и обрабатывалъ собственными орудіями собственнымъ скотомъ, наемными рабочими по собственному плану. Такимъ образомъ, крупное производство приняло совершенно другую форму, чѣмъ мелкое, и теперь уже мелкое производство непроизводительно затрачивало и рабочее время, и орудія труда.

Разница между крупнымъ и мелкимъ производствомъ должна была прежде всего обнаружиться въ устройствѣ дома, двора и всего вообще домашняго хозяйства, которое приобрѣло гораздо большее значеніе для крупнаго хозяйства съ того времени, какъ оно стало производить съ помощью собственнаго скота, собственныхъ орудій и наемныхъ рабочихъ.

Самая крупная разница между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ состоитъ въ томъ, что собственно предпріятіе тѣсно соединено въ немъ съ домашнимъ хозяйствомъ, тогда какъ въ индустріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пережитковъ, и то, и другое совершенно независимы другъ отъ друга. Нѣтъ сельскохозяйственнаго предпріятія безъ связаннаго съ нимъ домашняго хозяйства. Но это положеніе можно представить и въ обратномъ видѣ: въ деревнѣ нѣтъ ни одного самостоятельнаго домашняго хозяйства, которое не занималось-бы въ тоже время и сельскимъ хозяйствомъ.

Что большое домашнее хозяйство имѣетъ преимущество передъ мелкимъ въ смыслѣ сбереженія труда и матеріала—это

вряд-ли нуждается въ доказательствѣ. Если мы сравнимъ большое имѣніе, заключающее какъ разъ столько земли, какъ 50 малыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, то найдемъ: здѣсь—одну кухню съ однимъ очагомъ, тамъ—50 кухонь съ 50 очагами. Здѣсь, пожалуй, нужно 5 кухарокъ, тамъ 50. Здѣсь зимою отапливается 5 комнатъ, горять 5 лампъ, тамъ 50; здѣсь керосинъ, цикорное кофе и маргаринъ покупается большими количествами, тамъ малыми и т. д. Если мы изъ дома перейдемъ на дворъ, то въ крупномъ производствѣ мы найдемъ *одинъ* хлѣвъ для 50—100 коровъ, вмѣсто 50 хлѣвовъ мелкихъ крестьянъ для 1—2 коровъ каждый, *одинъ* сарай, *одинъ* колодезь вмѣсто 50. Дальше мы найдемъ соотвѣтственно меньше дорогъ отъ двора къ полю.—полевья желѣзныя дороги вообще недоступны крестьянамъ,—меньше плетней и заборовъ, меньше межевыхъ полосъ.

Чѣмъ меньше участокъ земли, тѣмъ длиннѣе границы его по отношенію къ поверхности. Если участокъ квадратной формы, то длина границъ на 1 аръ будетъ при площади въ

10 гектар.	5 гект.	1 гектар.	50 ар.	25 ар.	10 ар.	5 ар.	1 ар.
1,26 метр.	1,79 м.	4 м.	5,66 м.	8 м.	12,65 м.	17,89 м.	40 м.

Чтобы огородить 50 участковъ земли въ 10 аръ каждый, необходимо употребить въ семь разъ больше матеріала и труда, чѣмъ для одного участка въ 10 гектаровъ.

Если принять ширину пограничной межи въ 20 сантиметровъ, то при квадратной формѣ участка пропадетъ непроизводительно земли на 1 аръ при площади въ

10 гектар.	5 гектар.	1 гектар.	50 ар.	25 ар.	10 ар.	5 ар.	1 ар.
0,25 кв. м.	0,36 кв. м.	0,80	1,113	1,60	2,53	3,58	8,00

Для отграниченія участка земли въ 10 гектаровъ тратится непроизводительно $2\frac{1}{2}$ гектара, для отграниченія же 50 участковъ по 20 аръ каждый—уйдетъ 18 аръ.

Чѣмъ длиннѣе протяженіе границъ какого-нибудь участка земли, тѣмъ больше потеря сѣмянъ, которыя, (при сѣяніи рукой) непременно попадаютъ за пограничную черту, тѣмъ больше потеря труда при обработкѣ участка. «Обработка земли, говоритъ Кремеръ въ Гольцевскомъ Handbuch der Landwirthschaft I, стр. 198), съ помощью плуга, экстирпатора, бороны, конной мотыги, бороздильника и обсѣмененіе ея посредствомъ машины при одинаковой площади обходится тѣмъ дороже, чѣмъ меньше участки. Увеличеніе расходовъ на меньшихъ участкахъ объясняется тѣмъ, что потери во времени, неизбѣжныя при

обработкѣ земли, здѣсь гораздо чаще, чѣмъ при обработкѣ крупныхъ участковъ. Эти потери аккуратно повторяются при каждомъ поворотѣ плуга въ концѣ поля, при поперечной обработкѣ остающейся съ узкой стороны участка краевой полосы, смотря по длинѣ упряжки, и при ручной обработкѣ недоступныхъ для плуга концовъ пограничной полосы, межи». Но кромѣ того 50 крестьянскихъ хозяйствъ нуждаются въ 50 боронахъ, 50 плугахъ, 50 телѣгахъ и пр., тогда какъ крупному хозяйству будетъ достаточно, пожалуй, десятой части этого. По этому крупное хозяйство при одномъ и томъ же способѣ производства дѣлаетъ значительное сбереженіе въ инвентарѣ. Это видно и изъ статистическихъ данныхъ о сельско-хозяйственныхъ машинахъ. *Молотилка* является одной изъ тѣхъ немногихъ машинъ, которыя почти одинаково доступны какъ крупному, такъ и мелкому производству. Въ 1883 году на каждую тысячу гектаровъ воздѣлываемой поверхности считалось въ хозяйствахъ съ площадью:

отъ 2—100 гектар.	2,84	паровыхъ молот.	12,44	др. молот.
выше 100	»	1,08	»	1,93

Никто, конечно, не станетъ объяснять эту разницу тѣмъ, что въ мелкихъ хозяйствахъ молотилка распространена больше, чѣмъ въ крупныхъ.

Не смотря на сбереженіе въ инвентарѣ при одинаковомъ способѣ производства, затраты на инвентарь въ крупномъ производствѣ могутъ быть на самомъ дѣлѣ не только абсолютно, но и относительно больше, такъ какъ способъ производства не остается тѣмъ же. Цѣлый рядъ орудій, въ особенности машинъ, можетъ успѣшно примѣняться только въ крупномъ производствѣ. Крестьянинъ не можетъ использовать ихъ вполнѣ. Согласно ученію Краффта о сельско-хозяйственномъ производствѣ, орудіе вполнѣ можетъ быть использовано только при примѣненіи:

Коннаго плуга	на	30	гектар. пашни.
Рядовой сѣялки, жнеи, молотилки	»	70	»
Паровой молотилки	»	250	»
Пароваго плуга	»	1000	»

Электрическая сила успѣшно можетъ примѣняться также только въ крупныхъ хозяйствахъ. «Пока оказывается невозможнымъ, чтобы передача электрической силы представляла средство для поднятія чистаго дохода отъ сельскохозяйственного производства, *въ особенности мелкаго*. Даже въ имѣніяхъ

съ 1000 моргеновъ пахатной земли сомнительна выгодность ея примѣненія. Благопріятныя условія представляютъ только наиболѣе крупныя хозяйства»! (Кеттгенъ, «Ist die Elektrotechnik?...» въ Landwirth. Jahrbüch. Тилъ, XXVI, стр. 672).

Эти данныя получаютъ надлежащее освѣщеніе, если вспомнить, что въ 1895 г. въ Германіи изъ 5.558.317 сельскихъ хозяйствъ только 306.828 обладали больше чѣмъ 20 гектарами, и лишь 25.061—больше чѣмъ 100. Сельскія хозяйства въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ малы, что не въ состояніи пользоваться даже коннымъ плугомъ, не говоря уже о машинахъ.

Въ 1884 г. правительство Соединенныхъ Штатовъ потребовало отъ своихъ консуловъ свѣдѣнія относительно видовъ на сбытъ американскихъ сельскохозяйственныхъ машинъ за границу. Свѣдѣнія, доставленныя изъ всѣхъ странъ съ мелкой земельной собственностью, сходятся въ томъ, что хозяйства слишкомъ малы, чтобы примѣнять машины или даже улучшенныя орудія. Таковы отвѣты изъ Вюртемберга, Гессена, Бельгіи, Франціи и пр. Консулъ Киферъ изъ Штетина пишетъ, что американцу смѣшно смотрѣть, какъ эти господа еще рубятъ дрова топоромъ, напоминающимъ тамагавки индѣйцевъ. Консулъ Мозеръ изъ Зоннеберга сообщаетъ: «Земледѣльческія орудія въ Тюрингіи еще очень примитивны. Я недавно видѣлъ нѣсколько старыхъ гравюръ, представляющихъ сцены изъ земледѣльческаго быта этой мѣстности и относящихся къ XV вѣку, и былъ страшно пораженъ, замѣтивъ, какъ похожи изображенныя тамъ орудія на употребляемыя теперь. Современныя орудія можно встрѣтить въ однихъ только герцогскихъ образцовыхъ хозяйствахъ». Подобныя же свѣдѣнія относительно южной Франціи далъ консулъ Вильсонъ изъ Ниццы: «Внутри страны почти вездѣ или въ большинствѣ случаевъ все еще употребляется старинный плугъ временъ римлянъ, который только царапаетъ землю, не проводя борозды» (Reports from the consuls of the United States on agricultural machinery, стр. 510, 524, 621).

Если разбить сельскохозяйственныя производства на классы по ихъ величинѣ, то окажется, что въ 1895 г. на каждыя 100 хозяйствъ въ Германіи приходилось:

Производства.	Машины вообще.	Паровые плуги.	Рядовыя сѣялки.	Жнец.	Молотилки:	
					Паров.	Проч.
Меньше 2 гект. . .	2.03	0.00	0.46	0.1	1.08	0.49
Отъ 2 до 5 гект.	13.81	0.00	1.29	0.6	5.20	6.56

Производства.	Машины вообще.	Паровые плуги.	Рядовыя сѣялки.	Жнеи.	Молотилки.	
					Паров.	Проч.
Отъ 5 до 20 гект.	45.80	0.01	4.88	0.68	10.95	31.89
» 20 до 100 »	78.79	0.10	17.69	6.93	16.60	64.69
» 100 и болѣе..	94.16	5.29	57.32	31.75	61.22	60.53

Въ крупномъ производствѣ примѣненіе машинъ повсюду несравненно больше. Въ мелкомъ производствѣ машины почти не примѣняются, за исключеніемъ молотилокъ.

Все сказанное относится не только къ орудіямъ, инструментамъ и машинамъ, но и къ человѣческой, животной и др. силѣ, приводящей ихъ въ движеніе и направляющей ихъ. Мелкія производства при одинаковой поверхности требуютъ гораздо большей силы для полученія тѣхъ же полезныхъ результатовъ; кромѣ того, они не могутъ ее такъ полно использовать и усилить ея производительность. 50 плуговъ и 50 телѣгъ мелкихъ крестьянъ въ нашемъ примѣрѣ требуютъ 50 упряжекъ и 50 погонщиковъ, а 5 плуговъ и телѣгъ крупнаго производства и тѣхъ, и другихъ только по 5. Можетъ быть, эти 50 мелкихъ крестьянъ впрягли каждый по коровѣ, тогда какъ плугъ крупнаго хозяйства запряженъ 4 лошадьми, но это не улучшить дѣла. Двойной плугъ съ однимъ рабочимъ и тремя лошадьми выполняетъ ту же работу, что два простыхъ плуга, запряженные двумя лошадьми каждый. Тройной плугъ съ однимъ рабочимъ и 4 лошадьми успѣваетъ сдѣлать то же, что три простыхъ плуга съ 3 рабочими и 6 лошадьми.

По словамъ Реунинга (цитировано изъ Рошера, *Nationalökonomik des Ackerbaus*, 164), въ 1860 году, въ Саксоніи, на 100 акровъ крестьянской земли приходилось 3,3 лошади, а на 100 гектаровъ помѣщичьей только 1,5. По переписи 1883 года въ Германіи на 1000 гектаровъ обрабатываемой площади приходилось:

	Лошадей.	Воловъ.	Коровъ.
Въ хозяйств. отъ 2 до 100 гектаровъ.	111	101	451
» » выше 100 »	75	60	137

У крестьянъ, какъ извѣстно, коровы часто служатъ не только для молочнаго производства и приплода, но и въ качествѣ рабочаго скота. Большое число коровъ въ мелкомъ производствѣ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что крестьяне занимаются скотоводствомъ больше, а земледѣліемъ меньше, чѣмъ помѣщики; напротивъ, разница въ количествѣ лошадей не можетъ быть такъ объяснена.

Въ Великобританіи по статистикѣ 1880 года на каждую 1000 акровъ земли приходилось въ производствахъ съ числомъ

акровъ:	1—5	5—20	20—50	50—100	100—300	300—500	500—1000	1000 и бол.
Лошадей	72	58	54	49	43	37	32	24
Кр. скота	395	336	284	142	196	153	113	81

Наряду съ сбереженіемъ животной силы крупное производство сберегаетъ также и человѣческую рабочую силу, какъ ярко рисуютъ вышеприведенные примѣры; въ то же время, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оно употребляетъ меньше скота и орудій, больше сберегающихъ силу машинъ и рационально распредѣляетъ количество обрабатываемой земли, придавая ей, кромѣ того, наиболѣе цѣлесообразную форму.

Но если отдѣльныя крупныя хозяйства при одинаковомъ способѣ обработки требуютъ *относительно* (къ площади земли) меньше живого и мертваго инвентаря и меньше рабочей силы, то понятно, что *абсолютно* они примѣняютъ ихъ больше, чѣмъ отдѣльныя мелкія производства; это означаетъ только то, что они могутъ пользоваться выгодами раздѣленія труда въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣднія. Для нихъ однихъ возможны въ полной мѣрѣ специализація и примѣненіе орудій къ отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства, благодаря которымъ современное хозяйство превосходитъ до-капиталистическое.

То же и со скотомъ. Корова даетъ карликовому крестьянину молоко, служить ему упряжнымъ и племеннымъ животнымъ; о выборѣ породы, о приспособленіи породы и корма къ специальнымъ условіямъ нѣтъ и рѣчи. Также мало можетъ онъ поручать разныя работы своего хозяйства разнымъ лицамъ. Но крупный хозяинъ можетъ, и получаетъ отъ этого различныя выгоды. Онъ раздѣляетъ работы на такія, при которыхъ нужна особенная ловкость или стараніе, и такія, которыя требуютъ одной силы. Первые онъ поручаетъ тѣмъ, которые выказали особенное умѣніе или рачительность, ловкость и опытность которыхъ растутъ благодаря тому, что они посвящаютъ себя исключительно или преимущественно данной работѣ. Вслѣдствіе раздѣленія труда и большей величины хозяйства, каждый дольше остается при своей работѣ, не такъ часто мѣняетъ ее на другую, и это уменьшаетъ трату времени и силъ, связанную съ каждой переменной рода и мѣста, работы. Наконецъ, ему доступны выгоды коопераціи, планомѣрнаго сотрудничества многихъ для полученія опредѣленнаго результата.

Одинъ англійскій хозяинъ уже въ 1773 г. обратилъ вниманіе на это преимущество. Онъ указывалъ, что фермеръ, употребляя на 300 акрахъ столько же рабочихъ, сколько 10 другихъ фермеровъ, располагающихъ каждый 30 акрами, «имѣетъ преимущество, которое легко пойметъ лишь практикъ; вполне понятно, что 1:4 все равно, что 3:12, но практика показываетъ другое; потому что при жатвѣ и многихъ другихъ операціяхъ, требующихъ такой же быстроты, благодаря одновременному труду многихъ рабочихъ, работа дѣлается лучше и скорѣе. Такъ, напримѣръ, при жатвѣ двое погонщиковъ, двое нагрузчиковъ, двое вяжущихъ снопы, двое сгребавшихъ сжатый хлѣбъ и работающіе у скирдъ или на гумнѣ, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ вдвое больше, чѣмъ то же количество рабочихъ, распределенное между нѣсколькими хозяйствами» (Цит. изъ Маркса, «Капиталъ», I, пер. рус. изд., 279).

Большіе размѣры хозяйства позволяютъ также производить быстро и хорошо при помощи специалистовъ работы, которыя крестьянинъ дѣлаетъ медленно и плохо, или для выполнения которыхъ онъ прибѣгаетъ, послѣ долгихъ проволочекъ, часто при самыхъ настоятельныхъ обстоятельствахъ, къ далеко живущему специалисту; крупныя хозяйства имѣютъ собственныя кузницы, шорныя и каретныя мастерскія для починки и изготовленія простой утвари, орудій и пр.

Но самое важное преимущество, которое крупное хозяйство получаетъ отъ большого числа своихъ рабочихъ, есть, конечно, раздѣленіе труда на такъ называемый головной и мускульный. Мы видѣли, какъ важно стало для сельскаго хозяйства научное руководство, видѣли, что только оно дѣлаетъ возможнымъ цѣлесообразное веденіе хозяйства, при которомъ избѣгается всякое истощеніе, всякое сокращеніе почвеннаго богатства и получаютъ самые высокіе урожаи, что только научно образованный сельскій хозяинъ, при рациональномъ и точномъ счетоводствѣ, отыщетъ сѣвооборотъ, удобреніе, машины, породу скота, родъ корма, которые будутъ отвѣчать каждому изъ непрерывно измѣняющихся требованій науки и рынка. Но въ современномъ обществѣ физическій трудъ и научное образованіе строго отдѣлены другъ отъ друга. Вполнѣ научно образованнаго агронома можетъ имѣть только такое хозяйство, которое достаточно велико, чтобы трудъ руководства и надзора поглощалъ всѣ его силы.

При определенныхъ условіяхъ эта величина есть данная. Она измѣняется вмѣстѣ съ родомъ хозяйства; при очень интен-сивномъ хозяйствѣ, напримѣръ, культурѣ винограда, она можетъ пасть до 3 гектаровъ, при экстенсивномъ, напримѣръ, луго-водствѣ, подняться до 500 гектаровъ. Для средней Европы можно принять, что при интенсивномъ хозяйствѣ уже имѣніе въ 80—100 гектаровъ можетъ занять собою вполне специа-листа, при болѣе экстенсивномъ хозяйствѣ—имѣніе въ 100—125 гектаровъ.

Такимъ образомъ, только начиная съ этихъ величинъ, воз-можно у насъ хозяйство, ведущееся и управляемое на научной основѣ. Въ Германіи же въ 1895 г. изъ 5558317 сельскихъ хозяйствъ лишь 25061 имѣли 100 и болѣе гектаровъ! Нечему удивляться, что рациональное земледѣліе встрѣчается еще такъ рѣдко! Гольцъ заявляетъ, что средній урожай весьма малъ «сравнительно съ урожаями, которые могли-бы получаться и дѣйствительно получаютъ на худшей землѣ, но при болѣе старательной культурѣ. Я думаю, что не встрѣчу возраженій со стороны практическихъ хозяевъ, имѣвшихъ обширный опытъ, утверждая, что лучшей культурой можно довести урожай, въ среднемъ, до 4—8 центнеровъ съ гектара. По моему, *возможно* поднять урожай значительно выше, но я нарочно беру цифру, противъ которой не станетъ спорить ни одинъ специалистъ» («Die ländl. Arb.-kl. u. d. pr. Staat», 165). Такимъ образомъ, при лучшей культурѣ Германія могла-бы производить хлѣба на 100 милліоновъ центнеровъ болѣе, безъ увеличенія воздѣлы-ваемой площади.

Управляющимъ и владѣльцамъ имѣній меньшей величины, которые не всецѣло заняты управленіемъ и исполняютъ часто и сами разныя работы, стараются при помощи низшихъ сель-ско-хозяйственныхъ училищъ дать болѣшій запасъ знаній, чѣмъ даетъ народная школа. Мы будемъ послѣдними оспаривать пользу этихъ училищъ, но ясно, что знанія, которыя онѣ рас-пространяютъ недалеко по типу отъ даваемыхъ высшими шко-лами. По нашему онѣ скорѣе приспособлены къ тому, чтобы снабжать дешевыми низшими служащими крупныя хозяйства и тѣмъ уменьшать издержки администраціи, чѣмъ давать само-стоятельныхъ сельскихъ хозяевъ въ современномъ смыслѣ. Среднія сельско-хозяйственныя училища имѣютъ еще и дру-гую сторону. Одинъ специалистъ жалуется, что въ нихъ очень

легко приобрѣтаются привычки, которыя не годятся для средняго, а тѣмъ болѣе для мелкаго сельскаго хозяина, и имѣютъ слѣдствіемъ то, что ученикъ впоследствии чувствуетъ себя не хорошо въ условіяхъ мелкаго хозяйства, или живетъ не соотвѣтственно съ ними, и, такимъ образомъ, отъ посѣщенія школы получаетъ не пользу, а вредъ на всю жизнь» (Kirchner, въ Гольцевскомъ Handbuch, I, 421).

Кирхнеръ опасается такихъ послѣдствій тамъ, гдѣ въ школы проникаютъ студенческіе обычаи и нравы, но проникновеніе этихъ внѣшностей есть только результатъ внутренняго переворота, вызываемаго сельско-хозяйственными и земледѣльческими училищами. Болѣе высокое образованіе и довольство образомъ жизни пролетарія несовмѣстимы. Масса учащихся рекрутируется изъ буржуазіи, вырастаетъ съ претензіями на буржуазный образъ жизни, которыя незамѣтно сообщаются и тѣмъ изъ учащихся, которые выбились изъ низшихъ слоевъ. При доходѣ, который крестьянину, ремесленнику, промышленному рабочему доставилъ-бы весьма сносное существованіе, образованный человекъ съ теченіемъ времени погибаетъ физически или нравственно, часто въ томъ и другомъ отношеніи. Не совсѣмъ неправы тѣ консерваторы, которые заявляютъ, что болѣе высокое образованіе дѣлаетъ крестьянина негоднымъ для своего призванія. Эта точка зрѣнія обращается въ смѣшную, а часто и отвратительную каррикатуру, когда даже то ничтожное образованіе, которое даетъ народная школа, провозглашаютъ несовмѣстимымъ съ крестьянскимъ бытомъ. Это значить, съ одной стороны, низводитъ крестьянина до уровня животнаго, съ другой, отнимать у него послѣднюю возможность поставить свое хозяйство хоть сколько-нибудь рационально. Но то образованіе, какого требуетъ вполне рациональное хозяйство, конечно, едва-ли совмѣстимо съ теперешними условіями жизни крестьянина. Разумѣется этимъ осуждается не высшее образованіе, но условія жизни крестьянина. Говорится только, что крестьянское хозяйство держится наряду съ крупнымъ не благодаря своей большей производительности, но благодаря меньшимъ претензіямъ. Крупное хозяйство уже потому должно давать гораздо больше мелкаго для полученія одинаковаго чистаго дохода, что въ графѣ его расходовъ стоятъ издержки (деньгами и натурой) на содержаніе не только крестьянскихъ, но и городски-буржуазныхъ рабочихъ рукъ.

Въ этомъ отношеніи всего хуже поставлены среднія имѣнія; въ нихъ, сравнительно, самыя высокія издержки управленія. Съ увеличеніемъ хозяйства послѣднія быстро уменьшаются. Имѣнію въ 100 гектаровъ нуженъ ученый управляющій (собственникъ или арендаторъ); имѣнію въ 400 гектаровъ нуженъ сверхъ того одинъ помощникъ; доходъ его, при равенствѣ прочихъ условій, будетъ больше вчетверо, а издержки управленія только въ полтора раза.

Внутри крестьянскаго класса большее хозяйство, при равенствѣ прочихъ условій, стоитъ выше меньшаго; то же и внутри класса крупныхъ хозяевъ, до извѣстныхъ границъ, съ которыми мы еще познакомимся. Но на границѣ крестьянскаго и крупнаго хозяйства происходитъ, говоря гегелевскимъ языкомъ, превращеніе количества въ качество, которое можетъ произвести то, что на этой границѣ крестьянское хозяйство, если не технически, то экономически будетъ выше нѣсколько болѣе крупнаго хозяйства, ведущагося научно образованнымъ хозяиномъ. Издержки на научное веденіе обременяютъ небольшое помѣщичье имѣніе свыше его доходности. Конечно, еще чаще это происходитъ тамъ, гдѣ учились управлять имѣніемъ не научно, а просто по юнкерски. Чѣмъ меньше доходность, тѣмъ выше въ этомъ случаѣ претензіи.

Напротивъ, крупный крестьянинъ имѣетъ преимущество надъ мелкимъ крестьяниномъ, крупное помѣщичье имѣніе надъ мелкимъ помѣщичьимъ имѣніемъ,—само собою разумѣется, при равенствѣ прочихъ условій.

Къ техническимъ преимуществамъ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ относятся, далѣе, преимущества происходящія отъ операцій, которыя только тогда имѣютъ успѣхъ, когда производятся на большой площади; сюда относятся въ особенности *орошеніе* и *дренажъ*. Дренировать небольшую площадь часто совершенно невозможно, а въ большинствѣ случаевъ имѣетъ и мало смысла. Обыкновенно дренуютъ лишь большія площади. По Мейцену въ 1855 г. въ Пруссіи было дренировано въ крупныхъ имѣніяхъ 178.012 моргеновъ, въ мелкихъ всего 20.877. *Полевья жельзныя дороги* также годятся лишь для большой площади.

Ко всѣмъ этимъ преимуществамъ крупнаго хозяйства въ области *производства* присоединяются еще многоразличныя преимущества въ области *кредита* и *торговли*.

Ни въ одной области превосходство крупнаго хозяйства надъ мелкимъ не больше, чѣмъ въ торговлѣ. «Считать круп-

ныя цифры займетъ не больше времени, чѣмъ мелкія; десять покупокъ, каждая въ 100 ф. ст., отнимутъ въдесятеро больше времени, чѣмъ *одна* покупка въ 1000 ф. ст.. Въ торговлѣ гораздо чаще, чѣмъ въ промышленности, одна и та же функція требуетъ одинаковаго рабочаго времени, совершается-ли она въ большомъ или маломъ размѣрѣ» («Капиталъ», III, стр. 279).

Издержки перевозки, въ особенности по желѣзной дорогѣ, также уменьшаются для большихъ массъ товаровъ. Кто покупаетъ оптомъ, покупаетъ дешевле и лучшаго качества товаръ, чѣмъ въ розницу; кто продаетъ оптомъ, можетъ съ одинаковой и даже болѣе выгодой продавать дешевле, подорвать конкуренцію. Но крупный купецъ не только несетъ меньше накладныхъ расходовъ, чѣмъ мелкій, сравнительно съ величиной своего оборота, но и надъ рынкомъ имѣетъ гораздо больше власти. Это относится прежде всего къ купцу въ собственномъ смыслѣ слова, но также и къ промышленнику, и сельскому хозяину, по скольку они выполняютъ функціи купца въ качествѣ товарополучателей и продавцевъ. Слабая власть надъ рынкомъ и слабое знаніе его имѣетъ гораздо болѣе значеніе, чѣмъ для мелкаго купца, для мелкаго ремесленника, который не можетъ считаться торговцемъ и только между прочимъ функціонируетъ въ качествѣ послѣдняго; но всего сильнѣе они даютъ себя знать крестьянину въ его деревенской обособленности. Среди всѣхъ продавцевъ и покупателей на товарномъ рынкѣ крестьянинъ находится въ самомъ худшемъ положеніи; его коммерческія знанія—самыя ничтожныя; онъ меньше всѣхъ можетъ во время воспользоваться благопріятными обстоятельствами или предвидѣть ихъ и избѣгать неблагопріятныхъ. При томъ его хозяйство гораздо многостороннѣе, чѣмъ у городского ремесленника, обнимаетъ болѣе отраслей и нуждается къ болѣе разнообразнымъ покупкамъ и продажамъ. Башмачнику кромѣ инструмента нужно купить только кожи, иглокъ и нитокъ; онъ продаетъ только башмаки. Крестьянинъ, кромѣ орудій, покупаетъ скоть, сѣмена, фуражъ, искусственное удобреніе, продаетъ скоть, хлѣбъ, молоко, масло и пр. Никто не находится въ болѣе зависимости отъ посредниковъ; эта зависимость всего болѣе и губительнѣе тамъ, гдѣ посредникъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и *ростовщикомъ*, гдѣ настоятельная нужда въ деньгахъ для уплаты податей или долговъ заставляетъ крестьянина сбывать свои товары по какой-бы то ни

было цѣнѣ или продавать ихъ прежде, чѣмъ они могутъ быть вынесены на рынокъ.

Здѣсь мы наталкиваемся на другой пунктъ, въ которомъ крупное хозяйство превосходитъ мелкое: *кредитъ*.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что современное земледѣліе не можетъ вестись безъ капитала. Мы видѣли также, что тамъ, гдѣ не преобладаетъ сдача въ аренду, ипотека есть главное средство, къ которому прибѣгаетъ селяскій хозяинъ для полученія денегъ. Кромѣ этого, онъ можетъ воспользоваться своимъ личнымъ кредитомъ или же продать часть имѣнія, чтобы имѣть деньги для веденія хозяйства на оставшейся части. Однако, послѣднее средство не всегда доступно и весьма часто не можетъ быть рекомендовано, потому что съ уменьшеніемъ имѣнія владѣлецъ теряетъ выгоды хозяйства на большую ногу. Кромѣ того, онъ теряетъ выгоды отъ повышенія цѣны проданнаго куска въ силу поднятія ренты и паденія процентной нормы. Такимъ образомъ личный кредитъ и ипотека остаются для него главнымъ средствомъ добывать деньги.

Ипотечный кредитъ особенно въ ходу тамъ, гдѣ надо создать постоянный капиталъ (меліораціи, постройки—здѣсь мы пропускаемъ перемѣну собственниковъ какъ одну изъ причинъ ипотечной задолженности); личный кредитъ тамъ, гдѣ нуженъ оборотный капиталъ—удобреніе, сѣмена, заработная плата и т. п.

Раньше задолженность имѣла причиной случайное бѣдственное положеніе землевладѣльца; она была ненормальнымъ состояніемъ. При капиталистическомъ способѣ производства она становится всюду, гдѣ землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ юридически одно и то же лицо, необходимою, вызываемой самимъ процессомъ производства. Тутъ задолженность—явленіе неизбежное. Вмѣстѣ съ тѣмъ она становится однимъ изъ существенныхъ факторовъ земледѣльческаго производства.

Это относится какъ къ крупному, такъ и мелкому хозяйству. Но первое въ приобрѣтеніи кредита имѣетъ много преимуществъ. Совершеніе ипотеки въ 200000 марокъ требуетъ немного больше труда и накладныхъ расходовъ, чѣмъ въ 2000 марокъ. Для выдачи 200000 марокъ въ ста мѣстахъ потребуется въ сто разъ больше труда, чѣмъ въ одномъ мѣстѣ.

Рѣдкій примѣръ даетъ Лафаргъ въ своей замѣчательной статьѣ: «Мелкое землевладѣніе во Франціи» («Neue Zeit», I, 348): «При ипотечномъ займѣ издержки относительно тѣмъ

значительнѣе, чѣмъ меньше ссуда и чѣмъ короче срокъ, на который она берется. Вотъ, напримѣръ, пошлины и обыкновенные расходы при займѣ въ 300 франковъ:

Нотаріальныя пошлины.	5	фр.	—	санти.
Изготовленіе контракта въ двухъ экземплярахъ.	3	»	—	»
Запись.	3	»	—	»
Гербовый сборъ	1	»	95	»
Пошлина 1 фр. 10 санти. съ каждыя 100 фр.	3	»	30	»
Запись въ ипотечномъ бюро	3	»	—	»
Минимальные проценты (по 5 ⁰ / ₀)	15	»	—	»
Издержки при возвратѣ долга	14	»	—	»

Итого 48 фр. 50 санти.

«Такимъ образомъ, должникъ вмѣсто номинальныхъ 300 фр. въ дѣйствительности получаетъ только 251 фр. 50 санти.»

Въ Германіи дѣло обстоитъ не иначе. Въ годовомъ отчетѣ Прусскаго Центральнаго Акціонернаго Общества поземельнаго кредита за 1894 г., вышедшемъ въ апрѣлѣ 1895 г., мы читаемъ: «Въ послѣдніе годы мы обратили особенное вниманіе на то, чтобы облегчить полученіе ссудъ среднимъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Если послѣдніе до сихъ поръ обременены ипотеками по высокимъ процентамъ у частныхъ лицъ, учрежденій и сберегательныхъ кассъ, то это потому, что учрежденія поземельнаго кредита не могли обойтись безъ оцѣнокъ даже при выдачѣ ссудъ подъ малыя имѣнія и что оцѣночныя издержки при малыхъ ссудахъ не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ величинѣ ссуды. Чтобы помочь горю, мы два года назадъ ввели особую таксу. По этой таксѣ получающій ссуду, каковы бы ни были дѣйствительно понесенныя нами издержки по оцѣнкѣ, платитъ 2⁰/₀ занятой суммы, но не меньше 30 марокъ и не больше 300. Такимъ образомъ, при ссудахъ отъ 1500 марокъ—самой меньшей, по уставу, ссужаемой суммы—до 15000 за оцѣнку и комиссію взымается только небольшая сумма въ 30 марокъ». Итакъ, эта «соціальная реформа» состоитъ въ томъ, что, занимая 1500 марокъ, приходится нести столько же расходовъ, какъ и занимая 15.000 марокъ! Меньше 1500 марокъ ссуды вообще не выдаются. Для всѣхъ мелкихъ собственниковъ вообще нѣтъ ипотечнаго кредита. Они такъ счастливы, что остаются безъ долговъ.

По изслѣдованію, произведенному Мейценомъ въ 1884 г., въ Пруссіи крупное землевладѣніе обременено ипотеками болѣе мелкаго. Основной долгъ, взятый въ процентномъ отношеніи къ цѣнности владѣній, опредѣленной для цѣлей поземельнаго

обложенія, составляяль для имѣній, съ подлежащимъ налогу чистымъ доходомъ:

въ 500 талеровъ и больше.	100—500 тал.	30—100 тал.
53,8	27,9	24,1

Это указываетъ вовсе не на большую нужду крупнаго землевладѣнія, но на затруднительность ипотечнаго кредита для крестьянъ. Личный кредитъ играетъ для нихъ тѣмъ большую роль.

Но съ *личнымъ кредитомъ* дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ съ ипотечнымъ. Крупный сельскій хозяинъ продаетъ свои продукты прямо на большомъ рынкѣ, всегда поддерживаетъ съ нимъ связь и потому находитъ кредитъ въ экономическихъ центрахъ, гдѣ имѣются большія массы ссужаемаго капитала, ищущаго помѣщенія, такъ же легко, какъ купецъ или промышленникъ, если только онъ хорошій хозяинъ.

Крестьянину при его изолированности, при небольшомъ количествѣ продуктовъ, имѣющихся у него для продажи, большой рынокъ недоступенъ. Онъ ведетъ свои дѣла съ посредникомъ, живущимъ въ ближайшемъ городкѣ или навѣщающимъ его. Крупному городскому капиталу его сдѣлки совершенно неизвѣстны; онъ не имѣетъ въ городѣ банкира, которому отдавалъ-бы свои доходы и у котораго кредитовался-бы. Разъ ему нужны деньги, онъ долженъ обращаться къ ближайшему сельскому капиталисту; выбирать не изъ кого, такъ какъ въ деревнѣ капиталисты рѣдки; часто это самъ посредникъ, помѣщикъ, или крупный крестьянинъ, которые не брезгаютъ и мелкими сдѣлками, но зато извлекаютъ и могутъ извлекать тѣмъ большіе барыши; такъ какъ въ деревнѣ спросъ на капиталъ далеко превышаетъ предложеніе, то крестьянинъ часто испытываетъ самую настоятельную нужду, и экономическое значеніе капиталиста громадно. Въ то время какъ для крупнаго землевладѣльца, по крайней мѣрѣ, если онъ разумный и дѣльный хозяинъ, ростовщикъ съ теченіемъ капиталистическаго развитія принимаетъ форму современнаго продуктивнаго кредита, считающагося съ существующей процентной нормой, крестьянину остается средневѣковая форма кровопійцы — ростовщика, выжимающаго все, что только можетъ выжать, берущаго проценты, не стоящіе ни въ какомъ отношеніи къ процентной нормѣ, и вмѣсто поощренія производства совершенно обезсиливашаго должника. Капиталистическое развитіе приносить съ собою и для крестьянина, какъ для крупнаго

землевладельца, обязательную задолженность, но не избавляет первого, благодаря его мелкому хозяйству, от средневекового ростовщичества, несомнительного съ нуждами капиталистического производства, какъ избавляетъ послѣдняго.

Взвѣсивъ всѣ эти преимущества крупнаго хозяйства въ земледѣліи: меньшія потери на культивируемой площади, сбереженія на живомъ и мертвомъ инвентарѣ, болѣе полное использование инвентаря, возможность примѣнять машины, которыхъ лишено мелкое хозяйство, раздѣленіе труда, научное руководство, коммерческое превосходство, болѣе легкое получение денегъ,—взвѣсивъ все это, трудно понять рѣшительное утвержденіе проф. Зеринга: «не подлежитъ *ни малѣйшему сомнѣнію*, что любая отрасль земледѣлія можетъ вестись въ среднемъ и мелкомъ хозяйствѣ такъ же рационально, какъ и въ крупномъ, что, въ противоположность эволюціи промышленности, повышающаяся интенсивность земледѣлія даетъ мелкому хозяйству *весьма существенный перевѣсъ* надъ крупнымъ» (Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland, 91).

Въ виду этого «существеннаго перевѣса» слѣдовало бы ожидать, что проф. Зерингъ потребуетъ дробленія крупныхъ имѣній. Но этого не случилось. Непосредственно послѣ вышеприведеннаго утвержденія онъ заявляетъ: «изъ того факта, что крупные землевладельцы являются вождями земледѣльческаго прогресса, слѣдуетъ, что нашему развитію былъ-бы нанесенъ *немалый вредъ*, если бы крупное хозяйство совсѣмъ исчезло на востокъ. Нигдѣ абсолютное нивелированіе не приноситъ пользы; дифференціація есть предпосылка всякаго развитія; не только государственныя, по и *хозяйственныя заслуги* нашей восточной земельной аристократіи дѣлаютъ сохраненіе ея необходимымъ въ національныхъ интересахъ».

Итакъ: по отношенію къ національному хозяйству мелкое хозяйство во *всѣхъ* областяхъ имѣетъ *существенный* перевѣсъ надъ крупнымъ, притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ интенсивнѣе хозяйство; не смотря на то *хозяйственныя заслуги* ость-эльбскаго крупнаго землевладѣнія дѣлаютъ сохраненіе его *национальной потребностью*.

Мы позже увидимъ, какъ объясняется это одновременное поклоненіе мелкому и крупному хозяйству; теперь же отмѣтимъ только, что даже такой восторженный почитатель мелкой культуры, какъ Зерингъ, не рѣшается проводить свою точку зрѣ-

нія до конца и требовать уничтоженія крупнаго хозяйства изъ боязни ослабить тѣмъ прогрессъ земледѣлія.

У безпристрастныхъ судей мало найдется этого восторженнаго почитанія мелкаго хозяйства. Кремеръ, вовсе не врагъ крестьянства, мѣтко, сжато указываетъ преимущества крупнаго хозяйства (въ Гольцевскомъ Handbuch, I, 196): «Извѣстно и понятно, что на долю мелкаго хозяйства приходятся несоразмѣрно большіе расходы на постройки, рабочій скотъ и мертвый инвентарь, а также, что многія текущія нужды, напримѣръ, отопленіе и освѣщеніе, обходятся дороже, чѣмъ въ крупномъ хозяйствѣ. По самой природѣ своей нѣкоторыя хозяйственныя работы могутъ съ выгодой выполняться только на широкую ногу. Сюда относятся разведеніе скота, техническая переработка сельскохозяйственныхъ продуктовъ, примѣненіе машинъ, выполненіе меліораций и т. д. *Въ такихъ областяхъ крупное хозяйство всегда имѣетъ преимущество.* Подобными же выгодами оно пользуется при сбытѣ продуктовъ и обращеніи къ кредиту. Но главное преимущество его состоитъ въ томъ, что въ основу предпріятія можетъ быть положенъ опредѣленный планъ, облегчающій надзоръ за работами и выполненіемъ ихъ, и что, пользуясь важнымъ и благотворнымъ принципомъ концентраціи и раздѣленія труда, можно, благодаря управленію въ специальныхъ направленіяхъ, развитъ рабочія силы до высшей производительности. *Несомненно, что современное развитіе земледѣлія именно крупному хозяйству дало сильную поддержку въ наукахъ и техникахъ, которыя позволяютъ ему при помощи специального образованія хозяйственнаго персонала обезпечить за собою преимущество во всѣхъ отношеніяхъ.*»

Это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ утвержденіе г. профессора Зеринга.

б) *Чрезмѣрный трудъ и недостаточное потребленіе въ мелкомъ хозяйствѣ.*

Что можетъ противопоставить этимъ преимуществамъ крупнаго хозяйства мелкое? Большее трудолюбіе и стараніе труженника, который, въ противоположность батраку, работаетъ на самого себя, и непрехотливость мелкаго сельскаго хозяина, превосходящую даже непрехотливость сельскаго рабочаго.

Джонъ Стюартъ Милль, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ мелкой культуры, приводитъ, какъ ея самую выдающуюся характерную черту, неустойчивое трудолюбіе ея труженниковъ. Въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи» онъ, между прочимъ цитируетъ слова одного англійскаго автора о пфальцскихъ крестьянахъ: «Они прилежно работаютъ съ самой ранней до самой поздней поры, въ сознаніи, что работаютъ на себя.* Они мучаются изо дня въ день, изъ года въ годъ, они терпѣливѣе, неустойчивѣе, стойче всѣхъ вьючныхъ животныхъ. Англійскій простолюдинъ удивился-бы, видя, какъ трудятся нѣмцы, чтобы добыть дровъ». Далѣе онъ говоритъ о «почти сверхчеловѣческомъ трудолюбіи» мелкихъ крестьянъ, оставляющемъ *сильное* впечатлѣніе во всѣхъ отъ наблюдавшихъ его. *Возвышенно*-ли впечатлѣніе отъ людей, какъ отъ «терпѣливѣйшихъ и неустойчивѣйшихъ изъ всѣхъ вьючныхъ животныхъ», — въ этомъ, конечно, можно усомниться.

Но мелкій крестьянинъ замучиваетъ трудомъ не только себя самого, но и свою семью. Въ земледѣліи домохозяйство и хозяйство тѣсно связаны другъ съ другомъ, и самыя беззащитныя изъ всѣхъ рабочихъ силъ, дѣти, всегда подъ рукою! Какъ въ домашней промышленности, такъ и въ мелко-крестьянскомъ хозяйствѣ семейный трудъ дѣтей дѣйствуетъ губительнѣе, чѣмъ работа по найму у чужихъ. «Женщины и дѣти работаютъ по найму у чужихъ весьма рѣдко и нисколько не въ ущербъ себѣ, пишетъ одинъ корреспондентъ изъ Вестфалии; и работа у чужихъ имѣетъ даже рѣшительно благотворное вліяніе». *Родители* же часто изнуряютъ дѣтей до того, что корреспондентъ могъ констатировать неблагопріятныя послѣдствія при воинскомъ наборѣ. Другой успокоительно пишетъ: «Заваленность дѣтей работой, въ размѣрахъ, *вызывающихъ опасенія*, бываетъ большею частію у самихъ родителей, или когда они отданы въ услуженіе за пищу и платѣ» («Verhält. der Landarbeiter in Nordwestdeutschland». Erheb. des Ver. f. Soc.-pol. I, 83, 122).

Дѣйствительно, весьма успокоительно!

Надо быть заклятымъ почитателемъ мелкаго землевладѣнія, чтобы видѣть преимущество въ этомъ обязательствѣ, налагаемомъ имъ на своихъ слугъ, стать рабочимъ скотомъ, вся жизнь котораго, за исключеніемъ времени сна и принятія пищи, проходить въ трудѣ.

Однако манія работы не есть качество, отъ вѣка присущее крестьянину. Противъ такого мнѣнія говорятъ уже многочисленныя праздники среднихъ вѣковъ, въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ удержавшіеся до сихъ поръ. Ромеръ приводитъ въ примѣръ одну область въ Нижней Баваріи, гдѣ въ году считалось 204 праздника (между прочимъ, 40 престольныхъ и послѣпрестольныхъ, 12 стрѣлковыхъ) и гдѣ канунъ праздника начинался уже съ 4 ч. пополудни! Въ сравненіи съ этимъ какъ скромно требованіе восьмичасоваго рабочаго дня при 300 дняхъ труда въ годъ!

Только по мѣрѣ того, какъ изъ труда для собственнаго потребленія развивается трудъ на рынокъ, развивается чрезмѣрное напряженіе рабочей силы. Къ этому приводитъ давленіе *конкуренціи*. Но борьба при помощи удлинненія рабочаго времени всегда идетъ рука объ руку съ технической отсталостью хозяйства. Послѣдняя порождаетъ первую, и обратно. Хозяйство, которое не можетъ противопоставить конкуренціи техническихъ усовершенствованій, вынуждается отвѣчать на нее болѣе сильнымъ напряженіемъ рабочихъ силъ. Съ другой стороны, хозяйство, въ которомъ работники напрягаются до крайней степени, гораздо меньше вынуждается къ введенію техническихъ усовершенствованій, чѣмъ то, въ которомъ напряженію рабочихъ поставленъ предѣлъ. Возможность удлинить рабочее время есть сильное препятствіе техническому прогрессу.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и большая возможность пользоваться трудомъ дѣтей. Выше мы видѣли, что рациональное земледѣліе немислимо безъ научной подготовки. Среднія и дополнительныя сельско-хозяйственныя училища, конечно, не въ состояніи замѣнить основательнаго высшаго естественно-научнаго образованія, но все же позволяютъ учившимся въ нихъ крестьянамъ вести хозяйство, если не самымъ рациональнымъ образомъ, то рациональнѣе неучившихся. Но съ потребностью въ большемъ знаніи побѣдоносно сталкивается потребность въ возможно раннемъ и полномъ пользованіи силами членовъ семьи въ хозяйствѣ. Есть области, именно, въ Баваріи и Австріи, гдѣ крестьянамъ обязательное посѣщеніе школы до 14 лѣтняго возраста кажется чрезмѣрнымъ, гдѣ они держатся за пониженіе этой нормы до 12 или, въ крайнемъ случаѣ, 13 лѣтъ, и энергичнѣйшимъ образомъ добиваются такого пониженія.

По мѣрѣ того, какъ земледѣліе становится наукой, какъ усиливается конкуренція между рациональнымъ и мелкокрестьянскимъ рутиннымъ хозяйствомъ, растетъ и нужда послѣдняго въ усиленной эксплуатаціи дѣтскаго труда, въ сѣуженіи даваемого дѣтямъ образованія.

Такимъ образомъ большую напряженность труда мелкаго самостоятельнаго сельскаго хозяина, помимо этическихъ и иныхъ соображеній, и съ чисто экономической точки зрѣнія никакъ нельзя назвать преимуществомъ мелкаго хозяйства.

Не лучше, чѣмъ съ бѣльшимъ трудолюбіемъ, обстоитъ дѣло и съ бѣльшей неприхотливостью мелкаго крестьянина.

Мы уже видѣли, что крупное хозяйство въ сравненіи съ мелкокрестьянскимъ имѣетъ ту невыгоду, что, кромѣ чернорабочихъ, должно содержать интеллигентныхъ работниковъ, представляющихъ гораздо болѣе высокія требованія. Но и чернорабочимъ оно должно обеспечивать болѣе высокую житейскую норму, чѣмъ та, до которой низводитъ себя мелкій крестьянинъ. Собственность, заставляющая крестьянина изнурять себя болѣе бездомнаго батрака, заставляетъ его также низводить свои требованія къ жизни до возможно минимальнаго уровня.

И это явленіе есть такъ же мало, какъ и первое, принадлежность крестьянскаго хозяйства при *всѣхъ* обстоятельствахъ. Средніе вѣка, знавшіе такъ много праздниковъ, видѣли и веселую жизнь крестьянъ, не отказывавшихъ себѣ въ пищѣ и питіяхъ, какъ теперь. И гдѣ удержались средневѣковыя отношенія или, по крайней мѣрѣ, традиціи, тамъ крестьянинъ и теперь не скряга.

Но онъ становится скрягой, гдѣ конкуренція подчиняетъ себѣ его хозяйство. Всего яснѣе это видно на французскомъ крестьянинѣ, который долѣе другихъ подвергался въ качествѣ собственника дѣйствию свободной конкуренціи.

Одинъ англійскій наблюдатель начала 80-хъ годовъ заявляетъ, что не можетъ представить себѣ болѣе жалкаго существованія, чѣмъ существованіе французскаго крестьянина. Его домъ заслуживаетъ имени свиного хлѣва. Вотъ какъ описываетъ онъ одинъ изъ такихъ домовъ: «Оконъ не было вовсе, а только двѣ форточки надъ дверью, которыя не открывались; не было ни свѣта, ни воздуха, когда дверь была закрыта. Не видно ни стола, ни скамьи; на полу лежали грязныя платья, лукъ, хлѣбъ, мѣшки и куча сору... Почти всегда мужчины, женщины, дѣти и скоть спятъ вмѣстѣ. И это отсутствіе ком-

форта не всегда вызывается бѣдностью; эти люди просто утратили всякое чувство пристойности и думаютъ только о сбереженіи топлива». Ихъ скупость, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, вырождается въ пошлость; они, повидимому, утратили всякую способность къ наслажденіямъ и, лишь-бы сберечь грошъ, готовы отказаться отъ всѣхъ удовольствій; «не видно ни книгъ, ни газетъ, ни картинъ, ни гравюръ, ни куска фарфора, ни украшеній, ни хорошей мебели, ни стѣнныхъ часовъ, гордости англійскаго фермера. Невозможно представить себѣ жизнь, столь полно лишенную всякаго движенія впередъ, всякихъ радостей. Изъ-за гроша, который надо затратить на необходимѣйшія вещи, возникаютъ ссоры. Въ результатѣ скряжническое, жалкое, гнусное существованіе, не знающее иного идеала, кромѣ какъ спрятать побольше грошей въ старый чулокъ».

Но не лучше дѣло обстоитъ и въ мелкихъ сельскихъ хозяйствахъ Англій. Какъ работаютъ и живутъ ихъ собственники и арендаторы, показываетъ намъ послѣдній отчетъ парламентской комиссіи (1897 г.). По его словамъ, «во всей области (Кумберландъ) сыновья и дочери фермеровъ работаютъ даромъ. Неизвѣстно ни одного случая, когда-бы отецъ платилъ сыну или дочери. Сыновьямъ они даютъ 1—2 шиллинга на табакъ». Одинъ мелкій фригольдеръ изъ Линкольна говоритъ: «Я выросилъ семью и потерялъ ее. Мои дѣти сказали: отецъ, мы не хотимъ оставаться здѣсь и замучиться до смерти; они ушли на фабрики и оставили меня съ женой на произволъ судьбы». Другой: «Я и мои дѣти работаемъ иногда по 18 часовъ въ день, въ среднемъ, 10—12 часовъ. Я живу здѣсь двадцать лѣтъ. Я съ трудомъ держусь. Въ прошломъ году у насъ пропали деньги. Мы ѣдимъ очень мало свѣжаго мяса». Третій: «Мы работаемъ больше батраковъ, какъ рабы. Единственное наше преимущество въ томъ, что мы свободны. Мы живемъ очень экономно» и т. д.

Мистеръ Ридъ заявилъ предъ комиссіей о положеніи мелкихъ фермеровъ въ земледѣльческихъ областяхъ: «Единственный выходъ для нихъ—работать за двоихъ батраковъ и тратить не больше одного. Ихъ дѣти болѣе истощены и хуже воспитываются, чѣмъ дѣти батраковъ (Royal Commission on Agriculture final report, 34, 357). Только изъ областей, гдѣ преобладаетъ плодоводство или огородничество или имѣются побочные заработки, сообщенія не такъ мрачны.

То же наблюдается и во многихъ областяхъ Германіи. Одинъ наблюдатель сообщаетъ изъ Гессена («Neue Zeit», XIII. I, 471): «Мелкій крестьянинъ влечитъ самое жалкое, какое только можно себѣ представить, существованіе. *Сельскимъ батракамъ живется гораздо лучше*; по ихъ словамъ, они «не скрываютъ аппетита», живя на хозяйскихъ хлѣбахъ. Ихъ доходъ меньше зависитъ отъ капризовъ погоды, исключая развѣ что въ плохіе годы пища хуже». Какъ причину лучшаго питанія батраковъ приводятъ то, что давать хорошую пищу—«единственное средство достать хорошихъ рабочихъ». Главнымъ пищевымъ средствомъ служитъ картофель. «Жилища мелкихъ крестьянъ крайне жалки; некрасивые дома строятся обыкновенно изъ дерева и глины и *въ послѣдніе годы сильно обветшали*: обстановка весьма скудная—столъ, скамья, нѣсколько стульевъ, постель съ пологомъ, шкафъ—вотъ и все богатство».

Примѣръ того, какъ крестьянское недоѣданіе обращается въ экономическое превосходство мелкаго хозяйства, показываетъ намъ А. Бухенбергъ на Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ. Онъ сравнилъ въ общинѣ Бишоффингенъ крестьянское имѣніе въ 11 гектаровъ съ такимъ же въ 5,5 гектаровъ. Первое, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, было поставлено въ необходимость пользоваться исключительно наемными рабочими—крайне неудобная вещь, такъ какъ оно было слишкомъ мало, чтобы невыгоды наемнаго труда уравновѣсить выгодами большаго хозяйства. Въ меньшемъ работали только собственникъ и его семья (жена и шестеро взрослыхъ дѣтей. Большее хозяйство дало дефицитъ въ 933 марки, меньшее избытокъ въ 191 марку. Главную причину разницы слѣдуетъ видѣть въ томъ, что въ хозяйствѣ съ наемными рабочими пища обходилась дороже—около марки въ день на человѣка,—тогда какъ въ хозяйствѣ, въ которомъ члены семьи имѣли счастье работать на себя, всего въ 48 пфениговъ, т. е. стоила вдвое меньше. («Bauerl. Zustände in Deutschland». Verein für Sozialpolitik. III, 276). Питайся крестьянская семья меньшаго хозяйства такъ же, какъ батраки большаго, вмѣсто избытка въ 191 марку она имѣла бы дефицитъ въ 1250 марокъ! Избытокъ происходилъ не отъ полныхъ амбаровъ, но отъ пустыхъ желудковъ.

Эта картина дополняется сообщеніемъ изъ веймарскаго округа: «Если, не смотря на всѣ эти условія, описи за долги

бываютъ не чаще, чѣмъ теперь, то только потому, что нашъ мелкій землевладѣлецъ ради своей самостоятельности умѣетъ терпѣть *невъроятныя лишения*. Существуютъ цѣлые классы, которымъ свѣжее мясо, получаемое въ имѣніи батракомъ, по крайней мѣрѣ, дважды въ недѣлю, подается на столъ только въ большіе праздники, а свѣжее масло также принадлежитъ къ лакомствамъ. Пока люди еще не прикованы къ своему клочку, еще *нанимаются на поденную работу*, они находятся въ сравнительно хорошемъ положеніи; когда же отдаются собственному хозяйству, для нихъ начинается жизнь, полная лишений» (тамъ же, I, 92). Здѣсь мы опять видимъ, что батраку крупнаго хозяйства живетъ лучше, чѣмъ самостоятельному мелкому собственнику.

Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ статьи Губерта Аугагена: «О мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ въ земледѣліи» (Thiels Landwirthschaftliche Jahrbücher, 1896). Аугагенъ сравнилъ два хозяйства, въ 4,6 гект. и въ 26,5 гект., по ихъ доходности, а не по производительности рабочей силы. Для меньшаго хозяйства онъ получилъ большую доходность.

Но отчего это? Мелкому хозяйству помогаютъ дѣти, большому они стоятъ денегъ. «Дѣти, какъ только подростутъ, оказываютъ мелкому крестьянину *существенную помощь*. Помогать они начинаютъ часто, *какъ только въ состояніи бѣгать*.» Въ изслѣдованномъ случаѣ мелкій крестьянинъ заставляетъ работать всѣхъ своихъ дѣтей, даже самаго маленькаго ребенка, которому семь лѣтъ. На школу у него выходитъ 4 марки въ годъ. Крупный крестьянинъ посылаетъ дѣтей въ школу. Его четырнадцатилѣтній сынъ учится въ гимназіи и стоить отцу 700 марокъ въ годъ—больше, чѣмъ расходуетъ на себя вся семья мелкаго крестьянина. Вотъ превосходство мелкаго хозяйства!

Наряду съ дѣтьми въ мелкомъ хозяйствѣ работаютъ и старики. «Часто видѣлъ я стариковъ, которымъ было уже за семьдесятъ лѣтъ и которые работали *какъ заправскіе работники* и, конечно, въ высокой степени способствовали процвѣтанію хозяйства». Конечно, больше всего трудятся лица рабочаго возраста. «Батракъ особенно въ крупномъ хозяйствѣ, думаетъ за работой: еслибъ еще праздникъ; мелкій крестьянинъ, по крайней мѣрѣ, въ страдную пору: если-бъ день былъ часика на два длиннѣе!... Если время особенно благоприятно работѣ, что бываетъ при большинствѣ работъ, то мел-

кій собственникъ старается воспользоваться имъ вполнѣ, *вставая раньше, ложась позже и работая энергичнѣе*, чѣмъ болѣе крупные собственники, которыхъ рабочіе, обыкновенно не хотятъ вставать раньше, ложиться позже или работать быстрѣе, чѣмъ въ другіе дни».

Но эти мученія увѣнчиваются тѣмъ результатомъ, что крестьянинъ оказывается въ самомъ жалкомъ положеніи. Аугагенъ съ удивленіемъ рассказываетъ намъ объ одномъ крестьянинѣ дейтинъ-кронерскаго округа: «Онъ живетъ въ мазанкѣ, имѣющей 9 метровъ въ длину и $7\frac{1}{2}$ въ ширину. Посреди дверь, которая ведетъ прямо въ жилую комнату; эта комната служитъ спальней; въ ней спятъ мужъ, жена и четверо дѣтей. Изъ этой комнаты ходъ ведетъ въ маленькую кухню, а оттуда въ комнату служанки, единственнаго чужого лица въ домѣ. *Последняя комната—самая лучшая*, потому что служанка справедливо хочетъ имѣть такую, какую ей дали-бы въ другомъ мѣстѣ. Постройка дома обошлась въ 860 марокъ. Нанимали только плотника, столяра и печника; остальное семья сдѣлала сама съ помощью родственниковъ. Жена хозяина замужемъ семнадцать лѣтъ, но износила всего *пару* башмаковъ: лѣтомъ и зимою она ходитъ босикомъ или въ деревянныхъ башмакахъ. Она сама шила платье для себя и мужа. Пищу составляли картофель, молоко, *изрядка селедка*. Табакъ хозяинъ курилъ только по воскресеньямъ. Эти люди не сознавали, что живутъ крайне просто (хороша простота! К. К.) и не выражали недовольства своимъ жребіемъ... При своемъ простомъ образѣ жизни они почти ежегодно имѣли *маленькій избытокъ*. На вопросъ о цѣнности хозяйства они отвѣтили мнѣ, что отдали бы его не дешевле 8000 марокъ».

Какой возвышенный хвалебный гимнъ въ честь мелкаго хозяйства, которое при «самыхъ простыхъ» условіяхъ, т. е. при самой грязной, унижительной нуждѣ можетъ еще производить избытки! Наемный работникъ чувствуетъ себя уже и въ деревнѣ челоуѣкомъ, а не выучнымъ животнымъ, имѣетъ болѣе высокія потребности, чѣмъ мелкій крестьянинъ, является представителемъ высшей культуры. И такъ, долой наемныхъ рабочихъ, т. е. крупное хозяйство, да здравствуетъ столь безконечно превосходящее его мелкое хозяйство!

Въ нашихъ глазахъ нечеловѣческое питаніе мелкаго крестьянина такъ-же мало составляетъ преимущество мелкаго

хозяйства, какъ и его сверхчеловѣческое трудолюбіе. И то, и другое указываетъ скорѣе на экономическую отсталость мелкаго хозяйства; и то, и другое есть препятствіе экономическому прогрессу. Благодаря имъ, мелкое землевладѣніе является средой, создающей «стоящій на половину внѣ общества классъ варваровъ, который соединяетъ въ себѣ всю грубость первобытныхъ общественныхъ формъ со всѣми муками и всей нуждой цивилизованныхъ странъ» («Капиталъ», III, стр. 347. Ср. «Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850», 50, 51). Что консервативные политики всѣми средствами стараются удержать это варварство, какъ послѣдній оплотъ капиталистической цивилизаціи, это, конечно, весьма понятно.

Съ рачительностью крестьянина дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ съ его прилежаніемъ и неприхотливостью. Рачительность, въ общемъ, въ земледѣльческомъ производствѣ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ въ промышленномъ, и ее надо искать скорѣе у того, кто работаетъ на себя, чѣмъ у наемнаго работника. Если и не по отношенію ко всякому крупному хозяйству, то по отношенію къ капиталистическому она составляетъ преимущество мелкаго хозяйства. Но нельзя приписывать этому пункту слишкомъ преувеличеннаго значенія. Другія средства, которыми мелкое хозяйство борется съ крупнымъ,—чрезмѣрный трудъ, недостаточное питаніе и, идущее рука объ руку съ ними, невѣжество парализуютъ хорошія стороны ея. Чѣмъ дольше работникъ долженъ трудиться, чѣмъ хуже онъ питается, чѣмъ меньше времени и денегъ тратитъ на свое образованіе, тѣмъ хуже качество его труда. Да и какую пользу принесло-бы ему самое величайшее усердіе, когда онъ не имѣетъ времени на уходъ за скотомъ или на очистку хлѣва, когда онъ такъ-же изнуряетъ своихъ упряжныхъ животныхъ—зачастую послѣднихъ замѣняетъ дойная корова,—такъ-же плохо кормитъ свой скотъ, какъ и самого себя!

О мерцигскихъ мелкихъ крестьянахъ (правит. округъ Трирь) директоръ заарбургской земледѣльческой школы I. I. Бартельсъ говоритъ: «Эти мелкіе собственники питаются почти исключительно картофелемъ и ржанымъ хлѣбомъ; потребление мяса и сала весьма незначительно. Смѣло можно утверждать, что питаніе неудовлетворительно, что отъ этого въ особенности страдаетъ энергія воли. Люди становятся глупыми, вялыми, неспособными къ правильному пониманію причинъ п

слѣдствій въ ихъ собственномъ дѣлѣ» («Bauerliche Zustände» I, 212).

Еще несчастнѣе мелкое хозяйство тамъ, гдѣ не можетъ хоть какъ-нибудь прокормить своего владѣльца, гдѣ послѣдній, чтобы просуществовать, долженъ хвататься за сторонній заработокъ. Такъ, напримѣръ, о мелкихъ крестьянахъ швабскихъ оберамтовъ Штуттгарта, Бёблингена и Герренберга гогенгеймскій профессоръ Гейцъ пишетъ: «То, что даетъ крупнымъ имѣніямъ большій урожай,—глубокая вспашка и старательный уходъ за полемъ, искусственное повышение температуры наружныхъ слоевъ почвы, болѣе обильное питаніе и лучший уходъ за скотомъ,—все это лишь очень медленно и съ большимъ трудомъ проникаетъ къ крестьянамъ, которымъ не хватаетъ смѣлости и денегъ. Точно также многочисленныя машины, давно вошедшія въ употребленіе, имъ почти неизвѣсты.... Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, глубоко коренящееся въ существующихъ условіяхъ. По крайней мѣрѣ, мы приписали бы порицаемый во многихъ мѣстахъ недостатокъ энергіи и настойчивости не свойствамъ расы, но мелкому землевладѣнію. Общепринято что соединеніе совершенно различныхъ занятій дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ. Если мелкій торговецъ и разнощикъ теряетъ расположеніе и способность къ упорному земледѣльческому труду, то и крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ является плохимъ ремесленникомъ, какъ ремесленникъ плохимъ крестьяниномъ». («Bauerliche Zustände», III, 227).

Какое значеніе имѣетъ это для германскаго земледѣлія, показываютъ слѣдующія цифры:

По переписи 1895 г. изъ общаго числа сельскихъ хозяевъ 502.000, 20⁰/₀, имѣли побочное занятіе, 717.000 сельскихъ хозяйствъ принадлежали земледѣльческимъ, 791.000 промышленнымъ наемнымъ рабочимъ и 704.000 самостоятельнымъ промышленникамъ, большую часть, ремесленникамъ. Изъ 5.600.000 сельскихъ хозяевъ только 2 милліона, т. е. 37⁰/₀, самостоятельныхъ хозяевъ безъ побочнаго занятія; изъ 3.236.000 владѣльцевъ хозяйствъ, меньшихъ 2 гектаровъ, таковыхъ было только 417.000, т. е. 13⁰/₀, а 147.000 этихъ мелкихъ хозяйствъ принадлежали самостоятельнымъ хозяевамъ съ побочнымъ занятіемъ, 690.000 земледѣльческимъ рабочимъ, 743.000 промышленнымъ и 534.000 ремесленникамъ.

Такимъ образомъ число жалкихъ карликовыхъ хозяйствъ огромно.

Если большинство мелкихъ сельскихъ хозяевъ находится въ положеніи, ничуть не способствующемъ развитію особеннаго усердія, то крупное хозяйство, съ другой стороны, въ состояніи и отъ наемныхъ рабочихъ добиться усерднаго труда. Уже лучшая плата, лучшая пища, лучшее обращеніе много значать. «Недовольный, плохо вознаграждаемый или питаемый работникъ естественной или умышленной небрежностью можетъ и будетъ причинять хозяйству много вреда, *гораздо больше*, чѣмъ хозяева могутъ выиграть на заработной платѣ, тогда какъ хозяйства, въ которыхъ рабочимъ хорошо платять, какъ показываетъ опытъ, процвѣтаютъ и даютъ доходъ» (Кирхнеръ, въ Гольцевскомъ Handbuch, I, 435). Хорошо питаемые и вознаграждаемые притомъ интеллигентные рабочіе—первое, и необходимое условіе рациональнаго крупнаго хозяйства. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь въ большинствѣ случаевъ этого условія недостаетъ, да и глупо было-бы ожидать улучшеній отъ «просвѣщеннаго деспотизма» крупныхъ сельскихъ хозяевъ; какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи они должны быть навязаны предпринимателямъ при посредствѣ государственнаго вмѣшательства. Предъ нами задача—создать путемъ нравственнаго и физическаго подъема сельскаго пролетаріата, путемъ уничтоженія сельскаго варварства важное предварительное условіе рациональнаго земледѣльческаго крупнаго хозяйства, а тѣмъ устранить и послѣдній оплотъ мелкаго хозяйства.

Помимо хорошаго вознагражденія и питанія рабочихъ крупное хозяйство имѣеть и другія средства добиться отъ рабочихъ большаго усердія. Тюненъ, на примѣръ, ввелъ систему участія въ прибыли, по которой всѣ постоянные рабочіе имѣнія получали часть избытка чистой прибыли свыше известнаго минимума. Но повсемѣстно распространенный методъ для полученія отъ рабочихъ большаго усердія и добросовѣстности это—раздѣленіе труда. Крупное хозяйство, какъ уже было замѣчено выше, при большомъ числѣ своихъ рабочихъ имѣеть возможность выбирать особенно ловкихъ, добросовѣстныхъ, умѣлыхъ для работъ, требующихъ особенной тщательности, или же пользоваться ими для надзора за другими.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что именно въ главныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, и прежде всего въ земледѣліи,

въ собственномъ смыслѣ, *машина* работаетъ не только быстрее, но и *лучше* работника съ простыми орудіями, и даетъ результаты, недостижимые для послѣдняго при величайшемъ стараніи. Мы видѣли, что машина лучше пахнетъ, сѣетъ, коситъ (кромѣ полегшаго хлѣба), молотитъ, вѣетъ, сортируетъ, чѣмъ крестьянинъ съ простыми орудіями или снарядами. Мы также не нашли, вопреки проф. Зерингу, ни одного специалиста который держался — бы того взгляда, что въ земледѣліи мелкое хозяйство можетъ вестись такъ же рационально, какъ и крупное. Они признаютъ его способнымъ выдерживать конкуренцію въ другихъ, болѣе скромныхъ отрасляхъ производства.

Для одной системы хозяйства, говоритъ проф. Кремеръ, слѣдуетъ предпочесть крупное, для другой мелкое хозяйство. Послѣднее въ томъ случаѣ, когда «имѣютъ дѣло со сложными и цѣнными культурами, требующими отъ отдѣльныхъ рабочихъ особеннаго вниманія..... Именно здѣсь самый подходящий случай для того, чтобы съ пользой тратить свободное время и дать работу болѣе слабымъ силамъ (дѣтямъ?! К. К.) семьи предпринимателя, и тѣмъ скорѣе справляться съ дѣломъ, какъ это доказываетъ успѣхъ въ мелкомъ хозяйствѣ *садоводства, виноградарства* и воздѣлыванія нѣкоторыхъ техническихъ растений» («Handbuch» Гольца, I. 197).

Какое значеніе имѣютъ эти, пока еще выгодные для мелкаго хозяйства, роды культуръ въ сопоставленіи съ земледѣліемъ и скотоводствомъ; показываютъ, слѣдующія цифры: въ 1889 года въ Германіи подъ техническими растеніями было 161.408 гектаровъ, подъ виноградомъ 120.935. Напротивъ, подъ кормовыми травами и лугами 8.533.790 гектаровъ, хлѣбами 13.898.058 и картофелемъ около 3.000.000 гектаровъ.

Впрочемъ, и въ области садоводства и виноградарства уже довольно много успѣшно ведущихся крупныхъ хозяйствъ.

При томъ воздѣлываніе многихъ техническихъ растений пришло въ упадокъ. Площадь табаководства въ германской таможенной области уменьшилась съ 27.248 гектаровъ, въ 1881 г. до 15.198 гектаровъ въ 1893. Съ тѣхъ поръ она опять немного увеличилась (въ 1896 г.—22.076 гектаровъ но еще очень далека отъ той величины, какую имѣла въ 1881 году. Воздѣлываніе *льна* и *конопли* также сократилось. Подъ льномъ и коноплей въ 1878 г. было 155.100 гектаровъ, въ 1883—123.600, въ 1893—68.900 гект. Не лучше и съ *хмелевод-*

ствомъ, площадь котораго съ 1878 г. до 1883 увеличилась отъ 40.800 до 45.900 гектаровъ, но съ тѣхъ поръ опять сократилась до 42.100 гект. (1893 г.).

Предпочтеніе культуры техническихъ растений иногда бываетъ для крестьянъ прямо роковымъ. «Относительно Богеміи, пишетъ д-ръ Роб. Дрилль, извѣстно, что въ областяхъ хмѣлеводства крестьяне занимаются почти исключительно культурой хмѣля, и судьба ихъ зависитъ отъ этого растенія. Это прямо азартная игра, такъ какъ цѣны на хмѣль подвержены весьма сильнымъ колебаніямъ. Случалось, что послѣ одного—двухъ неурожаевъ хмѣля цѣлыя деревни обращались въ нищихъ». (Die Agrarfrage in Oesterreich, 24). По Краффу (Betriebslehre, 82) колебанія цѣнъ на хмѣль доходятъ до 1000 и болѣе %.

Если говорить о земледѣліи вообще, то тѣ культуры, въ которыхъ мелкое хозяйство превосходитъ крупное, едва заслуживаютъ разсмотрѣнія, поэтому можно сказать, что крупное хозяйство рѣшительно выше мелкаго.

«Практики» знаютъ это. Они обыкновенно скорѣе предпочтутъ взять большое имѣніе, на которомъ лежитъ долгъ, чѣмъ малое, свободное отъ долговъ и той же цѣнности. Значительная часть ипотечной задолженности вызвана этимъ предпочтеніемъ «практиковъ». Кто хочетъ затратить 50.000 марокъ на покупку имѣнія, скорѣе купитъ стотысячное имѣніе съ 50.000 долгомъ, чѣмъ пятидесятитысячное.

Превосходство крупнаго хозяйства обнаруживается еще однимъ способомъ: образованіемъ *товариществъ*. Товарищеское хозяйство есть крупное хозяйство.

в) Товарищества.

Мы не думаемъ оспаривать значенія товариществъ. Спросимъ только, во всѣхъ-ли областяхъ, въ которыхъ крупное хозяйство стоитъ выше мелкаго, крестьянамъ доступны выгоды товарищескаго крупнаго хозяйства, и въ какой степени.

Прежде всего замѣтимъ, что до сихъ поръ дѣятельность сельско-хозяйственныхъ товариществъ почти исключительно ограничивалась областью кредита и торговли. О промышленныхъ предпріятіяхъ отдѣльныхъ товариществъ вродѣ сыроваренъ, сахарныхъ заводовъ и т. п. мы здѣсь не говоримъ. Ихъ значеніе для

земледѣлія мы обсудимъ, когда будемъ разсматривать сельско-хозяйственную индустрію. Здѣсь идетъ рѣчь о сельскомъ хозяйствѣ въ узкомъ смыслѣ слова. Какъ на союзы, прямо затрагивающіе производство, мы можемъ указать только на товарищества для меліорацій. Остальныя сельско-хозяйственныя товарищества служатъ, какъ сказано, преимущественно цѣлямъ *кредита* или *посреднической торговли*.

Но въ этихъ областяхъ товарищества приносятъ выгоду не только *мелкому*, но и *крупному хозяйству*.

Нигдѣ предварительныя условія товарищеской организаціи не развиты такъ слабо, какъ среди крестьянъ, которыхъ условія жизни и труда изолируютъ, ограничиваютъ горизонтъ, лишаютъ досуга, требуемаго товарищескимъ самоуправленіемъ. Всего хуже дѣло обстоитъ въ государствахъ, въ которыхъ вѣка бюрократической опеки и угнетенія изгнали изъ обычая товарищескія организаціи. Наряду съ невѣжествомъ политическое безправіе наноситъ сильный ущербъ крестьянскому благосостоянію. Всего труднѣе побудить крестьянъ къ устройству товариществъ тамъ, гдѣ еще не поколеблены традиціи патріархальнаго строя.

Гораздо доступнѣе устройство товариществъ крупнымъ землевладѣльцамъ, число которыхъ гораздо меньше, которые располагаютъ досугомъ, обширными связями, коммерческимъ знаніемъ, собственнымъ или наемнымъ.

Потому то и здѣсь, какъ и вездѣ въ области сельско-хозяйственнаго прогресса, мы видимъ крупное хозяйство впереди. Товарищества сдѣлались необходимыми для крестьянъ, но, въ большинствѣ случаевъ, не какъ средство сравняться, путемъ соединенія многихъ мелкихъ силъ для совмѣстнаго труда, съ крупнымъ землевладѣльцемъ, а какъ средство перехватить и на свою долю частицу выгодъ, даваемыхъ товариществами своимъ участникамъ, чтобы онѣ не достались цѣликомъ одному крупному хозяйству.

Въ области ипотечнаго кредита крупное хозяйство первое воспользовалось выгодами товариществъ. Прусскіе «*Land-schaften*» восходятъ къ прошлому столѣтію. Первоначально они были принудительными товариществами дворянскихъ имѣній отдѣльныхъ провинцій, имѣвшими цѣлью обезпеченіе ипотечнаго кредита. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія они стали принимать въ свою среду и не-дворян-

скія имѣнія. Но подобно учрежденіямъ ипотечнаго кредита, дававшимъ ссуды ради барышей, и они не выказывали никакого желанія принимать въ число своихъ кліентовъ мелкія имѣнія во избѣжаніе слишкомъ большихъ хлопотъ и расходовъ. Подъ куски земли, чистый доходъ которыхъ, обложенный поземельнымъ налогомъ, менѣ известной величины (150 марокъ въ Саксоніи (пров.), Шлезвигъ-Гольштиніи, Вестфалии, Бранденбургъ, 240 марокъ въ Помераніи) или которые оцѣнены ниже известной суммы (6000 марокъ въ Познани), ссуды не выдаются.

Здѣсь товарищеская организація является средствомъ, дающимъ крупному землевладѣнію выгоды, которыя для мелкаго недоступны.

«Говоря вообще, заявляетъ Ф. Гехтъ въ введеніи къ своей уже цитированной книгѣ о государственныхъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ поземельнаго кредита въ Германіи, *товарищеская организація поземельнаго кредита приноситъ пользу преимущественно крупному землевладѣнію*».

Для мелкихъ крестьянъ кредитныя товарищества имѣютъ значеніе преимущественно въ дѣлѣ *личнаго кредита*. Кредитное товарищество можетъ сдѣлать то, чего не можетъ отдѣльный крестьянинъ,—получить кредитъ у городского крупнаго денежнаго капитала на современныхъ капиталистическихъ условіяхъ. Если займы отдѣльныхъ крестьянъ слишкомъ незначительны, чтобы интересовать крупный капиталъ, то ссуды цѣлому товариществу играютъ совсѣмъ иную роль. И если ссуда совершенно неизвѣстному крестьянину для городского банка вещь рискованная, то, благодаря круговой порукѣ товарищей, рискъ этотъ уменьшается до минимума. Такимъ образомъ кредитныя товарищества даютъ и мелкому крестьянину возможность получать деньги за небольшіе проценты, которые онъ можетъ платить, не разоряясь, послѣ улучшенія хозяйства съ помощью ссуды. Кредитныя товарищества несомнѣнно имѣютъ для крестьянъ весьма большое значеніе,—какъ средство экономическаго прогресса, правда, не къ коллективизму, какъ часто думаютъ, а къ капитализму, однако и какъ таковыя экономически весьма цѣнны.

Само собою разумѣется, только тамъ, гдѣ пустили корни и процвѣтаютъ. А это бываетъ не такъ часто. Основаніе и администрація ихъ для простыхъ крестьянъ вещь нелег-

кая, и еще вопросъ, могутъ ли они распространиться въ крестьянской массѣ, не требуя слишкомъ большой платы за выучку. До сихъ поръ еще ведутся живые споры о томъ, какая форма организаціи самая подходящая для земледѣлія, и сторонники одного направленія упрекаютъ сторонниковъ другого въ томъ, что они ничего не могутъ сдѣлать для сельскихъ хозяевъ.

Рейфбэйзенскія кассы состоятъ подъ опекой духовенства, въ *шульце-деличевскихъ* преобладаютъ ремесленники. Но и наилучше организованныя сельскія ссудосберегательныя кассы приносятъ пользу лишь части крестьянства. Приходится поступать очень осторожно, чтобы товарищество не понесло большихъ убытковъ. Некредитоспособные, т. е. какъ разъ наиболѣе нуждающіеся, попадаютъ въ лапы деревенскаго растовщика. Все же кредитныя товарищества для крестьянъ—самыя важныя (о товариществахъ сельскохозяйственной индустріи мы здѣсь не говоримъ). Они и размножаются быстро. По Зерингу въ Германской имперіи считалось въ 1871 г. около 100 сельскихъ ссудныхъ кассъ, въ 1891 г.—2134, въ 1896 г.—6391. Въ Пруссіи, по собраннымъ Центральной Кассой ко времени ея учрежденія, 1 октября 1895 г., свѣдѣніямъ было около 5000 товарищескихъ кассъ, а къ 30 октября 1897 г. уже 7636. Въ томъ числѣ, конечно, и извѣстныя «*Pumpgenossenschaften*».

Крупный землевладѣлецъ не нуждается въ такого рода учрежденіяхъ. Будучи кредитоспособнымъ, онъ очень легко находитъ потребный кредитъ.

Подобно товариществамъ ипотечнаго кредита, и меліораціонныя товарищества—учрежденіе вовсе не подходящее для мелкаго хозяйства; тоже можно сказать и о товариществахъ для купли—продажи.

Торговля, подрывъ конкурентовъ на рынкѣ, приобрѣтеніе кліентовъ и пользованіе благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ—занятіе, не свойственное товариществамъ. Отдѣльный предприниматель, независимый, не стѣсняемый сторонними соображеніями, живо заинтересованный, будетъ вести дѣло лучше, чѣмъ приказчикъ товарищества.

Для продажи отдѣльныхъ товаровъ это тѣмъ справедливѣе, чѣмъ пестрѣе спросъ и предложеніе, а также качество продуктовъ. Этой пестротѣ мы приписываемъ, главнымъ образомъ.

то, что продажа скота такъ трудна для товариществъ. Почти всѣ попытки въ Германіи были неудачны. Въ товариществѣ многихъ мелкихъ крестьянъ, производящихъ каждый на свой ладъ и при самыхъ различныхъ условіяхъ, пестрота продуктовъ даетъ знать себя гораздо сильнѣе, чѣмъ въ товариществѣ нѣсколькихъ крупныхъ хозяйствъ, ведущихся рационально. Такъ Мендель-Штейнфельсъ сообщаетъ: «Товарищескій сбытъ масла имѣлъ успѣхъ тамъ, гдѣ продавались большія массы товара, притомъ однообразнаго качества, т. е. товаръ молочныхъ товариществъ или *крупныхъ землевладельцевъ*. Гдѣ же товарищество бралось за продажу масла *мелкихъ производителей*, тамъ оно *всегда терпѣло крушеніе*» (Handwörterbuch der Staatswiss., IV, 950).

Значеніе сыроваренныхъ товариществъ для мелкихъ крестьянъ мы выяснимъ послѣ. Здѣсь мы хотимъ только установить, что процвѣтающія товарищества для продажи обыкновенно состоятъ изъ крупныхъ хозяевъ, а не изъ мелкихъ. Это относится къ продажѣ не только масла, но и скота, хлѣба, спирта. Товарищества для продажи спирта, въ послѣднее время явившіяся въ такомъ количествѣ въ Сѣверной Германіи, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются ничѣмъ инымъ, какъ синдикатами винокуренныхъ заводчиковъ для удержанія высокихъ цѣнъ на спиртъ.

Товарищество для продажи приносило-бы больше пользы мелкому хозяйству, если-бы удалось заставить отдѣльныхъ членовъ вести производство по одинаковому плану и при помощи одинаковыхъ средствъ. На это мало надежды, и намъ кажется, что нѣмецкіе крестьяне не расположены платить за выучку. Быстраго движенія крестьянскихъ товариществъ въ этомъ направленіи въ ближайшемъ будущемъ навѣрно ожидать нельзя.

Дѣло находится въ стадіи опытовъ.

Въ лучшемъ положеніи товарищества для совмѣстной покупки искусственнаго удобренія, фуража, сѣмянъ, скота, машинъ и т. п. Число ихъ быстро растетъ. Сельско-хозяйственныхъ ферейновъ для приобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ считалось: въ 1875 г. — 56, 1880—68, 1888—843, 1894—1071, 1896—1085.

Кромѣ того въ 1894 г. существовало 214 товариществъ для покупки сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ.

Въ области покупки сырыхъ матеріаловъ и машинъ дѣятельность товариществъ, конечно, можетъ быть весьма плодо-

творной. Здѣсь дѣло проще; рынокъ извѣстенъ,—это сами участники, дѣлающіе заказы; продаютъ товариществамъ не разрозненные мелкія хозяйства, а крупныя промышленныя предприятия или крупныя сельскія хозяйства (напримѣръ, занимающіяся скотоводствомъ).

Пользы такихъ товариществъ для сельскихъ хозяевъ отрицать нельзя. Они сберегаютъ издержки на посредниковъ; конечно, что выигрываетъ сельскій хозяинъ, то теряетъ посредникъ; страннымъ образомъ противъ крупныхъ торговыхъ фирмъ и потребительныхъ товариществъ, удешевляющихъ *рабочимъ* средства потребленія, никто не ополчается болѣе аграріевъ, тѣхъ самыхъ людей, которые ревностно стараются уничтожить посредниковъ тамъ, гдѣ они удорожаютъ товары *чиновникамъ, офицерамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ*. Кромѣ сбереженія издержекъ на посредниковъ товарищества приносятъ еще ту пользу, что защищаютъ хозяевъ отъ фальсификаціи. Но и здѣсь мы должны поставить вопросъ, не выигрываетъ ли крупное хозяйство болѣе чѣмъ мелкое. Если, напримѣръ, Берлинское товарищество дешево поставяетъ крупнымъ землевладѣльцамъ каменный уголь для паровыхъ машинъ, то это врядъ-ли особенно поощряетъ мелкое хозяйство; товарищества, которыя приобрѣтаютъ машины, чтобы продавать ихъ или отдавать въ наемъ своимъ участникамъ, тѣмъ полезнѣе отдѣльному участнику, чѣмъ болѣе машинъ ему нужно т. е. чѣмъ крупнѣе его хозяйство. Также отъ товариществъ для приобрѣтенія паровыхъ плуговъ наибольшую выгоду получаютъ не мелкіе крестьяне, а крупные и крупные землевладѣльцы.

Болѣе крупныя хозяйства Саксоніи (пров.) почти всѣ работаютъ паровымъ плугомъ. Но лишь не многія имѣютъ собственный; большинство плуговъ принадлежитъ товариществамъ.

На съѣздѣ національно-соціальной партіи въ Эрфуртѣ (въ сентябрѣ 1897 г.) пасторъ Гёре въ своемъ рефератѣ о товариществахъ выразилъ опасеніе, какъ бы крупное землевладѣніе не завладѣло сельскохозяйственными товариществами и не подчинило ихъ своимъ цѣлямъ. На съѣздѣ товариществъ въ Штеттинѣ въ 1896 г. бюро было цѣликомъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ числѣ 41 ораторовъ было только 4 мелкихъ собственниковъ, сказавшихъ по нѣскольку словъ. То же было и на дрезденскомъ съѣздѣ въ 1897 г. Прибавимъ

сюда хвалебную пѣснь, пропѣтую въ честь товариществъ Зерингомъ въ его выше цитированномъ докладѣ коллегіи сельско-хозяйственной экономіи, за то, что они создаютъ «новую общность интересовъ и труда». «Здѣсь мы всѣ за-одно, крестьяне и *крупные землевладельцы*, духовенство и учителя, работодатели и рабочіе».

Этого достаточно, чтобы показать, что хотя товарищества имѣютъ большое значеніе для современнаго земледѣлія, но ничуть не представляютъ средства, которое уничтожило-бы превосходство крупнаго хозяйства надъ мелкимъ, хотя бы въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ они примѣняются съ успѣхомъ. Напротивъ, они скорѣе увеличиваютъ это превосходство. Всего больше, по нашему, они даютъ среднимъ хозяйствамъ, всего меньше мелкимъ.

Но важнѣйшія области сельско-хозяйственной дѣятельности вовсе недоступны товариществамъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ.

Мы видѣли, что паровой плугъ для мелкихъ хозяевъ не имѣетъ значенія, но и многія другія машины не годятся для товарищескаго пользованія, наприм., тѣ, которыя нужны на опредѣленный, короткій срокъ. Что пользы въ товарищеской косилкѣ, если всѣмъ надо косить одновременно? Даже товарищеское пользованіе молотилками вызываетъ споры и можетъ причинить убытки. Для крупнаго хозяина, имѣющаго собственную паровую молотилку, она выгодна тѣмъ, что сжатый хлѣбъ вымолачивается тутъ же, на полѣ; берегаются издержки транспорта и храненія необмолоченнаго хлѣба, и хлѣбъ готовъ на продажу тотчасъ послѣ жатвы. Эти выгоды для члена товарищества теряются; его хлѣбъ свозится съ поля невымолоченнымъ и долженъ ждать, пока до него дойдетъ очередь.

Этотъ родъ товариществъ, натурально, никогда не дастъ мелкимъ хозяевамъ преимуществъ, даваемыхъ большой площадью посѣва, раздѣленіемъ труда, управленіемъ, сообразнымъ съ требованіями науки. И было-бы тщетной надеждой ждать, что товарищества дадутъ возможность мелкимъ хозяевамъ вести хозяйство такъ же рационально, какъ и крупнымъ. Если-бы мелкіе хозяева дѣйствительно думали воспользоваться при посредствѣ товариществъ выгодами отъ веденія хозяйства на большую ногу, то не пускались-бы окольными путями, а шли-бы прямо къ цѣли, не оставались-бы въ области торговли и кре-

дита, а примѣняли-бы принципъ товарищества въ той области, которая для сельскаго хозяина имѣетъ рѣшающее значеніе, въ области самого земледѣльческаго производства.

Несомнѣнно, большое товарищеское хозяйство могло-бы имѣть всѣ преимущества крупнаго хозяйства, какихъ не даютъ вовсе или даютъ только отчасти товарищества для пріобрѣтенія сырыхъ матерьяловъ, машинъ, для продажи продуктовъ и кредитныя. Кромѣ того люди работали-бы въ немъ усерднѣе, чѣмъ по найму. Такое товарищество не только сравнялось бы, но было бы даже выше капиталистическаго крупнаго хозяйства. Но замѣчательная вещь: именно этого рода товарищества не привлекаютъ сельскихъ хозяевъ. Слабое подобіе ихъ можно видѣть въ товариществахъ для улучшенія скота, напимѣръ, товариществахъ для выращиванія жеребятъ. Крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ манежа для жеребятъ, слишкомъ рано начинаетъ запрягать ихъ и тѣмъ портить. Кромѣ того онъ не смотритъ за ними, какъ слѣдуетъ, не имѣетъ порядочной конюшни и часто даетъ неподходящій кормъ. Этому злу помогаютъ товарищества для выращиванія жеребятъ, вродѣ основаннаго въ 1895 г. въ Иліэнвортѣ; которое имѣетъ для жеребятъ просторный манежъ, хорошія конюшни и умѣлый уходъ. Но этого рода товарищества, хотя затрогиваютъ уже самое производство, относятся къ побочнымъ отраслямъ земледѣлія и представляютъ собою палліативное средство для устраненія только нѣкоторыхъ послѣдствій изолированности и ограниченности крестьянскаго хозяйства, а не самихъ свойствъ его.

Почему же крестьяне не стараются примѣнить принципъ товарищества къ главнымъ отраслямъ своего хозяйства? Почему ограничиваются недостаточными палліативами?

Пытались объяснить это тѣмъ, что земледѣльческій трудъ не социаленъ по натурѣ и потому не поощряетъ кооперативнаго хозяйства. Но единственнымъ доказательствомъ этого служить явленіе, которое именно и требуется объяснить.

Не видно, почему земледѣліе, пригодное для капиталистическаго хозяйства, не пригодно для кооперативнаго. Ужь не потому-ли, что послѣднее не было испробовано? Но это было-бы плохимъ объясненіемъ, такъ какъ попытки уже были, и притомъ удачныя.

Въ первыя десятилѣтія настоящаго столѣтія, когда великіе мыслители уже знали, что не мелкое хозяйство, а крупное, общественное есть средство положить конецъ капиталистической эксплуатаціи, но еще не понимали, что для общественнаго крупнаго хозяйства необходимъ рядъ опредѣленныхъ экономическихъ, политическихъ и интеллектуальныхъ предпосылокъ, что бы оно могло явиться и удержаться; не мало энтузіастовъ, и между ними первый и величайшій—*Робертъ Овенъ*, пробовали увлечь общество на новый путь, основывая кооперативныя колоніи и товарищества. Не всѣ попытки удавались, да и удачныя ничуть не знаменовали собою начала новаго строя. Но одно онѣ доказали безспорно: возможность товарищескаго производства, возможность замѣнить индивидуальнаго капиталиста общественными учрежденіями.

Большинство этихъ попытокъ было сдѣлано, что и естественно, въ области промышленности. Но была одна и въ земледѣліи; это было Ралагайнское товарищество, дѣла котораго шли превосходно и которое погибло лишь благодаря одному несчастному обстоятельству. Экспериментъ настолько интересенъ и извѣстенъ такъ мало, что мы приводимъ цѣликомъ рассказъ о немъ изъ книги Чарльза Брѣя: *Philosophy of Necessity* (II, стр. 581 и сл.). Brentano привелъ этотъ рассказъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу книги г-жи Веббъ о кооперативномъ движеніи въ Англіи.

„Въ Ирландіи, сообщаетъ намъ Брей, г. Вандалеръ произвелъ удачный опытъ коопераціи въ своемъ имѣніи Ралагайнѣ, въ графствѣ Клэръ. Его фермеры принадлежали къ самымъ низшимъ слоямъ; это были люди бѣдные, нерадивые, злые. Вандалеръ очень желалъ улучшить ихъ положеніе и характеръ, имѣя прямой интересъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ рабочихъ; поэтому въ 1830 г. онъ рѣшился произвести опытъ въ духѣ Овена, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, соотвѣтствовавшими обстоятельствамъ дѣла. Около 40 сельскихъ рабочихъ согласились на его планъ, и онъ образовалъ изъ нихъ общество подъ своимъ личнымъ руководствомъ и надзоромъ; этому обществу онъ сдалъ въ аренду свое помѣстье Ралагайнъ, заключавшее около 618 акровъ, въ томъ числѣ 257 акровъ луговой земли, 285 полевой, 63½ песковъ и 2½ акра сада. Земля была въ общемъ хорошая, мѣстами каменистая. Къ ней принадлежало шесть хижинъ и старый замокъ, которые были обращены въ квартиры для женатыхъ, а также хозяйственныя постройки: хлѣвы, амбары и пр., которыя отчасти были снесены, и на мѣсто коихъ была устроена общая столовая, залъ, школа и спальни для дѣтей и холостыхъ. Все это онъ сдалъ за 700 ф. ст. въ годъ, вмѣстѣ съ лѣсопильней, водяной молотилкой, зданіями фабрики и ткацкой мастерской, впрочемъ, безъ машинъ. За живой и мертвый инвентарь и ссуду на по-

купку платья и пищи до ближайшаго урожая они должны были уплатить еще 200 ф. ст. Они должны были жить въ общихъ зданіяхъ и работать на общій капиталъ въ общихъ интересахъ. Избытокъ надъ арендной платой долженъ былъ поступать въ собственность всѣхъ членовъ старше 17 лѣтъ и дѣлиться поровну между всѣми, мужчинами и женщинами, женатыми и холостыми. Орудія, утварь и машины должны были содержаться въ порядкѣ и замѣняться новыми по мѣрѣ того, какъ приходили въ негодное состояніе; число и цѣнность скота должны были поддерживаться на одинаковомъ уровнѣ. Арендныя деньги должны были выплачиваться продуктами имѣнія; въ первый годъ они считались по рыночнымъ цѣнамъ въ Лимерикѣ, въ слѣдующіе должно было поставляться натурой то же количество хлѣба, мяса, свинины, масла и пр., что и въ первый годъ; рента не могла быть повышена, какія бы улучшения ни сдѣлало общество; было обѣщано заключить долгосрочный контрактъ съ тою же рентой, какъ только общество соберетъ денегъ на покупку инвентаря.

„До этой поры Вандалеръ оставался полнымъ собственникомъ. Аренда давала болѣе, чѣмъ онъ когда либо получалъ раньше. Въ 1831 г. было уплачено 900 ф. ст. ренты. Въ 1832 г. цѣнность продуктовъ составляла почти 1700 ф. ст.; на пищу, платье, сѣмена и пр. общество израсходовало въ этомъ году 550 ф. ст., экстраординарныя затраты на постройку домовъ, пріобрѣтеніе мебели и т. п. поглотили избытокъ; но благосостояніе поднялось, и основаніе процвѣтанію и счастью было положено.

„Члены товарищества должны были работать столько же времени и получать изъ общей кассы такую же плату, какъ еслибы они были обыкновенными работниками, пока не скопятъ собственный капиталъ. Съ этою цѣлью секретарь ежедневно отмѣчалъ въ книгахъ, сколько работалъ каждый, и въ концѣ недѣли каждый получалъ такую же плату, какую Вандалеръ платилъ раньше за ту же работу. Надежда на долю въ прибылиощряла къ труду, и люди дѣлали въ день вдвое больше окрестныхъ батраковъ. Плата изъ общей кассы выдавалась въ формѣ квитанцій, которыя принимались только въ общественной лавкѣ. Это давало собственнику возможность обходиться безъ наличности и противодѣйствовало пьянству, такъ какъ въ лавкѣ напитковъ не держалось, а въ кабакахъ квитанціи не принимались.

„Лавка держала только товары лучшаго качества и продавала по оптовымъ цѣнамъ. По ирландскому обычаю, картофель и молоко составляли главную пищу, и суммы, выдававшіяся изъ общей кассы, были сравнительно невелики, но выгоды, которыя члены извлекали изъ коопераціи, значительно возвысили ихъ надъ обычнымъ уровнемъ ихъ класса. Мужчины зарабатывали 4 шиллинга въ недѣлю. Ихъ расходы были: на картофель—1 шил., молоко (10 кварть)—10 пенсовъ, стирку бѣлья и т. п.—2 пенса, больничную кассу—2 пенса, платье—1 шил. 10 пенса. Женщины получали по 2 шил. 6 пенса., и расходовали: на картофель—6 пенса., молоко—8 пенса., стирку бѣлья и пр.—2 пенса, больничную кассу—1¹/₄ пенса., платье—1 шил. ³/₄ пенса. Женатыя, жившіе отдѣльно, платили обществу 6 пенсовъ въ недѣлю за квартиру и около 2 пенса. за дрова. Всѣ дѣти съ четырнадцатимѣсячнаго возраста содержались на общественный счетъ. До 7—8 лѣтъ они жили въ

дѣтской школѣ, а затѣмъ обѣдали въ общей столовой вмѣстѣ съ холостыми. Взрослые не платили ничего за квартиру, дрова, лекціи, школы, удовольствія. Они покупали въ своей потребительной лавкѣ товары, въ среднемъ, на 50⁰/_о дешевле и лучшаго качества, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Каждый членъ могъ всегда рассчитывать на работу и неизмѣнную заработную плату, и цѣны на съѣстные припасы въ лавкѣ были всегда однѣ и тѣ же. Больные и инвалиды получали изъ больницы кассы пособие въ размѣрѣ полной заработной платы. Когда умиралъ отецъ семейства, общество заботилось о сиротахъ.

„Мало по малу число членовъ удвоилось. Квартиры у нихъ были здоровыя, мебель въ цѣлости и чистотѣ, пища хорошая и простая, и, гдѣ только можно было, они пользовались машинами. Мододежъ обоого пола до 17 лѣтъ по очередно несла обязанности слугъ Рабочій день начинался лѣтомъ въ 6 ч. утра, кончался въ 6 ч. в., часъ шелъ на обѣдъ. Каждый вечеръ правленіе составляло нарядъ на слѣдующій день, причѣмъ принимались по возможности во вниманіе и способности каждаго. Подростки кромѣ полевыхъ работъ приучались къ ремесламъ, и каждый, чѣмъ бы ни занимался, обязанъ былъ помогать въ случаѣ надобности работающимъ въ полѣ, особенно во время жатвы. Завѣдующій лавкой раздавалъ пищу, платье и пр., садовникъ фрукты. Вандалеръ продавалъ избытокъ продуктовъ и дѣлалъ закупки для хозяйства и общественной лавки. Всѣ споры разбирались третейскимъ судомъ, и за три года ни разу не потребовалось вмѣшательства адвоката или мирового судьи. Крегъ, ревностный и преданный помощникъ Вандалера, рассказываетъ, съ какимъ удивленіемъ посѣтители отзывались о Ралагайнѣ и системѣ, которая укротила дикихъ ирландцевъ и ввела у нихъ на мѣсто бѣдности, лохмотьевъ, нищеты—чистоту, здоровье и благосостояніе.

„Съ печалью приходится сообщить, что это общество вдругъ рушилось какъ разъ въ то время, когда выказало большіе успѣхи, и по какой грустной причинѣ. Вандалеръ принадлежалъ къ аристократіи и при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ раздѣлялъ одинъ изъ ея пороковъ. Страсть къ игрѣ разорила его, его семью, его дѣло. Онъ бѣжалъ изъ отечества, кредиторы завладѣли всѣмъ его состояніемъ и, не справляясь о претензіяхъ ралагайнскихъ рабочихъ, воспользовались имъ для удовлетворенія своихъ собственныхъ. Общество не было зарегистрировано, Вандалеръ не заключилъ съ нимъ никакого контракта, и искать защиты у закона оно не могло“.

Коммунистическія общины Сѣверной Америки не хуже Ралагайна показываютъ, какіе превосходные результаты можно получить отъ кооперативнаго земледѣлія. Въ своей книгѣ объ этихъ общинахъ Нордгоффъ не разъ указываетъ на то, что ихъ хозяйство далеко превосходитъ сосѣднія по интенсивности и раціональному пользованію имѣющимися силами. Прогвѣтаніе ихъ не мало зависитъ отъ ихъ превосходной агрикультуры. «Они—выдающіеся хозяева, говоритъ онъ— объ общинѣ Амана, держать прекрасный скотъ, за которымъ ухаживаютъ съ нѣмецкой аккуратностью; зимою кормятъ

его въ стойлѣ». (стр. 40). Шекеры обыкновенно имѣютъ «прекрасные овины, и всѣ хозяйственныя постройки устроены наилучшимъ образомъ... Въ земледѣліи они не знаютъ усталы; изъ года въ годъ трудятся, чтобы очистить почву отъ камней и получить хорошее поле; они любятъ культуры, требующія особеннаго усердія, напримѣръ, получение огородныхъ сѣмянъ. У нихъ прекрасный скоть, и все устроено такъ, чтобы не тратить попусту времени» (стр. 149).

«Ферма (американскихъ перфекціонистовъ) отлично содержится» (стр. 268); «я не могу пройти молчаніемъ ихъ (въ общинѣ Аврора) садовъ, виноградниковъ и цвѣтниковъ, устроенныхъ рационально и превосходно... Я не сомнѣваюсь, что Аврора, чтобы сдѣлать свои фруктовые сады и другія цѣнныя культуры тѣмъ, чѣмъ они есть, потратила на половину меньше, чѣмъ пришлось бы на долю частнаго предпріятія» (стр. 319, 323). Колонія Бишонъ-Гилль «имѣла въ 1895 г. 10.000 акровъ земли, какъ слѣдуетъ огороженной и въ отличномъ видѣ. Ея скоть былъ лучшимъ въ штатѣ» (стр. 346). И это не исключенія. Въ своемъ резюме Нордгофъ объясняетъ превосходную обработку земли однимъ изъ свойствъ коммунистическихъ колоній (стр. 415). (The communistic societies of the United States).

Это показываетъ, что земледѣльческій трудъ ничуть не стоитъ въ противорѣчьи съ товарищеской формой. Если же не смотря на то, крестьяне не дѣлаютъ серьезныхъ попытокъ воспользоваться этой формой, то причину отыскать не трудно.

Никто не станетъ утверждать, чтобы нельзя было отличнѣйшимъ образомъ заниматься промышленнымъ трудомъ на принципахъ коопераціи. Однако мы видимъ, что несмотря на то, ремесленники, подобно крестьянамъ, нисколько не стараются перейти отъ *производства изолированнаго* къ товарищескому, они лишь въ *области товарнаго обращенія и кредита* пытаются воспользоваться выгодами крупнаго хозяйства при помощи товарищескихъ организацій. Въ обонхъ случаяхъ товарищества являются лишь средствомъ продлить жизнь нерациональнаго мелкаго производства, а не замѣны его крупнымъ производствомъ.

И это понятно. Ремесленники не могутъ перейти къ товарищескому производству, не отказавшись отъ частнаго вла-

дѣнія средствами производства. Чѣмъ большею собственностью они владѣютъ, тѣмъ больше у нихъ шансовъ создать путемъ объединенія способное выдержать конкуренцію, крѣпкое, крупное хозяйство, но зато тѣмъ меньше у нихъ охоты отдать свою собственность въ общую кассу. Тѣмъ болѣе, что въ современномъ обществѣ это былъ-бы скачекъ въ область неизвѣстнаго, экспериментъ, въ которомъ каждый участникъ не могъ-бы полагаться на собственные способности, какъ смѣлый купецъ въ своихъ спекуляціяхъ; судьба его всецѣло зависѣла-бы отъ способностей, чувства солидарности, дисциплины другихъ, качествъ, изъ которыхъ два послѣднія у изолированно работающаго ремесленника развиты всего слабѣе.

Еще справедливѣе все это по отношенію къ крестьянамъ. Слова о фанатизмѣ крестьянъ къ собственности объявляли вздорными, но они выражаютъ только общеизвѣстный фактъ. Крестьянинъ гораздо болѣе привязанъ къ своей землѣ, чѣмъ ремесленникъ къ своей мастерской. Чѣмъ сильнѣе возрастаетъ населеніе, чѣмъ больше становится спросъ на землю, тѣмъ крѣпче держится онъ за свой клочекъ. Въ Америкѣ онъ съ легкимъ сердцемъ покидаетъ—или покидалъ очень недавно—свой участокъ, разъ онъ даетъ мало дохода, чтобы итти на западъ, гдѣ еще довольно земли. Въ Германіи и Франціи онъ готовъ на всякія лишенія, чтобы сохранить его, не постоить ни за какой цѣной, чтобы прикупить еще землицы. Вспомните только, какія затрудненія встрѣчаетъ такая необходимая и полезная операція, какъ соединеніе въ одну сплошную площадь кусковъ, лежащихъ чрезполосно съ владѣніями другихъ! Здѣсь дѣло идетъ только объ обмѣнѣ кусковъ, отъ котораго всѣ участники выигрываютъ. Эту операцію надо навязывать противящемуся меньшинству общины. Уже въ прошломъ столѣтіи «просвѣщенный абсолютизмъ» дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, иногда прямо безпощадно. Но и въ настоящее время Германія далека отъ полного и повсемѣстнаго устраненія чрезполосицы. Можно себѣ представить, какъ безнадежны были-бы попытки основать крестьянскія производительныя товарищества, участники которыхъ должны были-бы не обмѣнять, но отдать обществу свои участки—операція, которую нельзя было-бы навязать противящимся элементамъ.

И безъ того недовѣрчивый крестьянинъ къ товариществу относился-бы враждебно, потому что условія его жизни и труда

изолируютъ его еще болѣе, чѣмъ ремесленника, еще менѣе развиваютъ въ немъ товарищескія добродѣтели.

Ввести въ производство принципъ товарищества могутъ лишь тѣ элементы, которымъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей, которые капиталистическое хозяйство вышколило въ работѣ сообща, въ которыхъ организованная борьба противъ капиталистической эксплуатаціи сильно развила товарищескія добродѣтели, довѣріе къ солидарности, преданность общему дѣлу, добровольное подчиненіе необходимой дисциплинѣ.

Нельзя перескочить ни одной стадіи развитія. Огромныя массы среднихъ людей при нормальныхъ условіяхъ не могутъ непосредственно перейти отъ ремесленного или крестьянскаго хозяйства къ товарищескому крупному хозяйству. На пути стоитъ частное владѣніе средствами производства. Только капиталистическій способъ производства создаетъ предварительныя условія товарищескаго крупнаго хозяйства, потому что не только порождаетъ классъ рабочихъ, для которыхъ частное владѣніе средствами производства исчезло, но и дѣлаетъ процессъ производства общественнымъ, производитъ борьбу интересовъ между капиталистами и наемными рабочими, побуждающую послѣднихъ стремиться къ замѣнѣ капиталистическаго владѣнія средствами производства общественнымъ. Этотъ переходъ зависитъ не отъ капиталистовъ, а отъ лишенныхъ средствъ производства. Этимъ, конечно, не хотятъ сказать, что рабочимъ и ремесленникамъ остается одинъ путь къ обобществленію производства, ведущей черезъ переходную стадію пролетаріата, что они должны быть лишены средствъ производства и что общественное производство не возможно, пока есть крестьяне и ремесленники. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого. Мы хотимъ этимъ только сказать, что одинъ пролетаріатъ можетъ взять инициативу общественнаго производства. Когда же условія измѣнятся, когда крестьяне и ремесленники получаютъ возможность перейти къ крупному общественному хозяйству, когда крестьянину не будетъ грозить состояніе пролетарія, когда общественное производство будетъ испробовано, тогда онъ и самъ убѣдится, что частная собственность средствъ производства является только препятствіемъ для перехода къ болѣе высокому производству, препятствіемъ, отъ котораго онъ охотно откажется. Напротивъ, нелѣпо ожидать, чтобы крестьянинъ при современныхъ условіяхъ перешелъ къ общественному хозяйству,

что лишаетъ его возможности овладѣть преимуществами крупнаго производства, — и такимъ образомъ укрѣпить свое крестьянское хозяйство, этотъ вѣчно колеблющійся устой современнаго государства. Крестьянинъ, который убѣдится, что онъ только путемъ общественнаго сельскаго хозяйства можетъ твердо стать на землю, неизбежно придетъ къ сознанию, что такого рода хозяйство возможно только при условіи возможности устанавливать условія хозяйства соотвѣтственно своимъ интересамъ.

VII. Границы капиталистическаго сельскаго хозяйства.

а) Статистическія данныя.

Результатъ изслѣдованій предшествующей главы гласитъ: крупное производство въ техническомъ отношеніи превосходитъ мелкое во всѣхъ значительныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, хотя и не въ той степени, какъ въ различныхъ отрасляхъ индустріи. Эта истина не нова. Уже въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ только начиналось, а естественно-научныя основанія сельскаго хозяйства еще не были выработаны, основатель фізіократической школы, Кене, въ своихъ «*Maximes generales du gouvernement économique d'un royaume agricole*» выражалъ желаніе, чтобы «обрабатываемыя подъ хлѣбъ земли по возможности соединялись въ крупныя фермы, которыя будутъ эксплуатироваться богатыми хозяевами, такъ какъ при крупномъ сельско-хозяйственномъ производствѣ издержки на содержаніе и ремонтъ строеній, а соотвѣтственно этому и издержки производства, гораздо менѣе, а чистый доходъ (*produit net*) гораздо значительнѣе, чѣмъ въ мелкомъ».

И въ Англій того времени экономисты были по большей части сторонниками крупнаго производства, напр. А. Юнгъ. Если Адамъ Смитъ въ своемъ «*Wealth of Nations*» думаетъ, что крупный землевладѣлецъ рѣдко улучшаетъ значительнымъ

образомъ сельско-хозяйственную культуру, то въ этомъ случаѣ его утвержденіе направлено не противъ *капиталистическаго крупнаго производства*, а противъ *феодалныхъ* латифундій, какъ формы землевладѣнія съ многочисленными мелкими фермерами, обязанными разнообразнѣйшими службами и повинностями и потому всецѣло зависимыми отъ произвола своихъ господъ. Латифундіямъ Смитъ противопоставляетъ выгоды свободной крестьянской собственности. Но, прибавляетъ онъ, «послѣ мелкихъ землевладѣльцевъ въ каждой странѣ главнѣйшими проводниками улучшеній въ сельско-хозяйственной культурѣ являются *богатые и крупные фермеры* (III, 2).

Вскорѣ стало общепринятымъ, что крупное капиталистическое (не феодальное) сельское хозяйство приноситъ больше чистаго дохода. Но, насколько англійское сельское хозяйство служило образцомъ для европейскаго, настолько же англійскіе порядки казались не всегда образцовыми. И въ особенности опасной казалась экспроприація крестьянства въ пользу крупнаго производства для монарховъ и политиковъ—уже потому, что крестьянство составляло ядро войска. У англичанъ не было большой милиціи, и они могли свободно избавиться отъ крестьянства. Но континентальная нація безъ крестьянства едва-ли могла устоять противъ сосѣда, имѣющаго крѣпкое крестьянство. Къ этому присоединялось еще другое соображеніе: въ Англии крестьянство было замѣщено многочисленнымъ, настолько-же бѣднымъ, насколько и безпокойнымъ пролетаріатомъ, который не находилъ никакого противовѣса въ лицѣ класса работниковъ-собственниковъ.

Филантропы изъ рядовъ буржуазіи, которые не имѣли смѣлости пристать, подобно утопистамъ, къ социализму, равно какъ и поборники капиталистической эксплуатаціи, которые старались дать въ лицѣ народа надежную опору принципу частной собственности на орудия производства, примкнули, поэтому, къ апологетамъ мелкаго сельско-хозяйственнаго производства: Сисмонди и Дж. Ст. Миллю, равно какъ и «чистые фритредеры» и ихъ противоположность—аграріи. Во всякомъ случаѣ, они, обыкновенно, не приписывали мелкому производству технического превосходства, но соглашаясь, что крупное производство приноситъ больше чистаго дохода, они только указывали на его опасность въ политическомъ и социальномъ отношеніи.

«Новѣйшіе экономисты съ одной стороны, восклицаетъ Сисмонди въ своихъ «Etudes sur l'economie politique», вліятельнѣйшіе агрономы съ другой, неустанно превозносятъ богатыхъ и интеллигентныхъ фермеровъ, которые ведутъ крупное хозяйство; они удивляются размѣрамъ ихъ строеній, совершенству ихъ орудій и машинъ, красотѣ ихъ скота. Но, вызывая такое удивленіе къ вещамъ, они забываютъ о людяхъ, они забываютъ даже просто пересчитать послѣднихъ. Англійская квадратная миля содержитъ 640 акровъ: таковы, приблизительно, размѣры красивой и богатой англійской фермы. Прѣжнее хозяйство, которое могла обработать своими руками одна семья, безъ чужой помощи, безъ поденщиковъ, но и безъ праздности—которое обезпечивало каждому члену семейства работу на каждый день въ году,—имѣло не болѣе 64 акровъ. Понадобились десять такихъ хозяйствъ, чтобы составить изъ нихъ одно новое. Десять крестьянскихъ семействъ были прогнаны, чтобы очистить мѣсто для одного новомоднаго фермера». Сисмонди борется противъ крупнаго производства потому, что оно создаетъ пролетаріатъ, а не потому, что мелкое производство производителнѣе.

Съ тѣхъ поръ новѣйшее крупное сельское хозяйство развилось въ громаднѣйшей степени, но какъ разъ теперь выступаютъ экономисты, которые признаютъ равноправіе мелкаго сельскохозяйственнаго производства съ крупнымъ, и даже тѣ экономисты, которые еще въ семидесятихъ годахъ сами отказывали первому въ жизнеспособности, пророчатъ теперь кончину послѣднему, какъ д-ръ Рудольфъ Мейеръ, или, по крайней мѣрѣ, признаютъ нерѣшеннымъ вопросъ, какая форма производства рациональнѣе. Во введеніи къ настоящей работѣ мы привели на этотъ счетъ мнѣніе Зомбарта, автора, безпристрастія котораго въ этомъ вопросѣ никто не будетъ оспаривать, и который не могъ-бы выставить своего положенія, не опираясь на извѣстные факты для обоснованія послѣдняго.

Каковы же эти факты? Ихъ нужно искать не въ области *агрономіи*, они взяты изъ статистики. Послѣдняя показываетъ, что на континентѣ не произошло того быстрого исчезновенія мелкаго сельскохозяйственнаго производства въ борьбѣ съ крупнымъ, котораго, по примѣру Англии, ожидали или боялись здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ началось въ обширныхъ размѣрахъ крупное капиталистическое производство, т. е.,

приблизительно, начиная съ пятидесятихъ годовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчается даже скорѣе тенденція къ увеличенію площади, занимаемой мелкимъ производствомъ. Такъ, напр., по германскимъ промышленнымъ переписямъ оказывается:

Сельскія хозяйства.	Число хозяйствъ.		Увеличеніе или уменьшеніе.	Площадь сельско-хозяйственнаго производства въ гектарахъ.		Увеличеніе или уменьшеніе.
	1882 г.	1895 г.		1882 г.	1895 г.	
Менѣе 2 гект.	3.061.831	3.236.367	+174.536	1.825.938	1.808.444	— 17.494
2— 5 . .	981.407	1.016.318	+ 34.911	3.190.203	3.285.984	+ 95.781
5— 20 . .	926.605	998.804	+ 72.199	9.158.398	9.721.875	+563.477
20—100 . .	281.510	281.767	+ 257	9.908.170	9.869.837	+ 38.333
свыше 100 . .	24.991	25.061	+ 70	7.786.263	7.831.801	+ 45.538

Не въ совершенно одинаковомъ направленіи шла эволюція во Франціи. Тамъ считалось:

Сельскія хозяйства.	Число хозяйствъ.		Увеличеніе или уменьшеніе.	Площадь производства въ гектарахъ.		Увеличеніе или уменьшеніе.
	1882.	1892.		1882.	1892.	
Менѣе 1 гект.	2.167.667	2.235.405	+67.738	1.083.833	1.327.253	+243.420
1— 5 . .	1.865.878	1.829.259	—36.619	5.597.634	5.489.200	—108.434
5—10 . .	769.152	788.299	+19.147	5.768.640	5.755.500	— 13.140
10—40 . .	727.222	711.118	—16.104	14.845.650	14.313.417	—532.243
свыше 40 . .	142.088	138.674	— 3.417	22.296.105	22.493.393	+197.288

Въ то время, какъ въ Германіи среднія хозяйства (по занимаемой ими площади) возрасли въ наибольшей степени, во Франціи, по занимаемой площади, увеличились наиболѣе крупныя и наиболѣе мелкія хозяйства. Среднія же уменьшились и по числу, и по площади. Но это уменьшеніе незначительно, конечно, за исключеніемъ собственно крестьянскихъ хозяйствъ (10—40 гектаровъ). Во всякомъ случаѣ, эволюція шла не быстро.

Въ Великобританіи мы находимъ:

Сельскія хозяй- ства.	Число хо- зяйствъ.		Увели- ченіе или уменьше- ніе.	Площадь сельско-хозяй- ственного производства въ акрахъ.		Увели- ченіе или уменьше- ніе.
	1882.	1895.		1885.	1895.	
1—5 акр. (040—2 гект.)	135.736	117.968	—17.768	389.677	366.792	— 22.885
5—20 » (2—8) »	148.806	149.818	+ 1.012	1.656.827	1.667.647	+ 10.880
20—50 » (8— 20) »	84.149	85.663	+ 1.514	2.824.527	2.864.976	+ 40.440
50—100 » (20— 40) »	64.715	66.625	+ 1.910	4.746.520	4.885.203	+138.683
100—300 » (40—120) »	79.573	81.245	+ 1.672	13.658.496	13.875.914	+217.429
300—500 » (120—200) »	13.875	13.568	— 307	5.241.168	5.113.945	—127.223
св. 500 » (св. 200) »	5.489	5.219	— 270	4.029.843	3.803.036	—226.807

Какъ и въ Германіи, мы встрѣчаемся въ Англии съ ростомъ хозяйствъ средняго размѣра. Впрочемъ, въ Германіи наиболѣе увеличились, по занимаемой площади, хозяйства размѣромъ 5—20 гектаровъ, а въ Англии хозяйства отъ 40—120 гектаровъ, которыя никто, конечно, не причислитъ къ мелкимъ хозяйствамъ. Наиболѣе мелкія хозяйства, въ противоположность съ Германіей, уменьшились какъ и хозяйства выше 120 гектаровъ.

Изъ данныхъ, относящихся къ *американскому* сельскому хозяйству, различные экономисты, какъ Шеффле, д-ръ Р. Мейеръ и др., желали сдѣлать тотъ выводъ, что тамъ мелкое производство вытѣсняетъ крупное. Посмотримъ нѣсколько ближе на относящіяся сюда цифры. Справедливо, что средній размѣръ фермъ съ 1850 г. понизился. Онъ равнялся:

Въ 1850 г.	203 акрамъ.	Въ 1870 г.	153 акрамъ.
» 1860 »	199 »	» 1880 »	134 »

Но въ 1890 г. средняя величина фермъ снова повысилась и равнялась 137 акрамъ.

Это временное пониженіе среднихъ размѣровъ хозяйства нужно приписать главнымъ образомъ раздробленію крупныхъ плантацій *Юга*, которое было слѣдствіемъ освобожденія негровъ. Такъ, напр., средняя величина фермы уменьшилась отъ 1860 до 1890 г. въ Флоридѣ съ 445 акр. до 107, въ Южной Каролинѣ съ 488 до 115, въ Алабамѣ съ 347 до 126, въ Миссисипи съ 370 до 122, въ Луизианѣ съ 537 до 138, въ Техасѣ—съ 591 до 225.

Вообще, средніе размѣры фермы въ южныхъ приатлантическихъ штатахъ понизились за то же время съ 353 до 134, а въ штатахъ центральной южной полосы—съ 321 до 144. Ни одинъ человекъ, знающій дѣло, не усмотритъ въ этихъ цифрахъ побѣды мелкаго производства надъ *современнымъ* крупнымъ производствомъ. Правда, мы встрѣчаемся еще, съ другой стороны, съ замѣтнымъ пониженіемъ размѣровъ фермы и въ странѣ съ относительно старой культурой,—въ *сѣверныхъ приатлантическихъ штатахъ*. Тамъ средніе размѣры не перестаютъ падать и въ послѣднее десятилѣтіе. Но это паденіе нужно главнымъ образомъ приписать уменьшенію протяженія некультуривуемой земли, занятой фермой, а не сокращенію хозяйства. Вотъ цифры, относящіяся къ области сѣверныхъ приатлантическихъ штатовъ:

	Общіе размѣры фермы.	Въ томъ числѣ необработыв. земли.
Въ 1850 г.	113 акровъ	43 акра=38.44 ⁰ / ₀
» 1860 »	108 »	39 » =36.18 ⁰ / ₀
» 1870 »	104 »	36 » =34.47 ⁰ / ₀
» 1880 »	98 »	31 » =31.77 ⁰ / ₀
» 1890 »	95 »	31 » =32.52 ⁰ / ₀

Пониженіе процента не обрабатываемой земли въ послѣднее десятилѣтіе совпадаетъ съ паденіемъ сельскаго хозяйства, выражающимся въ уменьшеніи общей площади земли, занятой фермами. Послѣдняя уменьшилась въ названной области съ 67.985.64 акр. (1880) до 62.743.525 (1890), т. е. *болѣе, чѣмъ на пять милліоновъ*.

Напротивъ, въ штатахъ *центральной сѣверной полосы*,—собственно штаты, производящіе пшеницу,—средняя величина фермы *возрасла* между 1880 и 1890 гг. съ 122 до 133 акровъ.

На ту же эволюцію, на которую указываютъ измѣненія средней величины фермы, указываетъ и движеніе количества крупныхъ владѣній. Конечно, во всемъ союзѣ оно относительно нѣсколько понижается; къ сожалѣнію, цифры 1870 г. несравнимы съ позднѣйшими, такъ какъ тогда фермы классифицировались по площади ихъ обработанной земли, а въ 1880 и 1890 гг. всей площади занимаемой ими земли считалось:

	Фермъ.	Изъ нихъ съ 500—1000 акр.	Свыше 1000 акр.
Въ 1880 г.	4.008.907	75.972	28.578
» 1890 »	4.564.641	84.395	31.546
Увеличеніе	13.8 ⁰ / ₀	11.0 ⁰ / ₀	10.3 ⁰ / ₀

Увеличение числа крупных владѣній отстаетъ, какъ видно, отъ всѣхъ другихъ, но и это явленіе есть только слѣдствіе эволюціи прежнихъ рабовладѣльческихъ штатовъ, гдѣ старое отсталое плантаторское хозяйство сдѣлалось невозможнымъ, а также слѣдствіе упадка сельскаго хозяйства въ истощенномъ сѣверо-востокѣ.

Въ сѣверныхъ приатлантическихъ штатахъ считалось фермъ:

	Общ. число.	Изъ нихъ съ 500—1000 акр.	Свыше 1000 акр.
Въ 1880 г.	696.139	4.156	964
» 1890 »	658.569	3.287	733
Уменьшеніе	5.4%	20.9%	23.9%

Здѣсь число крупныхъ хозяйствъ уменьшается гораздо быстрѣе числа мелкихъ. Послѣднія крѣпче держатся за свое безнадежное положеніе. Составляетъ ли это преимущество мелкаго хозяйства, въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Въ южныхъ приатлантическихъ штатахъ было фермъ:

	Общее число.	Изъ нихъ съ 500— 1000 акр.	Свыше 1000 акровъ.
1880.	644.429	25.037	9.718
1890.	749.600	21.736	8.030
Увеличеніе+ } +16,3%		-17,2%	-17,4%
Уменьшеніе- }			

Въ южныхъ центральныхъ штатахъ:

1880.	886.648	25.872	11.658
1890.	1.086.772	26.666	12.295
Увеличеніе	22.5%	3.0%	4.6%

Съ другой стороны, на западѣ:

1880.	83.723	5.299	3.227
1890.	145.878	9.269	6.020
Увеличеніе	74.3%	74.9%	85.3%

Наконецъ, въ центральныхъ сѣверныхъ штатахъ, производящихъ пшеницу:

1880.	1.697.968	15.608	2.990
1890.	1.923.822	23.407	4.668
Увеличеніе	13.3%	50%	49.4%

Эти послѣднія цифры совсѣмъ не указываютъ на упадокъ крупнаго производства. Въ той части Америки, гдѣ современное сельское хозяйство прогрессируетъ, площадь, занятая крупными хозяйствами, быстро увеличивается. Только тамъ мелкое хозяйство сохраняетъ преобладаніе, гдѣ сельское хозяйство падаетъ или гдѣ до-капиталистическое крупное производство вступаетъ въ конкуренцію съ крестьянскимъ производствомъ.

Но все же, если въ Америкѣ до сихъ поръ сельскохозяйственная эволюція и шла быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, и она оказывается болѣе благоприятной для крупнаго производства, и здѣсь не можетъ быть рѣчи о *вытѣсненіи* мелкаго хозяйства крупнымъ.

Однако, было-бы слишкомъ опрометчиво заключать изъ этихъ и подобныхъ имъ цифръ о томъ, что экономическая эволюція сельскаго хозяйства идетъ совершенно по другому направленію, чѣмъ эволюція промышленныхъ предпріятій.

Цифры доказываютъ! Конечно, но возникаетъ вопросъ, *что* онѣ доказываютъ! Точно доказываютъ онѣ только то, что *прямо говорятъ*, а прямо говорятъ онѣ очень мало. Возьмемъ, напр., цифры, которыя должны доказать, что благосостояніе народныхъ массъ при капиталистическомъ способѣ производства поднимается. Это, между прочимъ, должно доказать возрастаніе суммъ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Эти цифры неоспоримы. Но что онѣ неопровержимо доказываютъ? что сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы возрасла, не болѣе и не менѣе. А о причинахъ такого возрастанія онѣ оставляютъ насъ въ полной неизвѣстности. Повышеніе благосостоянія можетъ, но *не должно* сопутствовать этому. Совершенно иныя причины могутъ вызвать тотъ же результатъ. Такъ, напр., одно уже облегченіе процедуры внесенія мелкихъ сбереженій и вкладовъ на храненіе въ сберегательныя кассы можетъ привести къ увеличенію первыхъ. Прежде индусъ закапывалъ свои сбереженія въ землю. Теперь же въ Остѣ-Индіи основаны сберегательныя кассы, и онъ предпочитаетъ помѣщать свои сбереженія туда. Доказываетъ-ли это, что теперь онъ можетъ больше сберегать, что его благосостояніе возрасло? Хроническій голодъ не говорить объ этомъ.

Въ Европѣ сберегательныя кассы существуютъ болѣе долгое время, но и здѣсь еще наблюдается увеличеніе числа вкладовъ вслѣдствіе уменьшенія потери времени при вкладахъ, какъ благодаря умноженію числа сельскихъ сберегательныхъ кассъ, такъ и благодаря увеличенію народонаселенія городовъ, въ которыхъ доступъ въ сберегательныя кассы легче.

Точно также увеличеніе вкладовъ въ сберегательныя кассы можетъ быть вызвано увеличеніемъ числа наемныхъ рабочихъ, чиновниковъ и другихъ служащихъ. Мелкій крестьянинъ употребляетъ свои сбереженія на покупку земли, самостоятельный

ремесленникъ—на улучшение своей мастерской. Тотъ же, кто работаетъ за жалованіе или плату, не можетъ, по большей части, найти для своихъ незначительныхъ сбереженій лучшаго употребленія, какъ вложить ихъ въ сберегательную кассу. Поэтому, вытѣсненіе самостоятельнаго мелкаго производства должно быть связано съ увеличеніемъ суммы вкладовъ въ сберегательныя кассы. Но это обстоятельство есть продуктъ увеличивающейся пролетаризаціи, оно можетъ идти рука объ руку съ паденіемъ благосостоянія массы народа.

Наконецъ, такое увеличеніе можетъ соотвѣтствовать простому измѣненію экономическихъ обычаевъ. При товарномъ способѣ производства для каждаго предпріятія, для каждаго домохозяйства бываютъ извѣстные сроки, въ которые нужно производить крупныя платежи, такъ что для такихъ случаевъ необходимыя деньги нужно сберегать заранѣе изъ текущихъ доходовъ. До появленія системы банковъ и сберегательныхъ кассъ эти денежные суммы должны были оставаться мертвымъ сокровищемъ. А теперь ихъ можно отдать, пока не явится въ нихъ потребность, на проценты. Чѣмъ больше тѣ суммы, которыя вынуждены отдѣльныя предпріятія и домохозяйства сберегать для срочныхъ платежей,—у рабочихъ для платы за квартиру, на время безработицы,—и чѣмъ болѣе распространена привычка отдавать на проценты даже самыя незначительныя, необходимыя для ежедневнаго потребленія суммы, тѣмъ многочисленнѣе, тѣмъ значительнѣе должны быть вклады въ сберегательныя кассы и безъ соотвѣтственнаго подъема благосостоянія.

И такъ, статистическія данныя относительно сберегательныхъ кассъ сами по себѣ не даютъ никакого отвѣта на вопросъ о ростѣ благосостоянія; вмѣсто того, чтобы разрѣшить задачу, они ставятъ ее.

Такъ же обстоитъ дѣло, напр., и съ цифровыми данными относительно подоходнаго налога, которыя якобы также неоспоримо доказываютъ подъемъ благосостоянія. Въ дѣйствительности они, сами по себѣ, также доказываютъ только то, что они говорятъ, именно, что при извѣстныхъ условіяхъ количество самыхъ мелкихъ доходовъ, подлежащихъ налогу, а соотвѣтственно этому и количество доходовъ, освобожденныхъ отъ налога, возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ количество болѣе высокихъ доходовъ. Само собою разумѣется, это *можетъ* указывать на

подъемъ благосостоянія, но ни коимъ образомъ не является необходимымъ слѣдствіемъ этого. Если цѣны средствъ къ жизни, квартирныя платы и т. д., повышаются быстрѣе, чѣмъ доходы, то это повышеніе можетъ идти рука объ руку съ паденіемъ благосостоянія.

Тоже могутъ породить и другія условія. Возьмемъ, напр., мелкаго крестьянина съ 400 мар. денежнаго дохода, но который не платитъ за квартиру и который самъ производитъ большую долю своихъ средствъ къ жизни. Быть можетъ, онъ въ состояніи жить безбѣдно. Несчастный случай превращаетъ его въ пролетарія; онъ долженъ переселиться въ городъ, и тамъ онъ находитъ мѣсто съ 800 марокъ годового дохода. Его доходъ удвоился, и однако его положеніе могло ухудшиться. Теперь онъ долженъ платить за квартиру, а можетъ быть и за проѣздъ по желѣзной дорогѣ до мѣста работы и обратно. Молоко, яйца, овощи, свинину, которыя раньше ему ничего не стоили, онъ долженъ теперь покупать за дорогую цѣну, его дѣти тоже не могутъ ходить босикомъ, худшія гигиеническія условія требуютъ большихъ издержекъ на врача и медикаменты. Но для статистика такой человѣкъ находится въ вдвое лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде, и доставляетъ неопровержимое доказательство того, что благосостояніе населенія постоянно повышается. Приведенный здѣсь случай типиченъ; переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному и ростъ городского населенія на счетъ сельскаго происходитъ непрерывно. Оба процесса могутъ сами по себѣ, безъ малѣйшаго повышенія благосостоянія, доставить достаточное объясненіе росту доходовъ въ средѣ населенія.

Какъ нужно понимать увеличеніе потребленія мяса, мы уже объяснили выше въ другомъ отдѣлѣ.

Статистическія данныя неопровержимо доказываютъ намъ, что современное общество находится въ состояніи непрерывнаго и быстраго переворота, и знакомятъ насъ съ нѣкоторыми поверхностными и общими проявленіями его, съ его симптомами и послѣдствіями, которые могутъ дать намъ много цѣнныхъ указаній при изслѣдованіи тенденцій, лежащихъ въ основаніи процесса, но которые сами по себѣ не могутъ вскрыть намъ этихъ послѣднихъ.

Точно также и цифры, которыя доказываютъ отсутствіе паденія или даже увеличеніе числа мелкихъ хозяйствъ въ зе-

мледѣли, не содержатъ для насъ никакого рѣшительнаго отвѣта относительно тенденцій капиталистической эволюціи сельскаго хозяйства, но только призывъ изслѣдовать ихъ поглубже. На первый взглядъ онѣ показываютъ намъ только, что эволюція идетъ не такъ просто, какъ часто думали до сихъ поръ, что этотъ процессъ въ сельскомъ хозяйствѣ, вѣроятно, сложнѣе, чѣмъ въ индустріи.

б) *Паденіе мелкаго производства въ индустріи.*

Ходъ развитія современной индустріи очень запутанъ, хотя онъ и проще, чѣмъ ходъ развитія сельскаго хозяйства; разнообразнѣйшія тенденціи часто дѣйствуютъ тамъ одновременно въ разнообразнѣйшихъ направленіяхъ, и часто въ этой путаницѣ только съ большимъ трудомъ можно различить основныя тенденціи.

Крупное производство появляется не во всѣхъ отрасляхъ промышленности сразу. Оно завоевываетъ ихъ одну за другою. Тамъ, гдѣ ему удается захватить господство, оно вытѣсняетъ мелкое производство, но это еще не значитъ, что мелкіе предприниматели должны теперь сдѣлаться фабричными рабочими. Они обращаются къ другимъ занятіямъ, гдѣ крупное производство еще не стало господствующимъ, и переполняютъ ихъ. Такимъ образомъ капиталистическая конкуренція разоряетъ и тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ крупная промышленность еще не стала господствующей. Однако, этотъ процессъ не всегда обнаруживается въ формѣ общаго *пониженія* числа мелкихъ предприятий; напротивъ, мѣстами онъ вызываетъ *увеличеніе* числа ихъ, такъ что, основываясь только на статистическихъ данныхъ, можно было-бы заключить, что здѣсь мелкое производство получило особенное развитіе. Области съ большимъ числомъ обѣднѣвшихъ мелкихъ предприятий есть именно тѣ, въ которыхъ современная, эксплуатируемая капиталистическимъ образомъ, домашняя промышленность находитъ наилучшія условія для своего появленія и быстрого развитія. Нашествіе капитала при такихъ условіяхъ можетъ повести за собою, вмѣсто уменьшенія, сильное увеличеніе общаго числа мелкихъ предприятий; но кому извѣстны общественныя отношенія, которыя скрываются за цифровыми данными, тотъ не прочтетъ въ послѣднихъ о побѣдоносной борьбѣ ихъ съ крупнымъ капиталомъ.

Но и въ тѣхъ областяхъ, которыми завладѣли машины, натискъ крупной промышленности не необходимо долженъ приводить къ исчезновенію мелкихъ предпріятій. Она разоряетъ послѣднія, она дѣлаетъ ихъ экономически лишними, но просто невѣроятно, какое упорство могутъ проявить подобныя излишнія существованія въ борьбѣ за жизнь. Жизнь впроголодь и чрезмѣрная работа до крайности затягиваютъ ихъ борьбу, въ которой они обречены на смерть; нищета силезскихъ и саксонскихъ ручныхъ ткачей обратилась въ пословицу уже столѣтіе тому назадъ, и, однако, они не вымерли и до сихъ поръ. Если человѣкъ не можетъ болѣе удерживаться въ данномъ производствѣ, онъ переходитъ къ занятіямъ, которыя представляются слишкомъ малоцѣнными (*geringfügig*) для крупнаго производства или зарабатываетъ свой хлѣбъ въ качествѣ агента и посредника крупнаго предпріятія.

Точно также демократическое устройство современныхъ государствъ можетъ оказаться моментомъ, благопріятствующимъ сохраненію отжившаго мелкаго производства.

То обстоятельство, что государственная власть изъ-за политическихъ видовъ поддерживаетъ существованіе общественныхъ слоевъ, потерявшихъ экономическую точку опоры, не представляетъ ничего необычнаго. Какъ бы ни былъ ненуженъ *Lumpenproletariat* древняго Рима времени упадка, но политическія соображенія вынуждали государство охранять его. Въ новѣйшее время подобную же картину представляетъ намъ словіе «благороднѣйшихъ и лучшихъ», дворянство, которое, начиная съ 17 вѣка, становилось все болѣе и болѣе ненужнымъ и все болѣе и болѣе несостоятельнымъ; однако, благодаря своему подчиненію абсолютнымъ государямъ, оно сумѣло создать себѣ возможность существованія въ качествѣ тунеядцевъ, которые жили, высасывая соки изъ общества и уничтоженіе котораго потребовало революціи.

Однако, традиціи такой жизни на чужой счетъ еще очень сильны, и наши юнкеры умѣютъ также громко кричать, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ римскій пролетаріатъ; только ихъ требованія не такъ скромны, какъ требованія послѣдняго. Они не удовлетворяются черствымъ хлѣбомъ, и ихъ зрѣлища обходятся дороже, чѣмъ тѣ, которыя должно было доставлять государство римскому *Lumpenproletariat*’у. Только гладиаторовъ они доставляютъ, благодаря своей особенной сословной чести, сами изъ своихъ рядовъ.

Въ своихъ требованіяхъ къ государству они нашли достойныхъ учениковъ въ лицѣ одной части мелкой буржуазіи. Конечно часть послѣдней, которая чувствуетъ уже себя пролетаріатомъ, примыкаетъ къ наемнымъ рабочимъ, чтобы завоевать, если не для себя, то для своихъ дѣтей, лучшія условія существованія. Другая же часть думаетъ выдвинуться, продавая свои услуги господствующимъ классамъ, которые нуждаются въ этомъ элементѣ; имъ нужны, при существованіи всеобщаго избирательнаго права, широкіе классы народа, которые они могли-бы противопоставить натиску пролетаріата, и они готовы купить ту часть мелкой буржуазіи, которую можно купить. Не лучшіе элементы мелкой буржуазіи—тѣ, которые кричатъ правительству, что они—монархисты до мозга костей, но, если они не будутъ надѣлены привилегіями на счетъ всего общества, то сдѣлаются социаль-демократами. Въ такихъ угрозахъ сказывается поистинѣ босаяцкій (lumpig) образъ мыслей, но кто нуждается въ преторіанцахъ, тотъ не особенно разборчивъ въ ихъ выборѣ. Если въ 1848 г. на рабочихъ натравили Lumpenproletariat, то отчего же теперь не натравить на нихъ ту часть мелкой буржуазіи, которая отдаетъ себя на эту грязную работу? И такъ, въ дѣйствительности существованіе мелкаго производства удлинняется не на счетъ крупнаго производства, а на счетъ рабочихъ; оно удлинняется также на счетъ потребительныхъ обществъ, благодаря привилегированному положенію посредниковъ, на счетъ подмастерьевъ и ремесленныхъ учениковъ, благодаря привилегированному положенію цеховыхъ мастеровъ, на счетъ плательщиковъ податей, благодаря дешевому кредиту, дешевому страхованію и т. п.

Чѣмъ болѣе обостряется борьба классовъ, тѣмъ болѣе склоняются правительства къ тому, чтобы обезпечить экономически излишнему мелкому производству болѣе или менѣе паразитическое существованіе на счетъ всего общества. Процессъ его исчезновенія, быть можетъ, сдѣлается отъ этого длительнѣе,—этому уже должны способствовать тѣ надежды, которыя возбуждаются обѣщаніями и мѣропріятіями правительства и которыя многихъ побуждаютъ затягивать безнадежную борьбу, которую они безъ того давно уже оставили бы. Но ни одинъ разсудительный человекъ не увидитъ въ этомъ опроверженія Марксовой «догмы», которая говоритъ только объ *экономическихъ тенденціяхъ*.

Если «государственная помощь» господствующих классов еще некоторое время поддержит экономически несостоятельное существование и может таким образом маскировать падение мелкаго производства, то расточительность этих классов не меньше способствует тому же.

Развитіе капиталистическаго способа производства означаетъ ростъ массы прибавочной цѣнности, ростъ не только накопленія капитала, но также и доходовъ капиталистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ расточительности. Это ведетъ, между прочимъ, къ воскресенію феодальныхъ формъ, уже давно побѣжденныхъ экономически. Такъ напр., финансовыя короли и собственники латифундій стараются завести себѣ охотничьи области, по размѣру равныя средневѣковымъ лѣсамъ. Изъ Марксова изслѣдованія капитала извѣстно, съ какою грубой дерзостью тотъ классъ, которому незачѣмъ шадить деньги и которому кажется смѣшнымъ шадить людей,—согналъ съ обширныхъ областей Шотландіи земледѣльцевъ, чтобы замѣстить ихъ сначала овцами, а потомъ оленями. Тотъ же самый процессъ происходитъ теперь въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи, Германіи, Австріи. Въ Австріи по даннымъ Endres въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» площадь, занимаемая лѣсами, увеличилась съ половины столѣтія до сихъ поръ почти на 700,000 гектаровъ, почти на $2\frac{1}{2}\%$ всей поверхности, при чемъ на долю Альпъ и прибрежныхъ областей приходится 600,000 гектаровъ. Съ 1881 до 1885 г. было распахано 3671 гектар. лѣса, и 59031 гектар. было засажено лѣсомъ.

Во Франціи въ 1781 г. площадь лѣсовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, равнялась въ круглыхъ числахъ 6 милліонамъ гектаровъ; она сократилась въ 1844 г. до 4,7 милл. гект. и снова поднялась къ настоящему времени до 6,2 милл. гектаровъ. И это не смотря на потерю Эльзасъ-Лотарингіи.

Въ Германіи сравненіе переписи 1895 г. съ переписью 1882 г. въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, невозможно, такъ какъ въ 1882 г. лѣса исчислялись лишь постольку, поскольку они состояли въ связи съ сельскохозяйственнымъ производствомъ, а въ 1895 г., напротивъ, попали въ перепись *все* лѣса.

Что въ Австріи засаживаются лѣсомъ не только пустыри, но и пастбища, и пашни, можно видѣть изъ книги Тайфена (Teifen) о соціальной нищетѣ и господствующихъ классахъ въ Австріи. Характеренъ также и тотъ фактъ, что въ Зальцбургѣ

количество рогатаго скота съ 1869 г. по 1880 уменьшилось на 10.6⁰/₀, а съ 1880 по 1890—еще на 4.1⁰/₀, главнымъ образомъ «благодаря усиливающейся продажѣ Альпъ крупнымъ собственникамъ—охотникамъ» (Drill. «Agrarfrage in Oesterreich»).

Другая черта феодальной жизни, воскресающая вмѣстѣ съ ростомъ капиталистическихъ доходовъ,—это многочисленная прислуга, содержимая для личнаго услуженія, кадръ лакеевъ, одна ливрея которыхъ уже напоминаетъ о прошлыхъ вѣкахъ и указываетъ на то, что это явленіе стоитъ въ противорѣчьи съ духомъ XIX столѣтія. Этимъ феодальнымъ тенденціямъ соотвѣтствуетъ и то предпочтеніе, которое оказываетъ высшій свѣтъ ручной работѣ передъ машинной при покупкѣ продуктовъ, служащихъ для ихъ личнаго потребленія. Машинное производство, которое имѣетъ цѣлью потребленіе массъ, которое производитъ продукты для всѣхъ, которое не приравнивается къ индивидуальнымъ капризамъ и потребностямъ, слишкомъ демократично для денежной аристократіи. То обстоятельство, что ручная работа въ сравненіи съ машиной означаетъ излишнюю растрату рабочей силы, дѣлаетъ ее въ глазахъ покупателей тѣмъ болѣе дорогой, болѣе пригодной для того, чтобы возвысить ихъ надъ массой черни.

Такимъ образомъ, къ ремеслу принадлежитъ наряду съ домашней промышленностью, жалчайшей изъ отраслей современнаго производства, также и самая аристократическая изъ нихъ—производство продуктовъ высшаго качества. Но какъ та, такъ и другая отрасль ремесла подпадаетъ подъ власть капиталистической эксплуатаціи. Производство продуктовъ высшаго достоинства, будь то одежда или продукты текстильной промышленности, овощи или фрукты,—требуетъ особеннаго искусства, большой затраты рабочей силы, превосходныхъ орудій производства; а все это требуетъ денегъ, и большихъ денегъ. Если для статистиковъ мастерскія, въ которыхъ выдѣлываются продукты отлѣннаго качества, относятся къ разряду мелкихъ, то для экономиста онѣ являются такими, которыя требуютъ большой затраты капитала и въ которыхъ капиталистически эксплуатируются высоко-квалифицированные ремесленные рабочіе (Handarbeiter). Во многихъ случаяхъ онѣ служатъ скорѣе средствомъ къ тому, чтобы сдѣлать искусство капиталистической промышленностью, чѣмъ къ тому, чтобы помочь ремеслу снова достигнуть процвѣтанія.

Но даже еслибы это было и не такъ, то все-же было-бы нелѣпо ожидать отъ увеличенія расточительности капиталистовъ воскрешенія мелкаго производства. Увеличеніе этой расточительности предполагаетъ непрерывный и быстрый ростъ крупной промышленности, массоваго производства, непрерывное вытѣсненіе мелкаго производства, непрерывное увеличеніе пролетаріата. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, для отдѣльныхъ отраслей промышленности расточительность капиталистовъ можетъ еще имѣть результатомъ подобіе процвѣтанія мелкаго производства, но она не можетъ этого сдѣлать для всей націи, такъ какъ она сама есть продуктъ прогрессирующаго пролетаризированія народныхъ массъ какъ разсматриваемой націи, такъ и другихъ. Видѣть путь спасенія для ремесла въ переходѣ къ изготовленію продуктовъ отмѣннаго достоинства такъ же справедливо, какъ и утверждать, что капиталистическое производство имѣетъ тенденцію возвратитъ тѣ націи, гдѣ оно получило господство, къ состоянію охотничьяго быта. Это можно было безъ труда доказать статистически.

Все это доказываетъ не то, что «догма Маркса» ложна, а только то, что процессъ паденія мелкаго производства крайне сложенъ, что въ немъ перекрещиваются различныя и противоположныя тенденціи, которыя, однако, только нарушаютъ и замедляютъ его, а кое-гдѣ повидимому превращаютъ его въ его противоположность, но никогда не могутъ задержать его въ дѣйствительности.

в) Недостаточность земли.

Тѣ же самыя противоположныя тенденціи и теченія, которыя запутываютъ процессъ, происходящій въ индустріи, имѣютъ силу и по отношенію къ сельскому хозяйству; и аналогія столь близка, что намъ нѣтъ надобности останавливаться на ней долѣше. Но по отношенію къ сельскому хозяйству имѣютъ силу и такія противныя тенденціи, которыя не оказываютъ дѣйствія на индустрію, и по этому эволюція въ ея цѣломъ дѣлается здѣсь еще болѣе сложной.

Такія тенденціи, свойственныя спеціально сельскому хозяйству, въ отличіе отъ индустріи, и будутъ занимать насъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Прежде всего бросается въ глаза крупное отличіе, состоящее въ томъ, что средства производства въ индустріи могутъ, быть умножаемы по произволу, въ то время какъ главнѣйшее средство производства въ сельскомъ хозяйствѣ—земля—составляетъ при данныхъ условіяхъ данную, а не увеличиваемую по произволу, величину.

По отношенію къ капиталу можно различать два процесса: накопленіе и концентрацію. Накопленіе есть результатъ образованія прибавочной цѣнности. Капиталистъ потребляетъ не всю прибыль, которую онъ получаетъ, но только часть; при нормальныхъ условіяхъ, онъ откладываетъ и употребляетъ ее на увеличеніе своего капитала. Этотъ процессъ сплетается съ другимъ, съ процессомъ соединенія различныхъ мелкихъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ въ одинъ крупный капиталъ,—съ концентраціей капитала.

Совсѣмъ иное по отношенію къ землѣ. Въ странахъ съ старой культурой необработанная земля, которая еще можетъ быть присоединена къ культурной площади, составляетъ ничтожнѣйшую величину, еле замѣтную въ сравненіи съ тѣми суммами, которыя изъ года въ годъ накапливаютъ капиталисты. Землевладѣлецъ можетъ увеличить свое имѣніе только при помощи процесса *концентраціи*, соединенія многихъ владѣній въ одно.

Въ индустріи процессъ накопленія можетъ происходить независимо отъ процесса концентраціи, и даже первый обыкновенно предшествуетъ послѣднему. Можетъ быть созданъ крупный капиталъ, можетъ быть основано крупное промышленное предпріятіе безъ всякаго ущерба для мелкихъ капиталовъ, безъ уничтоженія самостоятельности мелкихъ предпріятій. Послѣднее вообще является *слѣдствіемъ* а не *предпосылкой* возникновенія крупнаго промышленнаго предпріятія. Для того, чтобы основать въ данной мѣстности сапожную фабрику, нѣтъ необходимости экспроприровать тамошнихъ сапожниковъ-ремесленниковъ. Только когда сапожная фабрика упрочиваетъ свое существованіе и достигаетъ успѣховъ, она вызываетъ разореніе мелкихъ сапожныхъ мастерскихъ и экспроприацію ихъ крупнымъ производствомъ. Но именно процессъ накопленія, наростанія новаго капитала изъ непотребленной прибыли и создаетъ крупный капиталъ для основанія сапожной фабрики.

Напротивъ, тамъ, гдѣ вся земля перешла въ частную собственность и гдѣ всецѣло господствуетъ мелкое землевладѣ-

ніе, тамъ важнѣйшее изъ средствъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ—земля—можетъ быть добыто для крупнаго хозяйства только при помощи концентраціи многихъ мелкихъ владѣній. Паденіе большого числа мелкихъ хозяйствъ является здѣсь необходимой *предпосылкой* появленія крупнаго хозяйства. Но этого мало: экспроприруемыя владѣнія должны еще составлять *одну общую площадь*, чтобы изъ ихъ соединенія могло возникнуть одно крупное хозяйство. Въ собственность ипотечнаго банка переходить, можетъ быть, нѣсколько сотенъ заложенныхъ крестьянскихъ владѣній, ежегодно; но онъ не можетъ составить изъ нихъ крупнаго хозяйства, такъ какъ они не смежны между собой, но разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Банкъ не можетъ сдѣлать съ ними ничего иного, какъ продать ихъ порознь, какими онъ ихъ приобрѣлъ, а иногда даже, если онъ можетъ легче найти покупателя для болѣе мелкихъ участковъ, раздробить ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ еще болѣе мелкія владѣнія.

Пока рѣшающимъ моментомъ былъ произволъ землевладельцевъ, для нихъ было весьма легко получить землю для основанія хозяйства. Они просто на просто сгоняли путемъ болѣе или менѣе замаскированнаго насилія тѣхъ крестьянъ, которые стояли имъ на пути.

Но капиталистическій способъ производства требуетъ обезпеченности. Какъ только онъ вышелъ изъ революціоннаго періода своего развитія и прочно основалъ свое господство, онъ признаетъ только одно основаніе для экспроприаціи—неспособность къ уплатѣ долговъ. Пока крестьянинъ можетъ уплачивать свои долги капиталистамъ и государству, его собственность священна. Частная собственность на землю твердо упрочена. Мы еще увидимъ, насколько недостаточную защиту даетъ она крестьянину; но она оказывается въ высшей степени важнымъ препятствіемъ къ образованію крупнаго землевладѣнія,—предпосылки крупнаго сельско-хозяйственнаго производства.

Тамъ, гдѣ теперь господствуетъ исключительно мелкое землевладѣніе, крупное землевладѣніе можетъ возникнуть только съ большимъ трудомъ, какимъ-бы нежизнеспособнымъ ни было мелкое землевладѣніе и какъ-бы ни превосходило крупное производство—мелкое.

Но и тамъ, гдѣ крупное владѣніе граничитъ съ мелкимъ, оно не всегда можетъ безъ затрудненій увеличиваться на счетъ

последняго, такъ какъ тѣ куски мелкаго владѣнія, которые изъ нужды или по другимъ причинамъ продаются, не всегда оказываются пригодными для «округленія» и увеличенія имѣнія.

Сельскій хозяинъ, для котораго его имѣние оказалось слишкомъ маленькимъ и который пріобрѣлъ средства для того, чтобы хозяйствовать въ болѣе крупномъ, вообще предпочитаетъ долготу, зависящему отъ случайностей, процессу покупки участковъ своихъ сосѣдей гораздо болѣе простой и короткій образъ дѣйствій,— продажу своего имѣнія и покупку болѣе крупнаго. Расширеніе хозяйства отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ предпринимателей происходитъ главнымъ образомъ въ этой формѣ, и въ этомъ состоитъ одна изъ причинъ сильной мобилизаціи поземельной собственности, множества продажъ и покупокъ земли въ вѣкъ капитализма. Чтобы желающіе купить всегда находили также и желающихъ продать, объ этомъ заботятся наследственное право и задолженность, о которыхъ мы еще будемъ говорить.

Здѣсь мы желаемъ установить только то, что своеобразныя качества земли, при господствѣ во всѣхъ странахъ мелкой поземельной собственности, являются сильнымъ препятствіемъ для развитія крупнаго сельско-хозяйственнаго производства, какъ бы ни превосходило оно мелкое,—препятствіемъ, котораго не знаетъ индустрія.

г) Крупное производство не безусловно является наилучшимъ.

Къ этому присоединяется еще другое различіе между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ. Въ первой крупное производство при нормальныхъ условіяхъ всегда стоитъ выше мелкаго. Конечно, и въ индустрію для каждаго предпріятія существуютъ при данныхъ условіяхъ границы, за которыя оно не можетъ перейти, не переставъ приносить доходъ. Величина рынка, наличнаго капитала, количество наличной рабочей силы, подвозъ сырыхъ матеріаловъ, высота уровня техники, ставятъ для каждаго предпріятія извѣстныя границы. Но изъ предпріятій, величина которыхъ не переходитъ за эти границы, болѣе крупное будетъ превосходить болѣе мелкое.

Въ сельскомъ хозяйствѣ все это имѣетъ силу только до извѣстной степени. Это различіе происходитъ отъ того, что въ индустріи всякое увеличеніе размѣровъ предпріятія равносильно

большей концентрации производительныхъ силъ, со всѣми свойственными ей выгодами—сбереженіемъ во времени, издержкахъ, матеріалѣ, облегченіемъ надзора и т. д. Напротивъ, въ сельскомъ хозяйствѣ всякое увеличеніе размѣровъ предпріятія при одинаковыхъ условіяхъ, именно, при одинаковыхъ методахъ обработки земли, равносильно также и *пространственному расширенію* предпріятія, слѣдовательно, увеличенію потери матеріала, напрасной растраты силъ, средствъ, времени, вызываемому перевозкой рабочей силы и матеріала. Эти условія имѣютъ тѣмъ большее значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, что здѣсь рѣчь идетъ о передвиженіи матеріаловъ, очень малоцѣнныхъ по сравненію съ ихъ вѣсомъ или объемомъ,—навоза, сѣна, соломы, зерна, картофеля,—а способы передвиженія очень примитивны по сравненію съ таковыми же въ индустріи. Чѣмъ больше размѣры имѣнія, тѣмъ тяжелѣе также и надзоръ за отдѣльными работами, что, при системѣ наемнаго труда, имѣетъ большее значеніе.

Какимъ образомъ съ увеличеніемъ размѣровъ имѣнія возрастаютъ такіа потери, наглядно показываетъ табличка, составленная Тюненомъ и приводимая здѣсь нами, причемъ сдѣлано перечисленіе на метрическую систему и числа округлены. Тюненъ вычислялъ поземельную ренту, приносимую различными участками земли, которые лежатъ на различномъ разстояніи отъ двора, составляющаго центръ хозяйства (Wirthshafthof),—съ гектара при урожаѣ ржи въ:

Отдаленность земельного участка отъ двора въ метрахъ.	25 гектол. Марки.	23 гектол. Марки.	20 гектол. Марки.	18 гектол. Марки.	15 гектол. Марки.
0	23	19	15	11	7
1000	17	15	11	7	4
2000	14	11	7	4	0
3000	10	7	3	0	
4000	5	2	0		
4500	0,5	0			
5000	0				

Изъ этого, конечно, можетъ показаться, что сельское хозяйство тѣмъ доходнѣе, чѣмъ меньше имѣніе. Это, разумѣется, не такъ. Выгоды крупнаго производства настолько велики, что больше, чѣмъ перевѣшиваютъ убытки большей отдаленности, но только для площади извѣстнаго размѣра. За извѣстными границами выгоды крупнаго производства возрастаютъ не съ

такой быстротой, какъ убытки отъ отдаленности, такъ что съ этого пункта всякое дальнѣйшее расширеніе площади имѣнія понижаетъ его доходность.

Установить съ достаточной точностью границы, за которыми начинается такой процессъ, вообще невозможно. Опѣ различны для хозяйствъ съ различнымъ уровнемъ техники, съ различною почвою и для различныхъ отраслей производства. Нѣкоторыя тенденціи развитія ведутъ къ расширенію этихъ границъ; этому содѣйствуетъ, напр., введеніе пара или электричества, въ качествѣ двигателей; другія, напротивъ, все болѣе и болѣе суживаютъ эти границы. Чѣмъ болѣе занято, по отношенію къ площади, людей и рабочаго скота, чѣмъ больше перевозится тяжестей, навоза, собранныхъ продуктовъ, машинъ и тяжелыхъ орудій, тѣмъ чувствительнѣе дѣлается вліяніе отдаленности. Можно сказать, что вообще максимальная площадь имѣнія, за которой его доходность падаетъ, и тѣмъ интенсивнѣе хозяйство, чѣмъ больше капитала вложено въ землю одинаковой площади; но этотъ законъ время отъ времени нарушается благодаря техническому развитію.

Въ подобномъ же направленіи дѣйствуетъ и законъ, состоящій въ томъ, что, чѣмъ интенсивнѣе сельско-хозяйственная культура имѣнія, тѣмъ меньшей должна быть, при данной массѣ капитала, его площадь. Маленькое имѣніе съ интенсивной культурой можетъ относиться къ области болѣе крупнаго производства, чѣмъ занимающее большую площадь, но съ экстенсивной культурой. Статистика, которая даетъ намъ свѣдѣнія только относительно площади хозяйства, оставляетъ насъ въ полной неизвѣстности относительно того, вызывается-ли случайное уменьшеніе площади имѣнія дѣйствительнымъ измелъчаніемъ послѣдняго или же интенсификаціей хозяйства.

Наибольшую величину площади допускаетъ лѣсное и луговое хозяйство. Для перваго не нужно никакого центрального пункта, никакого двора, вокругъ котораго оно сосредоточивалось-бы. При экстенсивной формѣ его рубка и перевозка дерева представляютъ единственную работу, въ которой оно нуждается. Дерево нечувствительно къ вліяніямъ погоды, его не нужно складывать въ амбары. Его оставляютъ тамъ, гдѣ срубили, пока не явятся благопріятное время и обстоятельства для перевозки его на рынокъ. При сплавѣ лѣса по рѣкѣ, онъ самъ собою движется впередъ.

Скотъ на лугу, по крайней мѣрѣ при благопріятномъ климатѣ, такъ же мало нуждается въ доставкѣ пищи человѣкомъ, въ особыхъ помѣщеніяхъ, какъ и дерево въ лѣсу. А живой скотъ еще гораздо легче можно перегонять, чѣмъ дерево.

Тамъ гдѣ развился достаточный рынокъ, лѣсное и луговое хозяйство были первыми формами крупнаго капиталистическаго производства, направленного на эксплуатацію почвы, какъ мы это уже видѣли (стр. 18). Для нихъ не требуется ни машинъ, ни персонала управляющихъ, получившихъ научное образованіе, ни предварительно накопленнаго капитала. Для нихъ требуется просто возможность со стороны отдѣльныхъ землевладѣльцевъ монополизировать въ свою пользу лѣсъ и луга, и лишить, такимъ путемъ, крестьянъ ихъ собственности.

Это дѣйствительно широко практиковалось тамъ, гдѣ условія были для этого благопріятны.

Точно также и въ колоніяхъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ рабочей силѣ и изобиліе земли, лѣсное и, въ особенности, луговое хозяйство составляютъ первыя формы крупнаго капиталистическаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ; такъ обстоитъ дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Аргентинѣ, въ Уругваѣ и Австраліи. Отдѣльныя луговые хозяйства занимаютъ тамъ иногда площадь, равную нѣмецкимъ княжествамъ. Въ Австраліи былъ случай, что въ одномъ хозяйствѣ было острижено за одинъ годъ 200.000 овецъ.

Гораздо болѣе ограничены по своей площади, чѣмъ лѣсныя и луговые хозяйства, земледѣльческія хозяйства. Но и здѣсь максимальная и средняя величина экстенсивныхъ хозяйствъ превосходятъ таковыя-же интенсивныхъ.

Самую большую площадь изъ первыхъ занимаютъ сѣвероамериканскія хозяйства, производящія пшеницу, въ которыхъ можно наблюдать своеобразное соединеніе значительной экстенсивности хозяйства съ примѣненіемъ высокоразвитой техники.

Американское сельское хозяйство было до сихъ поръ преимущественно хищническимъ. Пока имѣлась въ изобиліи дѣвственная почва, еще никому не принадлежавшая, сельскій хозяинъ могъ отыскивать для себя наиболѣе плодородную землю, собирать съ нея урожай за урожаемъ, и, истощивъ ее, бросить свое имѣніе и переселяться дальше. Такое кочевое сельское хозяйство имѣло въ своемъ распоряженіи наилучшія орудія и машины высокоразвитой индустріи, и такъ какъ земледѣлецъ не имѣлъ

надобности покупать земли, то онъ могъ употреблять почти весь свой капиталъ на покупку этихъ техническихъ средствъ. Для такого рода сельскаго хозяйства не было нужды въ навозъ; для него не было надобности держать много скота, и гдѣ позволялъ климатъ, можно было обходиться безъ кормленія скота въ стойлахъ. Точно также не было надобности въ плодосмѣнномъ хозяйствѣ. Сельское хозяйство производило изъ года въ годъ одинъ и тотъ же продуктъ, по большей части пшеницу, и было чистѣйшею фабрикою пшеницы. Всѣ орудія, машины, рабочія силы, примѣняемыя въ немъ, служили этой единственной цѣли. Производство было простымъ и понятнымъ. При такихъ условіяхъ отдѣльныя имѣнія могли достигать громадныхъ размѣровъ. Известны большія фермы гг. Dalrymple, Glenn и др., которыя достигали размѣромъ въ 10 тысячъ и больше гектаровъ.

Напротивъ, въ Англии, съ ея интенсивной культурой, требующей большаго количества скота, плодосмѣнной системы, сильнаго унавоживанія, фермы площадью выше 500 гектаровъ—рѣдкость, а 1000 гект.—максимумъ ихъ площади.

Какъ крупныя капиталистическія хозяйства Америки превосходятъ площадью европейскія, такъ и мелкія крестьянскія. Въ Германіи крестьянинъ, имѣющій отъ 20 до 100 гектаровъ земли, вообще считается уже крупнымъ крестьяниномъ. Въ Германской Имперіи въ 1895 г. изъ 5¹/₂ милліоновъ сельскихъ хозяйствъ считалось:

Размѣры	2—5 гект.	5—20 гект.	20—100 гект.
Хозяйства	1.016.318	998.804	281.767

Напротивъ, въ 1890 г. въ Соединенныхъ Штатахъ изъ 4¹/₂ милліоновъ было:

Размѣры	20—50 акровъ	50—100 акр.	100—500 акровъ
Хозяйства	(8—20 гект.)	(20—40 гект.)	(40—200 гект.)
	902.777	1.121.485	2.008.694.

Итакъ, большая часть крестьянскихъ владѣній въ Америкѣ имѣетъ размѣры нѣмецкихъ рыцарскихъ помѣстій.

Основанія этого экстенсивнаго сельскаго хозяйства исчезаютъ, какъ только вся земля переходитъ въ частную собственность, и когда уже не оказывается въ избыткѣ плодородной почвы. вмѣсто системы чередованія пахоты и пара, хозяинъ долженъ принять плодосмѣнную систему, вмѣсто хищническаго хозяйства—унавоживаніе, слѣдовательно—содержать много скота и притомъ въ стойлахъ. Сельскій хозяинъ долженъ теперь расходовать на ту же самую площадь больше капитала.

и рабочихъ силъ. Если же онъ не можетъ найти въ достаточномъ количествѣ этихъ капиталовъ и рабочихъ силъ, то онъ долженъ уменьшить свое хозяйство; максимальная величина крупнаго хозяйства должна понизиться, колосы-фермы перестаютъ приносить доходъ. Такова картина эволюціи Америки, которую рисуютъ намъ. И тенденціи, дѣйствующія въ этомъ направленіи, безъ сомнѣнія существуютъ, хотя и не въ той степени, какъ выставляють въ послѣдніе годы. «О близкомъ концѣ» крупнаго сельскохозяйственнаго производства въ Америкѣ ни коимъ образомъ нельзя говорить; это доказываютъ уже вышеприведенныя цифры переписи.

Впрочемъ, мы не отрицаемъ возможности того, что американское сельское хозяйство, если оно всецѣло приметъ европейскій способъ производства, приметъ вмѣстѣ съ тѣмъ и европейскіе размѣры площади хозяйства. Колосы-фермы могутъ исчезнуть, максимальные размѣры крупныхъ хозяйствъ понизиться до 1000 гектаровъ, размѣры крестьянскихъ хозяйствъ упадутъ до среднихъ размѣровъ нѣмецкихъ, если техническое развитіе, напр., примѣненія электричества къ сельскому хозяйству, не создастъ новыхъ условій, которыя расширятъ максимальные размѣры крупнаго хозяйства и при интенсивной культурѣ. Во всякомъ случаѣ такое пониженіе размѣровъ хозяйства указывало бы не на побѣду мелкаго производства надъ крупнымъ, а только на большую концентрацію производства (*Verdichtung des Betriebs*) на меньшей площади, которая можетъ итти, даже по большей части должна итти, рука объ руку съ увеличеніемъ затраченнаго на производство капитала, а часто и съ увеличеніемъ количества занятыхъ въ немъ лицъ, слѣдовательно, съ фактическимъ *увеличеніемъ* размѣровъ производства.

Какъ переходъ отъ простаго хищническаго хозяйства къ правильному, основанному на продолжительномъ сохраненіи плодородія почвы, земледѣлію, точно также и вытѣсненіе экстенсивнаго луговаго хозяйства земледѣліемъ должно породить тенденцію къ уменьшенію средней площади имѣнія—при прежнихъ или даже растущихъ размѣрахъ производства. Но въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и замѣна хлѣбопашества интенсивнымъ скотоводствомъ, которая происходитъ теперь въ большихъ размѣрахъ именно въ странахъ со старой культурой.

Въ Англіи въ 1880 г. средняя величина хозяйствъ, въ которыхъ разводился скоть, равнялась 52,3 акр., а хозяйствъ,

посвященныхъ хлѣбопашеству—74,2 акр. Различныя категоріи хозяйствъ по величинѣ занимаютъ изъ всей площади:

Площадь каждой категоріи хозяйствъ по величинѣ въ %:

	до 50 акровъ.	50—100 акровъ.	100—300 акровъ.	300—500 акровъ.	500—1000 акровъ.	св. 1000 акровъ.
Хоз., заним. скотоводств.	17,2	18,9	43,7	13,8	7,2	2,2
Хоз., заним. хлѣбопаш.	9,9	10,2	37,8	21,4	17,0	3,7

Понятно, что въ Англии, гдѣ, какъ это наблюдается нынѣ, хлѣбопашество все болѣе и болѣе падаетъ, и на его мѣсто выступаетъ интенсивное скотоводство, должна была отъ этого появиться и тенденція къ сокращенію площади фермъ; но только очень поверхностный человѣкъ могъ-бы заключить изъ этого о паденіи крупнаго производства. Впрочемъ, не смотря на это, новыя цифровыя данныя не позволяютъ сдѣлать заключенія о сокращеніи средней площади фермы. Средняя величина хозяйствъ съ площадью, превышающей 1 акръ (только такія площади регистрировались въ 1895 г.), равнялась въ Великобританіи въ 1885 г. 61 акр., въ 1895—62 акр., слѣдовательно, нѣсколько возрасла.

Къ востоку отъ Эльбы переходъ къ интенсивной культурѣ точно также приводитъ къ сокращенію площади болѣе крупныхъ имѣній. «Большая часть нашихъ крупныхъ имѣній, говоритъ Зерингъ въ своей уже упоминавшейся нами книгѣ, въ настоящее время занимаютъ слишкомъ большіе размѣры, при которыхъ невозможно ввести достаточно интенсивную культуру на всей ихъ площади. Они появились и получили развитіе въ то время, когда общія экономическія условія не требовали той концентраціи капитала и рабочей силы на отдѣльномъ земельномъ участкѣ, которая въ настоящее время является необходимостью для частнаго и народнаго хозяйства... Поэтому-то на окраинныхъ земляхъ, часто занимающихъ отъ пятой части до четверти всей площади, теперь почти повсюду ведется экстенсивное хозяйство, напр., онѣ засѣваются лупиномъ или много лѣтъ остаются подъ пастбищемъ... Вычислено, что, въ имѣніяхъ съ интенсивной культурой и съ тяжелой почвой, участки земли, удаленные болѣе, чѣмъ на 2 километра отъ главнаго двора,

вообще не могут уже приносить дохода при обработкѣ... Возрастающій недостатокъ въ нужномъ для веденія хозяйства капиталѣ вызывается слишкомъ большою площадью имѣній.

«Уменьшеніе площади имѣнія путемъ продажи или сдачи въ аренду мелкимъ крестьянамъ-колонистамъ отдаленныхъ участковъ его повыситъ производительность земли двумя путями. Такъ какъ колонизація покрываетъ прежнюю площадь имѣнія большимъ числомъ центровъ хозяйства, то вполне подвергаются обработкѣ и тѣ участки, которые до сихъ поръ, въ виду ихъ неблагопріятнаго положенія по отношенію къ главному двору, обрабатывались неудовлетворительно. Въ распоряженіи владѣльца оставшейся части имѣнія оказывается большая часть рабочей силы и капитала, и онъ, при уменьшившемся бремени платежей, вскорѣ станетъ извлекать изъ оставшейся части имѣнія прежній или еще большій чистый доходъ» (стр. 92, 93).

Поэтому крупныя имѣнія должны сократиться, а рядомъ съ ними должны появляться мелкія крестьянскія хозяйства не потому, что мелкое производство превосходитъ крупное, а потому что прежніе размѣры имѣнія были приспособлены къ потребностямъ экстенсивнаго хозяйства.

д) *Латифундіи.*

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ двоякое слѣдствіе. Вопервыхъ, одни статистическія данныя о площади хозяйства говорятъ очень мало. Вовторыхъ, процессъ концентраціи земли, который уже самъ по себѣ сопряженъ съ гораздо большими затрудненіями, чѣмъ процессъ накопленія и концентраціи капитала, кромѣ того, при данныхъ условіяхъ имѣетъ свои границы для каждаго отдѣльнаго хозяйства.

Только тамъ, гдѣ господствуетъ система сдачи земли въ аренду, является и стремленіе землевладѣльцевъ расширять каждое имѣніе до безконечности. Но тамъ единица хозяйства не совпадаетъ съ единицей владѣнія. Землевладѣлецъ не отдаетъ всего своего имѣнія, если оно слишкомъ велико, въ распоряженіе одному только предпринимателю. Онъ разбиваетъ его на нѣсколько участковъ, сдаваемыхъ въ аренду, величину которыхъ онъ опредѣляетъ, имѣя въ виду получить съ нихъ наибольшую прибыль. При этомъ принимается въ соображеніе не только наиболѣе раціональная обработка сдаваемого

въ аренду участка, но также и экономическая благонадежность (Kapitalkraft) арендаторовъ.

Тамъ, гдѣ имѣніе эксплуатируется самимъ владѣльцемъ его или управляющимъ,—гдѣ единица владѣнія и единица хозяйства совпадаютъ,—тамъ тенденція къ концентраціи,—разъ имѣніе уже округлено и обезпечено достаточнымъ количествомъ земли,—выражается уже не въ стремленіи расширять его и дальше, но въ стремленіи создать *внѣ* его другое.

И эта тенденція получаетъ при извѣстныхъ условіяхъ большую силу. Прекрасную иллюстрацію этого даетъ намъ д-ръ Рудольфъ Мейеръ въ своей интересной книгѣ о пониженіи земельной ренты. Онъ изучилъ самымъ тщательнымъ образомъ развитіе крупнаго землевладѣнія въ Помераніи и нашель, что тамъ изъ всей земли, принадлежавшей богатому дворянству, 62 собственникамъ принадлежало въ 1855 г. 229 имѣній, а въ 1891 г.—485 имѣній съ площадью въ 261.796 гектаровъ. Фамиліи, къ которымъ принадлежали эти 62 владѣльца и которыя насчитывали въ 1891 г. 125 членовъ, владѣли въ 1855 г. 339 имѣніями, въ 1891 г.—609 имѣніями съ 334.771 гектаровъ. Далѣе, 62-мъ состоятельнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ принадлежало въ 1855 г. 118 имѣній, въ 1891 г.—203 съ 147.139 гектар., и, наконецъ, 35-ти богатымъ землевладѣльцамъ недворянскаго происхожденія (bürgerliche Gutsbesitzer) принадлежало въ 1855 г. 25, въ 1891 г.—94 имѣнія съ 54000 гектар., ихъ фамиліямъ съ 47 членами въ 1855 г.—30, въ 1891 г.—110 имѣній. Кромѣ того, д-ръ Рудольфъ Мейеръ указываетъ еще на 76 дворянъ землевладѣльцевъ съ 172 имѣніями, общеою площадью въ 109.950 гектар., прежнее хозяйственное положеніе (Besitzstand) которыхъ недостоверно извѣстно.

Эти цифры указываютъ на очень сильную тенденцію къ концентраціи, которая особенно сильно выражена у отдѣльныхъ собственниковъ. Между послѣдними находимъ:

Фамиліи собственниковъ.	Число имѣній.		Въ 1891 г.	
	1855 г.	1891 г.	Гектаровъ.	Сумма поземельнаго налога.
Below Saleske	1	5	4.047	38.046
Графъ Дугласъ	—	6	1.592	22.815
Knebel-Döberitz-Dietersdorf . .	3	8	5.629	24.356

Фамилиі собственниковъ.	Число именій.		Въ 1891 г.	
	1855 г.	1891 г.	Гекта- ровъ.	Сумма по- земельна- го налога.
Гр. Armin-Schlagерth.	—	8	3.692	25.101
Князь Бисмаркъ	1	9	9.047	31.658
Plotz-Stuchov	4	10	6.214	51.937
Heyden-Jürgen-Cartlow	6	11	4.635	108.969
• Кн. Hohenzolern, Sigmaringen	—	11	10.998	44.350
Королевская фамилія	1	12	24.513	128.399
Графъ Behr-Negendank	6	12	5.696	104.318
Lanken Baldewitz.	3	13	4.183	95.382
Гр. Behr Bandelin	3	13	6.576	131.285
Гр. Красовъ.	5	15	4.603	112.652
Lanken Pluggentin	6	16	2.648	68.355
Гр. Платенъ	8	16	10.520	79.845
Графъ Флеммингъ-Бенцъ	13	24	14.258	104.794
Князь Putbus	53	85	17.113	302.892

Профессоръ *Конрадъ* началъ въ своихъ «Jahrbüch. für Nationalökonomie und Statistik» рядъ цѣнныхъ статей «Agrarstatistische Untersuchungen», которыя даютъ понятіе именно о нынѣшнемъ распространеніи прусскихъ латифундій. Онъ нашелъ такое количество владѣльцевъ 5000 гектаровъ и болѣе:

		Общая зани- маемая пло- щадь въ гект.	Пашни и луга въ гектар.
Въ Восточной Пруссіи	11	67.619	34.000
» Западной Пруссіи.	13	105.996	48.000
» Познани	33	300.716	147.310
» Помераніи.	24	182.752	102.721
» Силезіи	46	671.649	192.443

46 владѣльцамъ латифундій, которые были зарегистриро-
ваны въ 1887 г. въ Силезіи, принадлежало въ общей слож-
ности не меньше 843 имѣній. Изъ нихъ:

	Владѣ- нія.	Общая пло- щадь въ гектар.	
Кронпринцу Фридриху Вильгельму (буду- щему Императору Фридриху III)	19	8.879	118.959
R. Friedenthal'ю, Государственному Ми- нистру	24	9.090	106.740
Королю Альберту Саксонскому	50	31.072	271.732
Герцогу von-Ujest	52	39.742	233.701
Князю Pless	75	51.112	324.042

Таковы данныя, которыя никоимъ образомъ не указыва-
ють на «близкій конецъ» крупнаго землевладѣнія.

Относительно распространенія крупнаго землевладѣнія въ
Австріи, г. Краффтъ приводитъ въ своемъ «ученіи о произ-
водствѣ» слѣдующія цифры:

Наименованіе владѣльцевъ.	Величина въ гектарахъ.	Составныя части.
Владѣнія архіепископа Ольмюцскаго въ Богеміи	54.500	?
Богемскія, Моравскія, Нижнеавстрій- скія владѣнія Императора Франца- Иосифа	79.300	?
Венгерскія владѣнія графовъ Schön- born Buchheim	134.013	2 домена съ 44 фер- мами и 10 лѣсныхъ.
Богемскія владѣнія князя Шварцен- берга	177.930	20 доменовъ.
Моравскія, Богемскія и Силезскія владѣ- нія эрцгерцога Лихтенштейна	180.900	?
Венгерскія и Силезскія владѣнія эрц- герцога Альбрехта	192.181	72 эконома, 78 фермъ.
Венгерскія владѣнія кн. Эстергази	431.700	35 доменовъ.

Такого рода концентрація земли, соединеніе многихъ имѣ-
ній въ однѣхъ рукахъ, оставляетъ неизмѣнной величину от-
дѣльныхъ хозяйствъ, равно какъ и концентрація при посред-
ствѣ ипотечныхъ банковъ. Но она отличается отъ послѣдней
тѣмъ, что концентрации собственности сопутствуетъ централизація
управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ новая форма произ-
водства—*латифундія*. Именно послѣдняя, а не непомѣрное рас-
ширеніе отдѣльныхъ имѣній, является формой, въ которой
развивается современное гигантское производство (*Riesenbetrieb*)
въ сельскомъ хозяйствѣ; и эта форма такъ же мало знаетъ
какія-бы то ни было границы, какъ и концентрація капитала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прокладывается путь къ высшему способу производства, къ которому только способно современное сельское хозяйство. Объединеніе многихъ хозяйствъ въ однѣхъ рукахъ приводитъ рано или поздно къ ихъ сліянью въ одинъ общій организмъ, къ планомѣрному раздѣленію труда и коопераціи между отдѣльными хозяйствами.

Нѣсколько выдержекъ изъ «Betriebslehre», (стр. 167) г. Краффта, который знакомъ съ австрійскими латифундіями по собственнымъ наблюденіямъ, могутъ это иллюстрировать.

„Крупное земельное владѣніе (Grossgrundbesitz, такъ называетъ Краффтъ латифундію) образуется изъ соединенія многихъ крупныхъ имѣній или доменовъ, неточно называемыхъ также Herrschaft'ами. Если крупное земельное владѣніе занимаетъ очень большое пространство, то домены соединяются въ группы—Domänendistrikt'ы.

„Организація управленія латифундіей является приблизительно такою: во главѣ стоитъ собственникъ, который или самъ держитъ въ своихъ рукахъ высшее руководство всѣмъ, или, по большей части, передаетъ его въ руки центрального правленія. Завѣдываніе группой доменовъ или Domänendistrikt'омъ поручается Wirthschaftsrath'у (или Oekonomieinspector'у)—Краффтъ пользуется, въ виду высокаго развитія латифундій въ Австріи, общепринятыми тамъ терминами.—Дѣятельность Wirthschaftsrath'a состоитъ въ наблюденіи за исполненіемъ принятыхъ центральнымъ управленіемъ организаціонныхъ плановъ отдѣльныхъ доменовъ. Онъ предсѣдательствуетъ на ежегодныхъ конференціяхъ всѣхъ управляющихъ доменами, чтобы регулировать отношенія между отдѣльными доменами. Онъ даетъ свои заключенія о высказываемыхъ управляющими доменовъ и иногда требующихъ провѣрки мнѣнійхъ относительно доходности истекшаго хозяйственного года, равно какъ и о вносимыхъ ими предположеніяхъ, направленных къ улучшеніямъ и измѣненіямъ въ хозяйствѣ въ ближайшемъ году, и вноситъ такіа предложенія на утвержденіе собственника въ центральное правленіе.

„Для группы доменовъ, кромѣ того, могутъ быть съ выгодой централизованы въ однѣхъ рукахъ нѣкоторыя организаціонныя работы. Такъ, часто находятъ, что выборъ тѣхъ или иныхъ способовъ разведенія скота и общій надзоръ за разведеніемъ скота различныхъ породъ могутъ быть поручены свѣдущему спеціальному (надсмотрщику надъ разведеніемъ барановъ и пр.). Благодаря такого рода организаціи могутъ быть достигнуты гораздо болѣе значительные результаты, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы управленіе разведеніемъ скота было раздѣлено между многими лицами, на обязанности которыхъ лежитъ непосредственное веденіе дѣла разведенія скота.

„Точно также для болѣе крупныхъ отраслей доменнаго хозяйства можетъ быть созданъ одинъ центральный органъ, обнимающій цѣлую группу доменовъ или жѣ все крупное владѣніе. Напримѣръ, въ тѣхъ крупныхъ владѣніяхъ, въ которыхъ возводится много новыхъ строеній для сахарныхъ, пивоваренныхъ заводовъ, для различныхъ культурно-техническихъ препрія-

тій, существуетъ для всѣхъ доменовъ одно управленіе по строительной части, которое должно составлять планы и сметы расходовъ, представляемые завѣдующему строительной частью въ отдѣльныхъ доменахъ, а кромѣ того, наблюдать за возведеніемъ строеній. Точно также часто встрѣчается для лѣсного хозяйства всѣхъ доменовъ одно лѣсное управленіе, во главѣ котораго стоитъ Oberforstmeister; для всего горнаго хозяйства—горная инспекція (Berginspektion).

„Важнѣйшимъ моментомъ при организаціи домена (крупнаго имѣнія) служить созданіе коопераціи между отдѣльными отраслями доменнаго управленія для достиженія постояннаго и, по возможности, наивысшаго чистаго дохода... Послѣ организаціи доменовъ ставится вопросъ объ извлеченіи дохода изъ различій, обусловливаемыхъ мѣстнымъ положеніемъ, социальными, климатическими, и почвенными условіями отдѣльныхъ доменовъ—путемъ соединенія послѣднихъ въ одно органическое цѣлое, путемъ *организаціи* всего *крупнаго владѣнія*. Задачи послѣдней заключаются главнымъ образомъ въ достиженіи болѣе дешеваго производства и болѣе выгоднаго сбыта полученныхъ продуктовъ, въ упрощеніи управленія и, въ связи съ этимъ, въ лучшемъ использованіи наличныхъ силъ.

„Удешевить производство можно при помощи болѣе дешеваго обзаведенія средствами производства, именно капиталомъ, благодаря тому, что крупнымъ землевладѣльцамъ легче достается кредитъ; далѣе, производство можно удешевить при помощи примѣненія сберегающихъ трудъ машинъ, возможнаго только при большихъ размѣрахъ хозяйства,—напр. паровыхъ плуговъ въ сельскомъ хозяйствѣ, современныхъ перевозочныхъ средствъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. въ лѣсномъ хозяйствѣ, современныхъ машинныхъ способовъ производства въ различныхъ промыслахъ,—и при помощи раздѣленія труда въ томъ смыслѣ, чтобы различныя условія вегетаціи разныхъ доменовъ эксплуатировались въ интересахъ воздѣлыванія растений. Это достигается путемъ соединенія многихъ доменовъ съ цѣлью доставки сырого матеріала для какого-нибудь техническаго производства, наиболѣе выгоднаго при крупныхъ размѣрахъ его, при широкомъ примѣненіи машинъ, путемъ учрежденія школъ для обученія сѣянію клевера и травъ въ тѣхъ доменахъ и фермахъ, которыя производятъ особенно крупное и хорошее зерно и на которыхъ, поэтому, лежитъ задача съ особеннымъ стараніемъ культивировать эти растенія. Особенное богатство лугами и соломой одной какой-нибудь группы доменовъ при примѣненіи переносныхъ прессовъ, которыя приводятъ сѣно, солому и даже навозъ въ удобное для переноски состояніе, позволяетъ, въ случаѣ нужды, оказывать помощь доменамъ, бѣднымъ лугами и соломой.

„Въ интересахъ дешевѣйшаго производства можетъ быть организовано по одному общему плану и разведенія животныхъ. Разведеніе лошадей для собственной надобности можетъ быть сосредоточено въ пригодномъ для этого отдаленномъ доменѣ. При разведеніи рогатаго скота нѣкоторые домены или фермы могутъ быть назначены для разведенія нужнаго скота и для остальныхъ. Откармливаніе можетъ быть съ удобствомъ сконцентрировано близъ желѣзной дороги, около крупнаго центра, который долженъ снабжаться отдаленными доменами совсѣмъ неоткормленными или же полукормленными животными; послѣднее—для того, чтобы не пропадали и такіе

кормовые продукты, которые не пригодны для окончательнаго откармливанія. Для выгоднѣйшаго сбыта молочныхъ продуктовъ можетъ оказаться выгоднымъ для многихъ фермъ устройство въ извѣстныхъ пунктахъ сыроваренныхъ заводовъ, въ видахъ сокращенія издержекъ въ крупномъ производствѣ на центробѣжныя машины. вмѣстѣ съ тѣмъ, для сокращенія расходовъ по управленію, должно быть проведено раздѣленіе работъ по выкармливанію скота и собственно по содержанію скота для молока. При разведеніи овецъ можетъ быть также проведено раздѣленіе работъ сообразно съ тѣмъ, для чего онѣ разводятся. Потребность въ племенныхъ баранахъ удовлетворяется тогда изъ подходящихъ молодыхъ стадъ.

„Обыкновенно прибыль съ продуктовъ, добываемыхъ въ большей части доменовъ, извлекается путемъ переработки ихъ или путемъ продажи въ чужія руки,—путемъ переработки въ собственныхъ крупныхъ мельницахъ и маслобойняхъ, сахарныхъ, пивоваренныхъ, лѣсопильныхъ заводахъ и пр., или путемъ передачи на рынки сбыта.

„Въ интересахъ наивыгоднѣйшаго сбыта продуктовъ представляется существенно важнымъ устройство на свой собственный счетъ или съ помощью другихъ предпринимателей разнаго рода путей сообщенія, какъ напр., подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путей и конокъ—для соединенія съ главной желѣзнодорожной магистралью. *Упрощеніе управленія* можетъ быть достигнуто утилизаціей общихъ размѣровъ владѣнія и сосѣдственнаго положенія отдѣльныхъ доменовъ при помощи раздѣленія труда...

„Важнѣйшимъ моментомъ при организаціи крупнаго владѣнія является, въ конечномъ итогѣ, *повышеніе производительности силъ* путемъ правильнаго примѣненія ихъ. Если какая-нибудь особенность оказывается особенно пригодной для того или иного направленія производства, то она должна быть поставлена въ такія условія, при которыхъ можетъ развиваться наибольшую производительность. При помощи своевременныхъ измѣненій въ органахъ управленія нужно избѣгать упадка, постигающаго рутиннаго хозяйства. При незначительныхъ размѣрахъ управляемаго цѣлаго эти принципы не всегда примѣнимы.

„Наибольшія трудности при организаціи крупнаго владѣнія въ вышеизложенномъ смыслѣ оказываются тогда, когда отдѣльныя части его, домены, слишкомъ удалены одна отъ другой. Съ другой стороны, результаты такой организаціи наиболѣе бросаются въ глаза тамъ, гдѣ отдѣльные домены не раздѣлены пространственно.

„Во всякомъ случаѣ, организація крупнаго владѣнія—на эту сторону сельско-хозяйственнаго производства до сихъ поръ пока мало обращалось или совсѣмъ не обращалось вниманія—заслуживаетъ самыхъ широкихъ заботъ, такъ какъ она при своемъ прогрессивномъ развитіи, подкрѣпленномъ быстрымъ развитіемъ науки сельскаго хозяйства, повидимому, призвана сдѣлаться факторомъ, при помощи котораго крупное хозяйство достигнетъ крупнѣйшихъ результатовъ“.

Въ такого рода гигантскихъ хозяйствахъ, а не въ крестьянскихъ карликовыхъ, видитъ одинъ изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ въ сельскомъ хозяйствѣ, старый «практикъ», который, однако, конечно, обладаетъ широкимъ кругозоромъ

и знаніями теоретика, будущее современнаго, рациональнаго сельскаго хозяйства.

Но и такое гигантское хозяйство встрѣчаетъ преграду, которая только въ исключительныхъ случаяхъ задерживаетъ развитіе крупной индустріи: *недостатокъ въ рабочихъ*.

е) *Недостатокъ въ рабочей силѣ.*

Расширеніе рынка, обладаніе денежными средствами, наличность необходимыхъ техническихъ условій,—всего этого не достаточно для созданія крупнаго капиталистическаго производства. Важнѣе всего—*рабочіе*. Тамъ, гдѣ, при наличности всѣхъ прочихъ условій, отсутствуютъ лишенныя, собственности рабочія силы, которыя продавались-бы капиталисту,—капиталистическое производство невозможно. Но городская промышленность въ старыхъ культурныхъ странахъ не страдала отъ недостатка рабочихъ. Пролетаріатъ самъ собою размножается и въ изобиліи доставляетъ растущему капиталу добавочную рабочую силу.

Кромѣ того, въ ряды городскихъ наемыхъ рабочихъ преимущественно направляется природа мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства, для котораго невозможно приобрести себѣ самостоятельности, равно какъ и масса бывшихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ. И крупная промышленность можетъ пользоваться всѣмъ этимъ, все равно, исходить-ли оно изъ города или изъ деревни.

Совсѣмъ иное въ сельскомъ хозяйствѣ. Городская работа производится теперь при такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ рабочаго неспособнымъ къ земледѣльческой работѣ. Кто выросъ въ городѣ или переселился туда въ молодости, тотъ потерянь для сельскаго хозяйства. Послѣднее, при современныхъ условіяхъ, не можетъ удовлетворять свою потребность въ рабочихъ изъ рядовъ городского промышленнаго пролетаріата.

Крупное сельское хозяйство при современныхъ условіяхъ не можетъ производить и удержать при себѣ даже необходимаго количества добавочной рабочей силы.

Мы находимъ причину такого явленія въ особенности, которая рѣзко отличаетъ сельское хозяйство отъ современной индустріи. Въ послѣдней, въ противоположность средневѣковой

промышленности, собственно, *производство* (Wirthschaftsbetrieb) вполне отдѣлено отъ *домашняго хозяйства* (Haushalt). Въ средневѣковомъ ремеслѣ—да и теперь еще въ его остаткахъ—и то, и другое соединены. Въ теченіе цехового періода рабочіе отдѣльнаго ремесленного предпріятія принимали участіе въ домашнемъ хозяйствѣ мастера, были членами его семьи. Рабочій не могъ обзавестись собственнымъ домашнимъ хозяйствомъ, вступить въ бракъ, не начиная самостоятельнаго производства, не дѣлаясь мастеромъ.

Въ современной индустріи, наоборотъ домашнее хозяйство и производство раздѣлены. Здѣсь рабочій получилъ возможность имѣть собственное домашнее хозяйство, не становясь самостоятельнымъ работникомъ, и мы знаемъ, что онъ широко пользуется такою возможностью и, такимъ образомъ, увеличиваетъ наемный пролетаріатъ, который составляетъ теперь особый классъ. Но раздѣленіе домашняго хозяйства и производства впервые дѣлаетъ пролетарія свободнымъ человекомъ, внѣ работы, и даетъ ему возможность приобрести такія качества, которыя дѣлаютъ его способнымъ завоевать и удержать власть въ государствѣ.

Наемные рабочіе были и прежде, но они не имѣли никакой возможности воспитывать своихъ дѣтей, такъ какъ у нихъ не было своего собственнаго домашняго хозяйства, своей собственной семьи. Они были дѣтьми ремесленниковъ-мастеровъ или мелкихъ крестьянъ, и только какъ мастера могли въ свою очередь воспитывать своихъ дѣтей. Не будучи отягчены женою и дѣтьми, ремесленники-подмастерья представляли, подобно студентамъ, слой, способный къ борьбѣ съ властями и мастерами; но такъ же мало, какъ и студенты, они могли помышлять о томъ, чтобы представлять политическую силу въ государствѣ и устроить общество сообразно со своими классовыми интересами. Только современному наемному пролетарію, съ собственнымъ домашнимъ хозяйствомъ, съ дѣтьми, которыя осуждены оставаться пролетаріями, могла придти въ голову эта мысль.

То, что уже миновало для индустріи, еще продолжается для сельскаго хозяйства. Оно тѣсно связано съ домашнимъ хозяйствомъ. Нѣтъ ни одного сельско-хозяйственнаго предпріятія безъ собственнаго домашняго хозяйства, но нѣтъ также и прочнаго, устойчиваго, домашняго хозяйства въ деревнѣ, не связаннаго съ сельско-хозяйственнымъ предпріятіемъ.

Это можетъ частью обусловливаться рѣдкостью населенія,— въ противоположность его концентрации въ городѣ. Возведеніе казармъ съ наемными квартирами здѣсь неумѣстно; мелкій хозяинъ не отдаетъ въ наемъ квартиру, или же занимается этимъ только въ видѣ побочнаго промысла.

Прежде всего бросается въ глаза тѣсная экономическая связь между домашнимъ хозяйствомъ и сельско-хозяйственнымъ производствомъ, именно, въ мелкомъ производствѣ. Последнее въ болышею частію производитъ для непосредственнаго потребленія перваго. Съ другой стороны, отбросы домашняго хозяйства доставляютъ удобреніе и кормъ для скота, а для присмотра за скотомъ требуется постоянное присутствіе приставленныхъ къ этому, лицъ, слѣд., принадлежность ихъ къ домоводству и т. д.

Положеніе наемнаго рабочаго получаетъ при такихъ условіяхъ совсѣмъ иной характеръ въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Совершенно лишенный собственности, наемный рабочій, который имѣетъ свое собственное домашнее хозяйство, представляетъ здѣсь исключительное явленіе. Наемные рабочіе въ крупномъ сельско-хозяйственномъ предпріятіи представляютъ частью членовъ его домашняго хозяйства—батраки и батрачки; поскольку же они имѣютъ собственное домашнее хозяйство, постольку они, вообще, представляютъ самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, ведущихъ хозяйство на собственной или арендной землѣ, которые только часть своего рабочаго времени посвящаютъ наемной работѣ, а другую часть—работѣ на себя.

Своеобразное промежуточное положеніе занимаютъ такъ называемые *Deputant'ы*, получающіе постоянную годовую плату, а кромѣ того — опредѣленные натуральные выдачи и кусокъ земли, равно какъ и жилище въ экономіи, а также «*Instmann'ы*», которые играютъ важную роль въ остъ-эльбскихъ крупныхъ имѣніяхъ въ качествѣ рабочихъ. Они живутъ на хозяйскомъ дворѣ, но въ собственныхъ жилищахъ, и получаютъ въ вознагражденіе за свои работы частью, какъ и *Deputant'ы*, известное количество продуктовъ натурою и кусокъ земли, которую они сами должны обрабатывать, частью плату, но не годовую, какъ *Deputant'ы*, а поденную, или плату по соглашенію.

«Никакой рабочій, совершенно лишенный собственности, не можетъ перейти въ состояніе *Instmann'a*. Прежде всего на-

значенное ему жилище обыкновенно лишено домашней утвари; далѣе, Instmann долженъ доставить необходимыя орудія труда, именно, косу и цѣпъ. Но, прежде всего, вступленіе въ ряды Instmann'овъ, точно такъ же, какъ и вступленіе въ бракъ батрака, предполагаетъ вообще владѣніе коровой, или же одной или нѣсколькими козами, если господа не даютъ ссуды на приобрѣтеніе ихъ. Наконецъ, Instmann долженъ быть также въ состояніи собрать съ отведенной ему земли необходимое количество сѣмянъ, не говоря уже о навозѣ, который онъ долженъ получить отъ своего скота» (Д-ръ Max Weber; «Enquete über die Verhältniss. der Landarb. in Deutschland» III, 13).

Instmann составляетъ промежуточную ступень между батракомъ и арендаторомъ, но большею частью стоитъ ниже наемнаго рабочаго; это—пережитокъ феодальнаго времени, когда землевладѣлецъ не умѣлъ извлекать дохода изъ земли иначе, какъ отдавая ее за извѣстныя повинности. Онъ не можетъ ужиться съ современнымъ капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ и высокой рентой. Напримѣръ, въ Саксоніи (провинціи) культура ренты приводитъ къ исчезновенію класса Instmann'овъ.

Очень близко къ положенію Instmann'a на сѣверо-востокѣ Германіи подходитъ положеніе Heuermann'a на сѣверо-западѣ. «Heuermann'ы»—это семейныя сельско-хозяйственныя рабочіе, которые, получаютъ въ наемъ отъ работодателя жилище и клочекъ земли за умѣренную плату, обыкновенно на половину низшую, чѣмъ нормальная, обычная мѣстная плата, и за это обязаны предоставлять въ распоряженіе патрона свою рабочую силу на извѣстное число дней, различное въ различныхъ областяхъ, «даже въ различныхъ имѣніяхъ,—за умѣренную поденную плату, обыкновенно на половину низшую, чѣмъ нормальная, обычная мѣстная плата» (Д-ръ K. Kärger въ «Die Verhältnisse der Landarbeiter» I, 3). Но и этотъ пережитокъ феодальнаго времени, равно какъ и классъ Instmann'овъ, исчезаетъ.

Наряду съ этими категоріями рабочихъ мы находимъ также и «свободныхъ», лишенныхъ собственности, поденщиковъ, которые нанимаются къ крестьянамъ,—Einlieger'ы, «Losleute», «Heurlinge»,—и продаютъ свою рабочую силу тамъ, гдѣ только находятъ покупателя. Они ближе всего подходятъ къ город-

скому наемному пролетариату, но все же существенно отличаются от него. Они составляют одинъ изъ элементовъ чужого домоводства, а «жизнь подъ чужою крышею всегда, также и въ средѣ крестьянства, является основаніемъ хозяйственной несостоятельности». (Weber, *ibid.*, 38).

Такія условія не благопріятствуютъ прикрѣпленію къ землѣ лишенныхъ собственности рабочихъ. Батракъ по большей части уже съ самаго начала лишень возможности вступить въ бракъ и зажить своимъ собственнымъ домомъ; при томъ воспитаніе потомства для него нежелательно и затруднительно. Конечно, этимъ не уничтожается половое стремленіе, но оно часто удовлетворяется неестественнымъ образомъ, чтобы избѣжать появленія потомства. Но если природа оказывается сильнѣе всѣхъ искусственныхъ предупредительныхъ мѣръ, то несчастная мать иногда не останавливается передъ преступленіемъ, чтобы только освободить себя отъ плода чрева своего. И она прекрасно знаетъ, зачѣмъ, такъ какъ ни ей, ни ея ребенку не улыбается радостное будущее. Внѣбрачныя дѣти подвергаются самымъ неблагопріятнымъ условіямъ; большая часть ихъ рано умираетъ, а другая, и не малая, населяетъ потомъ каторжныя тюрьмы.

Тамъ, гдѣ господствуютъ еще патріархальныя, натурально-хозяйственныя отношенія, какъ напр., во многихъ крупныхъ крестьянскихъ дворахъ альпійскихъ странъ, тамъ сынъ работницы считается, какъ и она сама, членомъ домохозяйства. Онъ растетъ сверстникомъ дѣтей крестьянина-хозяина, ѣстъ за однимъ столомъ вмѣстѣ съ ними и впервые замѣчаетъ социальное различіе только тогда, когда отправляется на работу; только тогда онъ становится наемнымъ рабочимъ, какъ и его мать.

Но тамъ, гдѣ получили господство товарное производство и отношенія чистаго найма, тамъ ребенокъ у работницы является нежелательнымъ бременемъ, отъ котораго освобождаются при первой же возможности.

Какъ вліяетъ концентрація землевладѣнія на количество внѣбрачныхъ рожденій, показываютъ излѣдованія L. Fisk'a о количествѣ внѣбрачныхъ рожденій въ средѣ баварскаго сельскаго населенія въ его книгѣ «Die bäuerliche Erbfolge im rechtsrheinischen Bayern». «Если мы распредѣлимъ округа, говоритъ онъ на стр. 307, сообразно съ

количествомъ случающихся въ нихъ внѣбрачныхъ рожденій то получимъ слѣдующій небезынтересный результатъ:

Группа		Изъ 100 рожденій внѣбрачныхъ:	Изъ 100 жителей имѣють земельную собственность:
I.	3,4— 5	28,2
»	II.	5,1—10	20,2
»	III.	10,1—15	17,0
»	IV.	15,1—20	15,5
»	V.	20,1—25	13,3
»	VI.	25,1—30	14,9

Не многимъ лучшимъ условія для воспитанія потомства существуютъ и у свободныхъ поденщиковъ, не имѣющихъ собственнаго домохозяйства.

Только въ средѣ собственниковъ (или арендаторовъ) мелкихъ имѣній, которые соединяютъ самостоятельное домохозяйство съ самостоятельнымъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, имѣются наилучшія, для деревни, условія для воспитанія многочисленнаго работоспособнаго потомства. У такихъ собственниковъ имѣется не только достаточное количество рабочей силы для самихъ себя, но и избытокъ ея. Это проявляется или въ томъ, что они сами, какъ Häusler'ы, собственное хозяйство которыхъ не поглащаетъ всѣхъ ихъ силъ, нанимаются поденщиками въ крупныя хозяйства, или же въ томъ, — и это наблюдается у всѣхъ, и Häusler'овъ, и крестьянъ, — что ихъ дѣти представляютъ излишнихъ рабочихъ, которые не находятъ приложенія своимъ силамъ въ семейномъ хозяйствѣ и которые готовы къ услугамъ крупнаго производства въ качествѣ наемныхъ рабочихъ или поденщиковъ.

Эти запасы новой рабочей силы, готовой къ примѣненію въ производствѣ, все болѣе и болѣе сокращаются тамъ, гдѣ развивается крупное производство и вытѣсняется мелкое. Благодаря уменьшенію рожденій въ средѣ крестьянъ, увеличивается площадь земли, занимаемая крупнымъ производствомъ, но сокращается количество людей, которые должны обрабатывать ее. Одно уже это обстоятельство приводитъ къ тому, что крупное производство, при всемъ своемъ техническомъ превосходствѣ, никогда не можетъ достигъ исключительнаго господства въ какой-либо странѣ. Крупное землевладѣніе можетъ согнать съ земли всѣхъ свободныхъ крестьянъ, но часть ихъ все же будетъ снова торжествовать свое воскресеніе изъ мертвыхъ въ качествѣ мелкихъ арендаторовъ. Даже едиподержавіе

крупнаго землевладѣнія не можетъ привести къ единой державѣ крупнаго производства.

Даже въ Великобританіи было въ 1895 г. изъ 520.106 фермъ не менѣе 117.968 съ площадью менѣе 5 акровъ, 149,918 занимали отъ 5—20 акр. и 185,663—отъ 20—50 акровъ; слѣдовательно, мелкія хозяйства составляли крупное большинство.

Тамъ, гдѣ мелкое производство подвергалось значительному вытѣсненію, крупное производство становится все менѣе доходнымъ и начинаетъ падать. Такого рода явленіе часто наблюдается нынѣ; оно побуждаетъ цѣлый рядъ выдающихся теоретиковъ сельскаго хозяйства возвѣщать о «близкомъ концѣ крупнаго сельскохозяйственнаго производства». Но это значитъ выплескивать вмѣстѣ съ водой и ребенка. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ недостатокъ въ рабочей силѣ приводитъ къ паденію крупнаго производства и къ увеличенію количества мелкихъ хозяйствъ или такимъ путемъ, что крупный землевладѣлецъ или крупный крестьянинъ раздробляютъ часть своего имѣнія, чтобы отдѣльные клочки его продать или сдать въ аренду мелкимъ хозяевамъ, или такимъ путемъ, что всѣ крупныя владѣнія добровольно продаются или закладываются и разбиваются на мелкія владѣнія.

Но какъ вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ, такъ и обратный процессъ сами себѣ ставятъ границы. По мѣрѣ того, какъ растетъ количество мелкихъ сельскихъ хозяевъ наряду съ крупными, увеличивается также и количество рабочей силы, которая оказывается въ распоряженіи крупнаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и жизнеспособность послѣдняго, и его превосходство надъ мелкимъ производствомъ. Тамъ, гдѣ наряду съ хозяйствомъ возникаетъ много мелкихъ хозяйствъ, должна снова появиться тенденція крупнаго производства къ развитію, разумѣется, поскольку не оказываютъ противодѣйствія нарушающіе моменты, напр., перенесеніе въ деревню крупной индустріи. Отъ капиталистическаго способа производства мы такъ же мало можемъ ожидать конца крупнаго сельскаго хозяйства, какъ и конца мелкаго.

Это вовсе не противорѣчитъ «догмѣ Маркса». Марксъ рано призналъ это. Въ 4 № журнала «Neue Rheinische Zeitung» (1850) онъ разобралъ сочиненіе Эмиля де Жирандена: «Le Socialisme et l'impôt»; въ послѣднемъ предлагался налогъ на

капиталь, который, между прочимъ, «отвлекъ-бы капиталы отъ малодоходной земли къ болѣе доходной промышленности, вызвалъ-бы паденіе цѣнъ на землю, концентрацію земельной собственности, пересадилъ-бы во Францію крупное англійское хозяйство и вмѣстѣ съ нимъ всю развитую англійскую индустрію. На это Марксъ возражаетъ, что «англійская концентрація и англійское земледѣліе возникли не благодаря отвлеченію капитала отъ земли, но, напротивъ, благодаря привлеченію промышленнаго капитала къ земледѣлію», и продолжаетъ: «далѣе, концентрація земельной собственности въ Англии смела совершенно цѣлыя поколѣнія. Та-же концентрація, которой, конечно, способствовалъ-бы налогъ на капиталъ, благодаря ускоренному разоренію крестьянъ, во Франціи погнала-бы эти большія массы крестьянъ въ города и сдѣлала-бы революцію тѣмъ неизбѣжнѣе. Наконецъ, если во Франціи уже начался поворотъ отъ раздробленія къ концентраціи, то въ Англии крупное землевладѣніе идетъ гигантскими шагами по прежнему пути къ раздробленію, непреложно доказывая, что *земледѣліе должно постоянно вращаться въ этомъ кругу концентраціи и раздробленія земли, пока вообще существуютъ буржуазныя отношенія*».

Это круговращеніе является, конечно, вовсе не столь быстрымъ и рѣзкимъ, какъ утверждалъ Марксъ въ 1850 г., когда онъ считался еще съ энергіей и темпомъ быстрого революціоннаго развитія; открытія техники и науки дозволили тенденціи къ увеличенію хозяйствъ просуществовать дольше, чѣмъ ожидалъ Марксъ; она остановилась только недавно. Съ другой стороны, развились противоположныя тенденціи, съ которыми мы еще познакомимся и которыя противодействуютъ концентраціи раздробленной земельной собственности.

Но *тенденція*, на которую указалъ Марксъ существуетъ и является всюду, гдѣ концентрація или раздробленіе перешли извѣстную мѣру.

Многимъ буржуазнымъ экономистамъ смѣшеніе въ земледѣліи крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ кажется желательнымъ состояніемъ. За совершенное вытѣсненіе крупнаго хозяйства мелкимъ ратуютъ только немногіе мелкобуржуазные демократы и социалисты. «Уже Фридрихъ Листъ и послѣ него ф. Шютцъ, ф. Руморъ, Бернгарди, Гамсенъ, Рошеръ и многіе другіе высказали, что при данныхъ условіяхъ—господствѣ частной собственности и системѣ свободной конкуренціи—идеаль распре-

дѣленія нормальной собственности состоитъ въ правильномъ смѣшеніи крупныхъ, среднихъ и мелкихъ владѣній, при которомъ крупныя владѣнія составляли-бы вершину пирамиды, а мелкія основаніе ея» (*A. v. Młaskowski, Das Erbrecht und die Grundeigenthumsvertheilung im Deutschen Reich, 108*). Въ подобномъ же духѣ высказался недавно Бухенбергеръ въ своемъ новомъ сочиненіи «*Grundzüge der Agrarpolitik*». Крупное землевладѣніе, говорятъ всѣ эти экономисты, необходимо какъ носитель технического прогресса и рациональной культуры. Крупный крестьянинъ представляется желательнымъ, главнымъ образомъ, по политическимъ соображеніямъ—онъ, а не мелкій крестьянинъ есть оплотъ частной собственности; притомъ его хозяйство далеко выше хозяйства мелкаго крестьянина. Послѣдній же нуженъ какъ поставщикъ рабочей силы. Повсюду, гдѣ крупное хозяйство слишкомъ вытѣсняетъ мелкія, дальновидные консервативные политики и крупные землевладѣльцы въ настоящее время стремятся даже къ тому, чтобы снова увеличить число послѣднихъ при помощи государственныхъ и частныхъ мѣропріятій.

«Во всѣхъ европейскихъ странахъ, съ сильно развитымъ крупнымъ землевладѣніемъ», пишетъ Зерингъ въ *Handwörterbuch des Staatswissenschaften* (1 Supplementband), съ недавнихъ поръ, подъ давленіемъ промышленныхъ превратностей, чрезмѣрнаго выселенія сельскихъ рабочихъ въ промышленные округа, сельскохозяйственнаго кризиса и задолженности, возникаетъ сильное движеніе, которое стремится планомѣрнымъ основаніемъ новыхъ и увеличеніемъ слишкомъ мелкихъ старыхъ крестьянскихъ владѣній умножить сельское среднее сословіе, а сельскихъ рабочихъ сдѣлать осѣдлыми, надѣляя ихъ землей. Германія, Англія и Россія издали почти одновременно соотвѣтствующіе законы; въ Италіи и Венгріи вопросъ стоитъ на очереди».

Для Пруссіи сюда относятся законы 1886 г., о поощреніи нѣмецкой колонизаціи въ Познани и Восточной Пруссіи, и 1890 и 1891 гг., объ образованіи рентныхъ имѣній съ помощью государственнаго кредита и государственной власти. «Можно принять», говоритъ Зерингъ объ успѣхахъ этого законодательства, «что благодаря образованію рентныхъ имѣній уже вернулась къ крестьянскому сословію площадь, равная той, какую оно потеряло въ теченіе этого столѣтія путемъ

свободнаго отчужденія въ пользу крупнаго землевладѣнія (въ шести восточныхъ провинціяхъ, круглымъ счетомъ, 100.000 гектаровъ)».

Это искусственное созданіе мелкихъ хозяйствъ не было навязано крупному землевладѣнію противъ его воли. Нѣтъ, оно—дѣло правительства и парламента, сердцу которыхъ нѣтъ ничего ближе, чѣмъ благосостояніе юнкерства.

«Крупный землевладѣлецъ, говоритъ ф. Гольцъ, получаетъ наибольшій валовой и чистый доходъ тамъ, гдѣ *имѣетъ вокругъ себя въ большомъ количествѣ* мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, которые *снабжаютъ его рабочей силой* и представляютъ вѣрныхъ покупателей произведенныхъ имъ въ избыткѣ продуктовъ» (Handbuch der Landwirthschaft, I, 649).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что объ исчезновеніи и совершенномъ вытѣсненіи въ современномъ обществѣ мелкаго землевладѣнія крупнымъ не можетъ быть рѣчи. Мы видѣли, что тамъ, гдѣ концентрація землевладѣнія зашла слишкомъ далеко, является тенденція къ раздробленію, и что государство и сами крупные землевладѣльцы помогаютъ ей, если она натывается на слишкомъ большія препятствія.

Но именно эти усилія крупнаго землевладѣнія и показываютъ намъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, по которому сохраненіе мелкаго хозяйства есть результатъ его болѣе устойчивости сравнительно съ крупнымъ. Сохраненіе мелкаго хозяйства есть скорѣе результатъ того, что оно *перестаетъ* быть конкурентомъ крупнаго, что съ нимъ перестаютъ считаться какъ съ продавцемъ тѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которые рядомъ съ нимъ производитъ крупное хозяйство. Последнюю роль оно перестаетъ играть тамъ, гдѣ рядомъ съ нимъ развивается капиталистическое крупное хозяйство. Тутъ оно превращается изъ *продавца* въ *покупателя* продуктовъ, которые крупное хозяйство «производитъ въ избыткѣ»; товаръ же, который оно само производитъ въ избыткѣ, есть именно то средство производства, въ которомъ особенно нуждается крупное хозяйство,—*рабочая сила*.

Гдѣ дѣло дошло до этого, тамъ крупное и мелкое сельское хозяйство не исключаютъ другъ друга,—они обуславливаютъ другъ друга, какъ *капиталистъ* и *пролетарій*,—и сельскій мелкій хозяинъ принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ послѣдняго.

VIII. Пролетаризація крестьянина.

а) Тенденція къ раздробленію земли.

Мы уже указывали во второй главѣ, что разрушеніе крестьянской индустрии, имѣющей цѣлью собственное потребленіе, заставляетъ тѣхъ крестьянъ, которые производятъ жизненныхъ средствъ самое большее столько, сколько нужно имъ и ихъ семьямъ, но ни въ какомъ случаѣ не въ избыткѣ, искать побочнаго заработка. Мелкій крестьянинъ имѣетъ для того и необходимое время, такъ какъ собственное сельское хозяйство лишь порою требуетъ всей его рабочей силы. Потребность въ деньгахъ онъ удовлетворяетъ продажей избытка не въ продуктахъ, но избытка рабочей силы. На *товарномъ рынкѣ* онъ выступаетъ въ томъ же видѣ, какъ и лишенный собственности пролетарій. Какъ землевладѣлецъ, какъ производитель на своей землѣ жизненныхъ средствъ, онъ работаетъ не на рынокъ, но на собственное домохозяйство, съ которымъ, какъ мы видѣли, тѣснѣйшимъ образомъ связана его хозяйственная дѣятельность.

Но къ домохозяйству не примѣнимы законы конкуренціи. Какъ-бы ни превосходило крупное домохозяйство мелкое, какую-бы растрату рабочей силы ни приносило съ собою послѣднее, мы нигдѣ не видимъ и слѣда тенденціи, къ замѣщенію многихъ малыхъ домохозяйствъ немногими большими.

Конечно, и домохозяйство не остается нетронутымъ экономическимъ развитіемъ, но послѣднее здѣсь проявляется только въ томъ, что одна функція за другою отдѣляются отъ домохозяйства и становятся самостоятельными отраслями производства. Этимъ путемъ число работъ въ домохозяйствѣ видимо уменьшается, а вмѣстѣ съ нимъ и число *работниковъ*. Поскольку замѣчается эволюція въ величинѣ домохозяйства, она совершается въ направленіи прямо противоположномъ эволюціи товарнаго производства—отъ крупнаго хозяйства къ мелкому.

Крупныя крестьянскія домохозяйства мы находимъ въ средніе вѣка и теперь еще у народовъ, сельское хозяйство которыхъ находится на ступени средневѣковаго, напимѣръ, у южныхъ и восточныхъ славянъ.

Если сельское хозяйство мелкаго крестьянина находится внѣ области товарнаго производства, если оно составляетъ только домохозяйство, то оно остается и внѣ сферы дѣйствія

централизующихъ тенденцій современнаго способа производства. Какъ бы нераціонально и убыточно ни было его клочковое хозяйство, онъ твердо держится за него, какъ его жена за свое жалкое домохозяйство, въ которомъ при величайшихъ затратахъ рабочей силы получаютъ безконечно скудные результаты, но которые составляютъ единственную область, гдѣ они не подчиняются чужой волѣ и свободны отъ эксплуатаціи.

Но чѣмъ болѣе подвигается экономическое развитіе, тѣмъ болѣе растутъ потребность крестьянина въ деньгахъ и требованія, предъявляемыя къ его кошельку государствомъ и общиной. Чѣмъ важнѣе становится для мелкаго крестьянина добычаніе денегъ, тѣмъ болѣе побочный заработокъ выступаетъ для него на первый планъ, и тѣмъ болѣе онъ запускаетъ свое сельское хозяйство. Какъ наемный трудъ женщины въ промышленности приводитъ къ задержкѣ, но не къ прекращенію ея хозяйства, такъ и наемный трудъ или капиталистически эксплуатируемая домашняя промышленность мелкаго крестьянина. Его сельское хозяйство становится слишкомъ большимъ для него, и онъ видитъ себя вынужденнымъ уменьшить его.

Онъ легко находитъ и покупателя для лишнихъ клочковъ.

Гдѣ преобладаетъ сильное крестьянское сословіе, тамъ оно регулируетъ населеніе, и это качество вмѣстѣ съ солдатскимъ смиреніемъ и консервативнымъ настроеніемъ—одно изъ важнѣйшихъ, среди тѣхъ, за которыя имъ такъ дорожатъ буржуазныя экономисты и политики. Оно оказывается весьма приспособленнымъ для произведенія и воспитанія многочисленнаго потомства; гдѣ нужны рабочія руки и солдаты, оно неопцнимо. Но оно можетъ и наложить узду на приростъ населенія и радуется тѣмъ сердца мальгузіанцевъ; гдѣ господствуетъ одно крестьянское хозяйство и нѣтъ заработковъ на сторонѣ, тамъ уже ограниченность земли заставляетъ ограничивать количество потомства. Это осуществляется при такъ называемой системѣ двухъ дѣтей (*Zweikindersystem*), передачею наслѣдства одному только наслѣднику, невозможностью для остальнаго потомства стать самостоятельнымъ, завести собственное хозяйство и произвести законное, честное потомство.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ является возможность заработка внѣ собственно земледѣльческаго хозяйства. Вмѣстѣ съ условіями существованія и приростъ насе-

ленія здѣсь становится болѣе пролетарскимъ; возможности жить больше, и каждый ребенокъ при такихъ обстоятельствахъ приносить съ собою на свѣтъ свое важнѣйшее наслѣдіе—свои руки. Населеніе быстро растетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и спросъ на землю, не какъ на средство производства для продажи, а какъ на основу сельско-хозяйственнаго домоводства. Если существованіе стороннихъ заработковъ дѣлаетъ возможнымъ и даже вынуждаетъ измелчваніе отдѣльныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, дѣлая тѣмъ возможнымъ одновременное существованіе большого числа мелкихъ хозяйствъ, то съ другой стороны, оно производитъ и быстрый приростъ населенія, который стремится къ уничтоженію такихъ хозяйствъ.

Вмѣсто централизаціи здѣсь требуется раздробленіе. При такихъ обстоятельствахъ дѣло можетъ дойти даже до раздробленія крупныхъ хозяйствъ.

Въ пятой главѣ мы видѣли, что цѣна куска земли, служащаго капиталистическому товарному производству, опредѣляется высотой его земельной ренты. Уплатить за него болѣе капиталистическій предприниматель не можетъ, не то его прибыль спустится ниже обычнаго уровня. Конкуренція вообще не можетъ поднять цѣны выше этой нормы. Соображеній не-экономическаго характера, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ поднимаютъ цѣну имѣнія выше капитализированной земельной ренты, здѣсь мы не принимаемъ въ расчетъ.

Иное дѣло крестьянинъ, который хотя и продаетъ сельско-хозяйственные продукты, но не нуждается, или въ очень малой степени нуждается въ наемныхъ рабочихъ, который не капиталистъ, но простой товаро-производитель. Онъ самъ работникъ, живетъ доходомъ не отъ своей собственности, но отъ своего труда, и его образъ жизни—образъ жизни наемнаго рабочаго. Ему нужна земля какъ средство зарабатывать своимъ трудомъ пропитаніе, а не какъ средство получать прибыль или земельную ренту; онъ можетъ существовать, хотя бы выручка за продукты оставляла ему, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, лишь заработную плату. Онъ можетъ отказаться отъ прибыли и поземельной ренты. Поэтому, земледѣлецъ на ступени простого товарнаго производства можетъ платить за землю дороже, чѣмъ, при равенствѣ прочихъ условій, на ступени капиталистическаго производства. Такой расчетъ, конечно,

иногда может поставить крестьянина в тиски, особенно тогда, когда онъ сохрываетъ привычку простого товаропроизводителя—платить чрезмѣрную цѣну за землю, между тѣмъ какъ, если не формально, то фактически, онъ уже прошелъ ступень простого товарнаго производства и вступилъ на ступень капиталистическаго, конечно, не какъ капиталистическій предприниматель, но какъ эксплуатируемый капиталомъ работникъ. Гдѣ крестьянинъ покупаетъ землю, но не расплачивается или не вполне расплачивается за нее, гдѣ на ней остается ипотечный долгъ, тамъ онъ долженъ извлекать изъ своего хозяйства не только заработную плату, но и земельную ренту, тамъ для него, какъ и для капиталистическаго предпринимателя, слишкомъ высокая цѣна земли можетъ быть губельна. Высокія цѣны на землю хороши для сельскаго хозяина только тогда, когда онъ перестаетъ быть сельскимъ хозяиномъ, т. е. продаетъ свое имѣніе. Онъ вреденъ для него, когда онъ обзаводится или когда занимается хозяйствомъ. Наши же аграріи знаютъ только такія средства спасенія стѣсненнаго земледѣлія, которымъ свойственно повышать цѣны на землю. Эти яко-бы патріархальные господа рассчитываютъ не какъ сельскіе хозяева, а какъ земельные спекулянты. Мы еще вернемся къ этому.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ для мелкихъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ сельское хозяйство исключительно или преимущественно есть домохозяйство, а потребность въ деньгахъ удовлетворяется работой у другихъ. Здѣсь всякая связь цѣны земли съ товарнымъ производствомъ, а слѣдовательно, и съ закономъ цѣнности, исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, для покупателя. Для продавца капитализированная рента образуетъ минимальную цѣну земли; покупатель считается только съ своей покупательной силой и, прежде всего, съ своей потребностью. Чѣмъ быстрее приростъ населенія, чѣмъ затруднительнѣе отливъ населенія, чѣмъ безусловно необходима потребность добиться куска земли, какъ основы удовлетворенія жизненныхъ потребностей или соціальной самостоятельности, тѣмъ больше цѣны (а значить и арендныя цѣны), платимыя за землю. Какъ работа въ домохозяйствѣ, такъ и работа въ сельскомъ хозяйствѣ для собственнаго потребленія, не считается расходомъ; она не стоитъ ничего. Все, что обработка земли даетъ домохозяйству, считается чистымъ барышомъ. Вычисленіе денежной цѣнности

продукта и подраздѣленіе ея на заработную плату, процентъ на капиталъ и земельную ренту едва-ли возможно, во всякомъ случаѣ, оно не дѣлается, такъ какъ деньги въ хозяйствѣ этого рода, не играютъ никакой роли.

Что мелкія имѣнія сравнительно дороже крупныхъ,—явленіе извѣстное. Въ своей, уже упомянутой выше, (стр. 103) статьѣ объ ипотечной задолженности въ Пруссіи (Thiels landw. Jahrb. 1885) Мейценъ замѣчаетъ, что цѣна крупной земельной собственности превышала величину поземельнаго налога съ чистаго дохода въ 52 раза, крестьянскихъ дворовъ въ 65 разъ и мелкокрестьянскихъ кусковъ въ 78 разъ.

Нѣкоторые сторонники мелкаго землевладѣнія приводили это повышеніе цѣнъ земли въ доказательство того, что въ земледѣліи мелкое хозяйство стоитъ выше крупнаго. Но даже среди величайшихъ почитателей мелкаго хозяйства никто не говоритъ серьезно о превосходствѣ карликоваго владѣнія надъ среднимъ, а это превосходство должно-бы существовать, будь болѣе высокая цѣна земли результатомъ болѣе высокой ея производительности.

Болѣе высокая цѣна земли мелкихъ имѣній находитъ себѣ аналогію въ городахъ, гдѣ, какъ извѣстно, квартиры, сравнительно съ кубической емкостью, тѣмъ дороже, чѣмъ меньше. К. Бюхеръ установилъ это явленіе для Базеля, послѣ того какъ на него указали уже Исидоръ Зингеръ и др. Тамъ кубическій метръ жилья стоитъ въ квартирахъ:

Въ 1 комнату	4,04	франка.
» 2 »	3,95	»
» 3 »	3,56	»
» 5 »	3,36	»
» 6 »	3,16	»
» 9 »	3,21	»
» 10 »	2,93	»

Оба явленія—слишкомъ высокая цѣна земли и слишкомъ высокая квартирная плата—сводятся, частью, къ одной и той же причинѣ—сильной нуждѣ тѣхъ, которымъ требуются клочки земли или маленькія квартиры и которые могутъ оказывать монополистамъ земли лишь слабое сопротивленіе; кто сводитъ слишкомъ высокую цѣну малыхъ владѣній къ ихъ болѣе высокой производительности, долженъ-бы слишкомъ высокую цѣну малыхъ квартиръ сводить къ болѣе высокому доходу ихъ обитателей.

Слишкомъ высокая цѣна малыхъ владѣній, естественно, составляетъ сильный мотивъ къ раздѣленію большихъ всюду, гдѣ благопріятно складываются условія прироста населенія и полученія сторонняго заработка внѣ собственнаго сельскаго хозяйства. Раздѣленіе имѣній и дробленіе поземельной собственности могутъ принять здѣсь большіе размѣры.

Чѣмъ мельче земельная собственность, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ стороннимъ заработкамъ; чѣмъ болѣе оно выступаетъ на передній планъ, тѣмъ мельче могутъ быть имѣнія, но за то тѣмъ меньше они могутъ покрывать потребности домохозяйства; тѣмъ болѣе что въ этого рода карликовыхъ имѣніяхъ хозяйство ведется совершенно нераціонально. Недостатокъ скота и инвентаря не допускаетъ рациональной обработки земли, именно, глубокой вспашки; потребности домохозяйства, а не сохраненіе плодородія почвы, опредѣляютъ выборъ воздѣлываемыхъ растеній; недостатокъ скота и денегъ означаетъ также недостатокъ навоза и искусственнаго удобренія. Ко всему этому присоединяется еще недостатокъ человѣческой рабочей силы. Чѣмъ болѣе работа для приобрѣтенія денегъ выступаетъ на передній планъ, а работа дома становится второстепеннымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе лучшихъ рабочихъ силъ семьи поглощаетъ первая, иногда какъ разъ въ то время, когда онѣ особенно нужны въ собственномъ хозяйствѣ, напримѣръ, во время жатвы. Трудъ на собственномъ клочкѣ земли все болѣе и болѣе оставляется женѣ, меньшимъ дѣтямъ, а не то инвалидамъ, старикамъ; отецъ и болѣе взрослые дѣти должны «зарабатывать». Какъ домохозяйство пролетарія означаетъ производство жалчайшаго результата цѣною расточительной траты труда и изнуренія хозяйки, такъ и земледѣліе карликоваго хозяйства, которое стало простымъ придаткомъ домохозяйства.

Его постепенное увеличивающееся измельчаніе и скудость дѣлаютъ его все болѣе и болѣе неспособнымъ покрывать потребности домохозяйства. Доходъ отъ заработковъ долженъ теперь служить не только для уплаты государственныхъ и общинныхъ сборовъ и покупки продуктовъ промышленности или иностраннаго сельскаго хозяйства—кофе, табаку и т. д., но и для покупки туземныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, именно хлѣба; собственное хозяйство снабжаетъ въ обрѣзъ картофелемъ, капустой и зеленью, мясомъ свиньи, молокомъ нѣсколькихъ козъ, или въ счастливомъ случаѣ, коровы, яйцами, но хлѣба даетъ недостаточное количество.

Число такихъ хозяйствъ вовсе не мало. По статистикѣ 1895 г. въ Германіи было 5.558.317 земледѣльческихъ хозяйствъ. Среди нихъ:

менѣе 2	гектаровъ	3.236.397	хозяйствъ=58,22%
отъ 2 до 5	»	1.016.318	» =18,29%
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ			4.251.685 хозяйствъ=76,51%

Если считать, что хозяйства отъ 2 до до 5 гектаровъ производятъ столько хлѣба, сколько потребляютъ сами, а болѣе малыя хозяйства должны прикупать—а это принимается всѣми,—то въ Германской имперіи лишь четверть хозяйствъ заинтересована въ хлѣбныхъ пошлинахъ, а болѣе половины ихъ, болѣе *трехъ четвертей мелкихъ хозяйствъ* вынуждены покупать хлѣбъ, слѣдовательно, терпятъ отъ нихъ прямой вредъ. Это тяжеловѣсный аргументъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ, но онъ показываетъ также, что значительное большинство сельскаго населенія является на товарномъ рынкѣ не *продавцами жизненныхъ средствъ*, но *продавцами рабочей силы и покупателями жизненныхъ средствъ*; мелкія хозяйства перестаютъ выступать *конкурентами* крупнаго; они поощряютъ и поддерживаютъ его, какъ уже было указано, снабжая его рабочей силой и покупая его продукты.

Мы видѣли, что въ 1895 г. 58% земледѣльческихъ хозяйствъ Германіи имѣли менѣе 2 гектаровъ, другими словами, были слишкомъ малы, чтобы прокормить своихъ владѣльцевъ. Съ этимъ согласуется тотъ фактъ, что по статистикѣ профессій 1895 г. въ земледѣліи въ собственномъ смыслѣ (безъ садоводства, скотоводства, лѣсоводства и рыболовства— послѣднее почему то отнесено къ земледѣлію) число самостоятельныхъ лицъ безъ побочнаго занятія составляло 2.026.374, а съ побочнымъ занятіемъ—504.164. Кромѣ того 2.160.462 лица самостоятельно (т. е. въ собственномъ хозяйствѣ, а не какъ наемные работники) занимались земледѣліемъ въ качествѣ побочнаго занятія. Общее число лицъ, самостоятельно занимавшихся земледѣліемъ въ качествѣ главнаго или побочнаго занятія, составляло 4.691.001 (число всѣхъ занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ 1895 г.—5.556.900); число самостоятельныхъ земледѣльцевъ, которые имѣли еще другую профессию въ качествѣ главнаго или побочнаго занятія, 2.664.626, 56%, слѣдовательно, *болѣе половины* общаго числа (ср. также цифры на стр. 130). Достоинно вниманія также быстрое уве-

личение числа лицъ, занимающихся помимо земледѣлія, какъ главнаго занятія, еще чѣмъ-нибудь, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ профессіяхъ число, имѣющихъ побочное занятіе, уменьшилось.

Имѣли побочное занятіе лица, принадлежащія къ слѣд. профессіямъ.	1882.		1895.	
	Абсолютное число.	0/0 всѣхъ принадлежащ. къ профессіи.	Абсолютное число.	0/0 всѣхъ принадлежащ. къ профессіи.
Земледѣліе	671.404	8,15	1.049.542	12,66
Промышленность	1.693.321	26,47	1.491.865	18,02
Торговля	397.927	25,34	384.104	16,43
Услуженіе	55.960	14,08	31.333	7,24
Армія, госуд. служба, свободныя профессіи	142.218	13,79	115.277	8,08
Безъ профессіи	179.679	13,27	201.335	9,40
Всего	3.140.509	16,54	3.273.456	14,28

Гдѣ сильно увеличивается возможность имѣть сторонній заработокъ внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, тамъ дробленіе имѣній можетъ достигъ невѣроятно высокой степени и преодолѣть, по крайней мѣрѣ, временно, противоположныя тенденціи къ централизаци.

Примѣръ такого рода эволюціи даетъ Бельгія; тамъ насчитывалось:

Х о з я й с т в а .	1846.		1866.		1880.	
	Абсолютн. число.	0/0.	Абсолютн. число.	0/0.	Абсолютн. число.	0/0.
До 2 гектаровъ .	400.517	66,9	527.915	71,1	709.566	78,0
» 2—5 » .	83.384	14,6	111.853	15,1	109.871	12,1
» 5—20 » .	69.322	12,1	82.646	11,1	74.373	8,2
» 20—50 » .	14.998	2,6	15.066	2,0	12.186	1,3
» 50 и выше » .	4.333	0,8	5.527	0,7	3.403	0,4
Всего	572.554	100	743.007	100	909.399	100

Съ 1846 по 1866 г. абсолютное число хозяйствъ всѣхъ разрядовъ увеличилось, но увеличеніе числа болѣе малыхъ шло быстрѣе числа болѣе большихъ. Съ 1866 до 1880 г., напротивъ, уменьшилось число хозяйствъ всѣхъ разрядовъ, *кромѣ самыхъ малыхъ*, гдѣ не можетъ быть рѣчи о самостоятельномъ земледѣліи. Именно въ хозяйствахъ этого разряда уменьшеніе средней величины всего менѣе можетъ быть приписано повышенію интенсивности хозяйства, но преимущественно растущему раздробленію земельной собственности и увеличенію стороннихъ заработковъ.

Почти четыре пятыхъ земледѣльческихъ хозяйствъ Бельгіи суть *карликовыя хозяйства*, владѣльцы которыхъ вынуждены продавать свой трудъ или прибѣгать къ побочнымъ занятіямъ и не могутъ считаться производящими жизненныя средства на рынокъ. Абсолютное число ихъ съ 1846 года почти удвоилось, въ то время какъ число болѣе крупныхъ хозяйствъ (выше 20 гектаровъ) съ того времени значительно уменьшилось. Имѣютъ ли почитатели крестьянства причины особенно восхищаться такого рода эволюціей?— Не всюду эволюція совершается въ этомъ направленіи. Чрезмѣрное дробленіе мелкихъ хозяйствъ предполагаетъ существованіе заработковъ внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Гдѣ такой заработокъ даетъ только крупное сельское хозяйство, тамъ дробленіе имѣетъ свои границы, когда начинаетъ ограничивать послѣднее. Помимо этого, дробленіе мелкаго землевладѣнія служить, какъ мы видѣли, поддержкой крупному хозяйству. Такимъ образомъ можетъ случиться, что мельчайшее и крупное хозяйство *растутъ одновременно*, не только тамъ, гдѣ расширяется культурная площадь, но и тамъ гдѣ, это расширеніе невозможно. Тамъ дробленіе совершается на счетъ *средняго хозяйства*.

Такова, въ общемъ, эволюція во Франціи. Тамъ, какъ показываютъ приведенныя на стр. 150 данныя, крупныя и мелкія хозяйства одновременно увеличиваются въ числѣ, среднія же уменьшаются. Въ Германіи раньше была весьма замѣтна такая тенденція. Въ 1882 г. Мясковскій пришелъ къ заключенію, что въ наше время сильное увеличеніе движимаго капитала въ связи съ другими моментами ведетъ, съ одной стороны, къ увеличенію и округленію, а съ другой— снова къ дробленію и измельчанію поземельной собственности. «Конечно, на первый взглядъ эти обѣ одновременно наблюдаемыя тен-

денци кажутся исключаящими одна другую; но при болѣе близкомъ разсмотрѣннн это кажущееся противорѣчн разрѣшается въ полную гармоню, такъ какъ приходится на различные періоды или на разныя части Германн; тамъ же, гдѣ наблюдаются онѣ одновременно, питаются на счетъ средняго землевладѣнн.

«Въ то время какъ процессъ агломерацин совершается преимущественно, если и не исключительно, на сѣверѣ и северо-востокѣ Германн, дробленн имѣннн ограничено югомъ и юго-востокомъ, хотя мѣстами встрѣчается и въ другихъ областяхъ.

«Общее обѣимъ противоположнымъ, приходящимся на различныя области, тенденцнмъ то, что увеличенн землевладѣнн здѣсь и измельчанн тамъ совершается главнымъ образомъ на счетъ средняго землевладѣнн. Последнее, тѣснимо съ двухъ сторонъ» «Das Erbrecht», 130, 131).

Что крупное и мелкое землевладѣнн одновременно растутъ на счетъ средняго, показываютъ слѣдующнн цифры для Прусснн, которыя мы беремъ у Зеринга («Die innere Kolonisation»). Онѣ относятся къ восточнымъ провинцнмъ (Прусснн, Померанн, Бранденбургу, Познанн, Силезнн), а также къ Вестфалнн и Саксоннн. Съ 1816 до 1859 года крестьянскихъ хозяйствъ:

	УБЫЛО.		Болѣе утрачено, чѣмъ прнобрѣтено путемъ свободн. отчужденн.				ВСЕГО.	
			Мелкимъ зем- левладѣннмъ.		Крупнымъ зем- левладѣннмъ.			
	Абсо- лютное число.	0/0.	Моргены.	0/0.	Моргены.	0/0.	Моргены.	0/0.
Восточныя про- винцн	6.880	2,50	1 110.233	4,2	417.123	1,6	1.527.356	5,8
Вестфалнн . .	810	2,25	95.274	2,6	21.124	0,6	116.398	3,2
Саксоннн . . .	2.183	5,30	87.474	2,3	30.413	0,8	117.887	3,1
Всего	9.873	2,80	1.292.981	3,7	468.660	1,4	1.761.641	5,1

За время отъ 1860 до 1864 г. свѣдѣннн о движеннн земли нѣтъ.

По собраннымъ за 1865—1867 г.г. таковыя приобрѣли (+) или потеряли (—):

	Рыцарскія имѣнія.		Имѣнія.		Мелкое землевладѣніе.	
	Куски.	Моргены.	Куски.	Моргены.	Куски.	Моргены.
Вост. провинціи . . .	+4	+ 81	—102	—178.746	+16.320	+167.130
Вестафалія	0	+5510	—404	— 28.289	+ 1.904	+ 20.899
Саксонія	—1	+8206	—295	— 17.889	+ 2.082	+ 13.477

Кромѣ того нѣсколько тысячъ моргеновъ отошло къ городамъ или обращено на общественныя надобности. И здѣсь поплатилось среднее крестьянство.

Въ новѣйшее время вытѣсненіе средняго землевладѣнія путемъ дробленія и округленія въ Германіи, конечно, прекратилось. Съ 1882 до 1895 г. именно среднія крестьянскія владѣнія (отъ 5 до 20 гектаровъ) приобрѣли всего болѣе (560.000 гектаровъ), какъ показываетъ приведенная выше (стр. 150) таблица. Но не справедливо было-бы заключать изъ этого, что теперь наступилъ противоположный прогрессъ, и среднее крестьянское хозяйство вытѣсняетъ карликовое и крупное хозяйство. Совсѣмъ иные результаты получатся, если отдѣлить хозяйства тѣхъ порядковъ, которые показываютъ рѣшительное движеніе, отъ тѣхъ, въ которыхъ не замѣчается замѣтныхъ перемѣнъ. Считалось хозяйствъ:

	1882.	1895.	Приростъ абсолютный.	Убыль въ 0/0.
Менѣе 1 гектара	2.323.316	2.529.132	+205.816	+ 8,8
» 1—5 »	1.719.922	1.723.553	+ 3.631	+ 0,2
» 5—20 »	926.605	998.804	+ 72.199	+ 7,8
» 20—1000 »	305.986	306.256	+ 270	+ 0,0
Болѣе 1000 »	515	572	+ 57	+11,0
Всего	5.276.344	5.558.317	+281.317	+ 5,3

Мы видимъ сильный приростъ хозяйствъ отъ 5 до 20 гектаровъ, но еще большій 0/0 прироста *самыхъ крупныхъ* и *самыхъ мелкихъ*; хозяйства промежуточныхъ величинъ едва увеличились въ числѣ; сравнительно съ повысившейся суммой они пошли на убыль.

То обстоятельство, что одновременно могли увеличиваться въ числѣ самыя мелкія, самыя крупныя и среднія хозяйства, объясняется частью расширеніемъ сельско-хозяйственной площади, частью потерями хозяйствъ промежуточныхъ величинъ. Занимали сельско-хозяйственной площади (въ гектарахъ):

Х о з я й с т в а	1 8 8 2.	1 8 9 5.	Приростъ или убыль.
Мѣнѣе 1 гектара	777.958	810.641	+ 32.683
» 1—5 »	4.238.183	4.283.787	+ 45.604
» 5—20 »	9.158.398	9.721.875	+ 563.477
» 20—1000 »	16.986.101	16.802.115	— 86.809
Болѣе 1000 »	708.101	802.115	+ 94.014
Всѣ вмѣстѣ	31.868.972	32.517.941	+ 648.969

Уменьшеніе площади, занятой хозяйствами отъ 20 до 1000 гектаровъ, которое, впрочемъ, болѣе чѣмъ возмѣщается увеличеніемъ площади, занятой хозяйствами свыше 1000 гектаровъ, происходитъ не отъ упадка крупнаго хозяйства, но отъ его интенсификаціи. До 70-хъ годовъ девизомъ крупныхъ земле-владѣльцевъ было: *болѣе земли!* теперь имъ стало: *болѣе капита-ла!* А это, какъ мы уже знаемъ, часто означаетъ даже сокращеніе земли, если не обращать вниманія на латифундіи. Выше (стр. 50) мы видѣли, что съ 1879 до 1897 г. число сельско-хозяйственныхъ паровыхъ машинъ въ Пруссіи упятилось. Съ другой стороны, значительно возросло за тотъ же періодъ (1882—1895) и число сельско-хозяйствен-ныхъ служащихъ, которые въ Германіи употребляются только въ крупномъ хозяйствѣ (управляющихъ, инспекторовъ, надзи-рателей, бухгалтеровъ и пр.), поднявшись съ 45.465 до 76.978, на 62%. Мимоходомъ отмѣтимъ особенно быстрое увеличеніе числа женщинъ, занятыхъ въ сельско-хозяйственной админи-страціи и счетоводствѣ. Въ 1882 г. ихъ было 5875, 12% об-щаго числа служащихъ, въ 1895 же году 18507, 23,4%.

Все это показываетъ, насколько крупное сельское хозяй-ство стало съ 80-хъ г.г. болѣе интенсивнымъ и болѣе капита-листическимъ.

Объясненіе тому, почему рядомъ съ этимъ именно средне-крестьянскія хозяева приобрѣли такъ много земли, мы дадимъ въ слѣдующей главѣ.

Здѣсь насъ интересуетъ тотъ фактъ, что пролетаризація сельскаго населенія подвигается и въ Германіи такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, не смотря на то, что здѣсь перестала дѣйствовать тенденція къ парцеляціи среднихъ имѣній. Съ 1882 до 1895 г. число всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ увеличилось на 281.000, но большая часть этого увеличе-нія приходится на пролетарскія хозяйства, меньшія 1 гектара; число ихъ увеличилось на 206.000.

Какъ видитъ читатель, движеніе земледѣлія совершенно своеобразно, совершенно отлично отъ движенія промышленнаго и торговаго капитала. Въ предыдущей главѣ мы указывали на то, что въ земледѣліи тенденція къ централизаціи хозяйствъ не приводитъ къ полному уничтоженію мелкаго хозяйства, но что она тамъ, гдѣ зашла слишкомъ далеко, порождаетъ противоположную тенденцію; что тенденція къ централизаціи и тенденція къ раздробленію переходятъ одна въ другую. Теперь мы видимъ, что обѣ тенденціи могутъ дѣйствовать рядомъ. Растетъ число мелкихъ хозяйствъ, владѣльцы которыхъ являются на товарномъ рынкѣ *пролетаріями*, продавцами рабочей силы, землевладѣніе которыхъ имѣетъ значеніе лишь внѣ области товарнаго производства, въ области производства на домохозяйство. Эти мелкіе сельскіе хозяева имѣютъ на товарномъ рынкѣ, въ качествѣ продавцевъ рабочей силы, одинаковые интересы съ промышленнымъ пролетаріатомъ, не становясь во враждебное положеніе къ нему изъ-за своего землевладѣнія. Хотя землевладѣніе и избавляетъ болѣе или менѣе хозяйничающаго на клочкѣ крестьянина отъ власти торговца жизненными припасами, но не избавляетъ его отъ эксплуатаціи со стороны капиталистическаго предпринимателя, будь-ли послѣднимъ промышленникъ или сельскій хозяинъ.

Гдѣ достигнута эта ступень, тамъ увеличеніе числа мелкихъ сельскихъ хозяйствъ становится лишь особой формой прироста пролетарскихъ домохозяйствъ, который идетъ рука объ руку съ ростомъ капиталистическаго крупнаго хозяйства.

б) *Формы крестьянскихъ побочныхъ занятій.*

Форма побочнаго заработка, которая всего ближе мелкому сельскому хозяину, есть *наемъ на сельско-хозяйственныя работы*. Его мы встрѣчаемъ уже въ феодальный періодъ тамъ, гдѣ неравенство въ деревнѣ дошло до такой степени, что имѣнія, съ одной стороны, слишкомъ измельчали, чтобы быть достаточными для пропитанія ихъ владѣльцевъ, а съ другой слишкомъ увеличились, чтобы для обработки земли хватало рабочихъ силъ крестьянской семьи.

Современный трудъ мелкаго крестьянина въ крупныхъ имѣніяхъ находитъ себѣ аналогію въ феодальныхъ повинно-

стяхъ, въ силу которыхъ крестьяне нѣкогда были обязаны извѣстное число дней въ году отдавать имѣнію землевладѣльца. Натурально, крестьянину всего желательнѣе побочное занятіе въ то время, когда нѣтъ сельско-хозяйственныхъ работъ, зимою. Такое занятіе онъ находитъ прежде всего тамъ, гдѣ вблизи много лѣсовъ, которые зимою требуютъ много рабочихъ рукъ для рубки и перевозки. Но обширные лѣса существуютъ не всюду, и даваемый ими заработокъ не всегда достаточенъ для покрытія нужды мелкаго крестьянина въ деньгахъ; онъ долженъ искать сельскохозяйственной работы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Потребность сельскаго хозяйства въ рабочихъ рукахъ весьма измѣнчива; порою, именно, во время жатвы, постоянного штата крупному имѣнію недостаточно, оно нуждается въ добавочныхъ рабочихъ. Но это время, когда мелкій крестьянинъ всего легче находитъ себѣ побочный сельско-хозяйственный заработокъ, какъ разъ то, когда онъ особенно нуженъ собственному хозяйству. Нужда въ деньгахъ заставляетъ его запускать собственное хозяйство, которое и безъ того уже ведется крайне нерационально вслѣдствіе своего малаго размѣра и недостатка средствъ. Онъ долженъ оставить сельско-хозяйственныя работы въ собственномъ хозяйствѣ женѣ, а не то и дѣтямъ, если ихъ возрастъ позволяетъ это, и можетъ въ лучшемъ случаѣ посвящать ему кануны праздниковъ и воскресные дни.

Не слѣдуетъ представлять себѣ хозяйства, прибѣгающія такимъ образомъ къ побочнымъ заработкамъ, непременно карликовыми. Кергеръ, напримѣръ, сообщаетъ о Вестфалии (округа Цесфельдъ, Боркенъ, Реклингсгаузенъ и пр.): «Собственная или арендуемая земля (вольныхъ поденщиковъ) колеблется между 1—5, большею же частью между 1—3 гектарами. Кто имѣетъ болѣе 5 гектаровъ—въ отдѣльныхъ случаяхъ болѣе 3 гектаровъ,—обыкновенно не нанимается на поденную работу, но живетъ своимъ хозяйствомъ. Однако въ одномъ сообщеніи размѣръ владѣній поденщиковъ показанъ до 6, въ другомъ даже до 8 гектаровъ». Это зависитъ, конечно, отъ производительности земли. («Verhältnisse der Landarbeiter», I, 126).

Объ административномъ округѣ Оснабрюкѣ онъ же сообщаетъ, что хозяйство наемника тамъ обыкновенно заключаетъ: избу и хозяйственныя постройки съ хлѣвами для трехъ коровъ и нѣсколькихъ свиней и овецъ; огородъ въ 10—15 аровъ, пахотной земли около 2 гектаровъ, луга $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ гек-

тара, долю въ общинномъ выгонѣ въ 1 гектаръ и право брать дрова изъ лѣса марки на площади въ 1¹/₂—2 гектара (тамъ же, 64).

Хозяйство съ тремя коровами и нѣсколькими свиньями и овцами можетъ считаться уже довольно порядочнымъ. И однако его владѣлецъ вынужденъ работать по найму! Но не всюду имѣются вблизи крупныя хозяйства, въ которыхъ можно было-бы имѣть заработокъ. Такія имѣнія часто далеко не считаются конкуррентами, но даже желаются.

Такъ изъ Эйзенахской нагорной страны сообщаютъ: «Основаніе крупнаго имѣнія, благодаря весьма недавней покупкѣ требуемой площади, и проектируемое устройство сахарнаго завода вблизи Визенталя окажутъ, конечно, благотворное вліяніе на здѣшнее *крестьянское* сословіе... Много поденщиковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ найдутъ хорошій заработокъ». («Bauerliche Zustände», I, 40, 57). Изъ Эйзенахской низменной страны сообщаютъ, что многіе тамошніе собственники имѣютъ менѣе 5 гектаровъ. Ихъ положеніе незавидно. «Существующаго крупнаго землевладѣнія (рыцарскія, удѣльныя и пожалованныя имѣнія) недостаточно (12,5⁰/₁₀₀ всей площади), чтобы дать сословію мелкихъ собственниковъ достаточный заработокъ, пользуясь ими какъ поденщиками или прочимъ рабочимъ персоналомъ» (тамъ же, 66).

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ также одну изъ причинъ большой нужды среди мелкаго крестьянства видятъ въ недостаткѣ крупныхъ имѣній. «Въ мѣстностяхъ съ правомъ наследованія *in natura*, говоритъ д-ръ Куно Франкенштейнъ, гдѣ, слѣдовательно, земля дѣлится по числу дѣтей, насколько это еще возможно при малости клочковъ, не существуетъ собственно недостатка рабочихъ рукъ, такъ какъ многіе мелкіе собственники, имѣя всего 5—10 моргеновъ, а то и меньше, предлагаютъ свои услуги... Но спросъ на рабочія руки въ мѣстностяхъ со столь мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, въ особенности, если нѣтъ крупнаго имѣнія, весьма не великъ, такъ что собственники столь мелкихъ батрацкихъ имѣній не имѣютъ возможности использовать свою рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ или нанимаясь на работу. Поэтому положеніе собственниковъ такихъ карликовыхъ хозяйствъ въ большинствѣ случаевъ весьма печально» («Verhältnisse der Landarbeiter», II, 232).

Если въ прошлой главѣ мы познакомились съ мелкимъ хозяйствомъ, какъ опорой крупнаго, то здѣсь видимъ, какъ крупное хозяйство выступаетъ опорой мелкаго.

Благодаря хроническому недоѣданію, гессенскіе мелкіе крестьяне изнурены до того, что не могутъ воспользоваться и тою возможностью заработка, которая еще есть. «Благодаря скудной пищѣ, эти люди совершенно не въ состояніи долго заниматься тяжелой работой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это приводитъ къ тому, что владѣльцы крупныхъ имѣній приглашаютъ *рабочихъ со стороны*, несмотря на то, что и туземныя рабочія руки не могутъ найти примѣненія».

Но это хилое населеніе, слишкомъ слабое для упорнаго земледѣльческаго труда, годится для другихъ занятій, за которыя мелкій крестьянинъ охотно хватается тамъ, гдѣ ему отказываютъ въ земледѣльской работѣ,—для *домашней или кустарной промышленности*.

И ея начало восходитъ къ феодальной эпохѣ. Уже во вступленіи мы указывали на то, что первоначально крестьянинъ одновременно былъ сельскимъ хозяиномъ и промышленникомъ. Только постепенно развитіе городской индустріи заставило его посвятить себя почти исключительно земледѣлію. Но еще долго различныя ремесла остаются въ обычаѣ у крестьянской семьи; гдѣ земледѣліе перестаетъ быть единственнымъ источникомъ пропитанія, тамъ они снова входятъ въ честь. Но не въ формѣ ремесла, работающаго на заказчиковъ. Изолированный крестьянинъ не можетъ конкурировать съ городскимъ ремесломъ, которое располагаетъ болѣе обширнымъ рынкомъ и всѣми удобствами, предоставляемыми городомъ. Сельская индустрія, какъ товарное производство, можетъ развиваться только какъ производство на капиталиста, купца или скупщика, который имѣетъ связь съ далекимъ рынкомъ, недостижимымъ прямо для живущаго въ глуши крестьянина; и только тѣ отрасли могутъ развиваться, для которыхъ достаточно простой ловкости и простыхъ орудій. Прежде всего такая домашняя индустрія развивается тамъ, гдѣ вблизи имѣется сырой матеріалъ—рѣзба по дереву вблизи лѣсовъ, изготовленіе аспидныхъ досокъ и грифелей вблизи шиферныхъ каменоломень, плетеніе корзинъ въ обильныхъ водою, благоприятныхъ для разведенія лозы мѣстностяхъ, мелкая желѣзная индустрія вблизи желѣзныхъ рудъ, и т. д. Но часто достаточно одного существованія множества

праздныхъ и дешевыхъ рабочихъ рукъ, чтобы побудить находчиваго капиталиста къ эксплуатаціи ихъ домашней промышленности; часто самъ онъ доставляетъ сырой матеріаль, напримеръ, хлопчатобумажную или шелковую пряжу для тканья.

Всего лучше развивается сельская кустарная индустрія въ странахъ, гдѣ почва очень скудна и гдѣ въ то же время техническія условія неблагоприятствуютъ крупному земледѣлію, въ особенности тамъ, гдѣ крупному землевладѣнію ставились или ставятся еще и политическія препятствія. Мы находимъ сельскую кустарную промышленность въ горныхъ странахъ: въ Богеміи, на границахъ съ Силезіей и Саксоніей, въ Тюрингенѣ, Таунусѣ, Шварцвальдѣ; но особенно сильно развитой мы находимъ ее въ Швейцаріи—изготовленіе часовъ въ западной, шелковое ткачество въ центральной, вышиваніе въ восточной.

При своемъ началѣ эти домашнія производства часто восторженно привѣтствовались. Основатели ихъ считались благодѣтелями бѣдныхъ крестьянъ, которымъ давалась возможность съ пользою занять свои досужіе часы, особенно зимою. Ихъ увеличившіеся доходы должны были дать имъ возможность болѣе рационально вести хозяйство и тѣмъ увеличить доходы. Чередованіе промышленнаго и земледѣльческаго труда дѣлало населеніе здоровымъ и сильнымъ, въ противоположность городскимъ промышленнымъ рабочимъ; оно дѣлало ихъ зажиточнѣе и интеллигентнѣе крестьянъ, ограничивающихся однимъ земледѣліемъ и чрезъ то теряющихъ такъ много драгоценныхъ часовъ. Шёнбергъ въ своемъ «Руководствѣ политической экономіи» (II. 428) рисуется розовыми красками выгоды домашней промышленности всюду, гдѣ ей не грозитъ конкуренція машинъ. Вся семья работаетъ вмѣстѣ, «отецъ можетъ слѣдить за воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей, женщины могутъ работать по хозяйству и ухаживать за дѣтьми, дѣвушки остаются подъ присмотромъ и покровительствомъ семьи». Рабочее время зависитъ только отъ собственной воли работника, работникъ свободенъ, «вся жизнь работника уютнѣе, веселѣе и содержательнѣе. Промышленная дѣятельность смѣняется здоровымъ земледѣльческимъ трудомъ, и избѣгается массовая концентрація наемныхъ рабочихъ въ одномъ мѣстѣ со всѣми ея невыгодами для рабочихъ и общества. Наконецъ, домашняя индустрія позволяетъ порою использованіе силъ всѣхъ трудоспособныхъ членовъ семьи и тѣмъ способствовать—безъ опас-

ности для отдѣльныхъ лицъ и для семейной жизни—повышенію дохода семьи».

Конечно, наряду съ этими «безспорными» выгодами существуютъ и темныя стороны, на которыя и Шёнбергъ не можетъ закрыть глазъ. Но все же, въ концѣ концовъ, онъ приходитъ къ такому выводу: «Всѣ эти невыгоды, какъ бы велики онѣ ни были, не таковы, чтобы домашняя индустрія сама по себѣ не представлялась для соціального положенія рабочихъ *благопріятной хозяйственной формой*».

Лишь тамъ она не у мѣста, гдѣ ей приходится конкурировать съ фабричной промышленностью.

Дѣйствительность представляетъ намъ другую картину, даже если мы посмотримъ на тѣ домашнія производства, которымъ еще не приходится бороться съ машинами крупной индустріи, напримѣръ, плетеніе корзинъ, изготовленіе сигаръ или игрушечное производство.

Прежде всего, никакой другой родъ побочныхъ занятій не поощряетъ такъ сильно раздробленія земли, потому что никакой другой не способенъ къ столь быстрому расширенію. Число крупныхъ сельскихъ хозяйствъ ограничено, такъ-же, какъ и число горнопромышленныхъ предпріятій; число фабрикъ въ деревнѣ также не можетъ быть произвольно увеличено. Возможность заработка на нихъ встрѣчаетъ свои опредѣленные границы. Иное дѣло кустарная индустрія. Предѣлъ себѣ она встрѣчаетъ лишь въ числѣ наличныхъ рабочихъ силъ; она осуществляется въ самомъ маломъ хозяйствѣ, при помощи самыхъ примитивныхъ орудій, безъ всякихъ капитальныхъ затратъ, заслуживающихъ этого названія; капиталистъ ничѣмъ не рискуетъ, расширяя ее елико возможно быстро при благопріятномъ положеніи рынка: ему не нужно доставлять постояннаго капитала, — зданій и машинъ, которыя бесполезно запираются, разъ не могутъ быть употреблены производительно; ему не нужно платить поземельной ренты и другихъ тягостей, которыя приходится платить, все равно, процвѣтаютъ ли дѣла или нѣтъ. Все это бремя, самую значительную часть риска капиталиста несутъ эксплуатируемые кустари. Это дѣлаетъ всякіе кризисы для нихъ опустошительнѣе, чѣмъ для рабочихъ крупной промышленности, потому что капиталистъ по отношенію къ домашне-промышленнымъ рабочимъ легче рѣшается на сокращеніе своего предпріятія, а въ болѣе благопріятныя вре-

мена число ихъ гораздо легче прибываетъ. Но время процвѣтанія для нихъ, пожалуй, еще губительнѣе, чѣмъ время угнетенія.

Число заключаемыхъ браковъ и основываемыхъ семей растеть, а вмѣстѣ съ нимъ и спросъ на мелкія хозяйства, безъ которыхъ въ деревнѣ невозможно самостоятельное домохозяйство. Цѣны на землю поднимаются, дробленіе земли увеличивается, отдѣльныя владѣнія становятся все мельче, а въ то же время обработка ихъ все хуже. Уже по причинѣ, своей малости, а затѣмъ и потому, что процвѣтающая домашняя индустрія приноситъ деньги, сельское хозяйство все болѣе и болѣе лишается рабочихъ силъ семьи, которыя отдаются домашней промышленности. Если же это протянется извѣстное время, то вслѣдствіе сидячаго образа жизни исчезаетъ и физическая способность кустарей къ земледѣльческому труду. Ихъ поля уже не могутъ быть обработаны какъ слѣдуетъ, и малость хозяйства становится теперь для нихъ физической необходимостью.

Хозяйства становятся такъ малы, что не могутъ содержать коровы. Молоко исчезаетъ со стола, вмѣсто него появляется похлебка изъ цикорія. Вмѣстѣ съ коровой исчезаетъ навозъ и упряжное животное; поля становятся все истощеннѣе и негоднѣе для культуры хлѣба. Кромѣ того хлѣбъ еще нужно смолоть и спечь, прежде чѣмъ употребить въ пищу, поэтому предпочитаютъ растенія, которыя болѣе неприхотливы и которыя на той же поверхности даютъ, если не больше питательныхъ веществъ, то, по вѣсу, болѣеій урожай, — овощи, рѣпу, въ особенности же картофель. — растенія, которыя могутъ быть прямо отправлены на кухню.

Такимъ образомъ издержки содержанія кустаря сводятся къ *похлебкѣ изъ цикорія и картофелю*, средствамъ, которыя скорѣе обманываютъ желудокъ, чѣмъ доставляютъ ему матеріалъ для питанія тѣла. Вліяніе промышленнаго труда еще усиливается недостаточнымъ питаніемъ: физическая сила работника падаетъ до минимума, который еще требуется для работы пальцевъ.

Не менѣе вырождается его земледѣльческое хозяйство. Малые, плохо обработанные, неунавоженные клочки земли должны изъ года въ годъ производить одни и тѣ же растенія. Земледѣліе возвращается къ ступени, на которой оно стояло у нѣкоторыхъ германцевъ къ концу переселенія народовъ.

О пяти сельских общинах на верхнем Таунусѣ Шнапперъ-Арндъ сообщаетъ въ своей книгѣ того же названія (стр. 50): «Говорятъ, только въ Зееленборгѣ удержались замѣтные остатки трехполья; въ прочихъ деревняхъ нужда не знаетъ никакого запрета и требуетъ отъ полей изъ года въ годъ картофеля, потому что сколько нибудь разумная плодосмѣнная система для владѣльцевъ, бѣдныхъ какъ землю, такъ и прочими средствами, невозможна».

Въ пяти деревняхъ насчитывалось всего 463 коровы на 758 домохозяйствъ, представляющихъ столько же податныхъ единицъ; 486 хозяйствъ не имѣли вовсе коровъ, 117 только по одной.

Рука объ руку съ физическимъ истощеніемъ земли и людей идетъ экономическій упадокъ. Въ кустарной промышленности техническій прогрессъ возможенъ лишь въ незначительной мѣрѣ. Конкурировать другъ съ другомъ кустари, какъ и эксплуатирующіе ихъ капиталисты, могутъ, только усиливая напряженность труда и понижая заработную плату. Такого рода конкурренціонная борьба облегчается еще обособленностью отдѣльных домашне-промышленниковъ въ ихъ семьяхъ, ихъ разбросанностью на большой территоріи, что дѣлаетъ организацію ихъ почти невозможной, отсутствіемъ другихъ заработковъ въ ихъ странѣ и прикованностью къ клочку земли, которая не позволяетъ имъ бѣжать отъ чрезмерной эксплуатаціи, чтобы промѣнять ее на болѣе мягкую въ другой странѣ. Скупщику обезпечены его домашніе рабочіе. Даже самая продолжительная безработица не разгонитъ ихъ. Поэтому въ капиталистически эксплуатируемой домашней промышленности мы находимъ самое длинное, самое изнурительное рабочее время, самую жалкую оплату труда, самое большое распространеніе женскаго и дѣтскаго труда, самое печальное состояніе мастерскихъ и жилищъ, словомъ, самыя наихудшія отношенія, какія вообще выказываетъ нашъ способъ производства. Это самая гнусная система капиталистической эксплуатаціи и самая уродливая форма пролетаризаціи крестьянства. Всѣ попытки помочь мелко крестьянскому населенію, не могущему прокормиться чисто земледѣльческимъ трудомъ, насажденіемъ домашней промышленности должны имѣть послѣдствіемъ погруженіе, послѣ кратковременнаго, весьма проблематическаго, подъема въ самую глубочайшую, самую безы-

сходную нужду. Потому съ ними слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ борѳтся.

Къ счастью кустарная промышленность только переходная стадія къ крупной индустріи. Рано или поздно для всякаго домашняго производства бѣдетъ часъ, когда машина дѣлаетъ его технически излишнимъ, и этотъ часъ бѣдетъ тѣмъ раньше, чѣмъ быстрѣе развивается и специализируется домашняя промышленность, чѣмъ далѣе доводитъ она раздѣленіе труда.

Но этотъ часъ все еще не есть часъ избавленія кустаря, но скорѣе начало мучительнѣйшей части его крестнаго пути потому, что теперь онъ означаетъ еще болѣе непомѣрное напряженіе, еще болѣе сильное подавленіе жизненныхъ потребностей, еще большее изнуреніе семьи, старающейся не отстать слишкомъ въ состязаніи съ машиной. А какъ долго тянется это состязаніе, пока, наконецъ, далеко опереженный не падаетъ бездыханнымъ!

Кустарь можетъ долго тянуть безнадежную борьбу, но не слѣдуетъ приписывать этого сельскому хозяйству.

Гдѣ земледѣліе служить не товарному производству, но потребностямъ домохозяйства, тамъ оно не подчиняется движущей силѣ конкуренціи, тамъ оно образуетъ консервативный элементъ, который всему отжившему даетъ еще призракъ жизни. Оно то и затягиваетъ до безконечности смертный бой домашней промышленности, не дозволяетъ умереть ручному ткачеству, которое отжило уже болѣе полвѣка.

«Основаніе, почему не смотря на непрекращающіяся конвульсіи этой отрасли (ручного ткачества въ сѣверной Богеміи) оно держится въ неуменьшающемся размѣрѣ, лежитъ не въ малой мѣрѣ въ томъ, что большая часть ткачей имѣла немного земли, которая въ счастливыя времена служила для пополненія промышленнаго заработка, а во время нужды служила средствомъ кое-какъ пережить кризисъ» (А. Брау, «*Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse*», 123).

Несмотря на это, сельская кустарная промышленность быстро падаетъ всюду, гдѣ крупная индустрія вторгается въ деревню не для того, чтобы конкуррировать съ кустаремъ, но чтобы дать ему возможность новаго заработка.

Крупной промышленности для ея развитія необходимо существованіе большихъ массъ, не имѣющихъ собственности, пригодныхъ (умѣлыхъ и дисциплинированныхъ) рабочихъ

и близость крупнаго рынка. Эти условія она находитъ прежде всего въ крупныхъ торговыхъ центрахъ. Ея развитіе само притягиваетъ новыя массы рабочихъ и вызываетъ притокъ ихъ въ мѣстахъ, гдѣ она расцвѣтаетъ. Тенденція капиталистической крупной промышленности ведетъ, такимъ образомъ, къ прогрессивной концентраціи массъ населенія и экономической жизни въ большихъ городахъ.

Но рядъ факторовъ обусловливаетъ то, что не весь потокъ растущей крупной индустріи направляется въ города, что нѣкоторыя ручейки оплодотворяютъ и деревню. Эти факторы частью физической, частью соціальной природы.

Къ первымъ принадлежитъ прежде всего растущій вмѣстѣ съ распространеніемъ крупной индустріи спросъ на сырые и вспомогательные матеріалы, которые не могутъ быть производимы въ городѣ, а только въ деревнѣ, и, въ виду массоваго потребленія, должны производиться массами, въ крупныхъ хозяйствахъ. Сюда относится прежде всего горнопромышленность. Появленіе ея есть могущественное средство, революціонизирующее сельскія отношенія. Далѣе, сюда относится переработка на мѣстѣ сырыхъ матеріаловъ, громоздкихъ сравнительно со своею цѣнностью, невыносящихъ длинной перевозки. Такъ возникаютъ въ деревнѣ желѣзные, кирпичные, сахарные заводы и пр.

Наконецъ, возможность пользоваться большимъ количествомъ водяной силы иногда привлекаетъ нѣкоторыя производства въ довольно отдаленныя отъ городовъ долины.

Наряду съ этими имѣютъ значеніе и соціальные факторы. Въ городахъ жизнь дороже, чѣмъ въ деревняхъ, и, при одинаковой стоимости жизненныхъ средствъ, издержки содержанія рабочей силы больше, благодаря болѣе высокой земельной рентѣ жилищъ, затратамъ на перевозку пищевыхъ средствъ, отсутствію у рабочихъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Уже поэтому денежная заработная плата въ городѣ должна быть выше, чѣмъ въ деревнѣ.

Къ этому присоединяется концентрація рабочихъ массъ на небольшомъ пространствѣ. Она позволяетъ имъ завязать между собою сношенія и организоваться. Она дѣлаетъ болѣе труднымъ надзоръ за ними и эксплуатацію ихъ. При многочисленности промышленныхъ заведеній, уволенный всегда можетъ надѣяться найти пристанище. Не то въ деревнѣ; тамъ рабочіе

менѣ могутъ противиться капиталу, они покорнѣе и непритязательнѣе. Это составляетъ для крупныхъ промышленниковъ большую приманку перенести свои предприятия въ деревню, и, если въ деревнѣ есть нужныя имъ рабочія силы, что, къ ихъ сожалѣнію, встрѣчается только спорадически, и имѣются всѣ другія условія для успѣшнаго веденія дѣла; они дѣлаютъ это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ сильнѣе растетъ въ городахъ рабочее движеніе.

Это перенесеніе крупной индустріи происходитъ тѣмъ раньше, чѣмъ болѣе развиты средства сношеній—каналы, желѣзныя дороги, телеграфы, потому что тѣмъ легче ей оставаться въ тѣсномъ соприкосновеніи съ крупнымъ рынкомъ. Съ другой же стороны возникновеніе крупныхъ производствъ въ деревнѣ само составляетъ могущественный мотивъ къ распространенію современныхъ средствъ сношеній. А ихъ постройка, содержаніе и эксплуатація снова даетъ рядъ заработковъ сельскому населенію.

Ближайшія послѣдствія этого для мелкихъ сельскихъ хозяевъ и ихъ земли едва ли благопріятнѣе, чѣмъ при режимѣ домашней промышленности. Крупныя хозяйства, производящія жизненные средства на продажу, конечно, выигрываютъ, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку расширяется и является рынокъ сбыта для ихъ товаровъ въ непосредственной близости. Но эта выгода болѣе чѣмъ уравнивается недостаткомъ рабочихъ, которыхъ отвлекаетъ къ себѣ индустрія. Однако, объ этомъ поговоримъ въ другой главѣ.

Всѣ же, какъ мелкіе, такъ и крупныя, сельскіе хозяева страдаютъ отъ повышенія цѣнъ на землю. Крупная индустрія вызываетъ быстрый приростъ населенія, не только вслѣдствіе облегченія заключенія браковъ и основанія домохозяйствъ, но и вслѣдствіе привлеченія рабочихъ со стороны, потому что крупное капиталистическое предприятие въ деревнѣ рѣдко довольствуется тѣми рабочими силами, какія даетъ ему его непосредственная обстановка. Спросъ на квартиры и клочки земли повышается, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣны ихъ. А чѣмъ выше цѣна земли, тѣмъ меньше, при равенствѣ прочихъ условій, остается у покупателя средствъ на веденіе хозяйства, тѣмъ скуднѣе его инвентарь. Къ этому мы еще возвратимся въ слѣдующей главѣ.

Ко всему этому присоединяется еще и то, что крупная индустрія обыкновенно занимаетъ рабочихъ совершенно иначе,

чѣмъ домашняя промышленность. Последняя, большею частью ведется такъ, что временами, напримѣръ, во время жатвы, вся семья прерываетъ свою промышленную дѣятельность, чтобы посвятить себя сельскохозяйственной. Конечно, это бываетъ не всегда. Въ нѣкоторыхъ домашнихъ производствахъ сезонъ самой усиленной работы совпадаетъ со страдной земледѣльской порой. «Именно въ горячее время жатвы, когда рабочий день земледѣльца часто тянется двадцать часовъ, а ночь четыре, усиленно работаетъ и игрушечный мастеръ, не имѣя ни минуты свободной для необходимыхъ полевыхъ работъ (E. Sax, «Die Hausindustrie in Thüringen», I, 48)».

Гдѣ дѣло обстоитъ такъ, тамъ домашняя промышленность и земледѣліе обособляются, соединеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ становится невозможнымъ. Но это далеко не общее правило.

Иное въ крупной промышленности. Уже бóльшая величина основнаго капитала, который она содержитъ и который лежитъ бесполезно, разъ не употребляется въ дѣло, заставляетъ предпринимателя, по возможности, избѣгать большихъ перерывовъ процесса производства. Только немногія крупныя промышленныя предприятия работаютъ часть года, притомъ тогда, когда земледѣльческія работы прекращаются или не особенно настоятельны. Таковы, напримѣръ, *сахарные заводы*, «кампанія» которыхъ начинается осенью, послѣ сбора свекловицы, и продолжается, зимою, всего мѣсяца четыре; она по возможности ускоряется, потому что къ веснѣ свекловица легко портится.

Такимъ образомъ, работа на сахарныхъ заводахъ не отнимаетъ у земледѣльческаго рабочаго и карликоваго крестьянина времени, необходимаго для сельскаго хозяйства.

Работа на *каменноугольныхъ копяхъ* также порою совмѣстима съ земледѣльческимъ трудомъ. Зимою нужда въ углѣ больше, спросъ сильнѣе, но, съ другой стороны, введеніе ночныхъ смѣнъ дѣлаетъ часть рабочихъ «свободными» днемъ, которымъ они должны-бы воспользоваться для отдыха, но который нерѣдко употребляютъ на сельскохозяйственныя работы, подзадориваемые своей высокою заработной платой, и желая освободиться отъ избытка силы, для использованія которой слишкомъ короткаго рабочаго времени въ копяхъ недостаточно.

Кергеръ сообщаетъ: «Въ округѣ Реклинггаузенъ земледѣльческій трудъ чередуется съ неземледѣльческимъ; имѣющіе тамъ землю поденщики отъ начала жатвы до конца ноября работаютъ

въ деревнѣ, остальное время на горныхъ участкахъ» («Verhältnisse der Landarbeiter», I, 124).

Въ горнопромышленной области Гельсенкирхенъ, Бохумъ, Дортмундъ владѣющіе землей сельскіе рабочіе почти исчезли. «Хотя иногда и употребляются поденщики безъ всякой земельной собственности, но ими по большей части бываютъ горные рабочіе, которые при *короткомъ рабочемъ времени* находятъ время заниматься еще нѣсколько часовъ въ день сельскохозяйственными работами, въ особенности если они участвуютъ въ ночной смѣнѣ; они нанимаютъ у крестьянъ квартиру съ обязательствомъ помочь имъ во время жатвы, или снимаютъ въ аренду, съ такимъ же обязательствомъ, кусокъ земли для разведенія картофеля; наконецъ, бываютъ и такіе, которые вслѣдствіе потери силъ уже не годятся для горныхъ работъ... Изрѣдка сообщаютъ о доходѣ поденщиковъ отъ собственнаго хозяйства; тутъ, конечно, подразумѣваются горные рабочіе, которые побочно занимаются сельскими работами. Они иногда нанимаютъ домики съ огородомъ, держатъ одну-двухъ козъ и, случается, получаютъ позволеніе засѣять картофелемъ столько земли, столько могутъ унавозить» (тамъ же 132).

Наконецъ, еще примѣръ изъ восточнаго углепромышленнаго района, *Силезіи*: «Въ каменноугольныхъ и промышленныхъ округахъ весьма частое явленіе, что земледѣльческіе рабочіе работаютъ въ угольныхъ копяхъ и, въ особенности, въ строительномъ дѣлѣ, или на фабрикахъ, а ко времени жатвы возвращаются въ деревню. Въ особенности это имѣетъ мѣсто у мелкихъ собственниковъ» (тамъ же, III, 502).

При такихъ обстоятельствахъ горныя работы могутъ стать сильной опорой крестьянскаго хозяйства. «Смѣшеніе дѣйствуетъ весьма вредно на крестьянское землевладѣніе, говорится въ одномъ сообщеніи изъ Вестфалии, всюду, гдѣ собственникъ долженъ жить со своей землей. Гдѣ же крестьянство, какъ 80⁰/о его въ округѣ Зигенъ, имѣетъ еще порядочный заработокъ на рудникахъ и заводахъ, тамъ вреда не наблюдается» (Baupolische Zustände II, 8).

Но если въ отдѣльныхъ отрасляхъ требуется или возможна сезонная работа, то крупная промышленность, вообще, требуетъ отъ работника непрерывной работы въ теченіе цѣлаго года.

Но она не требуетъ всѣхъ рабочихъ силъ семьи, какъ домашняя промышленность. Употребленіе дѣтей моложе 14 лѣтъ

запрещено уже закономъ. Хозяйкѣ труднѣе имѣть работу въ крупной промышленности, чѣмъ въ домашней, потому что въ послѣдней ей не нужно покидать дома, а въ первой нужно. Если она легко рѣшается на домашне-промышленный трудъ, то не легко рѣшится бросить дѣтей; въ деревнѣ рѣшиться на это ей еще труднѣе, чѣмъ въ городѣ, потому что здѣсь домохозяйство играетъ гораздо болѣе важную роль, и его функцій не сокращаютъ народные столовые, ясли, дѣтскіе сады и т. п.

Къ рабочимъ силамъ, которыя крупно-промышленный режимъ сохраняетъ для домохозяйства и для служащаго послѣднему земледѣлія, присоединяются еще инвалиды труда. Домашняя промышленность находитъ дѣло для всѣхъ, даже для самыхъ слабыхъ, крупная же промышленность до того напрягаетъ своихъ рабочихъ, что они могутъ имѣть постоянную работу, обыкновенно, лишь въ цвѣтѣ лѣтъ, а этотъ періодъ быстро проходитъ. Въ деревнѣ карликовое хозяйство даетъ подходящее занятіе созданному, такимъ образомъ, многочисленному классу инвалидовъ промышленности.

Подобно домашней промышленности, хотя и на иной ладъ, и крупная промышленность ухудшаетъ рабочія силы, которыми можетъ располагать мелкое земледѣліе, поощряя въ то же время измельчаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и ухудшеніе хозяйствъ.

Съ другой стороны, мы находимъ, что крупно-промышленный капиталъ, подобно домашне-промышленному и по тѣмъ же причинамъ, почти не встрѣчаетъ въ деревнѣ отпора со стороны рабочихъ, заслуживающаго этого имени, и доводитъ эксплуатацію и уродованіе до крайней степени.

Типичную картину такого рода деревенской крупной индустріи даетъ намъ, на примѣръ, Геркнеръ въ своей превосходной книгѣ о верхне-эльзасской хлопчатобумажной промышленности и ея рабочихъ. Какъ ни худы условія въ Мюльгаузенѣ, на текстильныхъ фабрикахъ, въ расположенныхъ по деревнямъ, они еще хуже. «Рабочее время въ общемъ длинное. Самъ К. Градъ сообщаетъ о 13—14 часахъ. Ночная работа, даже подростковъ, встрѣчается часто. Въ нравственномъ отношеніи подросткамъ-работницамъ дѣлаютъ тѣ же упреки, что и въ Мюльгаузенѣ. Равнымъ образомъ всюду царятъ штрафы и вычеты. Часто они еще обостряются сильной зависимостью работника. Въ большинствѣ мѣстностей промышленнаго района

мѣстная фабрика представляетъ единственный заработокъ... Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что работникъ, обыкновенно, прикованъ къ деревнѣ маленькимъ хозяйствомъ, которое ведетъ жена или родители. О вліяніи рабочаго на условія труда нѣтъ и рѣчи.

«Заработная плата, въ среднемъ, на *треть* меньше, чѣмъ въ Мюльгаузенѣ,—разница которую еще превосходитъ разница въ цѣнахъ предметовъ необходимости, такъ что въ дѣйствительности жизненный уровень подаетъ еще ниже.... Въ пищѣ преобладаетъ картофель, мясо же подается въ лучшемъ случаѣ только по воскресеньямъ. Потребленіе водки гораздо больше, чѣмъ въ Мюльгаузенѣ. Говорятъ, въ Вогезахъ есть промышленная деревня, въ которой 800 жителей выпиваютъ въ годъ 300 гектолитровъ».

Положеніе рабочихъ ухудшается еще господствующей системой расплаты товарами.

«Худшимъ условіямъ жизни соотвѣтствуетъ и еще далѣе запешшее физическое вырожденіе... Окружной врачъ (округа Таинь) сообщаетъ: «Въ фабричныхъ деревняхъ, гдѣ вся молодежь работаетъ на фабрикахъ, почти всѣ явившіеся на призывъ оказались негодными, и мы думаемъ, что если такъ продолжится далѣе, то вскорѣ призывной комиссіи здѣсь нечего будетъ дѣлать... Несмотря на слабое здоровье, населеніе крайне трудолюбиво... Старики, уже не работающіе на фабрикахъ, отдаются обработкѣ небольшого поля, что связано съ сильнымъ напряженіемъ, въ виду возвышеннаго и крутого положенія «крютеровъ» (стр. 349—352).

Какъ ни мрачна эта картина, она все же гораздо богаче надеждами, чѣмъ таковая домашней промышленности. Дѣти отстранены отъ фабричной работы, процессъ производства ведется хотя не на свѣжемъ воздухѣ, какъ въ земледѣліи, то все же внѣ жилья, въ просторныхъ помѣщеніяхъ, которыя, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ гигиеническомъ отношеніи далеко превосходятъ лачуги кустарей. И именно потому, что на фабрикѣ работникъ «не свободенъ», не можетъ начать и бросить работу, когда вздумается, что порядокъ для всѣхъ одинаковъ и трудъ движется въ болѣе тѣсныхъ границахъ, чѣмъ домашняя работа, его легче контролировать и ограничить закономъ. Фабрика соединяетъ разрозненные рабочія силы,

она ставитъ фабричную деревню въ тѣсное соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, развиваетъ средства сообщенія и привлекаетъ интеллигентныя рабочія силы изъ города въ деревню. Такимъ образомъ, она становится средствомъ сближенія части сельскаго населенія съ городскимъ пролетариатомъ, постепеннаго пробужденія въ немъ интереса и участія къ борьбѣ за лучшую долю, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ склоняетъ къ активному участию въ этой борьбѣ.

Деревенская фабрика увеличиваетъ ряды пролетаріата, не экспроприруя мелкихъ сельскихъ хозяевъ, не отдѣляя ихъ отъ земли. Напротивъ, она даетъ средства приближающемуся къ банкротству карликовому собственнику удержать свою собственность, даетъ еще болѣе многочисленному слою не имѣющихъ собственности средства завести маленькое собственное хозяйство на купленной или арендованной землѣ.

Три разсмотрѣнныхъ здѣсь вида мелкихъ крестьянскихъ побочныхъ заработковъ не исключаютъ другъ друга. Они могутъ существовать и часто встрѣчаются рядомъ. Такъ, напримѣръ, сообщаютъ: «Для жителей эйзенахской горной страны, въ особенности мелкихъ крестьянъ обдѣлѣнныхъ мѣстностей съ ничтожной собственностью, домашняя индустрія въ качествѣ побочнаго занятія имѣетъ особенное значеніе... Можно указать слѣдующія домашнія производства: фабрикація пробокъ, тканье поясовъ и плюша, плетеніе кнутовъ, сапожное мастерство, щеточное производство, вырѣзываніе трубокъ, — производства, дающія *семь* заработковъ въ 1, 2 и 3 марки; ими *часто занимаются крестьяне, владѣющіе 8—9 гектарами*... Кромѣ того, рубка дровъ, рубка и сплавъ лѣса и разработка столь богатыхъ залежей базальта даютъ порядочный заработокъ, въ особенности въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время» («Bauerliche Zustände», I, 50, 51).

Для юга воспользуемся сообщеніемъ А. Гейца о положеніи крестьянъ въ оберамтствахъ штуттгартскомъ, бѣблингенскомъ и герренбергскомъ: «Было-бы ошибочнымъ принимать, что сельскохозяйственный трудъ даетъ многочисленному сельскому населенію достаточное пропитаніе. Существенное значеніе скорѣе имѣетъ возможность стороннихъ заработковъ, въ особенности для обоихъ западныхъ округовъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать *лѣсныя* работы, которыми... занято постоянно порядочное, а временами и значительное число лицъ...

Особенно поучительно изслѣдовать состояніе *домашней индустрии*, ткачества и шитья. Наряду съ нею существуетъ *крупная индустрія*. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ возникло нѣсколько крупныхъ предпріятій, старыя расширяются и размножаются мелкіе предприниматели, рассчитывающіе на дешевый трудъ... Слѣдующій факторъ есть *мелкая торговля* молокомъ, яйцами, птицей и нѣкоторыми промышленными продуктами... Наконецъ, *мѣстностями поденщиковъ* можно назвать, кромѣ деревень, непосредственно окружающихъ Штуттгартъ—Мерингенъ, Бонланденъ, Платтенгартъ, Файгингенъ, Роръ, Мусбергъ, Биркахъ, въ то время какъ изъ Руита, Геумадена, Кемната, Шарнгаузена и даже Плинингена многіе ходятъ на эслингенскія прядильни».

Но не вездѣ такъ много побочныхъ заработковъ и не всегда ихъ достаточно для покрытія нужды мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ деньгахъ. Если заработокъ не ищетъ крестьянина, то послѣднему ничего не остается, какъ развѣдывать о немъ, искать его, хотя бы пришлось на время бросить землю. Чѣмъ болѣе развиваются современныя средства сношеній, — при чемъ желѣзныя дороги облегчаютъ передвиженіе, а почта и газеты приносятъ извѣстія о томъ, что дѣлается гдѣ-то далеко, — тѣмъ легче поселянинъ рѣшается разстаться, хоть на время, со своей деревней и тѣмъ на болѣе далекія странствованія онъ отваживается. Часть мелкокрестьянской семьи, натурально, самая трудоспособная, періодически отправляется въ отходъ, чтобы прокормить себя и заработать денегъ для всей семьи. Здѣсь насъ интересуетъ только этотъ видъ отхода, а не хроническій отходъ, потому что теперь мы изслѣдуемъ не тѣ формы пролетаризаціи крестьянина, которыя и по внѣшности признаются за таковыя, но тѣ, гораздо болѣе важныя, при которыхъ крестьянинъ удерживаетъ свой обликъ, но принимаетъ функціи пролетарія.

Уходящему въ отходъ крестьянину, естественно, ближе всего сельскохозяйственныя работы. Въ мѣстахъ, гдѣ собственное населеніе не покрываетъ спроса на наемный сельскохозяйственный трудъ, нѣтъ недостатка. Уже въ предыдущей главѣ мы указывали на нужду въ рабочихъ въ областяхъ крупной промышленности; мы увидимъ, что она не падаетъ и крупнаго крестьянскаго хозяйства. Въ различныхъ областяхъ Германіи есть спросъ на странствующихъ сельскохозяйственныхъ рабо-

чихъ; ихъ нанимають, частью, на все лѣто, частью, только на время жатвы; они находятъ работу не только къ востоку отъ Эльбы, но и въ прирейнскихъ земляхъ, Баваріи и Вюртембергъ, Шлезвигъ и Голштиніи.

Въ примѣръ приведемъ странствованія въ Баваріи: «Часто происходитъ обмѣнъ рабочихъ силъ между областями, производящими хлѣбъ, и областями, производящими хмѣль, такъ что ко времени жатвы рабочіе изъ послѣднихъ направляются въ первыя, и обратно. Кромѣ того, на основаніи отчетовъ можно установить слѣдующія передвиженія сельскихъ рабочихъ: Верхняя Баварія въ лѣтніе мѣсяцы привлекаетъ рабочихъ, главнымъ образомъ, изъ баварскаго полѣсья, и отдаетъ изъ тѣхъ областей, гдѣ жатва оканчивается рано, — Швабіи. Въ Швабіи происходитъ обмѣнъ между верхней и нижней Швабіей; кромѣ того, Тироль посылаетъ сюда въ большомъ числѣ пастуховъ. Нижняя Баварія снабжается рабочими силами изъ баварскаго полѣсья и Богеміи и высылаетъ ихъ, во время жатвы, недѣль на 6 изъ округа Вильсгофена въ Остенгоферъ, а ко времени сбора хмѣля изъ округа Штраубинга въ области, разводящія хмѣль. Изъ верхняго Пфальца мужчины на время жатвы уходятъ изъ округа Вейдена въ Верхнюю и Нижнюю Баварію, женщины для сбора хмѣля — въ области, разводящія его; туда же уходятъ работники изъ округа Нейштада; округа Неймарктъ и Штадтамгофъ привлекають для сбора хмѣля и картофеля преимущественно женщинъ, а иногда и дѣтей, изъ восточныхъ частей верхняго Пфальца, баварскаго полѣсья и Богеміи. Верхняя Франконія высылаетъ рабочихъ, особенно изъ округа Байреута, въ Тюрингенъ и Саксонію, но привлекаетъ на время жатвы женщинъ и дѣтей изъ горныхъ областей, гдѣ хлѣбъ созреваетъ позднѣе. Въ Средней Франконіи происходитъ большой обмѣнъ между областями, воздѣлывающими хлѣба, и областями, разводящими хмѣль; округъ Герсбургъ привлекаетъ на время сбора хмѣля въ большомъ числѣ мужчинъ и женщинъ изъ Рена, Шпессарта и Оденвальда; въ крупныя имѣнія, разводящія свекловицу, весною приходятъ польскіе рабочіе и остаются до осени. Въ Рейнпфальцѣ Сигингерская возвышенность привлекаетъ на время сбора картофеля преимущественно женщинъ изъ сѣверныхъ частей округа Гомбургъ, такъ называемыхъ «деревень музыкантовъ», а посылаетъ, на время жатвы, рабочихъ въ области, лежащія около Вормса

и Остгофена, а осенью, недѣль на 6, на молотьбу въ общины Саарбрюкена. Крупныя имѣнія съ недавнихъ поръ нанимають рабочихъ изъ восточной Пруссіи на время съ апрѣля до ноября». («Verhältnisse der Landarbeiter», II, 151, 152).

Этотъ списокъ можно было-бы расширить до безконечности для всѣхъ частей Германіи.

Большихъ размѣровъ достигли странствованія *итальянскихъ рабочихъ*, которые лѣтомъ работаютъ въ Европѣ, а зимою, на которую въ южномъ полушаріи приходится лѣто, ѣдутъ на полевая работы въ Аргентину. Еще колоссальнѣе странствованія *китайцевъ*, которые, конечно, не на одинъ сезонъ, но на много лѣтъ, хотя и не на всю жизнь, отправляются въ Соединенные Штаты, Канаду, Мексику, Вестъ-Индію, Австралію, Зондскіе острова, доходятъ до Южной Африки и составляютъ идеаль нѣмецкаго странствующаго рабочаго нашихъ аграріевъ.

Но странствующіе рабочіе не ограничиваются лишь земледѣліемъ. Рядомъ съ нимъ болѣе выгодное занятіе даетъ развитіе крупной промышленности, городовъ, средствъ сообщенія. Частію и здѣсь, какъ въ земледѣліи, они устраиваются на сезонныя работы, и, къ несчастью для сельскихъ хозяевъ, именно лѣтомъ, какъ, на примѣръ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, прокладываніе каналовъ, ломка камня, всевозможныя строительныя работы въ городахъ; частію же получаютъ постоянное занятіе въ качествѣ прислуги; чернорабочихъ, извозчиковъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ развились совершенно своеобразныя виды странствованій. Такъ, на примѣръ, Куно Франкенштейнъ сообщаетъ о висбаденскомъ правительственномъ округѣ: «Западный Диллькрейсъ, остальная часть второго округа, Вестервальдъ и граничащая съ нимъ сѣверозападная часть Оберландкрейса имѣють большой избытокъ рабочихъ силъ; поэтому многіе рабочіе изъ этихъ округовъ идутъ въ рейнскіе промышленные округа и остаются тамъ съ весны до зимы; другіе же отправляются въ качествѣ офеней». О послѣднемъ отходѣ, который совершается въ большихъ размѣрахъ, одинъ корреспондентъ изъ Унтервестервальда дѣлаетъ слѣдующія интересныя сообщенія: «Весной въ деревняхъ появляются коробейники и вербуютъ разнощиковъ среди взрослой мужской и женской молодежи. Въ февралѣ они тянутся съ ними въ разныя страны:

Голландію, Швейцарію, Польшу, Саксонію и пр. Навербованные получают въ главныхъ мѣстахъ, напр. Лейпцигѣ, товары, которые должны сбыть по извѣстнымъ цѣнамъ, и выручку отдаютъ хозяевамъ. Въ видѣ жалованья они получаютъ путевыя издержки и, судя по своей торговой ловкости, 300—400 марокъ. Къ Рождеству они обыкновенно возвращаются на родину съ порядочными сбереженіями».

«Уже давно замѣчено, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вербуются эти разношники, хозяйство улучшается, такъ какъ заработокъ дѣтей поступаетъ родителямъ на общія нужды. Онъ тратится на лучшее обзаведеніе, напримѣръ, покупку скота, именно коровъ, на приобрѣтеніе искусственнаго удобренія для повышенія урожайности, на расширеніе землевладѣнія, а также вкладывается въ сберегательныя кассы.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число вербуемыхъ такъ велико, что дома остаются лишь самыя необходимыя рабочія силы. Въ финансовомъ отношеніи странствованіе приноситъ выгоды, въ нравственномъ же не лишено темныхъ сторонъ, въ особенности для женщинъ» (тамъ же, II, 27).

Бѣдные горныя деревни Пфальца охотно посылаютъ избытки своихъ рабочихъ силъ на чужбину въ качествѣ *музыкантовъ*: «Почва, состоящая изъ вогезскаго песчаника, мало плодородна; сельскіе хозяева, даже имѣющіе 3—4 гектара, живутъ очень бѣдно и часто вынуждены для пополненія дохода прибѣгать къ побочнымъ заработкамъ. Въ такихъ общинахъ работодатель (!) принужденъ искать работы въ другихъ странахъ, и онъ отправляется на чужбину въ качествѣ музыканта или каменщика, рѣже въ качествѣ слуги. Музыканты, большею частью, бережливы и посылаютъ домой такъ много денегъ, что семья безпечально живетъ и въ состояніи *мало по малу* приобрѣсть *небольшое крестьянское имѣніе*. У каменщиковъ дѣла рѣдко обстоятъ такъ благопріятно, а всего менѣе зарабатываютъ на чужбинѣ слуги» (тамъ же, II, 193).

Сезонные рабочіе регулярно возвращаются домой, принося выручку за свой трудъ въ свои земледѣльческія хозяйства. И здѣсь крупное хозяйство, городское и деревенское, промышленное и земледѣльческое, даетъ мелкому хозяйству новыя силы. Другія силы даетъ ему заработокъ ушедшихъ въ отходъ на болѣе продолжительное бремя. Послѣдніе, большею частью холостые, возвращаются назадъ не всѣ. Многіе осѣдаютъ въ мѣстахъ своей новой

дѣтельности, но, несмотря на это, посылаютъ домой значительную часть своихъ сбереженій семьѣ, которая не можетъ прокормиться со своего хозяйства. Объ Ирландіи говорятъ, что ренты ея карликовыхъ фермеровъ выплачиваются изъ заработковъ ирландскихъ служанокъ въ Америкѣ: не лучше дѣло обстоитъ съ налогами нѣкоторыхъ нѣмецкихъ крестьянъ. И не малое число возвращается обратно, не смотря на малоземелье, къ тому клочку земли, на которомъ родились; они возвращаются, чтобы жениться или наследовать, получить отцовское имѣніе, принося съ собою свои сбереженія, которыя на время помогаютъ близкому къ банкротству хозяйству, даютъ карликовому хозяйству возможность прикупить земельки, обзавестись коровой, починить развалившуюся хижину.

Для тѣхъ странъ, куда эти работники направляются, они образуютъ препятствіе развитію. Они являются изъ экономически отсталыхъ, бѣдныхъ странъ, поэтому неприхотливѣе, а большею частью, также и невѣжественнѣе, покорнѣе. Ихъ неспособность давать отпоръ еще усиливается тѣмъ, что они на чужбинѣ, не имѣютъ корней въ населеніи, которое склонно относится къ пришельцамъ враждебно, и языка котораго они часто не понимаютъ. Они то всего охотнѣе соглашаются на пониженіе платы и мѣшаютъ стачкамъ и всего труднѣе организуются въ профессиональные союзы. Но эти самые элементы, задерживающіе прогрессъ тамъ, куда приходятъ, служатъ дѣятельнѣйшими пионерами его для тѣхъ мѣстъ, откуда приходятъ и куда возвращаются. При всемъ своемъ противорѣчии съ новой обстановкой, они не могутъ вполнѣ избѣжать ея вліянія; они усваиваютъ новыя потребности, новыя идеи, которыя, какими-бы отсталыми ни были для ихъ новой среды, для старой разрушительны. Тѣ самые элементы, которые здѣсь являются прислужниками эксплуатаціи и угнетенія, тамъ становятся возбудителями и проводниками недовольства и классовой борьбы.

«Расширеніе умственнаго кругозора, жалуется Кергеръ, большая подвижность и возбудимость, приобретаемая странствующими рабочими на чужбинѣ, часто имѣетъ слѣдствіемъ рѣшительное пониженіе уваженія къ авторитетамъ. Эти люди становятся дерзкими, упорными, надменными, заносчивыми и своимъ примѣромъ способствуютъ ослабленію патріархальныхъ отношеній, которыя еще существуютъ между хозяевами и ра-

бочими въ большинствѣ западныхъ имѣній, въ полной гармоніи съ тамошними экономическими и соціальными условіями» («Die Sachseingängerei», 180).

Такимъ образомъ, отхожіе промыслы дѣйствуютъ подобно перенесенію крупной индустріи въ деревню: они усиливаютъ мелкое землевладѣніе, этотъ будто-бы столь консервативный элементъ, но въ то же время совершенно переворачиваетъ условія существованія мелкихъ собственниковъ, сообщая имъ потребности и воззрѣнія, которыя всего менѣ консервативны.

Тотъ, кто думаетъ, будто простыми статистическими цифрами исчерпывается все безконечно разнообразное содержаніе соціальной жизни,—можетъ вывести изъ цифръ статистики успокоительное заключеніе, что какъ-бы ни подвигалось развитіе въ городѣ, въ деревнѣ все остается по старому и рѣшительнаго развитія въ какомъ-нибудь направленіи не замѣчается.

IX. Возрастаніе затрудненій, встрѣчаемыхъ товарнымъ сельскимъ хозяйствомъ.

а) Земельная рента.

Мы видѣли, что капиталистическій способъ производства, благодаря современному крупному производству, въ техническомъ отношеніи, поднялъ на значительную высоту низко упавшее въ концѣ феодальной эпохи, сельское хозяйство. Но мы видѣли также, что тотъ же самый способъ производства проявляетъ тенденціи, стояція на пути развитія и распространенія крупнаго производства и, при данномъ общественномъ строѣ, сильнѣйшимъ образомъ противодѣйствующія достиженію всеобщаго господства этого способа въ сельскомъ хозяйствѣ,—тенденціи, которыя, такимъ образомъ, препятствуютъ достиженію сельскимъ хозяйствомъ наивысшаго, доступнаго ему при данномъ состояніи техники, уровня. Мы видѣли, что эти стѣсняющія тенденціи, благопріятствуя парцелляціи (дробленію) земли, могутъ даже вести кое-гдѣ къ техническому регрессу въ земледѣліи.

Но капиталистическій способъ производства вредно отзывается на сельскомъ хозяйствѣ не однимъ только ограниченіемъ возможности крупнаго производства. Не менѣ вреднымъ въ

этомъ отношеніи является и вліяніе *земельной ренты*. Мы уже неоднократно указывали на то, что покупная цѣна (Kaufpreis) земли въ сущности есть ничто иное, какъ капитализированная земельная рента. Мы говоримъ здѣсь только о цѣнѣ *земли*, а не о цѣнѣ *имѣнія*. Цѣны строеній, живаго и мертваго инвентаря, какъ и цѣны всѣхъ другихъ товаровъ, опредѣляются, въ послѣднемъ счетѣ, потребнымъ для ихъ производства общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ.

Промышленный капиталистъ тоже бываетъ долженъ платить земельную ренту или купить землю. Но цѣна земли составляетъ только незначительную часть затрачиваемой имъ, въ видѣ аванса, въ производствѣ денежной суммы.

Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ называемый земельный капиталъ, т. е. капитализированная земельная рента превышаетъ ту сумму денегъ, которую сельскому хозяину приходится затрачивать на обработку имѣнія тамъ, гдѣ сельское хозяйство ведется на собственной землѣ.

Въ среднихъ и болѣе крупныхъ хозяйствахъ средней Европы, гдѣ существуетъ обработка полей и выкармливаніе скота въ стойлѣ, необходимый для веденія хозяйства капиталъ, обыкновенно, составляетъ 27—33% земельного капитала, но онъ можетъ опускаться до 15% и подниматься до 40%, смотря по интенсивности хозяйства. Средняя высота этого капитала составляетъ въ Саксоніи 40 марокъ на 1 гектаръ, при средней покупной цѣнѣ имѣній въ 1930 марокъ (см. Krämer въ Handbuch Goltz'a I, 277 и Krafft, «Betriebslehre» 58).

Бухенбергеръ приводитъ примѣръ одного баденскаго крупнаго крестьянина, имѣніе котораго стоитъ 46.233 мар. Изъ этой суммы 6820 м. (14.72%) приходится на инвентарь, 5480 м. (11.9%) на строенія, тогда какъ на землю приходится 33.923 м. (73.4%) («Bauerliche Zustände», III, 249).

Изъ всего затраченнаго капитала только *одна четверть* является дѣйствительно функционирующей въ процессѣ производства.

Такимъ образомъ, сельскій хозяинъ можетъ потреблять въ своемъ хозяйствѣ, въ качествѣ настоящаго, только незначительную часть своего капитала. Гораздо большую часть, отъ *двухъ третей до трехъ четвертей*, онъ долженъ заплатить прежнему владѣльцу земли за одно только разрѣшеніе вести хозяй-

ство. Его хозяйство, поэтому, должно постоянно имѣть меньшій размѣръ и меньшую интенсивность, чѣмъ оно могло бы имѣть по размѣрамъ находящагося въ его распоряженіи капитала.

Но такъ какъ практики вопреки теоретикамъ въ извѣстныхъ, уже выше отмѣченныхъ, предѣлахъ предпочитаютъ, при равныхъ затратахъ капитала большее, хотя бы и обремененное долгами, имѣніе, меньшему, свободному отъ долговъ, то очень рѣдко бываетъ, чтобы сельскій хозяинъ цѣликомъ заплатилъ за имѣніе. Онъ разсматриваетъ почти весь находящійся въ его распоряженіи капиталъ, какъ капиталъ, идущій на веденіе хозяйства, и этимъ соразмѣряетъ величину хозяйства, которое онъ намѣренъ завести. Земли онъ не оплачиваетъ или оплачиваетъ только незначительную часть ея; на немъ лежитъ долгъ въ размѣрѣ цѣны земли; эта цѣна земли лежитъ на его имѣніи въ видѣ ипотечнаго долга, другими словами, покупатель принимаетъ на себя обязательство уплачивать земельную ренту своему кредитору, владѣльцу ипотеки, который въ сущности и является настоящимъ собственникомъ земли.

Такимъ образомъ, всякая перемѣна владѣльца имѣнія является источникомъ его задолженности. Если даже было-бы преувеличеніемъ полагать, что смѣна владѣльцевъ является единственнымъ источникомъ обремененія землевладѣнія ипотечными долгами, и что потребность въ меліоративныхъ затратахъ здѣсь, напротивъ, можетъ не приниматься во вниманіе, то все же вѣрно, что эта смѣна является могущественнѣйшей причиной роста ипотечныхъ долговъ.

Тамъ, гдѣ существуетъ арендная система, сельско-хозяйственный предприниматель можетъ весь свой капиталъ затрачивать исключительно на веденіе хозяйства; при этой системѣ сельское хозяйство можетъ наиболѣе полно развить свой капиталистическій характеръ; фермерское хозяйство есть классическая форма проявленія капиталистическаго сельскаго хозяйства.

Рядомъ съ полнымъ использованием предпринимательскаго капитала арендная система представляетъ также ту выгоду, что позволяетъ землевладѣльцу изъ конкурирующихъ фермеровъ выбирать наиболѣе дѣльныхъ и владѣющихъ большимъ капиталомъ, тогда какъ при системѣ самостоятельнаго веденія дѣла личность самаго сельскаго хозяина опредѣляется случайностью рожденія, согласно наследственному праву.

Это не имѣетъ слишкомъ большаго значенія при мелкомъ хозяйствѣ. Крестьянское хозяйство остается все еще очень шаблоннымъ и простымъ. Да и дѣти крестьянина рано начинаютъ участвовать въ хозяйственныхъ работахъ и, такимъ образомъ, приобретаютъ необходимый опытъ. Различія въ дарованіяхъ между отдѣльными сельскими хозяевами могутъ быть и здѣсь, но они, обыкновенно, ограничиваются узкими предѣлами и не слишкомъ вліяютъ на веденіе хозяйства.

Другое дѣло въ крупномъ хозяйствѣ. Последнее является сложнымъ дѣломъ, веденіе котораго требуетъ какъ многосторонней практической опытности, такъ и основательнаго научнаго и коммерческаго образованія. Крупные же землевладѣльцы, въ процессѣ капиталистическаго развитія, дѣлаются все болѣе и болѣе классомъ, потребности и склонности котораго влекутъ въ городъ; дѣтямъ своимъ они даютъ городское воспитаніе. Воспитаніе въ сферѣ сельско-хозяйственной дѣятельности для сына крупнаго землевладѣльца вовсе не представляется такимъ обязательнымъ, какъ для сына крестьянина. Образованіе, получаемое имъ въ городѣ, не представляетъ собой основательнаго агрономическаго или коммерческаго образованія. Къ тому же, крупные землевладѣльцы, хотя и являются настоящими горожанами, все еще слишкомъ глубоко погрязли въ своихъ феодальныхъ традиціяхъ. Дворъ и армія являются мѣстомъ образованія подросткающаго поколѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ. Часто случайность рожденія дѣлаетъ сельскимъ хозяиномъ молодаго человѣка, который проходилъ «курсы наукъ» на скаковомъ кругу и въ первоклассныхъ ресторанахъ и который, благодаря этимъ занятіямъ, могъ стать развѣ только знатокомъ вина и лошадей. Понятно, что не такому человѣку демонстрировать на практикѣ превосходства крупнаго хозяйства надъ мелкимъ. Но его имѣніе, особенно при возрастаніи земельной ренты, можетъ еще на долго оттянуть для него предстоящее банкротство.

Иное дѣло арендаторъ. У него земельная рента не можетъ помочь покрытію дефицита въ предпринимательской прибыли. Нѣтъ у него также возможности помочь себѣ путемъ обремененія имѣнія долгами; каждый годъ онъ долженъ пунктуально уплачивать арендную плату. Если, съ одной стороны, можно выбирать наиспособнѣйшихъ фермеровъ, то съ другой — неспособные скоро становятся банкротами. Конкуренція среди фер-

меровъ дѣйствуетъ гораздо рѣзче, чѣмъ среди сельскихъ хозяевъ, являющихся въ то же время землевладѣльцами.

А такъ какъ фермеръ, кромѣ того, не долженъ нести никакихъ расходовъ по приобретенію земли, а часто также и строеній, то весь свой капиталъ онъ расходуетъ на веденіе хозяйства, такъ что, при данномъ размѣрѣ капитала, онъ оказывается въ состояніи наиболѣе интенсивно обрабатывать возможно большее имѣніе; слѣдовательно, при капиталистическомъ способѣ производства арендная система оказывается системой, дающей высшій размѣръ чистаго дохода.

Но и арендная система имѣетъ свои темныя стороны. Фермеръ въ высшей степени заинтересованъ въ томъ, чтобы земля давала возможно высшій доходъ, и она представляетъ для того наилучшія условія; но онъ не заинтересованъ въ постоянствѣ этого дохода и притомъ тѣмъ менѣе, чѣмъ краткосрочнѣй его арендный договоръ. Чѣмъ скорѣе онъ истощитъ почву, тѣмъ прибыльнѣе будетъ для него хозяйство. Правда, контрактъ можетъ препятствовать ему вести хозяйство, ухудшающее и истощающее почву, и арендные договоры содержатъ относительно этого самыя детальныя требованія, но это въ лучшемъ случаѣ ведетъ лишь къ удержанію хозяйства на достигнутомъ уровнѣ. Для прогресса хозяйства арендная система мало приспособлена. Фермеръ вовсе не заинтересованъ въ производствѣ улучшеній или во введеніи новыхъ приѣмовъ культуры, стоящихъ въ началѣ большихъ денегъ, а проявляющихъ свои благодѣтельныя послѣдствія—цѣликомъ или отчасти—только по истеченіи его аренднаго контракта, и являющихся причиной повышенія арендной платы, и, слѣдовательно, повышающихъ земельную ренту, а не его предпринимательскую прибыль. Фермеръ поостережется предпринимать улучшенія, если онъ не будетъ увѣренъ въ возможности получить обратно въ теченіе своего аренднаго срока затраченный капиталъ вмѣстѣ съ процентами.

Чѣмъ долгосрочнѣе арендный контрактъ, тѣмъ благопріятнѣе арендная система для сельскохозяйственнаго прогресса. Но гдѣ имѣетъ мѣсто процессъ возрастанія земельной ренты, тамъ землевладѣлецъ имѣетъ всѣ причины, по возможности, сокращать арендные контракты, такъ какъ это является вѣрнѣйшимъ средствомъ заполучить въ свой карманъ всю сумму возрастанія ренты.

Такимъ образомъ, какъ при арендной системѣ, такъ и при хозяйствѣ на собственной землѣ, земельная рента является могущественнымъ препятствіемъ къ рациональному сельскому хозяйству. Столь же могучимъ препятствіемъ является право наслѣдованія.

б) *Право наслѣдства.*

Только введеніемъ полной частной собственности на землю и уничтоженіемъ не только сословныхъ привилегій, но и привилегій рожденія можно было разбить феодальныя оковы, стѣсняшіе сельское хозяйство столько-же, сколько и индустрію, и сдѣлать возможнымъ дальнѣйшее развитіе сельскаго хозяйства. Буржуазное общество требуетъ не только равенства всѣхъ гражданъ предъ закономъ, но и равенства всѣхъ дѣтей въ семьѣ, и, слѣдовательно, раздѣла между ними родительскаго состоянія поровну. Но тѣ же самыя учрежденія, которыя повели къ быстрому расцвѣту сельскаго хозяйства, вскорѣ съ своей стороны стали превращаться для него въ новыя оковы.

Раздѣлъ родительскаго состоянія при капиталѣ является сильнымъ препятствіемъ къ соединенію массы капиталовъ въ однѣхъ рукахъ. Но концентрація капитала есть продуктъ не только централизаціи старыхъ, но и накопленія новыхъ капиталовъ, и это накопленіе настолько значительно, что концентрація капитала быстрыми шагами идетъ впередъ, не смотря на продолжающіеся раздѣлы наслѣдствъ.

Въ землевладѣніи не можетъ быть и рѣчи о явленіи, соответствующемъ накопленію новаго капитала, по крайней мѣрѣ, въ старыхъ культурныхъ странахъ, гдѣ всякій клочекъ земли имѣетъ своего собственника. Но мы знаемъ, что и централизація земельныхъ владѣній встрѣчаетъ большія затрудненія, чѣмъ централизація капиталовъ. Здѣсь раздѣлъ наслѣдства долженъ сильнѣйшимъ образомъ благоприятствовать прогрессирующей парцелляціи землевладѣнія.

Какъ-бы глубоко не вліяли юридическія отношенія на экономическую жизнь, послѣдняя въ итогѣ всегда оказывается имѣющей рѣшительный перевѣсъ. Раздробленіе землевладѣнія осуществляется поэтому только тамъ, гдѣ это позволяютъ экономическія отношенія, отношенія, указанныя въ предыдущей

главѣ. Но тамъ, гдѣ это имѣеть мѣсто, раздѣлы наслѣдства оказываются въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ для ускоренія развитія.

Гдѣ, напротивъ, имѣніе предназначается для товарнаго, а не для домашняго хозяйства, и, слѣдовательно, подчинено конкуренціи, большее имѣніе, какъ оказывается, беретъ верхъ надъ болѣе мелкимъ, и раздробленіе землевладѣнія влечетъ за собой прямыя, въ глаза бросающіяся невыгоды, напр., тамъ, гдѣ преобладаетъ производство хлѣба и для сельскаго хозяина нѣтъ возможности побочныхъ занятій; раздѣленій имѣній in partem, при раздѣлѣ наслѣдства, только съ трудомъ и въ рѣдкихъ случаяхъ получаетъ право гражданства на продолжительное время. Раздѣлъ тамъ осуществляется гораздо чаще въ такой формѣ, что одинъ изъ наслѣдниковъ удерживаетъ за собой цѣликомъ все имѣніе и выплачиваетъ остальнымъ сонаслѣдникамъ ихъ доли. Такъ какъ онъ почти никогда не обладаетъ нужнымъ для того капиталомъ, то такой раздѣлъ можетъ осуществиться, обыкновенно, только потому, что наслѣдникъ закладываетъ имѣніе. Здѣсь выплата долей сонаслѣдниковъ становится только особой формою вышеупомянутой покупки имѣнія, приобретаемаго при отсутствіи достаточнаго капитала. Но при наслѣдованіи переходъ имѣнія изъ рукъ въ руки не является добровольнымъ такимъ, который повторяется съ естественной необходимостью изъ поколѣнія въ поколѣніе. Здѣсь наслѣдственное право обусловливаетъ то, что наслѣдникъ получаетъ свое хозяйство уже заранѣе задолженнымъ и что получающіеся у него избытки онъ долженъ тратить, вмѣсто накопленія капитала и улучшеній хозяйства, на уплату процентовъ по ипотецѣ. И если ему даже удастся выплатить долги, его преемникъ окажется въ такомъ же положеніи, даже еще съ большими долгами, если за это время произошло возрастаніе земельной ренты, или паденіе процента на капиталъ, или то и другое вмѣстѣ, и цѣнность имѣнія возросла, благодаря одному или обоимъ этимъ факторамъ.

Возрастаніе стоимости имѣнія выгодно для тѣхъ, кто остается быть сельскимъ хозяиномъ, кто продаетъ свои имѣнія, но не для тѣхъ, кто становится сельскимъ хозяиномъ, кто покупаетъ имѣнія, или наслѣдуетъ ихъ вмѣстѣ съ другими сонаслѣдниками. Нѣтъ ничего ошибочнѣй мнѣнія, утверждающаго, что стремиться къ поднятію цѣнъ на имѣнія или искусственно

удерживать ихъ на высокомъ уровнѣ, значитъ дѣйствовать въ интересахъ сельскаго хозяйства. Это оказывается только въ интересахъ наличныхъ землевладѣльцевъ, земельныхъ банковъ и спекулянтовъ, торгующихъ имѣніями, но далеко не въ интересахъ сельскаго хозяйства, а всего менѣе въ интересахъ его будущаго, идущаго на смѣну старому, поколѣнія сельскихъ хозяевъ.

Раздробленіе имѣній или возрастаніе долгового бремени — такова альтернатива, передъ которой буржуазное наследственное право ставить сельскихъ хозяевъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно во Франціи, сельское населеніе старается избѣгнуть этой альтернативы при помощи *Zweikindersystem*. Безъ сомнѣнія, это является средствомъ избѣжать указанныхъ невыгодъ существующаго права наследованія, но это и другія средства, пытающіяся помочь крестьянству, затрогиваютъ интересы всего общества. Капиталистическое общество для своего развитія нуждается въ сильномъ приростѣ населенія. То государство, въ которомъ приростъ рабочихъ силъ совершается слишкомъ медленно, отстаетъ въ конкурренціонной борьбѣ капиталистическихъ націй. Оно подвергается также опасности поплатиться своимъ политическимъ могуществомъ среди соперничающихъ націй, такъ какъ оно теряетъ возможность бросить на вѣсы необходимую военную силу, покоящуюся прежде всего на числѣ годныхъ къ оружію. Во Франціи господство *Zweikindersystem* ведетъ не только къ относительному уменьшенію военной силы страны — населеніе съ 1872 по 1891 г. возросло только на 2.000.000, съ 36.000 на 38.000, а съ 1886 г. даже совсѣмъ не увеличилось, тогда какъ въ Германіи за то же время оно возросло на 9.000.000 — съ 41 до 50 милліоновъ. Оно ведетъ также къ тому, что необходимыя рабочія силы, которыхъ не даетъ населеніе страны, капиталистамъ приходится привлекать изъ-за границы: они выписываютъ бельгійцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ и т. д. Въ 1851 году во Франціи насчитывалось только 380.000 иностранцевъ, 1% населенія, въ 1891 году уже 1.130.000, — 3%. Въ Германской имперіи, напротивъ, въ 1890 г. жило только 518.510 родившихся за границей, 1% населенія. Такимъ образомъ, *Zweikindersystem* въ лучшемъ случаѣ ведетъ къ облегченію землевладѣнія на счетъ военнаго могущества и индустриальной производительности націи. Однако, и эта система

не научила ни государственныхъ людей, ни экономистовъ Франціи, какъ спасти сельское хозяйство.

в) *Залогъ и право наслѣдства.*

Во Франціи революція самымъ основательнымъ образомъ смела феодальное хозяйство и феодальное наслѣдственное право. Напротивъ, въ Англіи и Германіи крупное землевладѣніе сохранило и въ буржуазномъ обществѣ значительную силу; это, между прочимъ, проявляется въ особой формѣ наслѣдственнаго права, которую крупное землевладѣніе сохранило для себя или, по крайней мѣрѣ, для самыхъ привилегированныхъ членовъ своихъ—въ фидеикоммиссѣ. Согласно послѣднему земельное владѣніе изъ свободной собственности отдѣльнаго лица дѣлается обставленной ограниченіями заповѣдной собственностью семьи, переходящею въ пользованіе одного ея члена (обыкновенно перваго сына наслѣдодателя), но которую этотъ послѣдній не можетъ отчуждать или уменьшать. Братья и сестры наслѣдника имѣютъ равное съ нимъ право на движимое имущество наслѣдодателя, изъ участія же въ связанномъ фидеикоммиссомъ земельномъ владѣніи исключаются. Со времени аграрнаго кризиса въ Пруссіи сильно возросло число фидеикоммиссовъ. По Конраду въ 7 восточныхъ провинціяхъ Пруссіи было учреждено:

до XIX в.	153	1861/1870	36
1800/1850	72	1871/1880	84
1851/1880	46	1881/1886	135

Въ теченіе 16 лѣтъ, съ 1871 г., было учреждено болѣе фидеикоммиссовъ, чѣмъ за первыя 70 лѣтъ нашего вѣка. И учрежденіе новыхъ фидеикоммиссовъ продолжается. Недавно появилось въ печати сообщеніе, что въ Пруссіи учреждено въ 1896 г.—13, въ 1897 г.—9 новыхъ фидеикоммиссовъ. Ясно, что эти учрежденія являются не результатомъ «заботы о сельскомъ хозяйствѣ», но вслѣдствіе заботливости о нѣсколькихъ аристократическихъ семьяхъ.

Мужицкимъ видоизмѣненіемъ фидеикоммисса является особая форма права наслѣдства, которая не такъ строго ограничиваетъ землевладѣніе и оставляетъ землевладѣльцу большую свободу дѣйствій, но точно также уничтожаетъ раздѣлы наслѣдства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи п

Австріи, гдѣ преобладаетъ крупное крестьянство, эта форма сохранилась, если не въ качествѣ закона, то въ качествѣ обычая. Въ новѣйшее время изданы разнообразныя законодательныя постановленія, которыя должны закрѣпить этотъ обычай и дать ему юридическую основу, такъ какъ консервативные политики и экономисты видятъ въ немъ одно изъ сильнѣйшихъ средствъ для сохраненія крестьянскаго сословія и въ лицѣ его—опоры частной собственности.

Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта форма наслѣдства въ состояніи устранить тѣ опасности для землевладѣнія, которыя угрожаютъ ему со стороны раздѣловъ наслѣдства, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ она проводится рѣшительно, безъ колебаній. Но въ такомъ случаѣ она есть ничто иное, какъ лишеніе наслѣдства лицъ, до того участвовавшихъ въ сѣнаслѣдованіи, спасеніе крестьянскаго хозяйства на счетъ большинства крестьянскаго населенія, спасеніе *частной собственности* путемъ лишенія права лицъ, имѣющихъ это право, словомъ, возведеніе плотинъ противъ надвигающагося пролетаріата посредствомъ увеличенія того же пролетаріата.

При крупномъ землевладѣніи, связанномъ особыми условіями въ распоряженіи и наслѣдованіи, устраненіе отъ наслѣдства младшихъ сыновей, практикующееся, напр., въ Англіи, не имѣетъ большого значенія. Церковь, армія, администрація позаботятся о томъ, чтобы доставить благоразумному, лишенному наслѣдства потомству достаточно хорошо оплачиваемыхъ синекуръ. Не то у крестьянъ. Они не обладаютъ такимъ вліяніемъ на государство и церковь, чтобы пользоваться ими, какъ благотворительными учрежденіями для своихъ младшихъ сыновей. Ограниченное право наслѣдства является здѣсь ничѣмъ инымъ, какъ осужденіемъ всѣхъ дѣтей, кромѣ одного, на батрачество.

Но эта форма наслѣдства способствуетъ пролетаризированію, обнищанію крестьянскаго населенія еще и инымъ путемъ, и притомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе приближается она къ семейному фидеикоммиссу, т. е. чѣмъ сильнѣе она противодѣйствуетъ раздробленію земли и обремененію ея долгами вслѣдствіе раздѣловъ наслѣдства. Эта форма даетъ рѣшительный перевѣсъ тенденціямъ къ централизаціи землевладѣнія надъ тенденціями къ его парцелляціи. Такимъ образомъ, она даетъ воз-

возможность расширить хозяйство и поставить его на болѣе рациональныхъ началахъ, но въ то же время отрываетъ множество мелкихъ землевладѣльцевъ отъ земли, привязывающей ихъ къ родинѣ.

Эта форма ограниченнаго права наслѣдства ни по обычаю, ни по закону не имѣетъ силы у мелкихъ крестьянъ; для нихъ она была-бы только оковами; ихъ благосостояніе основывается скорѣе на ихъ денежномъ заработкѣ, независящемъ отъ владѣнія землей, чѣмъ на этомъ владѣніи землею. Она должна охранять крупныхъ крестьянъ. Въ Австріи она имѣетъ силу только для участковъ «средней величины», въ Мекленбургѣ—для крестьянскихъ имѣній, засѣвающихся по крайней мѣрѣ 37¹/₂ шеффелѣй, въ Бременѣ—для участковъ не менѣе 50 гектаровъ, въ Вестфалии и Бранденбургѣ—для имѣній съ чистымъ доходомъ отъ земли не менѣе 75 марокъ и т. д.

Ограниченное право наслѣдства крупнаго крестьянина пролетаризируетъ не только его младшихъ братьевъ и сестеръ, его младшихъ дѣтей, но имѣетъ тенденцію пролетаризировать и его сосѣдей, мелкихъ крестьянъ. А такимъ путемъ оно способствуетъ также бѣгству изъ деревни въ городъ, обезлюденію деревни, слѣдовательно противодѣйствуетъ развитію рациональнаго сельскаго хозяйства.

Такъ, напр., относительно «мѣстностей съ ограниченнымъ правомъ наслѣдства» въ Гессенѣ сообщаютъ: «Здѣсь уже нѣсколько лѣтъ раздаются всеобщія жалобы на недостатокъ рабочихъ. Множество молодыхъ сильныхъ людей, не обладающихъ никакою собственностью, выселяется отсюда въ промышленные районы; здѣсь остаются только женщины, дѣти и старики, и изъ нихъ-то сельскіе хозяева-крестьяне и владѣльцы крупныхъ экономій должны набирать свой рабочій персоналъ» («Verhältnisse der Landarbeiter», II, 233).

Еще въ большихъ размѣрахъ это имѣетъ силу при фидеикоммиссахъ. Послѣдніе являются могущественнымъ средствомъ для образованія и расширенія латифундій. Во всякомъ случаѣ невѣрно утвержденіе, что въ землевладѣніи господствуетъ только тенденція къ децентрализаціи и что только искусственныя преграды могутъ ей противодѣйствовать. Тамъ, гдѣ въ сельскомъ хозяйствѣ господствуетъ товарное хозяйство, обѣ эти тенденціи къ централизаціи и къ децентрализаціи выступаютъ одна за другой и одна рядомъ съ другой. Въ восточныхъ провин-

ціяхъ Пруссіи, по Конраду, въ концѣ прошлаго вѣка было 2498 частныхъ владѣльцевъ участковъ свыше 1000 гектаровъ, съ общей площадью въ 4.684.254 гектара. Въ томъ числѣ было 308 владѣльцевъ фидеикоммиссовъ, владѣющихъ площадью въ 1.295.613 гект., т. е. болѣе чѣмъ *четвертью* площади владѣній, превышающихъ 1000 гектаровъ. Во Франціи нѣтъ никакихъ фидеикоммиссовъ. Не смотря на то крупное хозяйство растетъ тамъ сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, какъ доказываетъ таблица, помѣщенная на 150 страницъ. Въ Германіи хозяйства свыше 50 гектаровъ въ 1895 г. составляли 32,56% всей, находящейся въ сельскохозяйственной обработкѣ, площади; во Франціи въ 1892 г. хозяйства болѣе, чѣмъ въ 40 гектаровъ, составляли 43,05%. Къ сожалѣнію, въ Французской статистикѣ при группировкѣ по классамъ отмѣчается только число хозяйствъ съ площадью, большею 40 гектаровъ, но не приводится ихъ общей площади. Интересно, что чрезвычайно увеличивается именно число самыхъ крупныхъ хозяйствъ. Насчитывалось хозяйствъ больше 40 гектаровъ въ 1882 г.— 142.000, въ 1892 г.—139.000, уменьшеніе—3000. Изъ нихъ:

	1882	1892	
отъ 40—100 гект.	113.000	106.000,	уменьш. —7.000
свыше 100 »	29.000	33.000,	увеличеніе +4.000

Правда, это статистика хозяйствъ, а не статистика владѣній. Но все же она указываетъ на общую тенденцію. Статистика владѣній можетъ обнаружить только большую, но никакъ не меньшую централизацію, чѣмъ приведенная статистика хозяйствъ.

Но если не вѣрно, что только защита фидеикоммисса порождаетъ крупное землевладѣніе, то все же вѣрно, что эта защита въ высшей степени благоприятствуетъ его возникновенію и развитію; этимъ она создаетъ также необходимыя предварительныя условія для высшей ступени развитія сельскаго хозяйства, какой только можетъ достигнуть послѣднее при капиталистическомъ способѣ производства.

Большое протяженіе латифундій прежде всего позволяетъ давать каждой отдѣльной отрасли хозяйства тотъ размѣръ и тотъ видъ земельной площади, которые наиболѣе соответствуютъ особенностямъ этихъ отраслей; оно даетъ возможность объединять различныя отрасли хозяйства въ общій планомѣрный экономическій организмъ; съ другой стороны фиденком-

миссь облегчаетъ накопленіе капитала съ цѣлью интесифицированья хозяйства, такъ какъ онъ снимаетъ съ него тѣ тягости, которыя ведетъ за собой раздѣль наслѣдствъ. Согласно даннымъ роста задолженности въ 1883 г. въ 42 прусскихъ административныхъ округахъ на одинъ талеръ чистаго дохода отъ земли долговъ (безъ вычета цѣнностей заложенныхъ строеній) приходилось:

Фидеикоммиссъ и
имѣнія на особыхъ
условіяхъ завѣ-
щанія.
20,30 марокъ.

Владѣнія съ чистымъ доходомъ отъ земли:

свыше 500 тал.	отъ 100—500 тал.	отъ 30—100 тал.
84,40 мар.	56,20 мар.	56,20 мар.

Обезпеченность владѣнія, свойственная фидеикоммиссу, вызываетъ разсчитанныя на долгіе сроки улучшенія, а также способствуетъ развитію арендныхъ отношеній, которыя развиваются легче всего тамъ, гдѣ арендаторъ увѣренъ, что права его не будутъ нарушены съ переходомъ имѣнія въ другія руки или при несостоятельности владѣльца.

Поэтому нельзя назвать случайностью тотъ фактъ, что существованіе охраняемыхъ посредствомъ фидеикоммиссовъ латифундій порождаетъ обѣ высшія формы капиталистическаго сельскаго хозяйства, въ Англии—капиталистическую арендную систему, въ Австріи—исполинское хозяйство объединенныхъ доменовъ.

Но если эта форма латифундій представляетъ даже болѣшую *возможность* веденія наиболѣе совершеннаго капиталистическаго хозяйства, чѣмъ всякая другая форма землевладѣнія, то именно охраняемая фидеикоммиссами латифундіи болѣе, чѣмъ всякій другой видъ землевладѣнія, устраняютъ *необходимость* рациональнаго хозяйства. Эта необходимость исчезаетъ прежде всего потому, что владѣлецъ латифундій освобождается отъ необходимости защищать свое имѣніе въ конкурренціонной борьбѣ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто отождествляетъ конкурренцію на рынкѣ съ борьбой за существованіе и объявляетъ ее естественной необходимостью. Извѣстное соревнованіе сочленовъ общества другъ съ другомъ и подборъ приспособленнѣйшихъ есть, конечно, непремѣнное условіе всякаго дальнѣйшаго прогресса общества и закрѣпленія уже достигнутаго развитія. Однако сильно ошибается тотъ, кто заявляетъ, что сущность грядущаго общества не согласима ни съ этимъ соревнованіемъ, ни съ этимъ подборомъ. Уничтоженіе классовыхъ различій, уравненіе жизненнаго уровня отдѣльныхъ обществен-

ныхъ классовъ вовсе не означаетъ уничтоженія всякихъ социальныхъ различій, могущихъ увеличивать энергію отдѣльныхъ личностей. И теперь уже внутри рабочаго союза, между членами котораго нѣтъ никакого классоваго различія, никакой разницы въ уровнѣ жизненнаго комфорта (*standard of life*), мы видимъ различія въ уваженіи, во вліяніи, въ способѣ проявленія индивидуальностей и сообразно съ этимъ соревнованіе и подборъ при избраніи представителей или лицъ, ведущихъ дѣла всего союза; понятно, что эти различія возрастутъ еще больше внутри такого сложнаго цѣлаго, какъ грядущее общество. Равенство жизненнаго уровня никоимъ образомъ не подавляетъ соревнованія и не дѣлаетъ невозможнымъ подбора приспособленнѣйшихъ при замѣщеніи самыхъ выдающихся и, въ тоже время, самыхъ отвѣтственныхъ и трудныхъ должностей; оно скорѣе является необходимой предпосылкой этого соревнованія. Скачки лошадей, начавшихъ свой бѣгъ съ разныхъ мѣстъ ипподрома, есть бессмыслица; такая же бессмыслица—соревнованіе между людьми, уже съ самаго начала поставленными въ неравныя положенія. Но и подборъ приспособленнѣйшихъ можетъ осуществиться только среди стоящихъ въ одинаковыхъ условіяхъ.

Это соревнованіе и этотъ подборъ не представляютъ собой конкуренціи въ смыслѣ буржуазной экономіи. И то, и другое имѣетъ и теперь мѣсто *внутри* капиталистическаго предпріятія тамъ, гдѣ господствуетъ не конкуренція, какъ она понимается этими экономистами, а планомѣрное сотрудничество. Господство конкуренціи въ качествѣ регулятора экономической жизни начинается тамъ, гдѣ прекращается планомѣрное сотрудничество. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ самостоятельныхъ предпріятій при товарномъ производствѣ опредѣляются конкуренціей. Внутри отдѣльнаго предпріятія производство регулируется планомѣрно съ наивозможной экономіей; производство же внутри общества остается лишеннымъ общаго плана, и если оно не дѣлается совершенно хаотическимъ, то только благодаря тому обстоятельству, что продукты, произведенные въ избыткѣ, обезцѣниваются, а тѣ, на которые затрачено слишкомъ мало общественнаго рабочаго времени и которые не удовлетворяютъ спроса, оплачиваются выше своей цѣнности—способъ дѣйствія самый расточительный и нераціональный изъ всѣхъ, какіе только можно себѣ представить.

Отсутствію планомѣрности въ товарномъ хозяйствѣ соотвѣтствуетъ и способъ выбора владѣльцевъ и руководителей отдѣльныхъ предпріятій. При господствѣ частной собственности на средства производства этотъ выборъ опредѣляется прежде всего *случайностью рожденія*. Только уже на второмъ планѣ выступаетъ подборъ, осуществляемый дѣйствительно конкуренціей; однако этотъ подборъ дѣйствуетъ не путемъ выживанія наиболее способныхъ, а скорѣе путемъ выкидыванья неспособныхъ, и притомъ не путемъ удаленія неспособнаго руководителя изъ его предпріятія, а путемъ уничтоженія всего предпріятія,—способъ, который по своей жестокости и бесплодной тратѣ силъ можетъ во всякомъ случаѣ помириться съ борьбой за существованіе отдѣльныхъ организмовъ въ природѣ, какъ ни мало у нихъ общаго въ другихъ отношеніяхъ.

Но какъ-бы грубо расточителенъ ни былъ этотъ методъ, при господствѣ товарнаго производства и частной собственности на средства производства онъ является единственно обезпечивающимъ наибольшую экономію и наивозможно раціональную постановку производства въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Фидеикомиссы уничтожаютъ это принужденіе, не уничтожая частной собственности на средства производства, которая дѣлаетъ необходимымъ это принужденіе. Какъ-бы плохо ни велъ дѣло владѣлецъ защищеннаго фидеикомиссомъ имѣнія, онъ можетъ такимъ путемъ только уменьшить свои доходы, но не подвергаетъ никакой опасности свое имѣніе.

Было-бы безсмысленно мечтать объ обезпеченіи индустріальнаго или торговаго капитала помощью своего рода фидеикомиссовъ. Этотъ капиталъ слишкомъ подвиженъ и измѣнчивъ, чтобы выносить подобные оковы. Капиталъ постоянно находится въ процессѣ обмѣна веществъ; сегодня онъ существуетъ въ формѣ денегъ, завтра въ формѣ средствъ производства, послѣ завтра въ товарной формѣ; онъ подверженъ разнообразнымъ сокращеніямъ и расширеніямъ, смѣнѣ періодовъ кризиса и процвѣтанія и т. д. Напротивъ, земля, какъ-бы часто не приравнивали ее капиталу, подчиняется совершенно другимъ законамъ. Она не представляетъ собою созданной трудомъ цѣнности, не подлежитъ процессу обращенія. Уже съ матеріальной стороны она совершенно отлична отъ средствъ производства, представляющихъ капиталъ. Средства производства изнашиваются, земля же неразрушима. Они постоянно оказываются из-

лишними, благодаря новымъ изобрѣтеніямъ, земля неизмѣнно остается естественнымъ базисомъ всякаго производства. Конкуренція между капиталами возрастаетъ съ ихъ накопленіемъ, а слѣдовательно съ ростомъ индустріи и населенія; земля же по мѣрѣ этого роста все болѣе пріобрѣтаетъ монопольный характеръ.

Насколько бессмысленно было-бы поэтому желаніе какой-либо семьи обезпечить себѣ владѣніе своимъ капиталомъ при помощи наложенія фидеикомиссныхъ ограниченій на фабрику или банкъ, настолько же при землевладѣніи наложеніе ограниченій такого рода является соответствующимъ интересамъ семьи, не смотря на то, что фидеикомиссъ менѣе, чѣмъ какая-либо другая форма землевладѣнія, принуждаетъ къ веденію наиболѣе рациональнаго хозяйства. Наличный владѣлецъ при плохомъ веденіи хозяйства можетъ только повредить самому себѣ временнымъ уменьшеніемъ земельной ренты, но онъ не можетъ разрушить источника дохода. Этотъ доходъ переживаетъ поколѣнія. Уже à priori понятно плохое веденіе хозяйства при связанномъ фидеикомиссомъ землевладѣніи. Современный фидеикомиссъ предполагаетъ, что государственная власть сильно заинтересована въ благосостояніи отдѣльныхъ землевладѣльческихъ семей, ибо эта власть дозволяетъ и охраняетъ фидеикомиссъ. Эти семьи, принадлежащія къ придворной знати, становятся такимъ образомъ въ привилегированное положеніе; родъ занятій держитъ ихъ вдали отъ сельскаго хозяйства и дѣлаетъ непригодными къ роли сельскихъ хозяевъ. Если фидеикомиссныя латифундіи, не смотря на это, не принадлежатъ къ числу самыхъ худшихъ хозяйствъ, а иногда оказываются образцовыми хозяйствами, то этимъ онѣ обязаны или капиталистической арендной системѣ, имѣющей въ этихъ помѣстьяхъ наиболѣе благопріятную почву для развитія, или современнымъ сельскохозяйственнымъ школамъ, дающимъ болѣе чѣмъ достаточное количество наилучшихъ управляющихъ, которые за недорогую плату являются къ услугамъ господъ владѣльцевъ латифундій, и въ ихъ помѣстьяхъ находятъ скорѣе всего возможность примѣнить свои занятія и дарованія.

Но небрежный или неспособный землевладѣлецъ легко будетъ дѣлать серьезныя ошибки при выборѣ своихъ арендаторовъ или управляющихъ. Во всякомъ случаѣ хорошее хозяйство въ немаломъ количествѣ латифундій доказываетъ не

преимущество института фидеикоммиссовъ, но превосходство крупнаго хозяйства, которое обнаруживается даже и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Фидеикоммиссъ противодѣйствуетъ наиболѣе рациональному веденію хозяйства не только тѣмъ, что обезпечиваетъ за землевладѣльцемъ его помѣстье. Фидеикоммиссъ или уже съ самаго начала представляетъ собой латифундію, или же, какъ мы видѣли, ведетъ къ образованію таковой, такъ какъ устраняетъ тенденціи къ децентрализаціи землевладѣнія и позволяетъ проявляться только тенденціямъ къ централизаціи. Но чѣмъ крупнѣе помѣстье, тѣмъ больше общая сумма ренты, приносимой имъ, тѣмъ роскошнѣе образъ жизни землевладѣльца. А землевладѣльцы, особенно владѣльцы фидеикоммиссныхъ имѣній, у которыхъ сильны еще традиціи феодальной эпохи, ближе всего цѣнятъ тѣ удовольствія, которыя связаны съ обладаніемъ земли. Чѣмъ больше помѣстье и чѣмъ лучше ведется хозяйство на одной части его, чѣмъ больше земельная рента, тѣмъ больше стремленіе употребить остальную часть имѣнія исключительно на удовольствія, на постройку увеселительныхъ замковъ, декоративныхъ садовъ, парковъ, участковъ для разведенія дичи, тѣмъ меньшая, слѣдовательно, часть помѣстья служитъ для производства средствъ жизни. Въ томъ же направленіи, впрочемъ, дѣйствуетъ и развитіе капиталистической эксплуатаціи, въ городахъ. Съ ростомъ эксплуатаціи, съ увеличеніемъ массы прибавочной цѣнности растутъ и роскошь среди буржуазіи, проявляющаяся между прочимъ въ приобрѣтеніи и постройкѣ дачъ—отъ великолѣпнаго замка финансоваго короля до простой дачи мелкаго купца или фабриканта—дачь, главное назначеніе которыхъ—удовольствіе, въ которыхъ хозяйство является побочнымъ дѣломъ. Чѣмъ больше развиваются средства сообщенія, чѣмъ легче сношенія между городомъ и деревней, тѣмъ дальше проникаютъ эти дачи и тѣмъ въ большихъ размѣрахъ вытѣсняются ими съ своихъ мѣстъ крестьяне.

Но возрастаніе массы прибавочной цѣнности и облегченіе сношеній города съ деревней проявляются не только въ устройствѣ дачъ, но и въ распространеніи охоты, перестающей быть феодальной привилегіей и становящейся также буржуазнымъ удовольствіемъ. Это ведетъ, съ одной стороны, къ росту лѣсовъ на счетъ крестьянскихъ имѣній, а съ другой—къ чрезмѣрному обереганію и размноженію дичи даже и безъ расширенія лѣ-

снѡй площади. Не одни только лѣса даютъ кормъ дичи; гораздо лучшую пищу находить она на поляхъ и лугахъ. Размноженіе дичи дѣйствуетъ на крестьянское хозяйство столь же разрушительно, какъ и ростъ лѣсовъ. Не смотря на это, распространеніе охотничьяго спорта иногда можетъ быть и полезнымъ для крестьянина. Этотъ спортъ распространяется такъ сильно, что въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ общинахъ, сдающихъ въ аренду свою охоту, спросъ превышаетъ предложеніе и арендныя цѣны растутъ. Въ такомъ случаѣ каждый заяцъ обходится очень дорого, и для крестьянъ можетъ оказаться выгоднѣе кормить продуктами своей земли зайцевъ и куропатокъ вмѣсто коровъ и людей. Нѣкоторымъ крестьянскимъ общинамъ сдача охоты въ аренду даетъ значительный доходъ. Но рациональное веденіе сельскаго хозяйства, конечно, всегда встрѣчаетъ препятствія со стороны охотничьяго спорта.

Такимъ образомъ, даже увеличеніе прибавочной цѣнности въ городахъ вызываетъ къ жизни вредныя для сельскаго хозяйства тенденціи, точно такъ же, какъ ростъ земельной ренты и наследственное право. Что касается послѣдняго, то его вредное вліяніе отмѣчается экономистами тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе они къ сельскому хозяйству. Но, въ качествѣ представителей интересовъ буржуазнаго общества, они вообще далеки отъ желанія требовать уничтоженія права наследства на землю и обращенія ея въ общественную собственность. Теоретически общественное право собственности на землю, конечно, не является несовмѣстнымъ съ буржуазнымъ обществомъ, но буржуазія инстинктивно чувствуетъ, что отдѣльныя области буржуазнаго общества находятся въ тѣснѣйшей связи и взаимодействіи, а потому она самымъ рѣшительнымъ образомъ борется противъ обобществленія земли, хотя послѣднее и *совмѣстимо* съ капиталистическимъ производствомъ и хотя оно освободило бы сельское хозяйство отъ тяготящаго надъ нимъ съ каждымъ поколѣніемъ растущаго бремени.

Буржуазная экономія предпочитаетъ съ ученымъ видомъ заниматься симптомами; чтобы нѣсколько облегчить задолженность, происходящую вслѣдствіе перехода имѣній по наследству, она выдумываетъ особыя формы кредита. По большей части она объявляетъ объ системы наследственнаго права—равный дѣлежъ наследства и монополизацию наследствъ въ пользу одного члена семьи—одинаково вредными и отсюда выводитъ....

необходимость ихъ обѣихъ; одна должна служить противоядіемъ другой. Если въ Англіи господствуетъ особый родъ фиденкоммисса, а во Франціи равный раздѣлъ наслѣдства, то Германія представляетъ собой обѣтованную страну, гдѣ мы находимъ въ дѣйствиіи обѣ эти системы. Мы не можемъ, однако, признать, чтобы нѣмецкое сельское хозяйство было, благодаря этому, поставлено въ лучшія условія, чѣмъ англійское или французское. Но все вышеизложенное еще не охватываетъ всѣхъ вредныхъ для сельскаго хозяйства факторовъ, возникающихъ или усиливающихся подъ вліяніемъ капиталистическаго производства.

г) Эксплуатація деревни городомъ.

Мы видѣли, какъ возрастаетъ земельная рента и задолженность сельскихъ хозяевъ. Только часть земельной ренты и процентовъ по долгамъ остается въ деревнѣ, потребляясь или накапливаясь; большая же часть уходитъ въ городъ, и часть эта растетъ все болѣе и болѣе. Пока деревня сохраняетъ еще свой патріархальный характеръ, крестьянину приходится отыскивать въ ближайшихъ окрестностяхъ людей, которые ссудили-бы его деньгами. Кредиторами его являются не только деревенскіе евреи, хлѣбо—и скототорговцы, лавочники, содержатели трактировъ, но также въ значительной степени христіане—крупные крестьяне, умѣющие затягивать петлю не хуже другихъ. Но съ развитіемъ всѣхъ отношеній, заемъ перестаетъ быть случайнымъ актомъ, вызваннымъ плохимъ веденіемъ хозяйства или исключительнымъ несчастьемъ, актомъ, совершаемымъ по возможности, самымъ тайнымъ образомъ, такъ какъ необходимость займа всегда позволяетъ заключить о бѣдственномъ положеніи заемщика; по мѣрѣ того, какъ пользованіе кредитомъ становится необходимой частью самаго процесса производства, по мѣрѣ того, какъ развиваются товарныя отношенія между городомъ и деревней, примитивное, тайное ростовщичество вытѣсняется особыми учрежденіями, въ которыхъ открыто совершаются кредитныя операціи, являющіяся нормальнымъ актомъ, а не послѣднимъ средствомъ, за которе хватаются въ отчаяніи; соотвѣтственно этому они оплачиваются не грабительскими, а только нормальными процентами. Эти учрежденія или уже съ самаго начала являются городскими, какъ банки и многія кредитныя товарищества, или же только заимствуютъ необходимые для своихъ цѣлей капи-

талы у городскихъ капиталистовъ. Это превращеніе кредитнаго дѣла есть необходимая фаза развитія. Но какъ-бы полезно ни было оно для отдѣльныхъ крестьянъ, въ цѣломъ оно представляетъ собою ничто иное, какъ ростъ обязательствъ деревни платить дань городу; постоянно возрастающая часть создаваемыхъ въ деревнѣ цѣнностей уходитъ въ городъ, не замѣщаясь никакими другими цѣнностями.

Тоже самое происходитъ съ земельной рентой. Чѣмъ дальше идетъ капиталистическое развитіе, тѣмъ значительнѣе разница культурныхъ условій города и деревни, тѣмъ скорѣе деревня отстаетъ отъ города, тѣмъ больше средствъ для наслажденія жизнью и развлеченій даетъ городъ въ противоположность деревнѣ. Одновременно съ этимъ растетъ легкость сношеній между городомъ и деревней. Если рента достаточно высока, если имѣніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что можетъ быть сдано арендаторамъ или поручено наемнымъ лицамъ, то владѣльцы, вполне естественно, предпочитаютъ большую или меньшую часть года проводить въ городахъ, расходуя тамъ свою ренту, а крайнее проявленіе этого стремленія ведетъ къ абсентизму, къ бѣгству землевладѣльцевъ изъ своихъ имѣній, какъ напр. въ Ирландіи или Сициліи, гдѣ вѣковое небрежное хозяйничаніе вернуло безграничныя латифундіи къ варварскому состоянію, благодаря чему даже кратковременное пребываніе владѣльца въ своемъ имѣніи далеко не можетъ доставить ему удовольствій, а вѣдь удовольствіе—единственная цѣль жизни подобныхъ землевладѣльцевъ. Ирландское и сицилійское хозяйство обнаруживаютъ гибельныя послѣдствія охраняемой фидеикоммиссомъ системы латифундій, возникающихъ тамъ, гдѣ не развилось современное капиталистическое крупное производство и гдѣ оно не въ состояніи уничтожить эти послѣдствія. Но и помимо крайностей абсентизма, временное отсутствіе крупнаго землевладѣльца изъ своего помѣстья становится обычнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обычнымъ дѣлается уплываніе части его земельной ренты изъ деревни въ городъ. Роскошный образъ жизни помѣщика въ деревнѣ (охота, увеселительные замки) также только вредитъ сельскому хозяйству, способствуя уменьшенію культурной площади и освобожденію крестьянскихъ рабочихъ силъ, тогда какъ въ городѣ тотъ же образъ жизни благопріятно вліяетъ на индустрію и торговлю, ведетъ къ увеличенію занятій, къ привлеченію рабочихъ силъ и къ накопленію капитала.

Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ денежныя налоги, все болѣе и болѣе возрастающіе и самымъ тяжелымъ бременемъ ложащіеся на крестьянство.

Въ городахъ производство уже съ самаго начала является товарнымъ, развитіе же товарнаго производства порождаетъ денежныя налоги. Въ деревнѣ производство, особенно въ болѣе мелкихъ хозяйствахъ, даже въ наше время остается еще преимущественно производствомъ для собственнаго потребленія. Развитіе города навязываетъ деревнѣ денежную форму налоговъ, не вытекающую изъ сельско-хозяйственнаго способа производства, но первоначально даже стоящую въ противорѣчьи съ нимъ, и, благодаря этому, денежная форма налоговъ становится могущественнымъ факторомъ переворота въ способъ производства.

Денежныя налоги въ деревнѣ являются одной изъ побудительныхъ причинъ развитія производства для собственнаго потребленія въ товарное производство. Но денежныя налоги и прочія, покрываемыя деньгами, потребности крестьянъ растутъ, обыкновенно, гораздо быстрѣе, чѣмъ сельское товарное производство и соотвѣтствующія ему торговыя и кредитныя учрежденія. Это и донынѣ часто бываетъ причиной постоянныхъ денежныхъ затрудненій крестьянина и его зависимости отъ торговыхъ посредниковъ и ростовщиковъ.

Но тѣмъ не менѣе денежныя налоги, такъ сильно угнетая крестьянина, способствуютъ развитію, только не деревни, а города, особенно большаго города. Только минимальная доля государственныхъ налоговъ расходуется въ деревнѣ; въ городахъ помѣщаются казармы, въ городахъ—пушечныя и оружейныя заводы, министерства, суды; тамъ, слѣдовательно, и адвокаты, которымъ долженъ платить крестьянинъ, когда ему приходится вести процессъ; въ городахъ—существующія на государственныя средства среднія и высшія учебныя заведенія, музеи, получающіе отъ казны субсидію, театры и т. д., и т. д. Крестьянинъ, точно такъ-же какъ и горожанинъ, долженъ дѣлать свой взносъ на покрытіе культурныхъ потребностей, но пользованіе благами культуры ему совершенно недоступно. Неудивительно, что онъ не понимаетъ культуры, и относится къ ней враждебно, такъ какъ для него она только бремя налоговъ, къ радости реакціонной демагогіи, которая, якобы щадя народный кошелекъ, требуетъ ограниченія расходовъ на культурныя цѣли вмѣсто

того, чтобы стремиться къ распространенію культуры на деревню и къ уничтоженію культурной противоположности между городомъ и деревней. Это будетъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ общества будущаго. Концентрація всей государственной жизни въ городахъ объясняется не враждебнымъ отношеніемъ къ сельскому хозяйству, а господствомъ экономическихъ силъ, оказывающихся вліятельнѣе желаній правительства. Современные правительства скорѣе очень дружески настроены по отношенію къ сельскому хозяйству, и даже, какъ извѣстно, поддерживаютъ его всевозможными способами: пошлинами на съѣстные припасы, подачками и преміями всякаго рода.

Но какъ-бы ни были значительны производимыя такимъ путемъ перемѣны въ имущественныхъ отношеніяхъ, процессъ отлива товарныхъ цѣнностей изъ деревни, безъ соотвѣтствующаго эквивалента городскихъ цѣнностей, не только не останавливается, но даже и не задерживается. Всѣ эти мѣры помощи въ концѣ концовъ оказываются полезными только землевладѣнію; это—средство къ *поднятію земельной ренты*. Рента же, какъ мы знаемъ, составляетъ бремя для сельскаго хозяйства, что явно дѣйствуетъ при арендной системѣ, и скрытно, но не менѣе сильно, при ипотечной системѣ. При арендной системѣ эта поддержка позволяетъ арендатору платить болѣе высокую аренду. Тамъ же, гдѣ землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ, первый, повидимому, выигрываетъ вмѣстѣ со вторымъ; но возрастаніе земельной ренты ведетъ къ повышенію цѣны его имѣнія; это можетъ повести даже и наличнаго владѣльца къ увеличенію долговъ на его имѣніе и ужъ, конечно, увеличить долговое бремя его преемника, будь онъ покупатель или наслѣдникъ. Но спустя немного времени, эта поддержка сельскаго хозяйства превращается въ поддержку, оказываемую фактическимъ землевладѣльцамъ, т. е. кредиторамъ, давшимъ деньги подъ залогъ имѣній.

Живутъ же эти кредиторы большей частью въ городѣ; тамъ же потребляютъ большую часть своей ренты и крупные землевладѣльцы; поднятіе земельной ренты, благодаря пошлинамъ, субсидіямъ и т. д., не означаетъ, такимъ образомъ, обложенія города въ пользу деревни, возвращенія цѣнностей изъ перваго въ послѣднюю. Это поднятіе земельной ренты означаетъ скорѣе, что, кромѣ сельскаго хозяйства, контрибуціей въ пользу нѣсколькихъ, живущихъ большей частью въ городѣ,

землевладѣльцевъ и ихъ городскихъ кредиторовъ, облагается еще и масса городского населенія.

Отливу цѣнностей въ городъ, неуравновѣшиваемому возвращеніемъ ихъ эквивалентовъ и постоянно возрастающему, соотвѣтствуетъ все болѣе возрастающій отливъ изъ деревни жизненныхъ средствъ, въ видѣ хлѣба, мяса, молока и т. д., которые долженъ продавать сельскій хозяинъ для уплаты налоговъ, процентовъ по займамъ и арендной платы. Въ то же время, вслѣдствіе прогрессирующаго упадка домашней промышленности сельскаго населенія, рассчитанной на собственное потребление, и вслѣдствіе возрастанія потребностей населенія въ продуктахъ городской индустріи, растетъ уплываніе изъ деревни въ городъ и такихъ цѣнностей, которымъ соотвѣтствуетъ притокъ въ деревню ихъ эквивалентовъ. Но, хотя съ точки зрѣнія закона цѣнности это уплываніе, вовсе не означаетъ эксплуатаціи деревни городомъ, однако фактически оно ведетъ, какъ и всѣ только что упомянутые факторы, къ ея матеріальной эксплуатаціи, къ обѣднѣнію земли питательными веществами. Прогрессъ техники земледѣлія, далеко не вознаграждая этой потери, является скорѣе ничѣмъ инымъ, какъ прогрессирующимъ улучшеніемъ методовъ высасыванія изъ земли соковъ и увеличенія количества питательныхъ веществъ, ежегодно изъ нея извлекаемыхъ и уходящихъ въ городъ.

Этому мнѣнію противопоставляется утвержденіе, что современная агрономія видитъ центръ тяжести въ статикѣ земледѣлія и требуетъ, чтобы извлекаемая изъ почвы питательная вещества вновь возвращались ей въ видѣ соотвѣтствующаго удобрения. Однако, этимъ вовсе не поколеблено вышевысказанное мнѣніе. Фактъ растущаго истощенія почвы установленъ прочно. При нынѣшнихъ отношеніяхъ города и деревни и при современныхъ способахъ обработки земли истощеніе это въ короткое время привело-бы сельское хозяйство къ упадку, еслибы не примѣнялось вспомогательное удобреніе. Послѣднее даетъ возможность отвратить уменьшеніе плодородія земли, но необходимость примѣнять его во все возрастающихъ размѣрахъ означаетъ только новое бремя, лежащее на сельскомъ хозяйствѣ въ числѣ многихъ другихъ, являющихся не результатомъ естественной необходимости, а слѣдствіемъ существующихъ социальныхъ отношеній. При уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней или, по крайней мѣрѣ,

между густо населеннымъ большимъ городомъ и опустѣвшей деревней, извлекаемая изъ почвы вещества могли-бы опять сполна возвращаться въ нее, и вспомогательное удобреніе въ такомъ случаѣ имѣло-бы въ виду развѣ только обогащеніе почвы нѣкоторыми веществами, а не противодѣйствіе ея истощенію. Каждый успѣхъ техники земледѣлія обозначалъ-бы тогда, даже и безъ прибавленія искусственныхъ удобреній, увеличеніе содержанія въ почвѣ растворимыхъ питательныхъ веществъ.

Замѣчательно, что, не смотря на весь прогрессъ агрономіи, въ Англіи, начиная съ 60-ыхъ годовъ и до 80-ыхъ, урожаи пшеницы уменьшались, тогда какъ до этого времени они возрастали. Годовой сборъ съ акра равнялся въ среднемъ:

1857—1862	28.4	бушелей
1863—1864	30.8	«
1859—1878	27.2	»
1875—1880	22.6	»

Это паденіе урожайности прекращается въ 80-ыхъ годахъ, что объясняется не повышеніемъ плодородія почвы, но заатлантической конкуренціей, превратившей въ пастбища земли, непригодныя для воздѣлыванія пшеницы, благодаря чему подъ обработкой остались только самые плодородныя участки. Площадь подъ пшеницей сократилась съ 60-ыхъ годовъ до настоящаго времени съ 3.800.000 до 1.900.000, т. е. какъ разъ вдвое.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть также объ эпизоотіяхъ и болѣзняхъ растений, съ дальнѣйшимъ развитіемъ капиталистической культуры все чаще посѣщающихъ сельское хозяйство и лежащихъ на него тяжелымъ бременемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ бѣдствій въ послѣднія десятилѣтія приняли такіе размѣры, что угрожали сдѣлать совершенно невозможной сельскохозяйственную дѣятельность въ цѣлыхъ странахъ; стоитъ вспомнить объ опустошеніяхъ, причиненныхъ филлоксерой и колорадскимъ жучкомъ, ящуромъ, рожистымъ воспаленіемъ и чумой у свиней.

«Убытки отъ филлоксеры (во Франціи), вслѣдствіе которыхъ былъ даже уменьшенъ отчасти налогъ, оцѣнивались въ 1884 г. въ 125,9, въ 1885 г.—165,6, 1886—175,3, 1887—185,1. 1888—61,5 милліоновъ франковъ.... По новѣйшимъ свѣдѣніямъ опустошенія, причиняемая филлоксерой, продолжаются. Со времени своего перваго появленія (1880 г.) это опасное насѣ-

комое распространилось уже въ 63 департаментахъ (1890 г.) и опустошило сотни тысячъ гектаровъ виноградниковъ». (Juraschek, «Uebersichten der Weltwirthschaft», 328).

Ящуромъ было поражено въ Германіи:

Годы.	Число скотн. дворовъ.	Изъ нихъ число пороженныхъ головъ
въ 1887	1.242	31.868
» 1888	3.185	82.834
» 1889	23 219	555.178
» 1890	39.693	816.911
» 1891	44.519	821.130
» 1892	105.929	4.153.519

Послѣ 1892 года наступило временное ослабленіе эпизоотій, но въ 1896 г. онѣ опять захватили 68.874 двора, въ которыхъ числилось всего 1.548.429 головъ.

Таковы ужасающія цифры.

Главная причина этого быстрого увеличенія опасности отъ эпизоотій заключается, какъ намъ кажется, въ вытѣсненіи прежнихъ породъ полезныхъ животныхъ и растений «облагороженными» породами, т. е. продуктами искусственнаго подбора. Естественный подборъ ведетъ къ подбору и развитію индивидовъ, наиболѣе пригодныхъ для сохраненія вида, искусственный подборъ въ капиталистическомъ обществѣ оставляетъ этотъ моментъ совершенно въ сторонѣ; для него задачей является подборъ и выращиваніе индивидовъ, которые были-бы возможно болѣе пригодны для обращенія въ цѣнности, которые требовали-бы наименьшихъ издержекъ, созрѣвали-бы скорѣе и у которыхъ наиболѣе развивались-бы полезные органы, а органы, не превращающіеся въ цѣнности, по возможности атрофировались. Такого рода «облагороженные» породы приносятъ гораздо высшую прибыль, чѣмъ естественно развившіяся, но ихъ устойчивость и способность къ сопротивленію неблагоприятнымъ условіямъ необыкновенно малы. Тогда какъ способность къ сопротивленію усовершенствованныхъ породъ уменьшается, ихъ распространеніе возрастаетъ. «Благородныя» животныя и растенія, благоденствующія только при самомъ тщательномъ и умѣломъ уходѣ, въ наше время, благодаря стремленію къ сохраненію мелкихъ крестьянъ и къ улучшенію ихъ хозяйства, находятъ доступъ и въ эти хозяйства. Въ то же время измѣняется также самый характеръ хозяйства, что особенно поразительно проявляется въ содержаніи скота. Лѣтняя пастьба, укрѣплявшая и освѣжавшая скоть, выходитъ изъ употребленія, а помѣщенія

для скота у крестьянина, вследствие недостатка денег, не улучшаются и не расширяются. Въ этихъ крестьянскихъ стойлахъ, въ тѣснотѣ и грязи которыхъ еще съ трудомъ могъ проводить зиму грубый средневѣковый скоть, нѣжный нынѣшній скоть остается запертымъ на всю жизнь. Даже въ Англии, именно въ дѣлѣ скотоводства стоящей на высокой ступени, стойла по большей части неудовлетворительны.

«Г-нъ Wilson Fox констатируетъ въ своемъ отчетѣ изъ Ланкашира что нездоровыя и плохо построенныя помѣщенія для скота съ ихъ недостаточнымъ пространствомъ и доступомъ воздуха много способствуютъ распространенію туберкулеза у рогатаго скота. Въмѣсто 600 куб. футовъ корова, въ иныхъ случаяхъ, получаетъ только 260 куб. футовъ воздуха, и изоляція заболѣвшихъ животныхъ не практикуется. Одинъ изъ дававшихъ свѣдѣнія указалъ на то, что если-бы законъ объ устройствѣ стойлъ дѣйствительно осуществлялся вокругъ Chorley, то 0,7 построекъ для скота пришлось-бы снести. (Отчетъ объ изслѣдованіи англійскаго сельскаго хозяйства 1897 г., 363).

Одной изъ причинъ, благопріятствующей опустошеніямъ, производимымъ вредными для растений насѣкомыми, является исчезновеніе насѣкомоядныхъ птицъ, вызванное не только ихъ преслѣдованіемъ, но еще болѣе уменьшеніемъ возможности для нихъ устраивать гнѣзда, что является слѣдствіемъ развитія культуры. Въ лѣсномъ хозяйствѣ современное веденіе хозяйства, вытѣсненіе строеваго лѣса дровянымъ и медленно растущаго листовнаго лѣса быстро растущимъ, быстрѣе превращающимся въ цѣнности, хвойнымъ—все это благопріятствуетъ опустошенію лѣсовъ вредными насѣкомыми.

Если современный способъ подбора и хозяйства уменьшаетъ способность сопротивленія растений и скота угрожающимъ имъ маленькимъ организмамъ, то развитіе сообщеній способствуетъ быстрому распространенію этихъ вредныхъ организмовъ, опустошающихъ цѣлые округа. Рука объ руку съ истощеніемъ почвы идетъ возрастаніе изнѣженности ея продуктовъ. Къ расходамъ на удобрение присоединяются расходы на борьбу съ эпизоотіями и вредными насѣкомыми, а гдѣ боятся этихъ издержекъ или гдѣ ихъ не въ состояніи дѣлать, тамъ учащаются неурожаи, а эпизоотіи и разные истребители растений довершаютъ разрушеніе сельскаго хозяйства.

д) *Обезлюдение деревни.*

Ростъ большихъ городовъ и расцвѣтъ индустріи ведетъ, какъ мы видѣли, къ возрастающему истощенію почвы и налагаетъ на сельское хозяйство новое, все увеличивающееся бремя въ видѣ постоянно растущихъ расходовъ на удобреніе, противодѣйствующее этому истощенію; но вліяніе города и индустріи этимъ не ограничивается: они отнимаютъ у сельскаго хозяйства и его *рабочія силы*.

Въ 7-й главѣ мы видѣли, какъ ростъ крупнаго сельскохозяйственнаго производства вытѣсняетъ изъ деревни мелкихъ крестьянъ, а съ ними и резервуаръ сельскихъ рабочихъ силъ. Этотъ процессъ имѣетъ, однако, свои границы. Съ другой стороны мы изучили въ предыдущей главѣ періодическое выселеніе и временный уходъ, объясняющійся потребностью мелкаго крестьянина въ побочномъ заработкѣ. Это явленіе также ведетъ часто къ отвлеченію отъ сельскаго хозяйства рабочихъ силъ, необходимыхъ для его рациональной постановки; но, съ другой стороны, благодаря этому, изъ индустріи, изъ города, къ сельскому хозяйству притекаютъ капиталы, благопріятствующіе подобной постановкѣ его на рациональныхъ началахъ. Совершенно иначе однако дѣйствуетъ бѣгство сельскаго населенія изъ деревни, вызываемое привлекательной силой городовъ и промышленныхъ мѣстностей.

Въ городахъ наемные работники имѣютъ гораздо большую возможность получить занятіе, чѣмъ въ деревнѣ, гораздо легче могутъ завести самостоятельное домашнее хозяйство, больше пользуются свободой и благами культуры. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ больше этихъ преимуществъ, тѣмъ сильнѣе ихъ привлекательность.

Въ деревнѣ заведеніе собственнаго домашняго хозяйства для семьи возможно только при вріобрѣтеніи (покупкѣ или арендованіи) собственнаго сельскохозяйственнаго предпріятія. Это особенно трудно сдѣлать тамъ, гдѣ развивается крупное хозяйство, поэтому въ такихъ мѣстностяхъ наблюдается особенно сильное бѣгство изъ деревни. Но и въ мѣстностяхъ съ сильной парцелляціей земли обзаведеніе домашнимъ хозяйствомъ встрѣчается съ препятствіями. Для прислуги, батраковъ и батрачекъ такое хозяйство совершенно недоступно, въ виду отсутствія достаточныхъ сбереженій. Они осуждены оставаться на

всю жизнь не только лишенными собственнаго хозяйства, но и несамостоятельными придатками чужаго дома; бракъ и семья не для нихъ. При этихъ обстоятельствахъ имъ остается только одинъ путь къ достиженію самостоятельности и свободы, брака и семьи, въ чемъ имъ отказываетъ охранители семьи и брака, благочестивый крупный крестьянинъ или юнкеръ: это—бѣгство въ городъ.

Какъ силенъ этотъ мотивъ у находящагося въ услуженіи сельскаго населенія, могутъ показать нѣкоторыя мѣста книжки одного крестьянина, живущаго вмѣстѣ съ прислугой и проникнутаго ея чувствами. Мы находимъ въ ней слѣдующее:

«Но и теперъ еще свобода и человѣческое достоинство нигдѣ такъ не страдаютъ, какъ среди прислуги или лишенныхъ собственности сельскихъ рабочихъ. Всѣмъ извѣстно, съ какими затрудненіями связано для послѣднихъ вступленіе въ бракъ, поэтому мы не станемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, а прямо перейдемъ къ вытекающимъ отсюда слѣдствіямъ. Такъ какъ, съ одной стороны, громадное большинство физически нормально развитыхъ людей не въ состояніи совершенно подавлять половую потребность, а съ другой стороны современныя общественныя условія дѣлаютъ невозможнымъ проявленіе этой потребности въ упорядоченныхъ предѣлахъ, то естественно, что предѣлы, установленные для сохраненія современнаго порядка, постоянно престапаются. Внѣбрачныя половыя сношенія являются безусловно необходимымъ послѣдствіемъ такого стѣснительнаго положенія, и мало по малу они становятся настолько обычными среди сельскихъ батраковъ и прислуги, что никакія старанія различныхъ проповѣдниковъ морали и религіи не въ состояніи уничтожить этого явленія въ современномъ обществѣ. Теперешній бракъ для этихъ классовъ недоступенъ, почему имъ и приходится опускаться до низшихъ формъ половыхъ сношеній... Ясно, конечно, что при такихъ обстоятельствахъ жизнь батрака или рабочаго преисполнена всякаго рода униженіями, ведетъ къ массѣ тайныхъ поступковъ, обмана, стыда, насилія и другихъ подобныхъ фактовъ, несомѣстимыхъ съ человѣческимъ достоинствомъ. Къ тому же общественное мнѣніе въ деревнѣ остается все еще строгимъ судьей въ дѣлахъ нравственности, вслѣдствіе чего многіе предпочитаютъ укрыться отъ зоркой молвы въ водоворотѣ большого города.

«Огромную долю бѣгущихъ изъ деревни въ городъ гонитъ туда, на эту порочную арену, только неудовлетворенная

*потребность любви или связанная съ послѣдней ограниченія, чтобы тамъ, исключая немногихъ счастливцевъ, отъ поколѣнія въ поколѣніе впадать все въ большую нищету и совершенное вырожденіе. А что ждетъ потомка сельскаго пролетарія на его родинѣ—объ этомъ можно упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ. Не смотря на настоятельную потребность въ такомъ человѣческомъ товарѣ, существованіе этихъ потомковъ въ лучшемъ случаѣ является только тяжелымъ бременемъ для ихъ родителей, рѣдко имѣющихъ возможность заняться ихъ воспитаніемъ, а потому не имѣющихъ никакого понятія объ истинныхъ родительскихъ радостяхъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ ихъ ждетъ не слишкомъ, конечно, большая честь увеличить бремя тягостей, лежащихъ на общинѣ. Ихъ жизненное поприще начинается нуждой и позоромъ ихъ родителей; продолженіемъ его является недостаточное воспитаніе, и, наконецъ, суровая доля раба наемника увѣнчиваетъ ихъ усѣянный терніями путь, путь, обыкновенно, не скрашенный даже любовью» *).*

Собственное же домашнее хозяйство обезпечиваетъ не только возможность законнаго брака и семьи, но и возможность быть не только работникомъ, а и гражданиномъ даннаго государства, возможность союза съ единомышленниками, причемъ этому соединенію въ городской крупной промышленности содѣйствуетъ также концентрація рабочихъ массъ на небольшомъ пространствѣ; благодаря симъ организаци и участию въ коммунальной и государственной жизни, оно обезпечиваетъ возможность добиваться улучшеній условій труда и жизненной обстановки. И это также должно влечь сельскаго рабочаго въ городъ. Сюда присоединяются еще и другіе моменты. Чѣмъ интенсивнѣе становится сельское хозяйство, тѣмъ неравномѣрнѣе дѣлаются занятія, которыя оно даетъ своимъ рабочимъ. Тогда какъ нѣкоторыя машины значительно уменьшили число занятыхъ рабочихъ,—напр., молотилка, сдѣлавшая излишней значительную часть прежде занятыхъ зимою рабочихъ силъ, другія—напр., рядовая сѣялка—требуетъ какъ разъ большаго примѣненія труда. Плодосмѣнное хозяйство также влечетъ за собой необходимость воздѣлыванья, требующихъ окучиванья, такъ называемыхъ пропашныхъ растений (Hackfrüchte), картофеля, рѣпы и т. п., которыя въ теченіе ихъ произрастанія многократно

*) Johann M. Fielzer, Anschauungen über die Entwicklung der menschlichen Gesellschaft mit besonderer Berücksichtigung des Bauernstandes, 161, 162).

требуютъ работы человѣческихъ рукъ; ихъ нужно полоть, оку-чивать и т. д. Болѣе интенсивное веденіе сельскаго хозяйства имѣеть, поэтому, вообще тенденцію *уменьшать* число рабочихъ силъ, нужныхъ ему *зимой*, тогда какъ, напротивъ, *лѣтомъ* оно требуетъ при той же воздѣлываемой площади сравнительно больше рабочихъ и поденщиковъ, связанныхъ съ хозяйствомъ особыми обязательствами, которыхъ приходится содержать въ теченіи цѣлаго года, а въ то же время обуславливаетъ все большее непостоянство занятій для несвязанныхъ никакими условіями съ хозяйствомъ поденщиковъ. Эта возрастающая необезпеченность существованія въ мѣстностяхъ, гдѣ сельское хозяйство представляетъ единственный источникъ заработковъ, должна гнать сельскихъ рабочихъ въ городъ, гдѣ, правда, тоже нѣтъ никакого постоянства занятій, но все таки больше шансовъ, не найдя ничего въ одной отрасли, пристроиться въ другихъ.

Процессъ перекочевыванья въ промышленныя мѣстности и города происходитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣ развиваются пути сообщенія, чѣмъ легче становятся сношенія между городомъ и деревней, чѣмъ болѣе сельскій рабочій знакомится съ городскими отношеніями и чѣмъ легче онъ туда попадаетъ.

Облегченіе же сношеній между городомъ и деревней, между мѣстомъ производства и рынкомъ, есть также необходимое условіе благоденствія интенсивнаго товарнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Всѣ сельскіе хозяева должны ревностно добиваться улучшеній и расширеній желѣзнодорожнаго и почтоваго дѣла; но та же самая почта, которая доставляетъ имъ свѣдѣнія о состояніи рынка и посѣвовъ и дѣловыя письма, привозитъ также и сельскому рабочему письма отъ перебравшагося въ городъ родственника, счастливаго тѣмъ, что убѣждалъ отъ сельскаго рабства, привозитъ ему даже газеты, правда только «благонамѣренныя», но бѣда въ томъ, что чѣмъ болѣе онѣ стараются быть благонамѣренными, тѣмъ болѣе онѣ вопятъ о благоденствіи и чрезмѣрныхъ притязаніяхъ городскихъ рабочихъ, такъ что у удрученныхъ сельскихъ рабочихъ только слюнки текутъ. И тѣ самыя желѣзныя дороги, которыя привозятъ сельскому хозяину машины и искусственное удобреніе и доставляютъ городскому покупателю его хлѣбъ, его скоть, его масло, увозятъ отъ сельскаго хозяина тѣхъ, кто создаетъ ему всѣ его продукты.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ милитаризмъ, отвлекающій молодыхъ людей изъ деревни въ городъ и тамъ знакомящій ихъ съ городской жизнью. Кто идетъ въ военную службу, тотъ потерянь для сельскаго хозяйства не только на эти 2 года, но и навсегда. Какъ это ни странно, наиболѣе отъ этого страдаютъ крупные землевладѣльцы и крупные крестьяне, энергичнѣйшіе защитники милитарнаго государства.

Стремленіе въ городъ охватываетъ прежде всего неимѣющихъ собственности рабочихъ, а между ними—скорѣе всего неженатыхъ. Но по мѣрѣ возрастанія лежащаго на сельскомъ хозяйствѣ бремени налоговъ, долговъ, по мѣрѣ увеличенія истощенія почвы, обостренія конкуренціи крестьянскаго хозяйства съ крупнымъ производствомъ (не заокеанскимъ производствомъ, о которомъ намъ придется еще говорить), по мѣрѣ того, какъ возможность выдерживать эту конкуренцію достигается только путемъ чрезмѣрнаго труда, отказа себѣ въ удовлетвореніи всѣхъ культурныхъ, а иногда даже и необходимыхъ жизненныхъ потребностей, путемъ добровольнаго деградированья до состоянія глубочайшаго варварства, — крестьянская земля все болѣе и болѣе теряетъ силу приковывать къ себѣ ея владѣльца, и бѣгство изъ деревни въ городъ проникаетъ даже и въ мелко-крестьянскіе округа. Это бѣгство по своимъ размѣрамъ превышаетъ естественный приростъ населенія и ведетъ къ абсолютному уменьшенію сельскохозяйственнаго населенія. Съ 1882 г. до 1895 г. число сельскохозяйственныхъ предпріятій въ Германской имперіи возрасло съ 5.276.344 до 5.558.317, площадь, эксплуатируемая въ сельскомъ хозяйствѣ увеличилась съ 31.868.972 гектаровъ до 32.517.941. Но населеніе, живущее сельскимъ хозяйствомъ, за тотъ же періодъ уменьшилось съ 19.225.445 до 18.501.307, т. е. не менѣе чѣмъ на 724.148 душъ. И это уменьшеніе касается одинаково какъ мелкокрестьянскихъ мѣстностей, такъ и крупнокрестьянскихъ и мѣстностей, съ преобладаніемъ латифундій; оно обнаруживается во всѣхъ провинціяхъ Прусскаго королевства и во всѣхъ крупнѣйшихъ союзныхъ государствахъ, за исключеніемъ Брауншвейга, гдѣ замѣчается увеличеніе съ 120.062 на 125.411. Число наемныхъ рабочихъ въ Германіи составляло:

	1882.	1895.	(—) Уменьшеніе. (+) Увеличеніе.
Въ сельскомъ хозяйствѣ	5.881.819	5.619.794	— 262.025
» промышленности	4.069.243	5.955.613	+1.859.570
» торговль	727.262	1.233.045	+ 505.783

Тоже самое явление обнаруживается во Франци. Тамъ отношеніе сельскохозяйственнаго населенія къ несельскохозяйственному измѣнилось слѣдующимъ образомъ.

Г О Д Ы.	Сельскохоз. население.	Несельскохоз. насел.	Сельскохоз. насел. составляетъ %овсего насел.
1876	18.968.605	17.937.183	51,4
1881	18.279.209	19.422.839	48,4
1886	17.698.432	20.520.471	46,6
1891	17.435.888	20.907.304	45,5

Здѣсь также предъ нами абсолютное уменьшеніе сельскаго населенія, и здѣсь также это уменьшеніе обусловливается уменьшеніемъ числа рабочихъ.

Во французскомъ сельскомъ хозяйствѣ насчитывается занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, ведущихъ самостоятельное хозяйство;

	1882.	1892.	Приростъ (+) уменьшеніе (—)
Самостоят. хозяевъ	3.460.600	3.604.789	+144.189
Наемныхъ рабочихъ	3.452.904	3.058.346	—394.588

Уменьшеніе числа наемныхъ рабочихъ было здѣсь еще больше, чѣмъ въ Германіи.

Рѣзче всего проявляется уменьшеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Англи, странѣ наиболѣе развитаго крупнаго сельскаго хозяйства и наибольшихъ городовъ. Тамъ наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ насчитывалось въ 1861 г. — 1.163.227, въ 1871 г. — 996.642, въ 1881 г. — 890.174, въ 1891 г. — 798.912. Число ихъ за 30 лѣтъ уменьшилось на 364.315, т. е. на 31,3% или почти на треть.

Но въ этихъ цифрахъ еще не вполне обнаруживается потеря, испытываемая сельскимъ хозяйствомъ. Мы уже указывали на то, что особенно бѣгутъ наиболѣе молодые самостоятельные люди; остаются дѣти и старики. Это имѣетъ силу какъ относительно періодическаго, такъ и относительно окончательнаго переселенія. Но это означаетъ только то, что съ уменьшеніемъ количества сельскаго населенія, одновременно уменьшается и его работоспособность.

Иллюстрацію къ этому даетъ намъ новѣйшая статистика занятій. Въ Германской имперіи въ 1895 г. насчитывалось въ 8.292.692 человекъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и 8.281.220 въ индустріи. Числа занятыхъ въ обѣихъ отрасляхъ занятій почти равны между собой. Но какъ различно ихъ распределение по различнымъ возрастнымъ группамъ!

	До 14 лѣтъ.	14—20	20—30	30—40	40—50	50—50	60—70	70 и болѣе.
Сельское хозяйство	135.125	1.712.911	1.781.104	1.347.206	1.232.989	1.149.404	702.268	251.685
Индустрія	38.267	1.770.316	2.331.139	1.750.951	1.206.624	750.403	336.258	98.282
Для сельскаго хозяйства + или — .	+96.958	—57.405	—560.035	—403.727	+26.365	+390.001	366.012	153.403

Такимъ образомъ какъ разъ въ самыхъ работоспособныхъ возрастныхъ группахъ отъ 14 до 40 лѣтъ сельское хозяйство уступаетъ индустріи на миллионъ слишкомъ рабочихъ силъ; въ менѣе же пригодныхъ для работы группахъ на долю сельскаго хозяйства приходится такое же превышеніе.

Еще болѣе поразительныя данныя приводитъ таблица, заимствованная нами изъ соч. L. Ballod'a («Die Lebensfähigkeit der städtischen u ländlichen Bevölkerung», 66). Въ Пруссіи на каждую тысячу душъ 1 сен. 1890 г. приходилось:

Число душъ въ возрастѣ.	Сельскія общины и округа съ помѣстьями.	Города съ населеніемъ болѣе 20.000.	На сельское населеніе приходится + или —
Отъ 0 до 15 лѣтъ	379	313	+66
» 15 » 20 »	97	100	— 6
» 20 » 30 »	143	210	—77
» 30 » 40 »	122	149	—27
» 40 » 50 »	100	105	— 5
» 50 » 60 »	79	66	+13
» 60 » 70 »	54	38	+16
» 70 » 100 »	29	19	+10
Всего	1000	1000	—

Здѣсь слѣдуетъ привести нѣсколько чиселъ, которыя мы находимъ въ книгѣ I. Goldstein'a о распредѣленіи профессій и богатства. Гольдштейнъ изслѣдовалъ процентное отношеніе населенія въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ въ различныхъ графствахъ Англіи. Не входя въ большія подробности, мы приводимъ только крайнія числа для 8 наиболѣе и 8 наименѣе сельско-хозяйственныхъ графствъ.

Графства.	Изъ 1000 душъ населенія въ 1891 г. приходилось.		Графства.	Изъ 1000 душъ населенія въ 1891 г. приходилось.	
	На сельск. хозяйство.	На всю возрастную группу отъ 15 до 45 лѣтъ.		На сельск. хозяйство.	На всю возрастную группу отъ 15 до 45 лѣтъ.
Huntingdon . . .	232	400	London . . .	5	494
Cambridge . . .	199	419	Lancaster . . .	20	479
Hereford . . .	186	407	Durham . . .	21	455
Rutland . . .	183	417	Iork W. R. . .	31	475
Lincoln . . .	181	421	Stafford . . .	34	446
Suffolk . . .	177	406	Middlesex. E. .	39	464
Norfolk . . .	167	410	Warwik . . .	40	456
Wilts	149	416	Monmouth . .	49	459
	Максимумъ 421.			Минимумъ 455.	

Различіе между разслоеніемъ на возрастныя группы индустріальнаго и сельскаго населенія довольно поразительно. Бóльшая жизненная стойкость, выносливость сельскаго населенія, конечно, также способствуетъ этому раздѣленію. Но, во всякомъ случаѣ, эта таблица ясно указываетъ, что при одинаковомъ числѣ рабочихъ индустрія располагаетъ бóльшимъ числомъ болѣе сильныхъ элементовъ.

Но наибольшая часть бѣгущихъ изъ деревни представляетъ собою не только самые сильные въ физическомъ отношеніи элементы, но также и самые энергичные и интеллигентные, такъ какъ именно они скорѣе всего находятъ въ себѣ нужныя для того силу и мужество, и скорѣе, и сильнѣе всѣхъ другихъ чувствуютъ противорѣчіе между растущей культурой города и увеличивающимся одичаніемъ деревни. Тщетно крупныя землевладѣльцы стремятся путемъ пониженія уровня школьнаго обученія сельскаго населенія воспрепятствовать проникновенію

сознанія этой противоположности. Экономическія отношенія между городомъ и деревней слишкомъ тѣсны, чтобы была какая-нибудь возможность предохранить сельское населеніе отъ «соблазна» города. И какъ бы сильно ни старались землевладѣльцы оградить своихъ рабочихъ китайской стѣной, милитаризмъ, такъ почитаемый ими, разбираетъ эту стѣну и уводитъ молодыхъ крестьянъ въ городъ. Пониженіе уровня школьнаго образованія, затрудненіе всякой возможности работать надъ своимъ образованіемъ при помощи газетъ и книгъ ведутъ только къ тому, что представленія сельскихъ жителей о городѣ не всегда являются вполне ясными, а съ другой стороны къ тому, что интеллигентные люди въ деревнѣ еще рѣзче сознаютъ дикость окружающей среды.

Статистически, конечно, нельзя установить эту сторону бѣгства изъ деревни. Но извѣстно, что сельскіе хозяева жаждутся не на уменьшеніе рабочихъ силъ вообще, а скорѣе именно на уменьшеніе *интеллигентныхъ* рабочихъ силъ.

Все это еще болѣе увеличиваетъ интеллектуальную пропасть между деревней и городомъ, пропасть, являющуюся результатомъ огромнаго превосходства послѣдняго, какъ въ смыслѣ средствъ образованія, такъ и въ смыслѣ возможности умственной дѣятельности. Къ уменьшенію населенія и умственному отупѣнію деревни присоединяется нерѣдко еще физическое вырожденіе. Послѣднее не ограничивается фабричными округами. Недостаточное питаніе, жилища, обнаруживающія презрѣніе ко всѣмъ требованіямъ гигиены, чрезмѣрный трудъ, грязь и невѣжество, нездоровое побочное занятіе (въ видѣ домашняго промысла) въ многихъ случаяхъ вызываютъ также тѣлесный упадокъ сельскаго населенія.

Въ последнее время приводились даже статистическія данныя, которыя должны были указать, что въ общемъ уже индустриальное населеніе оказывается болѣе годнымъ къ военной службѣ, слѣдовательно, физически лучше развитымъ, чѣмъ сельскохозяйственное. Но такъ какъ доказательность этихъ данныхъ остается еще очень спорной, то мы воздержимся отъ пользованія ими.

Но если даже пока въ общемъ нельзя говорить о меньшей физической крѣпости сельскаго населенія, то свое превосходство въ этомъ отношеніи оно уже, конечно, утратило. Даже въ такой крестьянской странѣ, какъ Швейцарія, оно уже не отли-

чается своими физическими качествами. Изъ 241.076 душъ, подлежащихъ отбытію воинской службы въ 1884—1891 гг. было 107.607 сельскихъ рабочихъ и крестьянъ. Въ томъ числѣ оказалось:

	Получивш. отсрочку.	Годныхъ.	Негод- ныхъ.
Крестьянъ	18,90/0	61,70/0	38,30/0
Всѣхъ освидѣтельствованныхъ .	18,80/0	63,00/0	37,00/0

Процентъ годныхъ былъ, слѣдовательно, у крестьянъ меньше средняго.

Падаетъ не только экономическій и интеллектуальный уровень и количество сельскаго населенія, но и уровень его физическаго здоровья. Такимъ образомъ капиталистическое развитіе приводитъ не только ко все возрастающему обремененію сельскаго хояйства, но и къ упадку самихъ «источниковъ всякаго богатства», земли и работника (Ср. «Капиталь» Маркса, I т. 13 глава, § 10. «Крупная индустрія и земледѣліе», гдѣ уже получили свое классическое выраженіе выше развитыя идеи).

Конечно, сельскохозяйственное производство не остается незатронутымъ этими измѣненіями. Прежде всего *рабочій вопросъ*, причиняющій ему столько затрудненій и имѣющій здѣсь иной смыслъ, чѣмъ въ городѣ, является вопросомъ не о томъ, что слѣдуетъ *предпринять* относительно рабочихъ, а о томъ, гдѣ ихъ взять. Въ седьмой главѣ мы указывали уже, что крупное землевладѣніе тамъ, гдѣ оно слишкомъ ужъ вытѣснило мелкія хозяйства, старается опять искусственно создать послѣднія. Чѣмъ сильнѣе проявляется стремленіе въ городъ, тѣмъ болѣе старается крупное землевладѣніе привязать къ землѣ нужныя ему рабочія силы. Но тамъ, гдѣ индустрія получаетъ большую привлекательность, одного созданія мелкихъ крестьянскихъ участковъ оказывается еще недостаточно; тамъ должно явиться *юридическое принужденіе*, чтобы связать рабочаго и прикрѣпить его къ наемному труду у крупныхъ землевладѣльцевъ; тогда создаются новые мелкіе участки, которые землевладѣлецъ сдаетъ въ аренду *съ обязательствомъ со стороны арендатора выполнять опредѣленныя работы*. Возникаетъ новый феодализмъ. Но не надолго. Дальнѣйшее движеніе индустріи кладетъ ему конецъ. Эти новые арендные дѣловыя, съ обязательствомъ выполненія извѣстныхъ работъ, сохранились только тамъ, гдѣ вблизи не развивается инду-

стрія. Гдѣ же появляется послѣдняя, тамъ самая соблазнительныя предложенія не въ состояніи побудить рабочихъ связать себя. Они предпочитаютъ сохранить свободное распоряженіе своей рабочей силой, чтобы имѣть возможность воспользоваться случаемъ выгодно ее продать.

Кэргеръ объявляетъ «неоспоримымъ» результатомъ изслѣдованія положенія сельскихъ рабочихъ въ сѣверо-восточной Германіи; «что наилучшія, наиболѣе благоприятныя одинаково какъ для рабочихъ, такъ и для работодателей отношенія труда господствуютъ тамъ, гдѣ большая часть сельско-хозяйственныхъ работъ исполняется, кромѣ постоянныхъ батраковъ, особаго рода арендаторами (Heurling). Здѣсь работодатели всегда имѣютъ въ своемъ распоряженіи достаточное количество рабочихъ силъ, чтобы въ должномъ порядкѣ исполнить всѣ сельско-хозяйственныя работы, а рабочіе въ матеріальномъ отношеніи находятся въ очень хорошемъ положеніи, позволяющемъ имъ въ большинствѣ случаевъ дѣлать сбереженія, и въ своихъ воззрѣніяхъ и настроеніи обнаруживаютъ полное довольство».

Не смотря на это довольство, существуютъ многочисленные округа, въ которыхъ рабочіе достаточно испорчены, чтобы быть недовольными.

Два момента противодѣйствуютъ превращенію отношеній такихъ арендаторовъ за отработки во всеобщее явленіе: «Во первыхъ, упрямое, независимое настроеніе населенія, боящагося брать на себя какія-либо обязательства, простирающіяся на болѣе или менѣе продолжительное время, вслѣдствіе чего введеніе этой формы аренды много разъ признавалось невозможнымъ въ вестфальскихъ округахъ Падерборнъ, Бюрень, Варбургъ и Гекстеръ. Во-вторыхъ, непосредственная близость горно-заводской и каменно-угольной промышленной дѣятельности, которая (особенно въ бергомаркскомъ округѣ и затѣмъ также въ мѣстности Гамбургъ-Гарбургъ) убила старую систему аренды за отработки и не дала возможности развиться новой.

«Причины этого лежатъ главнымъ образомъ въ высокомъ уровнѣ заработной платы, которую могутъ платить горнодѣліе и индустрія, и благодаря которымъ, поэтому, каждому сельскому рабочему кажется невыгоднымъ заключать арендный или рабочий контрактъ на долгое время и, такимъ образомъ, лишать себя возможности, при повышеніи спроса на индустріальныхъ

рабочихъ, извлечь выгоду путемъ предложенія своей собственной рабочей силы.»

Индустрія заботится, значить, о томъ, чтобы отнять будущее у идеала Г. Кергера.

Общепотребительнымъ является привлеченіе пришлыхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей, частью въ видѣ постоянныхъ, частью въ видѣ временныхъ, появляющихся въ извѣстные сроки рабочихъ. Если возрастающее пролетаризированіе крестьянства благоприятствуетъ увеличенію предложенія такихъ рабочихъ силъ, то уходъ сельскихъ рабочихъ силъ въ промышленныя мѣстности вызываетъ быстро растущій спросъ на нихъ. Во многихъ округахъ сельское хозяйство не могло бы существовать безъ пришлыхъ рабочихъ. Но какъ-бы ни былъ важенъ трудъ пришлыхъ рабочихъ, онъ можетъ только равномерно распределить затрудненія, испытываемыя сельскимъ хозяйствомъ отъ недостатка рабочихъ, на цѣлую страну, или, въ случаѣ привлеченія заграничныхъ рабочихъ, даже на нѣсколько странъ, но онъ не можетъ доставить новыхъ рабочихъ силъ для сельскаго хозяйства, взятаго въ цѣломъ. Что привлекаемый извнѣ трудъ даетъ въ одномъ мѣстѣ, то отнимаетъ въ другомъ; трудъ этихъ пришлыхъ рабочихъ доставляетъ рабочія силы западу и отнимаетъ ихъ у востока; онъ распространяетъ недостатокъ въ рабочихъ и на тѣ мѣстности, гдѣ еще прямо не ощущалось вліянія индустріи, и при помощи *временнаго* ухода подготавливаетъ почву для *постояннаго* выселенія. Пришлые рабочіе почти никогда не будутъ въ состояніи вполне замѣстить ушедшихъ въ городъ мѣстныхъ. Въ городъ уходятъ прежде всего, какъ уже было сказано, самые энергичные, самые интеллигентные рабочіе. *Наоборотъ, пришлые рабочіе* выходятъ изъ экономически отсталыхъ мѣстностей, гдѣ народное образованіе, а большею частью и земледѣліе стоятъ ниже; слѣдствіемъ этого является не только пониженіе работоспособности сельскаго рабочаго класса, взятаго въ цѣломъ, но и очень часто регрессъ въ методахъ сельскаго хозяйства.

«Особенностью всѣхъ условій труда, сообщаетъ, напр., Кергеръ изъ горнопромышленныхъ округовъ Вестфаліи, является то обстоятельство, что мѣстнаго сельскаго рабочаго почти совсѣмъ не существуетъ и что даже дѣти всѣхъ рабочихъ тотчасъ же послѣ конфирмаціи почти всѣ безъ исклю-

ченія посвящаютъ себя горнодѣлю. Поэтому почти всѣ употребляемые въ сельскомъ хозяйствѣ рабочіе приходятъ извнѣ. Батраковъ привозятъ изъ Пруссіи, Гессена, Ганновера, Вальдека и Голландіи, и эти поиски приходится вести постоянно, такъ какъ по большей части они не выживаютъ, сельскомъ хозяйствѣ болѣе 1—2 лѣтъ, пока не узнаютъ, что въ горнодѣли трудъ гораздо легче, а заработокъ гораздо больше. Ко времени жатвы пришлые рабочіе являются сами, особенно, изъ округа Миндена, т. наз. Гилефельдскіе жнецы. Кто можетъ, тотъ во всякомъ случаѣ избѣгаетъ нанимать этихъ дорогихъ пришлыхъ рабочихъ и старается обойтись одними постоянными. Въ Швельмѣ и Гагенѣ имѣнія въ среднемъ мельче, а потому эти жнецы появляются тамъ гораздо рѣже, и всего рѣже появляются они въ округѣ Швельмъ, гдѣ рѣшительно преобладаетъ мелкое землевладѣніе.

«Правда, согласно нѣкоторымъ отчетамъ дѣйствительнаго недостатка въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ этихъ мѣстностяхъ не замѣчается, особенно если дѣла въ индустріи плохи; но, ощущается хроническій недостатокъ въ постоянныхъ рабочихъ и большая нужда въ хорошихъ сельскохозяйственныхъ. Но вообще, считается, затруднительнымъ найти хоть какихъ-нибудь рабочихъ, а въ одномъ отчетѣ утверждается, что недостатокъ въ рабочихъ, и, особенно, хорошихъ, настолько великъ, что у очень многихъ сельскихъ хозяевъ отбиваетъ охоту вести хозяйство («Verhältnis. d. Landarb.», I, 133).

Въ отчетѣ вел. герцогства Гессенъ (Верхній Гессенъ) сообщается: «Раньше былъ классъ настоящихъ профессиональныхъ поденщиковъ, изъ года въ годъ являвшихся на работу; эти поденщики выполнениемъ работъ доказывали, что они обучены своей профессіи и опыты въ ней, что на нихъ можно было положиться. Но этотъ классъ исчезъ; многочисленныя молотилки отняли работу зимою въ хозяйствахъ, въ промышленныхъ же округахъ такая работа имѣлась въ теченіе цѣлаго года и, такимъ образомъ, въ серединѣ 70 годовъ началось выселеніе въ Вестфалію, Бельгію, Парижъ, а затѣмъ и въ Америку, Австралію, Аргентину, чтобы тамъ «поискать счастья». И надо сознаться, что не малое число ихъ дѣйствительно нашло тамъ счастье. Теперь они перетягиваютъ за собой извѣстные имъ доброкачественные элементы. На ихъ мѣсто явились такъ называемые женатые батраки, смѣсь изъ всѣхъ странъ:

Швейцаріи, В. и З. Пруссіи, Польши, Верхней Силезіи, даже изъ Швеціи; частью выписанные или привезенные, частью приходящіе, свободными, они въ среднемъ представляютъ собой совершенно развратившуюся, грубую банду, живущую въ беспорядочныхъ связяхъ съ подонками бродячихъ работницъ, преданную пьянству, и, не смотря на отсутствіе профессиональнаго искусства, интеллигентности и честности, всегда находящую работу за высокую плату въ качествѣ конюховъ на фермахъ или т. наз. «швейцарцевъ» (скотниковъ и работниковъ въ молочномъ хозяйствѣ)... Но и этихъ поселившихся здѣсь рабочихъ силъ не хватаетъ для хозяйствъ, воздѣлывающихъ свекловицу въ большихъ размѣрахъ; и вотъ, начиная съ ранней весны, изъ Рена, Эйхсфельда, изъ Баваріи, Шварцвальда, Верхней Силезіи, Познани и З. Пруссіи являются новые многочисленные пришлые рабочіе обоего пола, которыхъ приходится держать за высокую плату до поздней осени, потому только, что природные жители Верхн. Гессена не хотятъ болѣе наниматься на фермы на продолжительное время («Zustände d. Landarb». II, 230, 231).

Наконецъ, стоитъ привести еще третій примѣръ, чтобы иллюстрировать упадокъ сельскаго хозяйства, вызываемый прогрессомъ индустріи.

Д-р Рудольфъ Мейеръ цитируетъ въ своей статьѣ (Neue Zeit, XI, 284) сообщенія управляющаго однимъ, принадлежащимъ казнѣ, имѣніемъ въ Богеміи, площадью въ нѣсколько тысячъ гектаровъ, гдѣ ведется воздѣлываніе свекловицы и зерновыхъ хлѣбовъ. Между прочимъ управляющій этотъ говоритъ: «Прежде мы нѣсколько разъ окучивали посѣянный рядовой сѣлкой хлѣбъ коннымъ окучникомъ, но теперь уже не дѣлаемъ этого, такъ какъ необученный рабочій, управляющій имъ, портитъ хлѣбъ. У насъ почти нѣтъ болѣе дѣльныхъ рабочихъ въ качествѣ постоянныхъ служащихъ при упряжныхъ животныхъ, а тѣ немногіе, которые на что-нибудь годны, быстро мѣняются. Разъ молодые люди познакомились съ окружающимъ міромъ во время военной службы, они ужъ не хотятъ за продолжительный и тяжелый трудъ получать низкую плату и уходятъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Такимъ образомъ изъ осѣдлаго населенія намъ остаются старики, дѣти, женщины, и приходится нанимать батраковъ изъ чешской мѣстности Таборъ. Они очень неразвиты и грубы, и не могутъ

исполнять машинной работы, а потому конныя молотилки ржавѣютъ у насъ въ сараяхъ».

Эти сообщенія показываютъ намъ, какъ трудно примѣнять въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ то средство противъ нужды въ рабочихъ, которое въ вѣкъ пара и электричества кажется самымъ подходящимъ: *машину*. Не вездѣ сельскій хозяинъ находитъ рабочія силы, приспособившіяся къ пользованію машинами, да и тѣ, которыя теперь имѣются, все болѣе и болѣе теряются сельскимъ хозяйствомъ. Не смотря на то, машины и въ наше время дѣлаютъ значительные успѣхи въ деревнѣ, хотя далеко не въ той мѣрѣ, въ какой это было бы необходимо, чтобы противодѣйствовать недостатку въ рабочихъ. Мы нашли только единичныя указанія на то, что сельскіе хозяева пытаются помочь себѣ посредствомъ введенія машинъ. Мы уже не говоримъ здѣсь о томъ, что сельско-хозяйственныя машины, правда, всегда сберегая трудъ по отношенію къ количеству произведеннаго продукта, не всегда сберегаютъ его по отношенію къ *обработанной площади*. Рядъ сельско-хозяйственныхъ машинъ требуетъ, при данной площади, больше рабочихъ, чѣмъ простыя орудія. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребность въ человѣческихъ рукахъ не только не уменьшается вслѣдствіе примѣненія болѣе или менѣе улучшенныхъ машинъ, но даже увеличивается. Рядовая сѣялка для обсемененія данной площади требуетъ болѣе труда, чѣмъ простая сѣялка или посѣвъ просто руками и т. д.» (Goltz, «Die ländl. Arbeiterklas.», 168).

Наконецъ, рекомендовалось еще четвертое средство противъ недостатка въ рабочихъ: достаточное повышеніе платы, лучшее обращеніе, болѣе сносныя жилища, лучшее продовольствіе рабочихъ. Это средство, конечно, самое дѣйствительное изъ четырехъ названныхъ, но, кажется, и его недостаточно, чтобы обезпечить за сельскимъ хозяйствомъ нужныя ему рабочія силы. Высшая плата—не единственный факторъ, привлекающій сельскаго рабочаго въ городъ; бoльшая возможность найти работу зимой, бoльшая независимость, бoльшая легкость обзавестись семьей и культурное превосходство города надъ деревней—вотъ факторы, которые можно парализовать развѣ только очень большимъ повышеніемъ платы.

«Что касается недостатка въ батрачкахъ, пишетъ Ф. Гроссманъ («Zustände der Landarbeiter», II, 419), то въ маршахъ (низменныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ) по Эльбѣ жалуются

главнымъ образомъ на уходъ въ города. Составитель отчета находитъ это явленіе тѣмъ болѣе поразительнымъ, что батрачки, нанимавшіяся въ сосѣднихъ маленькихъ городкахъ, зарабатывали немногимъ больше $\frac{1}{2}$ (только?) того, что онѣ получали въ деревнѣ. Даже въ Гамбургѣ заработная плата въ среднемъ не выше, расходы же, конечно, выше». Лучшее обращеніе также не оказалось способнымъ прикрѣпить рабочихъ на продолжительное время: «Мы знаемъ не мало случаевъ, гдѣ хозяева почти не признаютъ батраковъ за людей; очень часто батракамъ приходится мириться съ очень посредственной, иногда плохо приготовленной пищей. Еще чаще они не имѣютъ сколько-нибудь уютной, порядочно отопленной комнаты, гдѣ-бы могли проводить свободные часы; иногда имъ приходится по всякаго рода мусору пробираться въ отдаленный конецъ дома, въ нѣчто въ родѣ спальни, гдѣ, едва-ли есть полъ и достаточно мебели, чтобы посидѣть, не говоря уже о столѣ. Напротивъ, можно-бы думать, что порядочные батраки будутъ довольны своей судьбой, когда на нихъ смотрятъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ на членовъ семьи, когда съ ними бесѣдуютъ о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, а также и объ ихъ личныхъ, ѣдятъ съ ними за однимъ столомъ, что въ той мѣстности очень часто является обычнымъ, позволяютъ имъ свободное время проводить въ жилой семейной комнатѣ, или же отводятъ имъ другую уютную, приличную для нихъ, хорошо отопленную, комнату, служащую имъ, въ то же время спальней, доставляютъ имъ для чтенія газеты и т. д. Однако и въ этихъ случаяхъ батраки стремятся къ тому, чтобы пристроиться въ качествѣ почтальоновъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, швей, служанокъ и т. д., или же найти себѣ мѣсто въ большихъ городахъ, такъ какъ тамъ можно прожить гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ тихой, отдаленной, часто даже обходящейся безъ трактира, простой деревнѣ. Порядочные батраки при нынѣшней высокой заработной платѣ, — предполагая, что они не слишкомъ рано женились, что, къ сожалѣнію, здѣсь очень распространено, — могутъ очень легко заработать столько, чтобы къ тридцати съ небольшимъ годамъ получить возможность, особенно при нынѣшнихъ упавшихъ цѣнахъ на землю, приобрести клочекъ земли, на которомъ можно держать 4 коровъ и нѣсколько овецъ». (ibid. 423).

Ни высокая заработная плата, ни виды на самостоятельное владѣніе не могутъ удержать массу сельскихъ рабочихъ

отъ бѣгства изъ деревни. А затѣмъ, какимъ же путемъ сельскіе рабочіе могутъ добиться высшей заработной платы и лучшихъ условій жизни? Нѣтъ такого класса предпринимателей, который добровольно согласился-бы на повышеніе заработной платы: его нужно *принудить* къ этому. Сельскіе же наемные рабочіе теперь еще слишкомъ слабы, чтобы быть въ состояніи силою своихъ организацій достигать этого. Повышеніе заработной платы въ деревнѣ является только слѣдствіемъ растущаго недостатка въ рабочихъ. Высокая плата и избыточное предложеніе рабочихъ—это два явленія, исключаютъ другъ друга въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ.

Поэтому, какъ-бы хорошъ ни былъ совѣтъ, нельзя ожидать такого повышенія заработной платы, которое могло-бы задержать бѣгство изъ деревни. Это бѣгство, идетъ своимъ путемъ, не давая остановить себя никакими препятствіями.

Anderson Graham говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи «Rural Exodus» (цитировано у Гольдштейна, «Berufsgliederung», 39): «Если они получаютъ низкую заработную плату, какъ, напр., въ Wiltshire, то они выселяются; а если они получаютъ высокую плату, то—какъ въ Northumberland'ѣ,—они также бѣгутъ. Если фермы малы, какъ вокругъ Sleaford'a (Lincoln), то они уходятъ изъ нихъ; но и въ Norfolk'ѣ, гдѣ фермы, обыкновенно, большія, бѣгство изъ деревни еще увеличивается. Сельскій житель, кажется, насквозь проникнуть отчаянной мыслью, что въ деревнѣ для него уже не можетъ быть никакой счастливой будущности; безъ долгихъ размышленій откладываетъ онъ въ сторону заступъ и мотыку и уходитъ».

Такъ какъ самопомощь отказывается достигнуть желательныхъ результатовъ, то помочь горю должно государственное принужденіе. Введеніе болѣе суровыхъ наказаній въ положенія, касающіяся прислуги, наказаніе за нарушеніе контракта, затрудненіе вступленія въ бракъ должны обезпечить сельскому хозяину постоянныхъ рабочихъ; прекращеніе или затрудненіе свободы передвиженія путемъ запрещеній переселенія, созданіе препятствій для переѣзжающихъ въ города, повышеніе платы за проѣздъ по желѣзной дорогѣ и т. п.—все это должно задержать на родинѣ тѣхъ, кто уходитъ на время или навсегда. Но мѣры перваго рода ведутъ только къ тому, что жизнь въ деревнѣ сдѣлается еще болѣе невыносимой для батраковъ и контрактныхъ рабочихъ, а это должно еще болѣе уси-

лить ихъ бѣгство. Устраненіе свободы передвиженія, даже если-бы промышленное населеніе примирилось съ нимъ и еслибы его можно было осуществить, конечно, помогло-бы нѣсколькимъ сельскимъ хозяевамъ, но не могло-бы помочь сельскому хозяйству въ цѣломъ. Отмѣна свободы передвиженія отняла-бы у многочисленныхъ мелкихъ крестьянъ единственную возможность побочнаго заработка и повергла-бы ихъ въ глубочайшую нищету; она сдѣлала-бы также невозможнымъ въ индустриальныхъ мѣстностяхъ всякое сельское хозяйство, ведущееся при помощи наемныхъ рабочихъ, такъ какъ тамъ, какъ мы видѣли, оно не можетъ обойтись безъ пришлыхъ рабочихъ. Она отсрочила-бы банкротство сельскаго хозяйства въ экономически отсталыхъ мѣстностяхъ и ускорила-бы его въ областяхъ, ушедшихъ далѣе въ экономическомъ развитіи.

Противъ нужды въ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ еще не выросло цѣлебной травы въ капиталистическомъ обществѣ. Гдѣ въ концѣ XVIII вѣка было феодальное сельское хозяйство, тамъ въ XIX в. оказывается капиталистическое: положеніе, изъ котораго нѣтъ возможности выйти собственными силами, оставаясь на данной социальной почвѣ.

Читая нижеслѣдующія строки, можно подумать, что имѣешь дѣло съ картинами изъ прошлаго вѣка: «Недостатокъ въ рабочихъ на лицо и становится особенно ощутительнымъ въ имѣніяхъ, ведущихъ крупное хозяйство, а также у болѣе крупныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого болѣе крупныя имѣнія и даже крестьянскіе участки отдаются въ аренду враздробь; это ведетъ за собой вредный результатъ: меліораци не осуществляются и ведется особаго рода *хищническое хозяйство*, такъ какъ держится слишкомъ мало крупнаго скота и примѣняется только чуть ли не удобреніе изъ отхожихъ мѣстъ. Это, конечно, вредитъ плодородію почвы. Въ результатѣ песчаныя мѣста, раньше воздѣлывавшіяся съ выгодой, *теперь пустыютъ и уже годами не подвергаются обработкѣ*; часто пустыютъ и поля самихъ рабочихъ, которые при высокой заработной платѣ больше зарабатываютъ наемнымъ трудомъ, чѣмъ обработкой своихъ полей» («Zustände der Landarb.» II, 206).

Такія извѣстія идутъ изъ Гессена; а вотъ изъ Баваріи: «Какъ сообщалось въ общихъ отчетахъ, недостатокъ въ рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Баваріи долженъ вести не

только къ разрушенію упорядоченнаго хозяйства, и вообще къ меньшей интенсивности хозяйства» (ibid. 190).

Стоить сравнить съ этимъ также выше приведенныя цитаты относительно вліянія пришлыхъ рабочихъ. Несмотря на весь техническій процессъ, *мѣстами* уже, безъ сомнѣнія, наступило пониженіе уровня сельскаго хозяйства. А если недостатокъ въ рабочихъ продолжится еще, то онъ сдѣлается всеобщимъ. «Уменьшеніе количества рабочихъ силъ необходимо должно имѣть послѣдствіемъ ежегодное *уменьшеніе воздѣлываемой площади и увеличеніе площади пастбищъ*. (Гольцъ, «Die ländl. Arbeiterkl.», 176).

Всѣ хозяйства, пользующіяся наемными рабочими, испытываютъ вліяніе, понижающихъ хозяйственный уровень, результатовъ недостатка въ рабочихъ, но въ мелкихъ это ощущается въ гораздо большей степени, чѣмъ въ крупныхъ. Въ ихъ распоряженіи всего меньше средствъ, способныхъ если и не устранить, то хоть, по крайней мѣрѣ, мѣстами смягчить недостатокъ въ рабочихъ. У нихъ нѣтъ земли, которую они могли бы сдавать наемнымъ рабочимъ, связывая ихъ въ обмѣнъ за пользованіе землей обязательствами совершить опредѣленныя работы; ихъ потребность въ рабочихъ слишкомъ незначительна, чтобы могло окупиться специальное привлеченіе рабочихъ издалека; они должны предпочтительно брать тѣхъ, которые находятся поблизости; машинъ они вовсе не могутъ употреблять, а для достаточнаго повышенія заработной платы у нихъ прежде всего нѣтъ средствъ.

Но за то эти болѣе мелкія, примѣняющія наемный трудъ, хозяйства пользуются какъ разъ тѣми разрядами рабочихъ, которые легче всего перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, а именно неженатыми рабочими, батраками и батрачками.

Между хозяйствами, служащими товарному, а не исключительно или почти исключительно домашнему производству, бѣгствомъ изъ деревни затрогиваются меньше всего тѣ, которыя занимаютъ мало наемныхъ рабочихъ, въ случаѣ нужды обходятся рабочими силами своей семьи, и которыя, однако, достаточно велики для того, что приковать владѣльцевъ къ землѣ. Таковы вообще хозяйство въ 5—20 гекторовъ. Имъ даже полезно, что тенденція къ парцелляціи земли, угрожающая большей частью какъ разъ этимъ хозяйствамъ, ослабѣваетъ тѣмъ скорѣй, чѣмъ большую часть сельскохозяйственнаго на-

селенія охватываетъ стремленіе бѣжать изъ деревни. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается спросъ на землю и падаютъ несоразмѣрно высокія цѣны на маленькія имѣнія. Парцеллированье земли перестаетъ быть выгоднымъ; раздробленіе имѣній на части прекращается. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ разъ эти хозяйства являются единственными, замѣтно выигравшими въ размѣрахъ землевладѣнія въ Германіи. Находящаяся въ сельскохозяйственномъ пользованіи площадь увеличилась съ 1882 до 1895 г. на 648.469 гектаровъ, а хозяйства отъ 5 до 20 гектаровъ на 563.477; площадь же хозяйствъ отъ 1—2 гектар. *уменьшилась* на 50.177, какъ и площадь хозяйствъ отъ 20—50 гектаровъ на 65898 гектар.

Изъ каждой 1000 гектаровъ, находящейся въ сельскохозяйственномъ пользованіи площади приходится на хозяйства:

	Менѣе 1 гект.	Отъ 1 до 2 гект.	Отъ 2 до 5 гект.	Отъ 5 до 20 гект.	Отъ 20 до 100 гектар.	Отъ 100 до 1000 гектар.	Свыше 1000 гектар.
1882 г.	24	33	100	288	311	222	22
1895 г.	25	31	101	299	303	216	25
Приростъ + уменьшеніе—	+1	—2	+1	+11	—8	—6	+3

Значительный приростъ приходится только на среднекрестьянскія хозяйства съ 5—20 гект., наибольшее же уменьшеніе—на крупнокрестьянскія отъ 20—100 гектаровъ. (ср. стр. 199).

Эти цифры радуютъ сердца всѣхъ добрыхъ гражданъ государства, видящихъ въ крестьянствѣ самую крѣпкую опору существующаго порядка. Нѣтъ, оно не колеблется, это сельское хозяйство, восклицаютъ они съ одушевленіемъ; надъ нимъ не имѣетъ силы догма Маркса. Въ этихъ цифрахъ фактически взаимно уничтожаются децентрализующія и централизующія тенденціи, которыя были замѣтны повсюду въ сельскомъ хозяйствѣ въ нашемъ вѣкѣ вплоть до 80-хъ годовъ. Повидимому, наступаетъ новый расцвѣтъ крестьянства, который долженъ посрамить всѣ коллективистическія тенденціи индустріи.

Но этотъ цвѣтокъ цвѣтетъ на болотѣ. Онъ вырастаетъ не на почвѣ *благосостоянія* крестьянства, а на почвѣ *уметенія*

всего сельскаго хозяйства. Онъ является результатомъ не причинъ, которыя ведутъ къ тому, что уже введенныя и испытанныя машины опять бросаются, что воскресаютъ снова феодальныя формы рабочаго договора, что поле вытѣсняется пастбищемъ, что нѣкоторыя поля лежатъ невоздѣланными. Въ тотъ день, когда удалось бы удовлетворительно разрѣшить для сельскаго хозяйства его особый «рабочій вопросъ» и, такимъ, образомъ открыть для него возможность новаго расцвѣта, благопріятныя для средняго хозяйства тенденціи тотчасъ же превратились-бы опять въ свою противоположность. Благоденствіе сельскаго хозяйства и дальнѣйшее существованіе крестьянскихъ способовъ хозяйства—два понятія, исключаютъ другъ друга при развитомъ капиталистическомъ способѣ производства. Въ пользу этого положенія говоритъ опытъ не только Европы, но и восточныхъ штатовъ Сѣв. Амер. союза (ср. стр. 152 и 153).

Не слѣдуетъ также ожидать, что нынѣшній упадокъ сельскаго хозяйства, продолжаясь болѣе значительное время, поведетъ къ вытѣсненію крупнаго и карликоваго хозяйства, сдѣлаетъ господствующимъ въ сельскомъ хозяйствѣ то состояніе довольныхъ среднихъ крестьянъ, которое съ такимъ одушевленіемъ изображалъ еще въ началѣ нашего вѣка Сисмонди, и даетъ этому классу возможность всему общественному развитію противопоставить свое: «ни шагу дальше».

Если классъ среднихъ крестьянъ менѣе всѣхъ другихъ товаро-производящихъ классовъ землевладѣльческаго населенія затронутъ недостаткомъ въ наемныхъ рабочихъ, то за то именно онъ больше всѣхъ страдаетъ отъ другихъ тягостей, порождаемыхъ современнымъ сельскимъ хозяйствомъ! Средній крестьянинъ есть главный объектъ растовщической и посреднической эксплуатаціи; денежные налоги и военная служба тяжелѣе всего ложатся на него; его земля больше всего подвержена обѣдненію и истощенію. И такъ какъ этого рода хозяйства принадлежатъ къ числу самыхъ нераціональныхъ среди товаро-производящихъ хозяйствъ, то имъ, именно, приходится болѣе всего вести конкурренціонную борьбу при помощи превышающаго человѣчeskія силы труда и образа жизни, стоящаго ниже человѣческаго уровня. Вспомнимъ поговорку, что мелкіе крестьяне, пока у нихъ нѣтъ своего упряжнаго скота, живутъ еще сравнительно хорошо, что «только съ собственной упряжкой начинается для нихъ скаредное существованіе».

Этихъ крестьянъ привязываетъ еще къ землѣ ихъ относительно значительный участокъ. Однако, только ихъ самихъ, но уже не ихъ дѣтей. Подобно наемнымъ рабочимъ и карликовымъ крестьянамъ, дѣти среднихъ крестьянъ начинаютъ охватываться стремленіемъ къ бѣгству изъ деревни—тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нимъ находится индустрія. Изъ одной провинціи, гдѣ крестьянство сохранилось въ наиболѣе здоровомъ и и сильномъ видѣ, сообщаютъ: «Тѣ батраки, а также сыновья крестьянъ, которые до вступленія въ ряды войска работали въ отцовскомъ хозяйствѣ, только изрѣдка возвращаются, по окончаніи службы, надолго въ деревню, если они не научились ремеслу, но уходятъ въ городъ, такъ какъ жизнь въ деревнѣ уже не привлекаетъ ихъ» («Verhältnisse der Landarbeiter.», II, 426).

Но чѣмъ скорѣе дѣти среднихъ крестьянъ начинаютъ ощущать тягость положенія скверно содержимыхъ, по большей части прямо обдираемыхъ наемныхъ рабочихъ, чѣмъ болѣе они стремятся уйти отъ крестьянской дикости, тѣмъ болѣе уменьшаются семьи среднихъ крестьянъ, тѣмъ, слѣдовательно, меньше у нихъ возможности вести свое хозяйство, хотя бы и съ трудомъ, тѣмъ большую роль начинаютъ играть и здѣсь наемные рабочіе и тѣмъ болѣе чувствительнымъ, на ряду съ другими бѣдствіями, дѣлается рабочій вопросъ и въ этомъ классѣ хозяйствъ.

Въ настоящее время средніе крестьяне менѣе всего оказываются дѣйствительно консервативными, т. е. довольными существующимъ элементомъ. Напротивъ, они точно также жаждутъ переворота въ существующемъ строѣ, какъ и самые радикальные социалдемократы, но, конечно, въ совершенно другомъ направленіи, чѣмъ эти послѣдніе. Не смотря на это, они не произведутъ государственнаго переворота; какими-бы дикими они часто не прикидывались, они ужъ не та опора существующаго, что прежде. Аграрный кризисъ распространяется на всѣ товаро-производящіе сельскохозяйственные классы; онъ не щадитъ и средняго крестьянства.

Х. За-океанская конкуренція въ производствѣ жизненныхъ средствъ и индустриализація сельскаго хозяйства.

а) Экспортная индустрія.

Послѣднія главы показали намъ, что капиталистическій способъ производства, разбившій феодальныя оковы и давшій сельскому хозяйству огромный толчекъ, благодаря которому послѣднее въ теченіе немногихъ десятилѣтій подвинулось дальше, чѣмъ прежде за цѣлое тысячелѣтіе, что этотъ способъ производства развиваетъ тенденціи, все болѣе стѣсняющія и угнетающія сельское хозяйство и ведущія къ тому, что соотвѣтствующія современному способу производства формы присвоенія и владѣнія оказываются все въ болѣе противоположности съ потребностями рациональнаго сельскохозяйственнаго производства.

Эти угнетающія тенденціи стали замѣтны уже давно, но онѣ только въ незначительной степени стѣсняли сельское хозяйство и землевладѣльцевъ, пока послѣдніе были въ состояніи сваливать обусловливаемое этими тенденціями бремя на другихъ, на потребителей. Пока была такая возможность, сельское хозяйство, начиная съ паденія феодальнаго государства, переживало золотое время, тянувшееся до 70 годовъ.

Тогда Мейтценъ («Der Boden und die landwirthschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staats», I, 440) замѣтилъ: «Разработанная въ сельскохозяйственномъ министерствѣ въ ноябрѣ 1859 г. памятная записка о государственныхъ мѣрахъ содѣйствія сельскохозяйственной культурѣ въ Пруссіи могла съ полнымъ правомъ сказать: Ожидаемая дѣйствія аграрныхъ законовъ не заставили себя ждать; на мѣсто спячки явилось отрадное оживленіе сельскаго населенія. Совпаденіе счастливыхъ конъюнктуръ распространило *всеобщее благосостояніе* среди владѣльцевъ какъ крестьянскихъ, такъ и рыцарскихъ имѣній, и покупныя цѣны на всѣ имѣнія возрасли чрезмѣрно, благодаря возможности ихъ безпрепятственной обработки и неограниченной конкуренціи покупателей».

Совсѣмъ другимъ языкомъ говоритъ нынѣ прусскій министръ сельскаго хозяйства! До второй половины 70-ыхъ годовъ цѣны на сѣстные припасы росли непрерывно, въ рѣзкой про-

тивоположности съ цѣнами на продукты индустріи; онѣ росли также во много разъ быстрѣе, чѣмъ заработная плата, такъ что рабочіе видѣли ухудшеніе своего положенія не только въ качествѣ *производителей*, вслѣдствіе повышенія нормы прибавочной стоимости, т. е. паденія ихъ доли въ производимыхъ ими цѣнностяхъ, но часто и въ качествѣ *потребителей*. Благо-состояніе сельскаго хозяйства проистекало отъ ухудшенія положенія пролетаріата. 1000 кило пшеницы стоили по I. Конраду:

	Въ Англии.	Во Франціи.	Въ Пруссіи.
1821-30 г.	266.00 марокъ.	192.40 марокъ.	121.40 марокъ.
1831-40 г.	254.00 »	199.20 »	138.40 »
1841-50 г.	240.00 »	206.60 »	167.80 »
1851-60 г.	250.00 »	231.40 »	211.40 »
1861-70 г.	248.00 »	224.60 »	204.60 »
1871-75 г.	246.40 »	248.80 »	235.20 »

Килограммъ мяса стоилъ:

	Въ Берлинѣ.	Въ Лондонѣ.
1821-30 г.	61 пфен.	? пфен.
1831-40 г.	63 »	?
1841-50 г.	71 »	87 пфен.
1851-60 г.	85 »	101 »
1851-70 г.	100 »	113 »
1871-80 г.	125 »	131 »

Это постоянное возрастаніе кончилось въ 70-ыхъ годахъ. 1000 килогр. пшеницы стоили:

	Въ Англии.	Во Франціи.	Въ Пруссіи.
1876-1880 г.	206.80 мар.	229.40 мар.	211.20 мар.
1881-1885 г.	180.40 »	205.60 »	189.00 »
1889 г.	137.00 »	198.30 »	192.00 »

По новѣйшему отчету англійской парламентской аграрной комиссіи отмѣчаются официально цѣны пшеницы за кварталъ:

1889-91 г.	32 мил. 11 менс.	1892-94 г.	26 шилл. 6 менс.
1890-92 г.	33 » 1 »	1894-95 г.	24 » 1 »
1891-93 г.	31 » 2 »		

Килограммъ мяса стоилъ въ Берлинѣ въ 1881—85 гг. 119 пфен., 1886—90 гг. 115 пфен., въ Лондонѣ 1881—85 гг. 124 пфен.

Движеніе цѣнъ на съѣстные припасы идетъ, слѣдовательно, съ 70-ыхъ годовъ въ направленіи, противоположномъ прежнему.

Причины этой перемѣны, какъ и всякаго другого крупнаго измѣненія въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ, слѣдуетъ искать въ развитіи *индустріи*, все болѣе подчиняющей себѣ это хозяйство.

Капиталистическій способъ производства обусловливаетъ непрерывное революціонизированіе производства, благодаря аккумуляціи, прогрессирующему накопленію новаго капитала и благодаря техническимъ переворотамъ, пріостекающимъ изъ непрерывнаго прогресса наукъ, взятыхъ капиталомъ къ себѣ на службу. Масса капиталистически произведенныхъ продуктовъ растетъ поэтому изъ года въ годъ въ капиталистическихъ націяхъ; она растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе.

Довольно страннымъ кажется, что этотъ непрерывный ростъ богатства становится источникомъ увеличивающихся затрудненій для капиталистическихъ производителей, благодаря тому обстоятельству, что капиталистическій способъ производства есть производство прибавочной цѣнности, достигающей классу не наемныхъ рабочихъ, а капиталистовъ, въ то же время есть производство въ крупныхъ размѣрахъ, массовое производство продуктовъ, производство для потребленія массъ. Въ этомъ существенное отличіе капиталистическаго способа производства отъ феодальнаго или античнаго. Феодалъ или рабовладѣлецъ также выжималъ прибавочный продуктъ изъ своихъ рабочихъ, но этотъ прибавочный продуктъ потребляли онъ самъ и его прихлебатели. Капиталистически присвоенная прибавочная цѣнность, напротивъ, обыкновенно прежде всего принимаетъ форму продуктовъ, которые должны быть пріобрѣтены массой населенія, прежде чѣмъ она можетъ получить форму продуктовъ, идущихъ на потребленіе капиталистовъ. Капиталистъ точно такъ же, какъ и феодалъ, и рабовладѣлецъ, долженъ стремиться къ ограниченію потребленія массъ съ тѣмъ, чтобы увеличить свое собственное; но при этомъ на немъ лежитъ забота, неизвѣстная феодалу и рабовладѣльцу, — непрерывно повышать потребленіе массъ. Это противорѣчіе является одной изъ самыхъ характерныхъ, но также и одной изъ самыхъ непріятныхъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ стоитъ предъ современнымъ капиталистомъ.

Наивные социаль-помѣщики, а также горячіе социалисты уже давно стараются доказать ему, что массовое потребленіе тѣмъ больше, чѣмъ больше потребленіе работающихъ массъ, что поэтому для поддержанія хода производства и постояннаго его расширенія ему не остается ничего больше, какъ повысить заработную плату. Но это соображеніе въ лучшемъ случаѣ могло-бы привести къ тому, что отдѣльный капиталистъ съ

удовольствіемъ видѣль-бы повышеніе заработной платы въ другихъ отрасляхъ производства, но никоимъ образомъ не у себя.

Пивоваръ, пожалуй, могъ-бы быть заинтересованъ въ повышеніи потребленія массъ вслѣдствіе повышенія платы *другихъ* рабочихъ, но никакъ ужъ не въ повышеніи платы своимъ собственнымъ рабочимъ. Вѣрно, что чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ больше можетъ продавать капиталистъ. Но вѣдь онъ производитъ не затѣмъ, чтобы *продавать*, а чтобы класть въ карманъ *прибыль*. Прибыль же, *ceteris paribus*, тѣмъ выше, чѣмъ выше прибавочная цѣнность, а эта послѣдняя тѣмъ выше, чѣмъ меньше, при томъ же количествѣ доставляемаго рабочимъ труда, заработная плата.

Вѣдь капиталисты уже издавна знаютъ совсѣмъ другіе способы повышать массовое потребленіе капиталистически произведенныхъ продуктовъ, помимо повышенія потребленія рабочихъ массъ. Не въ средѣ рабочаго пролетаріата ищутъ они свой главнѣйшій рынокъ сбыта, а въ еще не пролетаризированныхъ массахъ, прежде всего въ сельскомъ населеніи. Мы видѣли, какъ они разрушаютъ домашніе промыслы этого населенія и тѣмъ создаютъ крупный рынокъ для сбыта своихъ массовыхъ продуктовъ.

Но этотъ рынокъ оказывается тѣмъ менѣе достаточнымъ, чѣмъ большее развитіе получаютъ производительныя силы капиталистическаго способа производства, чѣмъ большее преобладаніе въ населеніи получаетъ классъ наемныхъ рабочихъ, тотъ слѣдовательно, классъ, который создаетъ массовый продуктъ, но въ силу природы вещей, можетъ потребить только часть своего продукта. Расширеніе рынка за предѣлы своей націи, производство на *мировой рынокъ* и постоянное расширеніе послѣдняго становится условіемъ существованія капиталистической индустріи *). Отсюда нынѣшнее стремленіе и погоня за расширеніемъ рынковъ, за осчастливленіемъ негровъ при помощи

*) Вопросъ о безусловной необходимости внѣшнихъ рынковъ или такъ называемыхъ «третьихъ лицъ», т. е. не капиталистическихъ производителей, для капиталистическаго общества далеко не можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно. Мнѣніе основателя новѣйшей политико-экономической системы раздѣляется очень многими западноевропейскими послѣдователями, въ томъ числѣ и Каутскимъ; у насъ къ нему примкнула группа т. наз. социологовъ-экономистовъ, а также г. Струве, въ остальномъ не имѣющій ничего общаго съ послѣдними. Радикальную критику эта теорія нашла у насъ среди молодыхъ послѣдователей Маркса, а именно сначала у г. Туганъ-Барановскаго въ его книгѣ: «Промышленные кризисы въ современной Англіи», а затѣмъ у гг. Булгакова, Ильина и Нежданова.

сапогъ и шляпъ, за облагодѣтельствованіемъ китайцевъ посредствомъ броненосцевъ, пушекъ, желѣзныхъ дорогъ, что такъ характерно для нашего времени. Внутренній рынокъ самъ теперь почти вполнѣ зависитъ отъ внѣшняго. Послѣдній, главнымъ образомъ, опредѣляетъ, идутъ ли дѣла хорошо, могутъ ли много потреблять пролетаріи и капиталисты, а съ ними и торговцы, ремесленники, сельскіе хозяева.—И разъ внѣшній міровой рынокъ оказывается неспособнымъ болѣе къ быстрому расширенію, капиталистическій способъ производства приходитъ къ своему концу.

б) Желѣзныя дороги.

Мы видѣли, что капиталистическій способъ производства уже съ самаго начала покоится на массовомъ производствѣ. Но, являясь массовымъ производствомъ, онъ нуждается также и въ средствахъ для массоваго транспорта. Онъ нуждается въ нихъ не только для вывоза своихъ продуктовъ. Капиталистическая крупная индустрія потребляетъ также гораздо больше сырыхъ матерьяловъ, чѣмъ сколько могутъ доставить ей сосѣднія мѣстности; она концентрируетъ большія массы людей, чѣмъ сколько въ состояніи прокормить эти мѣстности. Но сырые матеріалы и средства существованія имѣютъ только незначительную удѣльную цѣнность, въ большомъ вѣсѣ и объемѣ они содержатъ малое количество труда; только особенно дешевыя перевозочныя средства могутъ транспортировать большія массы ихъ на далекое пространство, не повышая издержекъ до огромныхъ размѣровъ.

Такого рода дешевый массовый способъ перевозки представлялъ въ началѣ капиталистическаго способа производства только *водный путь*. Этотъ способъ могъ развиваться только по морю или по особенно благопріятно расположеннымъ рѣкамъ. Но капиталистическій способъ производства нуждается не только въ дешевизнѣ, но и въ *быстротѣ* и обезпеченности массоваго транспорта. Чѣмъ быстрее оборотъ капитала, тѣмъ меньшій капиталъ приходится затрачивать въ опредѣленномъ предпріятіи для веденія его въ данномъ размѣрѣ, тѣмъ большихъ размѣровъ можно достигнуть при данномъ капиталѣ. Если я посылаю свои товары изъ Манчестера въ Гонконгъ, то для меня важно, получу ли я уплату за нихъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ или же въ

теченіе года. Если мой капиталъ оборачивается 4 раза въ годъ, то моя прибыль, при равенствѣ прочихъ условій, будетъ въ 4 раза больше, чѣмъ при одномъ оборотѣ въ годъ.

Но съ другой стороны, чѣмъ быстрѣе сообщеніе, тѣмъ въ бѣльшемъ отдаленіи могу я искать себѣ покупателей, тѣмъ скорѣе я могу расширять свой рынокъ сбыта, безъ удлиненія времени обращенія вложеннаго въ предпріятіе капитала, безъ увеличенія этого капитала.

Чѣмъ больше быстрота сообщеній, тѣмъ меньшіе запасы сырыхъ матеріаловъ приходится мнѣ дѣлать, чтобы вести свое предпріятіе полнымъ ходомъ. Также и въ этомъ отношеніи всякое улучшеніе транспортнаго дѣла ведетъ къ тому, что съ даннымъ капиталомъ становится возможнымъ производить больше, или достигать тѣхъ же результатовъ съ меньшимъ капиталомъ, наконецъ, также къ тому, что получается возможность расширять кругъ своихъ отношеній (Bezugsquellen).

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ большая обезпеченность сообщеній. Она уменьшаетъ массу запасовъ, денегъ и сырыхъ матеріаловъ, которые долженъ держать предприниматель, чтобы гарантировать себя отъ разстройствъ въ сбытѣ и доставкѣ.

Но что касается быстроты и обезпеченности сообщеній, водяной транспортъ, на парусныхъ, гребныхъ судахъ или при помощи конной тяги оставляетъ желать очень многого. Каналы и рѣки зимой замерзаютъ, море вслѣдствіе бурь дѣлаетъ перевозку необезпеченной, а штили или встрѣчные вѣтры для спѣшащаго торговца оказываютъ, если только возможно, еще болѣе вредное дѣйствіе.

Только примѣненіе силы пара дало возможность создать тѣ формы массоваго транспорта, которыя устраняя зависимость капиталистическаго способа производства отъ водныхъ путей, внѣдряютъ его также и внутрь материковъ, и цѣлый міръ превращаютъ въ рынокъ сбыта для исполински разрастающейся крупной индустріи.

Уже въ началѣ нашего вѣка были изобрѣтены локомотивы и желѣзныя дороги, но ихъ примѣненіе оставалось ограниченнымъ почти исключительно тѣми областями, гдѣ господствовала крупная индустрія. Только большія войны, совершенно разорившія старую Европу и Америку, очистили дорогу для быстрѣйшаго развитія желѣзныхъ дорогъ внѣ областей съ крупной индустріей. Только съ того времени желѣзная дорога изъ продукта капиталистическаго развитія сдѣлалась его пред-

шественницей. Если Россія послѣ Крымской войны, Австро-Венгрія съ 1859 и еще болѣе съ 1866 г. всѣми способами поощряли постройку желѣзныхъ дорогъ, то при этомъ дѣйствовали главнымъ образомъ стратегическія соображенія. Это вѣрно и по отношенію къ румынскимъ, турецкимъ, а также индійскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Но и коммерческая точка зрѣнія имѣла при этомъ свое значеніе. Правительства нуждались въ деньгахъ, чтобы имѣть возможность выдержать конкуренцію съ капиталистическими государствами; а единственными продуктами, которые ихъ народы могли выносить на рынокъ, были сырые матеріалы и сѣбствныя припасы. Для нихъ нужно было создать массовыя средства транспорта.

Прежде всего этой цѣли служили желѣзныя дороги, построенныя классомъ американскихъ капиталистовъ послѣ междусобной войны, доставившей капиталу всеобщее господство въ Союзѣ. Успѣхи этихъ дорогъ скоро вызвали подражаніе, и теперь одной изъ главныхъ сторонъ дѣятельности европейскаго финансоваго міра является постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ въ совершенно отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи, часто даже въ безлюдныхъ странахъ внѣ Европы. Постройка такого рода желѣзныхъ дорогъ представляетъ не только отводные каналы для излишка капиталовъ, избытокъ которыхъ грозитъ задушить европейскій классъ капиталистовъ, не только открываетъ, часто даже создаетъ новые рынки для быстро растущей европейской индустріи, но и открываетъ, и создаетъ новые источники снабженія сырыми матеріалами и сѣбствными припасами. Совсѣмъ недавно Giffen напечаталъ слѣдующую таблицу длины (въ англійскихъ миляхъ=1609 метрамъ) желѣзно-дорожной сѣти къ концу слѣдующихъ годовъ:

	1850.	1860.	1870	1880.	1890.	1895.
Европа . . .	14.551	33.354	64.667	105.429	141.552	155.284
Америка . . .	9.604	33.547	58.848	109.521	212.724	229.722
Азія	—	844	5.118	9.949	22.023	26.890
Австралія . .	—	350	1.042	4.889	13.332	13.888
Африка . . .	—	278	956	2.904	6.522	8.169
Всего	24.155	67.393	130.631	232.691	305.143	433.953

Въ 1879 г. сѣтъ европейскихъ желѣзныхъ дорогъ составляла по протяженію еще $\frac{1}{2}$ желѣзно-дорожной сѣти всего міра, въ 1895 г. уже только $\frac{1}{3}$. Длина ея за это время возрасла почти въ 5 разъ, длина американской возрасла въ 7 разъ, а остальныхъ 3 частей свѣта увеличилась болѣе чѣмъ въ 30 разъ.

Подобный же переворотъ, хотя и не въ такой сильной степени, совершился и въ паровомъ мореплаваніи. По Japanasch'у, количество тоннъ вмѣщенія приходящихъ и отпывающихъ судовъ въ важнѣйшихъ, причастныхъ къ мореплаванію странахъ міра было:

	Общая сумма.	Изъ нихъ паровыхъ судовъ.
1872 (38 странъ). . .	137.226.600	52.908.900
1876 (45 ») . . .	189.785.300	100.754.700
1889 (41 ») . . .	360.970.800	287.965.100
1892 (41 ») . . .	382.480.600	313.393.100

Издержки желѣзнодорожнаго и морского транспорта находятся въ состояніи постояннаго паденія. По Зерингу среднія ставки фрахтовъ для транспорта изъ Чикаго въ Нью-Йоркъ за бушель были:

По водному пути.	По желѣзной дор.
1868—24.54 цента.	42.6 цента.
1884— 6. 6 »	13.0 »

Перевозка пшеницы изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль на пароходѣ стоила въ среднемъ за бушель въ 1868 г. 14.36 цента, а въ 1884 уже только 6.87.

Съ того времени фрахты еще больше понизились. Согласно Yearbook of the United States, Departement of Agriculture, 1896 г., перевозка бушеля пшеницы отъ Нью-Йорка до Ливерпуля стоила въ:

Январь.	Юнь.
1885— 9.30 центовъ.	5.00 центовъ.
1890—11.13 »	3.75 »
1896— 6.12 »	4.00 »

Перевозка 100 фунтовъ пшеницы по желѣзной дорогѣ отъ Чикаго до Нью-Йорка въ 1893 г. стоила 25 центовъ, а въ 1897 г. 20 центовъ.

Это развитіе транспорта совершенно измѣнило положеніе европейскаго сельскаго хозяйства. Продукты сельскаго хозяйства отличаются, какъ уже упоминалось, незначительной удѣль-

ной цѣнностью, т. е. они въ большомъ объемѣ и вѣсѣ содержатъ, сравнительно, только немного человѣческаго труда, напр. картофель, сѣно, молоко, фрукты, а также пшеница и мясо. Многіе изъ нихъ не выносятъ также долгой перевозки, какъ напр., мясо, многіе сорта фруктовъ и овощей. При примитивности перевозочныхъ средствъ транспортъ сильно повышалъ цѣны этихъ продуктовъ, и доставка ихъ была совершенно невозможной дальше извѣстныхъ, очень ограниченныхъ, разстояній. Снабженіе съѣстными припасами городского рынка оставалось преимущественно мѣстнымъ дѣломъ, ограничивалось сосѣдними мѣстностями. Эти мѣстности владѣли монополіей эксплуатаціи городскихъ потребителей и прекрасно пользовались ею. Высота расходовъ на перевозку отъ наиболѣе отдаленныхъ имѣній, которыя еще должны были участвовать въ удовлетвореніи городскихъ потребностей, поднимала дифференціальную земельную ренту ближайшихъ имѣній. Возрастаніе затрудненій для распространенія доставки съѣстныхъ припасовъ дальше извѣстной области позволяло также очень сильно поднимать и абсолютную земельную ренту.

Постройка желѣзныхъ дорогъ немного измѣнила здѣсь, пока она ограничивалась странами съ высокимъ индустриальнымъ развитіемъ. Правда, желѣзныя дороги открыли для городского рынка новые источники снабженія съѣстными припасами, но только такіе, которые производили при условіяхъ, сходныхъ съ условіями мѣстностей, расположенныхъ ближе къ городу. Но прежде всего эти желѣзныя дороги вызвали огромное расширеніе городского рынка; ибо, только благодаря имъ имѣли мѣсто тотъ быстрый ростъ и огромное увеличеніе числа большихъ городовъ, которые такъ характерны для нашего времени. Онѣ не вызываютъ никакого паденія земельной ренты; напротивъ, со времени начала постройки желѣзныхъ дорогъ до 70-ыхъ годовъ земельная рента повсюду въ Европѣ быстро росла. Желѣзныя дороги обуславливали быстрый ростъ числа землевладѣльцевъ, воспользовавшихся этимъ повышеніемъ ренты. Онѣ чрезвычайно увеличили общую массу земельной ренты, доставшуюся на долю сельскихъ землевладѣльцевъ.

Иначе, однако, дѣйствовали тѣ желѣзныя дороги, которыя проводились въ экономически отсталыхъ странахъ. Но и эти желѣзныя дороги едва ли привели къ перепроизводству съѣстныхъ припасовъ; они расширили городской рынокъ, увеличили

количество индустриальнаго населенія, которое безъ снабженія заморскими съѣстными припасами не могло-бы въ послѣднія десятилѣтія возрастать въ Европѣ такъ быстро. Не количество ввозимыхъ съѣстныхъ припасовъ угрожаетъ европейскому сельскому хозяйству, а *условія ихъ производства*. Тамошнему производству не приходится нести такого бремени, которое лежитъ на сельскомъ хозяйствѣ при капиталистическомъ способѣ производства; появленіе этихъ продуктовъ на рынкѣ сдѣлало на будущее время невозможнымъ для европейскаго сельскаго хозяйства перелagать на потребителей тѣ тяготы, которыя возложены на него частной собственностью на землю и капиталистическимъ производствомъ и которыя такъ быстро растутъ; ему приходится самому нести это бремя, и въ этомъ, именно, и состоитъ нынѣшній аграрный кризисъ.

в) Область конкуренціи въ производствѣ жизненныхъ средствъ.

Страны, угнетающія европейское сельское хозяйство, можно раздѣлить на 2 большія группы: области восточнаго деспотизма и свободныя (теперешнія или прежнія) колоніи. Но, именно, по отношенію къ сельскому населенію такая группировка въ общихъ чертахъ можетъ быть признана вѣрной.

Въ первыхъ областяхъ сельское населеніе вполне подчиняется произволу государства и господствующихъ классовъ. Здѣсь капитализмъ еще не создалъ національной политической жизни, нація, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, здѣсь представляетъ еще только агрегатъ сельскихъ общинъ, каждая изъ которыхъ живетъ сама по себѣ, своей особой жизнью, и въ своей изолированности является совершенно безсильной передъ централизованной силой государства. Но пока такая нація не перешагнула ступени простого товарнаго производства, положеніе крестьянина въ подобномъ государствѣ еще не слишкомъ плохо. Лично онъ едва соприкасается съ государственной властью; его охраняетъ и представительницей его интересовъ передъ государствомъ является его демократически организованная община, и государственная власть имѣетъ въ рукахъ мало средствъ для чрезмѣрнаго выжиманія соковъ у общины, да и мало поводовъ у нея къ тому, такъ какъ она можетъ найти только ограниченное примѣненіе тѣмъ натуральнымъ продуктамъ, въ формѣ которыхъ уплачиваются повинности. Жесто-

кость восточнаго деспотизма и выжиманіе соковъ въ городахъ по отношенію къ придворнымъ, высшимъ чиновникамъ, богатымъ купцамъ, проявляются сильнѣе, чѣмъ въ деревнѣ.

Все это, однако, совершенно измѣняется, когда государственная власть тѣмъ или другимъ путемъ приходитъ въ соприкосновеніе съ европейскимъ капитализмомъ. Европейская цивилизація вступаетъ въ эти страны въ образѣ милитаризма, бюрократіи и государственной задолженности; она также сильно и внезапно повышаетъ потребность государственной власти въ деньгахъ, какъ и ея силу относительно сельскихъ общинъ. Повинности теперь превращаются въ денежные налоги и уже существовавшіе отчасти, незначительные, денежные налоги повышаются до невыносимыхъ размѣровъ и взыскиваются безпощадно. Сельское хозяйство является главной отраслью производства въ такомъ государствѣ; на него тѣмъ тяжелѣй, чуть не цѣликомъ, падаетъ бремя налоговъ, чѣмъ безсильнѣе сельское населеніе. Довольная жизнь крестьянина уходитъ въ область преданій. Ему приходится вести хищническое хозяйство, какъ по отношенію къ собственной рабочей силѣ, такъ и по отношенію къ землѣ, чтобы выжать изъ нихъ обѣихъ все, что только можно. Время досуга, время искусства, отходить въ прошлое, прекрасная рѣзба по дереву и вышивки южно-русскихъ крестьянъ—дѣло минувшихъ дней, какъ и времена довольства. Собирается гораздо бѣльшая жатва, землѣ не дается времени для отдыха; все, что не абсолютно необходимо для скуднаго поддержанія жизни, идетъ на рынокъ. Но гдѣ найти покупателей въ деревнѣ, гдѣ почти всякій житель—крестьянинъ, желающій продать съѣстные припасы и вовсе не имѣющій нужды ихъ покупать? Вывозъ съѣстныхъ припасовъ становится жизненнымъ вопросомъ; постройка желѣзныхъ дорогъ, идущихъ извнутри страны къ портамъ или сухопутнымъ границамъ, становится необходимостью для правительства, разъ оно должно получить возможность собирать съ крестьянъ денежные налоги. Объ опредѣленіи цѣнъ этихъ съѣстныхъ припасовъ издержками производства едва ли можетъ быть рѣчь. Они произведены не капиталистически и продаются подъ давленіемъ государственной власти и ростовщика, котораго выводить на арену тоже введеніе денежныхъ налоговъ.

Чѣмъ выше налоги и ростовщическіе проценты, чѣмъ сильнѣе нужда, и чѣмъ распространеннѣе особая форма рабства,

вытекающая из задолженности крестьянина, тѣмъ болѣе необходимымъ становится для него сбывать свои продукты по всякой цѣнѣ, тѣмъ больше количество труда, которое онъ долженъ отдавать своему кредитору, деревенскому кулаку—крестьянину или землевладѣльцу, для погашенія долга, тѣмъ больше количество выносимыхъ имъ на рынокъ продуктовъ, тѣмъ ниже цѣны, которыя онъ за нихъ выручаетъ, тѣмъ дешевле продаются продукты, производимые въ имѣнιάхъ его кредитора. Возрастающее обремененіе крестьянъ налогами и ростовщическими процентами не удорожаетъ, а удешевляетъ здѣсь продуктъ; оно до самыхъ крайнихъ предѣловъ понижаетъ земельную ренту и заработную плату мелкаго крестьянина, если вообще здѣсь можетъ быть о нихъ рѣчь.

Въ виду подобной конкуренціи не можетъ укрѣпиться земледѣліе, продуцирующее на капиталистическихъ началахъ и вынужденное считаться съ даннымъ жизненнымъ уровнемъ сельскаго населенія, съ данной заработной платой и данной, фиксированной въ земельныхъ цѣнахъ и ипотечныхъ долгахъ, земельной рентой, земледѣліе, не ведущее хищническаго хозяйства, а сохраняющее въ статическомъ состояніи плодородіе почвы, и имѣющее при томъ въ своемъ распоряженіи лишь недостаточное предложеніе рабочихъ рукъ.

Совершенно иной, чѣмъ эта конкуренція странъ востока, приходящихъ въ соприкосновеніе съ европейскимъ капитализмомъ, каковы Россія, Турція, Остъ-Индія, представляется конкуренція колоній Америки и Австраліи. Тамъ мы находимъ мощную демократію свободныхъ крестьянъ, стоящую въ сторонѣ отъ міровой политики, не знающую милитаризма и мало обремененную податями. Неизмѣримыя пространства плодоносной земли здѣсь свободны отъ чьего-бы то ни было владѣнія, ибо ея первоначальные властители, малочисленное первобытное населеніе, искореняется или оттѣсняется на небольшія территоріи. Здѣсь еще не существуетъ монополіи на землю единичныхъ лицъ, нѣтъ еще земельной ренты; земля не имѣетъ еще стоимости. Сельскому хозяину не нужно, какъ въ Европѣ, большую часть своего капитала затрачивать на покупку земли, онъ можетъ цѣликомъ употребить его на обзаведеніе хозяйства. Поэтому при одинаковомъ приложеніи капитала и одинаковой величинѣ земельной площади, сельскій хозяинъ въ колоніи можетъ достигь гораздо высшей ступени сельско-хозяйственной культуры,

чѣмъ въ Европѣ. И это ему удается тѣмъ скорѣе, что колонистъ, приходя изъ Европы, встрѣчаетъ совершенно новыя условія, къ которымъ ему нужно приспособиться, причемъ быстро исчезаютъ традиціи и предрасудки прошлаго, отягощающіе европейскаго крестьянина.

Еще одно обстоятельство способствуетъ здѣсь развитію сельскохозяйственной культуры. Почва еще не истощена, еще совершенно дѣвственна. Она не требуетъ никакого удобренія и никакого плодосмѣна, и много лѣтъ подрядъ даетъ всегда богатый урожай однихъ и тѣхъ же продуктовъ. Земледѣльцу не нужно, поэтому, ни покупать удобренія, ни производить его самому; онъ можетъ вполне ограничиться воздѣлываніемъ одного продукта, напр. пшеницы, и онъ дѣлаетъ это тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе развить обмѣнъ, чѣмъ болѣе онъ производитъ только товары и не нуждается болѣе въ производствѣ для собственнаго потребленія. Эта односторонность производства даетъ ему возможность дѣлать необыкновенныя сбереженія въ рабочей силѣ и въ средствахъ производства, и въ то же время вполне приспособить свои средства производства къ одной цѣли, для которой единственно они предназначены. Воздѣлыватель пшеницы не нуждается ни въ стойлахъ для скота, исключая упряжнаго, ни въ овинахъ для кормовыхъ запасовъ, ни въ рабочихъ для содержанія скота; ему не нужно воздѣлывать никакихъ корнеплодовъ, и онъ сберегаетъ рабочую силу и матеріалъ производства. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ земельной ренты и эта односторонность производства ведетъ къ тому, что сельскій хозяинъ въ колоніи, при томъ-же приложеніи капитала и труда и той же земельной площади, можетъ добиться высшаго дохода, чѣмъ въ Европѣ, или что онъ, при томъ же приложеніи капитала и труда, можетъ обработать значительную большую земельную площадь съ тѣмъ же доходомъ про гектаръ. Для объясненія высокаго развитія техники въ американскомъ сельскомъ хозяйствѣ, обыкновенно, указываютъ на недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и на высокую заработную плату, вынуждающій къ примѣненію машинъ. Но этотъ моментъ безъ другихъ, только что подчеркнутыхъ, моментовъ врядъ ли могъ-бы въ такой мѣрѣ оказать свое дѣйствіе, какъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. «Рабочаго вопроса» въ томъ смыслѣ, какъ онъ существуетъ въ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, для колоній не существуетъ. Положимъ,

населеніе ихъ гораздо рѣже, чѣмъ населеніе европейскихъ культурныхъ странъ, число рабочихъ рукъ въ отношеніи къ сферѣ приложенія труда значительно меньше. Но отъ даннаго числа рабочихъ зависитъ не процвѣтаніе сельскаго хозяйства, а только способъ его веденія. Гдѣ меньше рабочихъ, тамъ хозяйство ведется экстенсивнѣе, тамъ по возможности больше человѣческаго труда замѣняется машинами и пр. Но ни въ какомъ случаѣ не безразлично для процвѣтанія сельскаго хозяйства, уменьшается ли, при данномъ способѣ обработки, число находящихся въ его распоряженіи рабочихъ рукъ или нѣтъ, и суживается ли ихъ работоспособность или нѣтъ. Для процвѣтанія сельскаго хозяйства рѣшающимъ является не данное состояніе количества и искусства его рабочихъ, а *направленіе, въ какомъ измѣняются* эти факторы. Но въ этомъ отношеніи колоніи имѣютъ преимущество предъ Европой.

То самое бѣгство съ земли, которое обезлюживаетъ деревни Европы, доставляетъ не только городамъ, но и колоніямъ все новыя толпы здоровыхъ сельчанъ, самыхъ интеллигентныхъ и энергичныхъ изъ нихъ, которые при новыхъ условіяхъ дѣлаются и должны дѣлаться еще энергичнѣе и интеллигентнѣе. Тѣ, которые не могутъ приспособиться къ совершенно измѣнившимся условіямъ, гибнутъ. «Черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно необразованный переселенецъ превращается въ очень дѣльнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ здѣсь чрезвычайно хорошо питается. Онъ похожъ на растеніе, пересаженное изъ тощей почвы въ жирную—и это сравненіе вѣрно теперь и вообще, пока здѣсь трудъ будетъ вознаграждаться лучше, чѣмъ въ Европѣ (R. Meyer, «Ursachen der amerikanischen Konkurrenz», 16). Военной службы, которая отнимаетъ у земледѣлія рабочія руки, въ колоніяхъ не существуетъ. Зерингъ («Die landwirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas», 179) выразительно говоритъ: «Въ фермерскихъ округахъ часто слышны жалобы на высокую заработную плату, но очень рѣдко на недостатокъ въ рабочихъ рукахъ». Но и высокая заработная плата не стоитъ на одномъ уровнѣ. Въ то время какъ въ Европѣ растущая затруднительность добывать сельскихъ рабочихъ въ достаточномъ количествѣ, въ общемъ, повышаетъ ихъ заработную плату, въ колоніяхъ, благодаря постоянному притоку свѣжихъ рабочихъ силъ, она имѣетъ тенденцію къ

падению. По Зерингу (*ibid.*, 469) мѣсячное жалованье годовичныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ долларахъ равнялось:

Государства:	1866.	1869.	1875.	1879.	1881.	1885.
Калифорнія	35.75	46.38	44.50	41.—	38.25	38.75
Восточные Штаты	33.30	32.08	28.96	20.21	26.61	25.55
Средніе »	30.07	28.02	26.02	19.69	22.24	23.50
Западные »	28.91	27.01	23.60	20.38	23.63	22.25
Южные »	16.—	17.21	16.22	13.31	15.30	14.25

Общее понижательное движеніе очевидно. Въ виду всѣхъ приведенныхъ фактовъ легко видѣть, какъ смѣшенъ добрый совѣтъ, который либеральные экономисты даютъ европейскимъ сельскимъ хозяевамъ: имъ-де нужно стать столь же интеллигентными, какъ американцы, и американская конкуренція будетъ побѣждена. Но замѣчательно, что въ процессъ развитія сами американцы, вмѣсто того, чтобы дѣлаться интеллигентнѣе, становятся менѣе интеллигентными, т. е. начинаютъ хозяйничать на европейскій манеръ.

Картина колониальнаго сельскаго хозяйства, которую мы только что нарисовали, относится къ Соединеннымъ Штатамъ только въ незначительной степени. Это сельское хозяйство основывается на хищнической обработкѣ (объ этомъ методѣ хозяйства см. стр. 169). Рано или поздно оно истощаетъ почву.

Благодаря этому становится необходимымъ, чтобы сельскій хозяинъ отъ времени до времени переходилъ отъ истощенной почвы къ свѣжей; для этого онъ долженъ или заранѣе придать своему имѣнію такіе размѣры, что-бы оно рядомъ съ культивируемой частью содержало и не культивируемую, или, когда его земля истощится, онъ долженъ направиться далѣе въ некультивированныя мѣстности и отвести тамъ подъ культуру новый кусокъ земли. По своему кочевому характеру земледѣліе колонистовъ напоминаетъ земледѣліе древнихъ германцевъ, только съ тѣмъ различіемъ, что оно ведется со всѣми вспомогательными средствами современной техники и служитъ не для собственнаго потребленія, а для продажи. Но именно благодаря этому современное кочевое земледѣліе должно еще быстрѣе истощать почву, чѣмъ это дѣлало земледѣліе германцевъ. Брошенная земля лежитъ невоздѣланной, пока не возстановится ея плодородіе, или она переходитъ къ сельскому хозяину, который начинаетъ хозяйничать на европейскій манеръ, съ плодосмѣномъ и удобреніемъ. Во всякомъ случаѣ, старая почва рано или поздно дѣлается негодной для экстенсивной хищни-

ческой обработки. Почва, на которой можно 40 лѣтъ подрядъ непрерывно сѣять пшеницу безъ удобренія (Зерингъ, *ibid.*, стр. 188),—большая рѣдкость. Непостоянный характеръ американскаго сельскаго хозяйства виденъ изъ слѣдующихъ цифръ: подъ пшеницей было акровъ:

	Западные штаты.	Центральные штаты.	Восточные штаты.
1880.	6.100.000	23.700.000	5.700.000
1890.	11.400.000	17.600.000	4.600.000
Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—).	+5.300.000	6.100.000	1.100.000

Одновременно въ сѣверо-восточныхъ штатахъ еще въ большей степени уменьшилась вся сельско-хозяйственно эксплуатируемая площадь съ 46.385.632 акровъ до 42.338.024, т. е. болѣе чѣмъ на 4 мил. акровъ. Погоня за землей у американскихъ колонистовъ при такомъ быстромъ истощеніи почвы должна быть еще сильнѣе, чѣмъ у древнихъ германцевъ, и если Германія превратилась въ *vagina gentium*, въ постоянно, вновь родящую мать многочисленныхъ народовъ, въ вѣка переселенія народовъ, одинъ за другимъ тѣснившихся вплоть до Африки, то востокъ Америки тоже превратился въ *vagina gentium*, въ мѣсто исхода переселенцевъ, въ теченіе немногихъ десятилѣтій наполнившихъ континентъ вплоть до береговъ Тихаго океана.

Этому поступательному движенію способствовала сильная иммиграція изъ Европы, ибо перспектива вести сельское хозяйство безъ тягостей старой капиталистической цивилизаціи, безъ земельной ренты, милитаризма, налоговъ, на плодородной почвѣ, была слишкомъ заманчива, чтобы не побудить многочисленныя толпы земледѣльцевъ покинуть отцовскую землю, съ которой, по увѣренію нашихъ поэтовъ и политиковъ, они связаны неразрывными узами, и искать новой жизни за океаномъ. Теперь вся плодородная земля въ Соединенныхъ Штатахъ—объектъ частной собственности. Число фермъ растетъ все медленнѣе. Съ 1870 по 1880 г. число ихъ увеличилось на 1.348.922, т. е. на 51⁰/₀. Земля болѣе не свободна, она даетъ земельную ренту и имѣетъ цѣну. А вмѣстѣ съ тѣмъ начинается отягощеніе земледѣлія бременемъ частной собственности подъ режимомъ капитализма. Американскій земледѣлецъ нынѣ долженъ *купить* имѣніе, уменьшить свой капиталъ на сумму покупной цѣны, долженъ хозяйничать на меньшей площади, чѣмъ

это было раньше, или дѣлать долги. Или онъ долженъ *арендовать* имѣніе. Когда онъ умираетъ, онъ не можетъ болѣе указывать своимъ сыновьямъ на вольную землю на дальнемъ западѣ; имъ приходится дѣлить его владѣніе, или одинъ изъ нихъ долженъ откупить его у другихъ, что также не можетъ не вести къ задолженности или къ уменьшенію хозяйственнаго капитала. Наступаетъ измелъченіе, задолженность имѣній и ухудшеніе ихъ хозяйственнаго обзаведенія. Но одновременно съ этимъ растутъ требованія, предъявляемые сельскому хозяину. Почва истощена, новой земли нельзя болѣе достать даромъ. Удобреніе, плодосмѣнъ, содержаніе скота дѣлаются необходимыми, но все это требуетъ добавочныхъ рабочихъ силъ и денегъ. Съ 1880 года въ Соед. Штатахъ при цензахъ регистрируются издержки на вспомогательное удобреніе, употребленное въ предъидущемъ году. Онѣ составляли въ 1880 г. 28.600.000, въ 1890 г. 38.500.000 долларовъ. Вмѣстѣ съ этимъ выступаетъ новая причина задолженности и мельчанія имѣній.

Арендная система и задолженность начинаютъ укореняться и распространяться. Изъ всего числа сельскохозяйственныхъ имѣній сдавалось въ аренду въ 1880 г. 25.56⁰/₀, а въ 1890 г. 28.37⁰/₀ (ср. стр. 98), задолженность фермъ въ 1890 г. впервые регистрировалась во всемъ союзѣ. Изъ числа фермъ, которыя не арендовались, а состояли въ пользованіи самихъ собственниковъ, въ 1890 году 28.22⁰/₀ были задолжены, въ томъ числѣ большая часть въ капиталистически развитыхъ штатахъ. Изъ числа 886.957 задолженныхъ сельскохозйственныхъ имѣній 177.508 находились въ сѣверныхъ приатлантическихъ штатахъ (34.22⁰/₀ тамошнихъ фермъ), 618.429 (42.52⁰/₀) въ сѣверныхъ центральныхъ штатахъ, въ то время какъ въ западныхъ штатахъ только 31.751 (23.09⁰/₀), въ южныхъ приатлантическихъ 31.080 (7.43⁰/₀), въ южныхъ центральныхъ штатахъ 28.189 (4.59⁰/₀). Общая сумма задолженности исчислялась въ 1086 милліоновъ долларовъ,—35,55⁰/₀ стоимости сельскохозйственныхъ имѣній. Въ 88⁰/₀ задолженныхъ фермъ какъ причины задолженности указывались: покупка, меліораціи, приобрѣтеніе машинъ и скота и т. под. Эти условія должны изсушить потокъ иммиграціи, въ то самое время, какъ съ переходомъ отъ экстенсивной культуры къ интенсивной спросъ на рабочія руки растетъ. Въ 1882 г. имми-

грація въ Соед. Штаты достигла своей высшей точки— 788.992 иммигрантовъ. Съ тѣхъ поръ она непрерывно падала и достигла въ 1895 г. только 279.648 душъ. Эмиграція изъ Германіи, равнявшаяся въ 1891 г. 220.902 душамъ, въ 1897 г. упала до 24.631.

При этомъ промышленность и торговля стремительно развиваются и отвлекаютъ все большую часть населенія. Число производительнаго населенія съ 1880 до 1890 года увеличилось въ промышленности на 49.1⁰/₀, въ торговлѣ и транспортномъ дѣлѣ на 78.2⁰/₀, въ сельскомъ хозяйствѣ (включая горнодѣліе) только на 12.6⁰/₀.

И для американскаго сельскаго хозяйства приближается время его рабочаго вопроса. Но развитіе промышленности не только прямо отнимаетъ у земледѣія его рабочія руки, оно кромѣ того способствуетъ развитію милитаризма. Индустрія превращается въ экспортную промышленность, стремящуюся овладѣть міровымъ рынкомъ и попадающую въ конфликтъ съ соперничающими націями. Военное дѣло предъявляетъ большія требованія, государственные долги растутъ, налоги увеличиваются. Подъемъ промышленности влечетъ за собой кризисы, потрясающіе всю страну, безработица принимаетъ угрожающіе размѣры, классовая борьба дѣлается все ожесточеннѣе, господствующіе классы нуждаются все въ болѣе сильныхъ средствахъ для пресѣченія и предупрежденія неудобныхъ движеній. И это способствуетъ развитію милитаризма. Но при этомъ само государство все болѣе дѣлается добычей высшихъ финансовыхъ сферъ, обирающихъ населеніе своими монополіями. Все это означаетъ увеличеніе тягостей сельскаго хозяйства Соединенныхъ Штатовъ и суженіе его способности къ конкуренціи на міровомъ рынкѣ.

Конкуренція Европейской Россіи и Индіи со временемъ также теряетъ свою остроту. Тамъ еще раньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, хищническое земледѣліе должно повести къ банкротству господствующаго способа хозяйства, ибо здѣсь меньше запасной земли, старая культурная почва уже болѣе истощена и средства обработки земли все болѣе ухудшаются; чѣмъ бѣднѣе становится крестьянинъ, чѣмъ болѣе онъ теряетъ свой скотъ въ пользу растовщика и при взысканіи податей. Результатомъ является хроническій, періодически особенно обостряющійся голодъ. Вывозъ можетъ при этомъ еще нѣкоторое время расти, именно благодаря развивающейся по-

стройкѣ желѣзныхъ дорогъ, открывающихъ обращенію все новыя еще не истощенныя области, но въ концѣ концовъ это хозяйство должно привести или къ полному разорѣнію страны, или къ переходу къ капиталистическому производству крупныхъ землевладѣльцевъ или крупныхъ крестьянъ, чего въ Россіи имѣются уже многочисленныя зачатки.

Пролетаризація сельскаго населенія, выбрасывающая на рынокъ массу дешевыхъ рукъ и большія пространства земли для продажи, и обратная сторона этого процесса—возникновение многочисленнаго класса сельскихъ ростовщиковъ, накапливающихъ капиталы, образуютъ всѣ предварительныя условія для капиталистическаго производства. Благодаря этому условія производства въ Россіи дѣлаются все болѣе похожими на европейскія, а ея конкуренція оказываетъ все меньшее давленіе на цѣны. Но сильно ошибаются тѣ, кто заключаетъ изъ этого, что аграрный кризисъ скоро будетъ устраненъ. Процессъ, вызвавшій его, безостановочно идетъ впередъ, и открываетъ капиталистическому способу производства все новыя области, какъ въ колоніяхъ, такъ и въ странахъ восточнаго деспотизма. Въ Канадѣ, въ Австраліи, въ Южной Америкѣ еще можно найти незаселенную землю. Д-ръ Рудольфъ Мейеръ писалъ въ 1894 году:

«Въ Лондонскомъ Economist отъ 9 сентября 1893 года приводится выдержка изъ отчета чиновника англійскаго консульства въ Аргентинѣ, сообщающаго между прочимъ, что въ текущемъ году находятся подъ культурой только 12¹/₂ милліоновъ акровъ (5 милл. гектаровъ), а годны къ обработкѣ 240 милл. акровъ или 96 милл. гектаровъ. Но къ этому прибавляются еще очень большія пространства съ подобными же условіями для обработки въ другихъ Лаплатскихъ Штатахъ, Венецуелѣ и части Бразиліи, такъ что годную для обработки поверхность, удобную для воздѣлыванія пшеницы, въ Южной Америкѣ можно, пожалуй, исчислять въ 200 милліоновъ гектаровъ. Значеніе этого станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что подъ пшеницей, рожью, овсомъ и ячменемъ въ послѣдніе годы было въ Соед. Штатахъ около 56 милліоновъ гектаровъ, въ Австро-Венгріи 13, въ Великобританіи и Ирландіи 4, въ Германіи 14, во Франціи 15, всего 102 милл. гектаровъ. («Der Kapitalismus fin de siècle, 429»).

Въ подобномъ же смыслѣ высказывается и заключеніе англійской парламентской аграрной комиссіи (1897). Сибирь

съ ея 100 милліонами гектаровъ хлѣбной площади открывається для міроваго рынка при помощи желѣзной дороги; съ сѣвера, юга, востока и запада желѣзныя дороги быстро подвигаются къ центральной Африкѣ, а открытіе Китая при помощи желѣзныхъ дорогъ—вопросъ ближайшаго будущаго. Хотя въ послѣдней странѣ ожидаютъ скорѣе увеличенія ввоза, а не вывоза жизненныхъ средствъ, но экономическая структура Китая имѣетъ слишкомъ много общаго съ Индїей, чтобы мы не должны были ожидать здѣсь отъ постройки желѣзныхъ дорогъ тѣхъ же результатовъ, что и тамъ: разоренія домашней промышленности, быстрой задолженности крестьянства, медленнаго возникновенія капиталистической промышленности, но рядомъ съ этимъ, одновременно съ ростомъ нищеты и голода, роста вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ Индїя, въ которой вѣчно свирѣпствуетъ голодь, вывозитъ обыкновенно пшеницу и рисъ—около 20 милл. центнеровъ пшеницы и 20—30 милліоновъ центнеровъ риса.

Такъ же обстоитъ дѣло въ Россіи. По послѣднимъ даннымъ крестьянство производитъ здѣсь ежегодно около 1387 милліоновъ пудовъ хлѣба (за вычетомъ сѣмянъ). Ему нужно для своего пропитанія 1286 милліоновъ пудовъ ржи и для скота 477 милл. пудовъ. Это даетъ дефицитъ въ 376 милліоновъ пудовъ, которые крестьянство должно было бы *прикупать*, еслибы оно само и его скотъ питались какъ слѣдуетъ. Въмѣсто этого оно, какъ извѣстно, еще продаетъ хлѣбъ. Ему приходится аккуратно платить подати и долги, а продавать ему больше нечего. Тѣ же причины заставляютъ и китайскаго крестьянина продавать пшеницу и рисъ, какъ бы онъ самъ ни нуждался въ нихъ. Конечно, не всѣ страны пригодны для производства пшеницы. Но вѣдь не безусловно и необходимо питаться пшеничной мукой. Уже сдѣланы попытки замѣнить пшеницу и рожь другими злаками, маисомъ, рисомъ, просомъ etc. Эти попытки не могутъ имѣть большого успѣха, пока подвозъ пшеницы растетъ и потребности въ суррогатѣ не существуетъ. Но еслибы когда-нибудь дошло до того, что вся почва подъ пшеницей и рожью оказалась занятой, а цѣны на хлѣбъ продолжали-бы непрерывно расти, то духъ изобрѣтательности немедленно направился-бы на замѣну прежнихъ хлѣбовъ суррогатами изъ числа тропическихъ продуктовъ, и тогда въ ряды конкурентовъ европейскихъ хлѣбныхъ производителей вступили

бы еще и тѣ тропическія страны, которыя не пригодны для воздѣлыванія пшеницы: Центральная Америка, Сѣверная Бразилія, значительная часть Африки, Индіи, Зондскіе острова.

Конечно, и эта конкуренція должна была-бы когда-нибудь прекратиться, потерять свой разрушительный характеръ. Земная поверхность ограничена, а капиталистическій способъ производства распространяется прямо съ головокружительной быстротой. Поэтому когда-нибудь аграрный кризисъ долженъ кончиться, по скольку онъ проистекаетъ изъ конкуренціи отсталыхъ земледѣльческихъ странъ съ развитыми промышленными странами. Но если эта конкуренція прекратится, то и капиталистическій способъ производства потеряетъ всякую возможность дальнѣйшаго распространенія. А непрерывное расширеніе есть его жизненный принципъ, ибо техническая революція и накопленіе капитала безостановочно идутъ впередъ, производство все болѣе превращается въ массовое производство, въ то время какъ доля массы въ продуктѣ его постоянно понижается. Аграрный кризисъ можетъ, поэтому, окончиться только всеобщимъ кризисомъ всего капиталистическаго общества. Можно отодвигать или приближать этотъ моментъ, но несомнѣнно то, что аграрный кризисъ въ капиталистическомъ обществѣ уже болѣе не прекратится, что онъ принадлежитъ, такъ сказать, къ скелету послѣдняго. Если тягости капитализма, лежавшія до сихъ поръ гнетомъ на западно-европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, нынѣ начинаютъ давить его конкурентовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Россіи и пр., то это доказываетъ не то, что аграрный кризисъ въ Западной Европѣ приближается къ своему концу, но что область его распространяется все дальше.

Уже 20 лѣтъ оптимисты, именно либеральные экономисты, предсказываютъ намъ скорый конецъ аграрнаго кризиса, уже 20 лѣтъ онъ годъ отъ году углубляется и расширяется. Съ нимъ мы должны считаться не какъ съ преходящимъ, а какъ съ постояннымъ явленіемъ, явленіемъ, переворачивающимъ всю экономическую и политическую жизнь. Мы должны отказаться здѣсь отъ изслѣдованія вопроса, какое обратное дѣйствіе оказываетъ аграрный кризисъ на промышленность. Замѣтимъ только, что ея развитіе сильно ускоряется имъ. Прошли времена, къ которымъ примѣнима была поговорка: *Hat der Bauer Geld, hat's die ganze Welt* (т. е. если крестьянинъ богатъ деньгами, то богатъ ими весь свѣтъ). Наша задача здѣсь заключается

только въ томъ, чтобы обсудить тѣ преобразованія въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя внѣевропейская конкуренція жизненными припасами отчасти вызвала, отчасти ускорила.

г) *Сокращеніе производства хлѣбовъ.*

Ближайшимъ и простѣйшимъ средствомъ противъ кризиса для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ было обращеніе къ государственной помощи, возмущеніе противъ «безплоднаго манчестерства». Это значитъ: послѣ того какъ европейское землевладѣніе потеряло *экономическую власть* для переложенія тягостей капиталистическихъ условій производства на массу населенія, это должна сдѣлать политическая власть путемъ установленія пошлинъ на хлѣбъ, измѣненія системы денежнаго обращенія (биметаллизмъ), выдачи денежныхъ премій и т. под. Было бы излишнимъ еще разъ разбирать теоретическую обоснованность этихъ мѣръ, такъ какъ она обсуждалась уже столько разъ, что можно считать общеизвѣстными тѣ точки зрѣнія, которыя здѣсь должны быть приняты во вниманіе, и такъ какъ едва ли можно сказать что-нибудь новаго объ этомъ. Это обсужденіе тѣмъ болѣе излишне, что аграріи сами начинаютъ понимать, что они недалеко уйдутъ съ этими «маленькими средствами». Въ своихъ попыткахъ произвести искусственное вздорожаніе жизненныхъ средствъ они во всѣхъ культурныхъ странахъ встрѣчаютъ самую рѣшительную оппозицію рабочаго класса, болѣе всѣхъ затрогиваемаго этимъ вздорожающимъ. Хлѣбныя пошлины до сихъ поръ нисколько не помогли сельскому хозяйству. Но если иногда наступаютъ условія, при которыхъ онѣ въ состояніи оказать значительное дѣйствіе и высоко поднять цѣны на хлѣбъ, то онѣ ставятъ громадное большинство населенія въ такія невыносимыя условія, что должны пасть предъ его ропотомъ. Неурожай 1891 года вызвалъ во Франціи немедленное пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ (отъ іюля 1891 до іюля 1892); онѣ вызвалъ также и въ Германіи, хотя и не немедленно, пониженіе пошлинъ, и не только преходящее, но и постоянное. Въ Англіи ни одинъ серьезный политикъ не осмѣливается выступить за искусственное поднятіе цѣнъ на жизненные припасы. Для этого рабочій классъ тамъ слишкомъ могущественъ. А конкуренція съ фритредерской Англіей не позволяетъ пь остальнымъ промышленнымъ странамъ слишкомъ взвинтить свои

налоги на жизненные средства. Упорство Англии в свободѣ ввоза жизненныхъ средствъ заставляеть и капиталистовъ континента вмѣстѣ съ рабочими противиться всякому возвышенію хлѣбныхъ пошлинъ до уровня, на которомъ онѣ могли бы парализовать вліяніе иностранной конкуренціи жизненными припасами. Если аграрныя защитительныя пошлины в Европѣ не поднимаются на громадную высоту, то этому мы обязаны прежде всего могуществу рабочихъ в Англии.

Но что результаты энергичной аграрной покровительственно-таможенной политики, предполагая послѣднюю возможной, пришлись-бы на пользу не сельскому хозяйству, а только землевладѣнію, т. е. что они сохранили-бы высокія цѣны на землю, удерживая на прежней высотѣ земельную ренту, и слѣдовательно затагнули-бы то тяжелое положеніе, в которое, благодаря этой рентѣ, попало сельское хозяйство, это послѣ нашихъ разсужденій в предъидущей главѣ не нуждается в особыхъ доказательствахъ. Попытки охранить европейское земледѣліе отъ иностранной конкуренціи пошлинами и другими «маленькими средствами» во всѣхъ отношеніяхъ безнадежны; онѣ имѣють только одинъ результатъ: ими замедляется приспособленіе земледѣлія къ новымъ условіямъ. Тѣмъ не менѣе это приспособленіе замѣтно подвигается впередъ. Одно изъ главныхъ преимуществъ за-океанской конкуренціи заключается в изобиліи земли, позволяющемъ ей брать подъ запашку только лучшую, наиболѣе пригодную для земледѣлія почву. Иначе обстоитъ дѣло в Европѣ. Пока каждое земледѣльческое хозяйство довольствовалось самимъ собой, оно должно было производить все, в чемъ нуждалось, не взирая на то, годится-ли для этого почва или нѣтъ. И на бесплодной, каменистой, сильно покатої почвѣ воздѣлывался хлѣбъ. Замѣна производства для собственнаго потребленія производствомъ товаровъ на первыхъ порахъ мало измѣнило в этомъ отношеніи; наоборотъ, увеличеніе спроса на хлѣбъ в результатѣ быстрого роста населенія заставляло переходить все къ менѣе плодородной почвѣ, заставляло все большія пространства ея пускать подъ обработку. Это измѣняется, какъ только выступает за-океанская конкуренція. Необходимость продолжать воздѣлываніе хлѣбовъ и на непригодной для этого почвѣ прекращается, и гдѣ обстоятельства благоприятны для этого, его бросаютъ и замѣняютъ другими видами земледѣльческаго производства. Эта

тенденція еще усиливается слѣдующими обстоятельствами: за- океанская конкуренція сначала даетъ себя чувствовать замѣт- нѣе всего на хлѣбномъ рынкѣ. Воздѣлываніе хлѣбовъ гораздо проще, требуетъ меньшей подготовки и рабочихъ силъ, чѣмъ напр. интенсивное скотоводство, разведеніе корнеплодовъ и овощей, воздѣлываніе фруктовъ. Хлѣбъ и между пищевыми веществами является однимъ изъ товаровъ, имѣющихъ наиболь- шую специфическую цѣнность въ отношеніи къ вѣсу и объ- ему. Уже упомянутая выше таблица Sattegast'a ясно показы- ваетъ это. По ней при транспортѣ на одинъ центнеръ въ 50 килограм. и одну милю падаетъ процентовъ стоимости товаровъ на разнаго рода продукты:

Обозначеніе товара.	Рыночная цѣна за цент- неръ пфе- нниговъ.	За перевоз- ку по сель- скимъ дор. 15 пфенниг.	За перевоз- ку по желѣз- нымъ дор. 2,5 пфенниговъ.
		Про центнеръ и милю.	
Свѣжій кормъ	50	30,00%	5,00%
Сахарн. свекла.	100	15,00 »	2,50 »
Солома	100	15,00 »	2,50 »
Картофель	150	10,00 »	1,66 »
Сѣно	200	7,50 »	1,25 »
Молоко, свѣжіе фрукты	400	3,75 »	0,62 »
Пшеница	1.000	1,50 »	0,25 »
Живой скотъ	2.000	0,25 »	0,25 »

И такъ пшеница стоитъ на самомъ верху. Издержки транспорта живого скота не потерпѣли уменьшенія отъ желѣз- ныхъ дорогъ. Скорость его транспорта, конечно, сильно уве- личилась. Издержки его транспорта равны издержкамъ тран- спорта пшеницы. Но послѣдняя безъ вреда переноситъ самый длинный транспортъ, храненіе, перегрузку, морское путеше- ствіе, въ то время какъ живой скотъ сильно страдаетъ отъ дол- гаго транспорта и отъ морского пути. Держать его въ скла- дахъ и амбарахъ, конечно, невозможно. Своей нечувствитель- ностью къ продолжительности и вреднымъ вліяніямъ транс- порта хлѣбъ превосходитъ и большинство другихъ массовыхъ про- дуктовъ сельскаго хозяйства—мясо, молоко, фрукты, зелень, яйца.

Ясно такимъ образомъ, что иностранная конкуренція сначала проявляется въ области производства хлѣбовъ, такъ что тѣ европейскіе сельскіе хозяева, которыхъ ихъ земля не обрекаетъ именно на этотъ видъ производства, ищутъ своего спасенія въ переходѣ къ воздѣлыванію другихъ, вышеозначенныхъ продуктовъ. Но этотъ переходъ не въ ихъ волѣ. Они могутъ совершить его только тамъ, гдѣ находятъ рынокъ для этихъ продуктовъ. Экономическое развитіе часто идетъ имъ наперекоръ. Мы видѣли, что въ силу ряда историческихъ и фізіологическихъ моментовъ въ городахъ потребленіе мяса значительно больше, чѣмъ въ деревняхъ. Такъ какъ городское населеніе растетъ гораздо быстрѣе всего населенія, то и спросъ на мясо долженъ расти относительно гораздо быстрѣе. Съ другой стороны вплоть до настоящаго столѣтія производство молока, овощей, фруктовъ, яицъ и т. п. ограничивалось немногими мѣстностями, сосѣдними съ городами. Въ деревнѣ и небольшихъ городкахъ почти каждый домъ, даже и не крестьянскій, ведетъ сельское хозяйство въ такомъ размѣрѣ, чтобы самому производить эти продукты для собственнаго потребленія. Напротивъ въ большихъ городахъ это невозможно. Поэтому, какъ только большіе города начинаютъ охватывать значительную часть населенія, возникаетъ и сильный спросъ на эти продукты, производство ихъ для рынка тогда распространяется къ выгодѣ мужицкаго *кошелька*, но не всегда къ выгодѣ его *здоровья*: до того его семейство потребляло молоко и яйца, производившіяся его хозяйствомъ, теперь они странствуютъ на рынокъ и замѣняются *кофе*, *водкой* и картофелемъ. Даже увеличеніе мясного питанія при одновременномъ увеличеніи потребленія картофеля и уменьшеніи потребленія молока и хлѣбныхъ злаковъ можетъ дѣйствовать вредно (Ср. Weber въ 3-емъ томѣ «Verhältnisse der Landarbeiter», 777). Но статистикъ изъ роста потребленія этого «предмета роскоши» выводитъ ростъ благосостоянія населенія. То самое развитіе транспортного дѣла, которое дѣлаетъ выгоднымъ воздѣлываніе хлѣба, влияетъ также и въ другомъ направленіи: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно дѣлаетъ возможнымъ производство для продажи въ крупномъ масштабѣ мяса, молока etc., дѣлая доступными для нихъ рынки, отъ которыхъ до тѣхъ поръ онѣ были отрѣзаны. Гдѣ вступаютъ въ дѣйствіе эти факторы, тамъ большею частью благопріятныя мелкому производству тенденціи усили-

ваются, благопріятныя крупному производству ослабляются. Въ области производства хлѣбовъ послѣднее по большей части превосходить мелкое производство, но именно оно сильнѣе всего затрогивается за-океанскою конкуренціей. Области, въ которыхъ ищеть убѣжища сельскій хозяинъ, выбитый съ позиціи на хлѣбномъ рынкѣ, какъ разъ принадлежатъ, за исключеніемъ производства мяса, къ тѣмъ, въ которыхъ мелкое производство еще скорѣе всего можетъ обороняться отъ крупнаго. Но не надо преувеличивать вліянія этихъ факторовъ. Они не вездѣ могутъ проявиться. Не вездѣ существуютъ рынки для молока, овощей, мяса etc. Къ тому-жъ увеличеніе, напр., количества содержимаго скота требуетъ добавочнаго капитала и добавочныхъ рабочихъ силъ, имѣющихся въ распоряженіи не у всякаго сельскаго хозяина. Сильнѣе и раньше всего факторы, о которыхъ идетъ рѣчь, проявились въ Англіи, климатъ которой очень благопріятенъ для пастбищнаго хозяйства и городское населеніе которой уже давно стало значительнымъ. Уже въ 1851 году въ Великобританіи въ городахъ жило столько-же народа, сколько и въ деревняхъ, въ Пруссіи же, наоборотъ, въ 1849 г. въ городахъ жила едва четверть населенія (28⁰/о); только нынѣ въ Германской Имперіи городское населеніе равно по численности сельскому. Кромѣ того въ Англіи господствуетъ капиталистическая арендная система; она принуждаетъ сельскаго хозяина изъ года въ годъ аккуратно выплачивать свои арендныя деньги, лишаетъ его возможности путемъ залога земли пріобрѣтать средства для дальнѣйшаго веденія хозяйства, принуждаетъ такимъ образомъ сельскихъ хозяевъ приспособляться къ новымъ условіямъ.

Когда развилась за-океанская конкуренція жизненными припасами, Англія, въ силу своего географическаго положенія и своего интенсивнаго торговаго обращенія, прежде всѣхъ и больше всѣхъ подвергалась ей. Излишекъ ввоза пшеницы и пшеничной муки въ Англію (надъ вывозомъ) среднимъ числомъ составлялъ:

1873/75	12.191.000	квартеровъ=	50,50 ⁰ /о
1883/85	17.944.000	»	=64,20 ⁰ /о
1893/95	22.896.000	»	=76,92 ⁰ /о

всего количества пшеницы, имѣвшейся въ распоряженіи. Итакъ, только $\frac{1}{4}$ потребляемой въ Англіи пшеницы произ-

растаетъ на отечественной почвѣ. Но англійскіе сельскіе хозяева должны были съ самаго начала ясно понимать, что времена хлѣбныхъ пошлинъ прошли. Англія уже слишкомъ демократична, ея сельское населеніе слишкомъ слабо, ея промышленное населеніе слишкомъ сильно, чтобы осмѣлились искусственно удорожить ему хлѣбъ. Сельское хозяйство стояло передъ альтернативой: или близкаго банкротства, или быстрого измѣненія его производственныхъ условій. Въ большинствѣ случаевъ имѣло мѣсто послѣднее. Лендлорды должны были понизить свою земельную ренту—въ Ирландіи подѣ давленіемъ законодательства, въ Англіи—подѣ давленіемъ полного силъ класса арендаторовъ. Арендная плата за послѣдніе годы въ лучшихъ мѣстностяхъ упала на 20—30%, въ плохихъ на 50% и больше. Но при этомъ возрасли расходы на зданія и меліорациі, на которыя должны были пойти землевладѣльцы. Уже не разъ упоминавшійся докладъ англійской аграрной комиссіи приводитъ не мало примѣровъ этому; приведемъ здѣсь для иллюстраціи одинъ изъ нихъ, относящійся къ Норфолькскому имѣнію. Здѣсь въ фунтахъ стерлинговъ составляли:

	1875.	1885.	1894.
Арендная плата	4.139	2.725	1.796
Расходы по имѣнію	1.122	1.166	1.216
% арендной платы поглощавшіяся расходами	27,1	42,8	67,7
Чистый доходъ	3.017	1.559	580

Итакъ чистый доходъ землевладѣльца упалъ съ 60.000 марокъ до 11.600. Но этого уменьшенія обремененія земледѣлія земельной рентой оказалось недостаточно. Рука объ руку съ этимъ совершался переходъ производства хлѣбовъ къ скотоводству. Въ Соед. Королевствѣ въ среднемъ за годъ собрано было кварталовъ пшеницы (за вычетомъ сѣмянъ):

1852—1859	13.169.000	1868—1875	11.632.000
1860—1867	12.254.000	1889—1890	8.770.000

Съ тѣхъ поръ производство упало до 7 милл. кварталовъ среднимъ числомъ.

Площадь, находившаяся подъ пшеницей, содержала:

1866—70	3.801.000 акровъ.
1889 »	2.545.000 »
1894 »	1.985.000 »
1895 »	1.417.403 »
1896 »	1.692.957 »

Напротивъ, луговая земля росла. Она равнялась въ Великобританіи въ 1875 году 13.312.000, въ 1885—15.342.000, въ 1895—16.611.000 акровъ.

Иначе идетъ развитіе въ Германіи. Ея континентальное положеніе, ея хлѣбныя пошлыны, консервативный характеръ крестьянина замедляютъ ея развитіе, но съ другой стороны это развитіе сопровождается прогрессомъ отъ отсталого къ болѣе интенсивному хозяйству, уничтоженіемъ пара и переходомъ отъ трехпольной къ плодосмѣнной системѣ хозяйства, прогрессомъ, который ни въ какомъ случаѣ не совершился еще вездѣ. Послѣдніе моменты естественно способствуютъ расширенію воздѣлыванія хлѣбовъ. Уменьшеніе послѣдняго, его вытѣсненіе скотоводствомъ, разведеніемъ овощей и фруктовъ ограничивается до сихъ поръ отдѣльными мѣстностями Германіи, и въ общемъ не проявляется. Въ Германской Имперіи посѣвная площадь въ гектарахъ составляла для:

	1878.	1883.	1893.	1896.	± за 1883— 1896 гг.
Пшеницы и полбы.	2.222.500	2.306.100	2.398.200	2.249.900	— 56.200
Ржи	5.950.200	5.817.100	6.016.900	5.982.100	+165.000
Ячменя	1.623.300	1.754.300	1.627.100	1.676.300	— 78.000
Овса	3.753.100	3.773.800	3.905.800	3.979.600	+205.800

Посѣвная площадь главнѣйшихъ хлѣбовъ, такимъ образомъ, измѣнилась только незначительно.

Подъ хлѣбами и стручковыми растеніями вмѣстѣ въ 1883 г. было 15.724.000 гектаровъ, въ 1893 году—15.992.000, приростъ въ 268.000 гектаровъ. За тотъ же промежутокъ времени пространство пашень, запущенныхъ подъ пастбища и подъ паръ, уменьшилось съ 3.336.830 гектаровъ до 2.760.347 гектаровъ, т. е. на 576.483 гектара.

Но въ то время какъ пространство подъ хлѣбами въ цѣломъ осталось неизмѣннымъ, количество скота значительно поднялось.

Считалось головъ:

Годъ.	Рогат. скота.	Свиней.	Годъ.	Рогат. скота.	Свиней.
1873. . .	15.776.700	7.124.100	1892. . .	17.555.700	12.174.300
1883. . .	15.786.800	9.206.200	1897. . .	18.490.800	14.274.600

Итакъ, въ то время какъ съ 1873 по 1883 годъ количество рогатаго скота поднялось только незначительно, на 10.000 головъ, въ слѣдующемъ десятилѣтїи оно увеличилось почти на 2 милл., и за послѣдніе годы снова почти на миллионъ. И приростъ свиней съ 1883 года также идетъ болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ до 1883.

Хуже, чѣмъ въ Германїи, съ производствомъ хлѣбовъ обстоитъ дѣло во Франціи, не смотря на высокія хлѣбныя пошлины. Воздѣлываемая площадь въ гектарахъ здѣсь составляла:

	1840.	1862.	1882.	1892.	± за 1862— 1892 гг.
Хлѣба	14.552.000	15.621.000	15.696.000	14.827.000	— 794.000
Искусствен. луга	1.577.000	2.773.000	3.538.000	3.532.000	+ 759.000
Естественные луга и выгоны	4.198.000	5.021.000	5.537.000	5.920.000	+ 899.000
Земля подъ паромъ	6.763.000	5.148.000	3.644.000	3.368.000	—1.780.000

Воздѣлываемая подъ хлѣбъ площадь съ 1862 года, такимъ образомъ, значительно уменьшилась. Хотя этому способствовала и потеря территорїи 1871 года (1.451.000 гектаровъ), но она была болѣе чѣмъ покрыта сѣуженїемъ парового поля, а уменьшенїе воздѣлыванїя хлѣбовъ продолжается съ 1882 по 1892 г., между тѣмъ какъ луга и выгоны расширяются, не смотря на потерю территорїи.

И число рогатаго скота растетъ, а число лошадей падаетъ. Считалось:

	1862. (89 департамента).	1882. (86 департаментовъ).	1892.
Лошадей	2.914.412	2.837.952	2.794.529
Рогатаго скота	12.011.509	12.997.054	13.708.997

Но если экономисты-оптимисты думали, что переходъ отъ производства хлѣбовъ къ производству мяса, молока, фруктовъ и т. п. спасетъ европейское земледѣліе отъ за-океанской конкуренціи, то они ошибались. Техническая революція и накопленїе капитала безостановочно идутъ впередъ, а за ними—улучшенїе и удешевленїе средствъ транспорта, ускоренїе передвиженїя, усовершенствованїе методовъ консервированїя. Но это означаетъ ни что иное, какъ то, что за-океанская конкуренція шагъ за шагомъ проникаетъ и въ тѣ области, въ которыхъ ищетъ убѣжища стѣсненное европейское земледѣліе. Еще 20 лѣтъ тому назадъ весь живой скотъ, ввозившійся въ Англїю, былъ изъ Европы. Теперь изъ Европы его почти совсѣмъ не ввозятъ, большая часть идетъ изъ Сѣверной Америки; но уже

возможно съ выгодой доставлять черезъ море живой скотъ изъ Южной Америки. Изъ всего количества живого рогатаго скота, ввезеннаго въ Англiю, было изъ:

	Европы.	Соединен. Штатовъ.	Канады.	Аргентины.
1876	99 0/0	— 0/0	1 0/0	— 0/0
1886	43 »	36 »	21 »	— »
1891	16 »	67 »	21 »	1 »
1895	— »	67 »	23 »	9 »

Число головъ ввезеннаго рогатаго скота составляло:

Г о д ъ.	Страна происхожденiя.				ВСЕГО.
	Канада.	Соедин. Штаты.	Аргентина.	Другiя страны.	
1895	95.993	276.533	93.494	3.545	415.565
1896	101.591	393.119	65.699	2.143	562.552
1897	126.495	416.299	73.867	1.675	618.336

Количество овецъ, ввезенныхъ живыми, распредѣлялось:

Г о д ъ.	Бельгiя.	Данiя.	Германiя.	Исландiя.	Нидерланды.	Соедин. штаты.	Канада.	Аргентина.	Прочiя страны.
	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
1876	24	5	30	—	40	—	—	—	—
1886	—	9	32	3	45	—	9	—	1
1891	—	12	—	7	61	3	9	6	2
1895	—	—	—	6	—	42	21	29	2

Въ области снабженiя живыми овцами вытѣсненiе Европы съ англiйскаго рынка наступило позже, но за то развивалось тѣмъ быстрѣе.

20 лѣтъ тому назадъ мясо можно было привозить черезъ море только обработаннымъ въ видѣ консервовъ, въ видѣ соленнаго мяса, копченнаго. Съ тѣхъ поръ приемы сохраненiя свѣжаго мяса (при помощи холода) въ теченiе недѣль годнымъ къ употребленiю настолько усовершенствовались, что импортъ свѣжаго за-океанскаго мяса въ Англiю непрерывно растетъ. Въ 1876 г. было ввезено только 34.640 англiйскихъ центнеровъ свѣжей говядины, въ 1895 году—2.191.037, въ 1897—3.010.387. Самыя большiя количества его были ввезены изъ Соед. Штатовъ.

Свѣжая баранина особо отмѣчается въ британской торговой статистикѣ только съ 1882 года. Тогда ввозъ составлялъ 190.000 центнеровъ, въ 1895 году равнялся 2.611.000, въ 1897—3.193.276. Изъ этого количества изъ Австраліи привезено было 1.671.000, изъ Аргентины 715.000 центнеровъ.

Какъ и производство пшеницы, производство мяса въ Соединенныхъ Штатахъ, повидимому, уже достигло высшей точки. Экстенсивное пастбищное хозяйство, которое одно только дѣлаетъ прибыльнымъ производство скота для за-океанскаго экспорта, требуетъ необозримыхъ пространствъ земли, которыя, однако, все болѣе уменьшаются вслѣдствіе роста населенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ считалось:

	Населенія.	Коровъ.	Быковъ и прочаго рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
1870 . . .	38.558.000	10.096.000	15.389.000	40.853.000	26.751.000
1880 . . .	50.156.000	12.027.000	21.231.000	40.766.000	34.034.000
1890 . . .	62.622.000	15.953.000	36.849.000	44.336.000	51.603.000
1895 . . .	69.753.000	16.505.000	34.364.000	42.294.000	44.166.000

Только молочный скоть растеть въ числѣ, мясной же скоть уменьшается. Но выгоду отъ этого получаетъ не Европа, а Аргентина и Австралія, гдѣ для расширенія пастбищнаго хозяйства имѣются еще неизмѣримыя пространства. Въ снабженіи Англійи овцами и бараниной обѣ страны теперь уже стоятъ на первомъ мѣстѣ; ихъ вывозъ рогатаго скота и говядины также быстро растеть. Въ 1890 году изъ Аргентины вывезено было 150.000 головъ рогатаго скота, въ 1894 году—220.500.

Наряду съ производствомъ мяса на помощь нуждающемуся земледѣлю, говорятъ, должны прійти также производство молока, воздѣлываніе фруктовъ и овощей и разведеніе птицъ. Но еще немного—и за-океанская конкуренція жизненными припасами сдѣлается чувствительной и въ этихъ областяхъ. Отчасти это имѣеть мѣсто уже и теперь, напр. въ *разведеніи фруктовъ*, которое уже встрѣчаетъ такую угрозу со стороны Америки, что въ Германіи нашли необходимымъ объявить червецъ святого Іосифа его патрономъ, долженствующимъ держать свой охраняющій щитъ надъ нѣмецкимъ яблокомъ.

Но и для свѣжихъ *овощей* должно наступить время за-океанской конкуренціи. Количество ввозимаго въ Англію лука въ 18^{76/78} въ среднемъ составляло 1.893.000 бушелей въ годъ, за 18^{93/95}—5.232.000. Одна Испанія ввезла за первый періодъ 41.000, за второй—1.300.000 бушелей. На ряду съ ней ввозъ шелъ изъ Голландіи, Франціи и Египта. Прочіе свѣжіе овощи ввезены были въ Англію 18^{76/78} на сумму 227.000 фунт. стерлинговъ, 18^{93/95}-же болѣе чѣмъ на 1.100.000 фунт. стерлинговъ. Свои яйца Англія получаетъ изъ Италіи, Венгріи, Россіи. За послѣдніе же годы сдѣлана удачная попытка ввоза *свѣжаго молока* изъ Голландіи и Швеціи.

Техническія предпосылки открытія для за-океанской конкуренціи производства яицъ, овощей, молока etc. такимъ образомъ уже нынѣ даны, и она тѣмъ скорѣе побѣдитъ старыя страны сельско-хозяйственнаго экспорта, чѣмъ болѣе тамъ, такъ же какъ въ Европѣ, благодаря выступленію новыхъ экспортныхъ странъ, отѣсняется производство хлѣбовъ. До сихъ поръ улучшение транспорта продуктовъ побочныхъ вѣтвей сельскаго хозяйства вредило только сельскимъ хозяевамъ Англіи, сельскіе хозяева непромышленныхъ областей остальной Европы выиграли при этомъ, какъ доставщики. Но въ концѣ концовъ и въ этой области хозяйство Европы прекратитъ свой экспортъ, а за-океанская конкуренція расширится, за исключеніемъ вѣтвей производства, слишкомъ незначительныхъ для того, чтобы быть занятыми за-океанскимъ сельскимъ хозяиномъ. Если эта конкуренція до сихъ поръ поражала главнымъ образомъ области крупнаго производства, то послѣ она перейдетъ и на области, въ которыхъ преобладаетъ сельско-хозяйственное мелкое производство. Насколько отъ этого долженъ обостриться аграрный кризисъ, объ этомъ нечего долго распространяться. Однако европейское сельское хозяйство обладаетъ еще другими средствами обороны отъ за-океанскаго непріятеля.

д) Соединеніе промышленности и земледѣлія.

До сихъ поръ мы ссылались преимущественно на Англію. Для иллюстраціи того средства борьбы противъ за-океанской конкуренціи, о которомъ сейчасъ у насъ будетъ рѣчь, мы

возьмемъ матеріалъ не по ту сторону канала—въ Англии оно до сихъ поръ мало развито,—а на континентѣ, гдѣ оно нашло лучшія условія для своего существованія, и прежде всего, понятно, въ самой Германіи, которая намъ всего ближе.

Арендная система позволяетъ перекладывать бремя океанской конкуренціи прежде всего на землевладѣніе. Гдѣ землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ номинально одно лицо, тамъ фиксація земельной цѣны ипотечными долгами мѣшаетъ этому процессу. Тамъ сельскіе хозяева раньше, чѣмъ при арендной системѣ, вынуждаются искать другихъ средствъ для пониженія издержекъ производства, и они находятъ средство, которому болѣе благоприятствуетъ система веденія хозяйства самимъ землевладѣльцемъ, чѣмъ арендная система: при первой личный составъ сельскихъ хозяевъ извѣстной мѣстности болѣе постояненъ, поэтому и ихъ совмѣстное дѣйствіе встрѣчаетъ меньше препятствій. Какъ мы уже знаемъ, продукты сельскаго хозяйства болѣею частью имѣютъ малую специфическую цѣнность, такъ что возможность съ выгодой реализовать ихъ какъ товары часто ограничивается узкой областью. Эта область при неизмѣнныхъ издержкахъ транспорта значительно расширяется, если соответствующій продуктъ экспортируется не сырымъ, а обработаннымъ.

Нѣсколько цифръ изъ не разъ уже цитированной таблицы Зеттегаста иллюстрируютъ это весьма наглядно. На центнеръ (въ 50 кило) и милю падаетъ процентовъ стоимости товаровъ:

НАЗВАНІЕ ТОВАРА.	Рыночная цѣна процент- неръ. Марки.	При транспортѣ по	
		грунтовой до- рогъ по 15 пф.	жельзной до- рогъ по 2,5 пф.
Рго центнеръ и милю.			
Свекловица	1.00	15.00 ⁰ / ₀	2.50 ⁰ / ₀
Сахаръ	35.00	0.43 ⁰ / ₀	0.07 ⁰ / ₀
Картофель	1.50	10.00 ⁰ / ₀	1.66 ⁰ / ₀
Спиртъ	20.00	0.75 ⁰ / ₀	0.12 ⁰ / ₀
Живой скотъ	20.00	0.25 ⁰ / ₀	0.25 ⁰ / ₀
Мясной экстрактъ	600.00	0.03 ⁰ / ₀	0.0004 ⁰ / ₀

Къ болѣе специфической цѣнности для многихъ продуктовъ производства пищевыхъ веществъ прибавляется еще другое преимущество: они легче сохраняются, чѣмъ сырые продукты, напр. масло и сыръ, мясные, овощные и фруктовые консервы etc.

Нѣкоторыя сельскохозяйственныя производства обладаютъ, однако, еще однимъ, въ высшей степени важнымъ преимуществомъ: фабрикатъ содержитъ мало или даже совсѣмъ не содержитъ минеральныхъ составныхъ частей, которыя были бы необходимы для поддержанія плодородія почвы. Его экспортъ не беретъ у почвы ничего, стоящаго вниманія. Между тѣмъ отбросы производства содержатъ вещества, которые прямо или въ видѣ корма для скота доставляютъ отличное удобреніе и, такимъ образомъ, обогащаютъ почву. Это имѣетъ мѣсто именно по отношенію къ винокуреннымъ и свеклосахарнымъ заводамъ, которые своими отбросами, утилизируемыми въ качествѣ корма для скота и удобрения, могущественно подняли производство хлѣбовъ и скотоводство; тамъ, гдѣ они укоренились, они сдѣлались необходимой основой интенсивнаго рациональнаго хозяйства. Наряду съ этимъ надо принять во вниманіе еще слѣдующее: сельскохозяйственныя обрабатывающія производства даютъ зимою занятіе людямъ и рабочему скоту, безъ чего имъ нечего было бы дѣлать; паровая машина крупно-промышленнаго заведенія облегчаетъ имѣнію производство двигательной силы для земледѣлія—(для молотилокъ, вѣялокъ, соломорѣзокъ, насосовъ, пиль etc); послѣднее обстоятельство должно пріобрѣсти важное значеніе особенно тогда, когда электрическая передача силы станетъ прочной ногой въ земледѣліи, такъ что при помощи паровой силы завода можно будетъ приводить въ движеніе и плугъ, молотилку, возъ съ удобреніемъ на полѣ, сѣнокосилку. Все это въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ условія къ тому благоприятны, рано вызвало среди сельскихъ хозяевъ стремленіе основывать въ своихъ имѣніяхъ промышленныя заведенія для переработки сырья. Это стремленіе получило особенно могучій толчекъ благодаря внѣ-европейской конкуренціи жизненными припасами, понизившей цѣны сырыхъ продуктовъ и земельную ренту. Теперь имѣлось двойное побужденіе выиграть въ качествѣ промышленнаго предпринимателя то, что терялось въ качествѣ сельскаго хозяина или землевладѣльца, возмѣщать паденіе земельной ренты возрастающей промышленной прибылью, дешевый сырой продуктъ превратить въ дорогой фабрикатъ. И здѣсь такъ-же, какъ и при всякомъ экономическомъ прогрессѣ нашего времени, крупное производство шло впереди и извлекло наибольшія выгоды изъ нововведеній. Мелкое производство обыкновенно не обладаетъ достаточнымъ

капиталомъ и не производить достаточно сырья, чтобы быть въ состояніи самому основать промышленное заведеніе для переработки своихъ продуктовъ. Мелкіе сельскіе хозяева также неподвижны, консервативны, менѣе знакомы съ успѣхами техники и требованіями міроваго рынка, чѣмъ крупныя сельскіе хозяева и капиталисты. Крупныя землевладѣльцы, именно владѣльцы латифундій, первые завели въ своихъ имѣніяхъ крупныя промышленныя предпріятія; на ряду съ ними капиталисты основывали сельскохозяйственныя промышленныя заведенія и покупали землю, необходимую для производства сырого матеріала. Съ обѣихъ сторонъ былъ проложенъ, такимъ образомъ, путь для соединенія промышленности и земледѣлія. Рядомъ съ винокурными и свеклосахарными заводами въ крупныхъ имѣніяхъ возникли крахмальные, пивоваренныя заводы, послѣдніе однако не въ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ пивоваренное производство по большей части выгоднѣе вести въ городѣ: сырой матеріалъ заводовъ (пивоваренныхъ) отчасти такой же (ячмень), отчасти высшей (хмѣль) специфической цѣнности, чѣмъ продуктъ, и легче послѣдняго транспортируется; сверхъ того ячмень, пригодный для пивоваренія, и хмѣль растутъ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ названныхъ сельскохозяйственныхъ производствъ возникли еще молочныя фермы, фабрики консервовъ изъ овощей, фруктовъ, молока и пр.

Одно изъ самыхъ крупныхъ преимуществъ латифундій надъ болѣе мелкими хозяйствами состояло въ возможности выгоднаго и всесторонняго соединенія промышленности и земледѣлія; преимущество, которое больше всего тамъ, гдѣ латифундія доставляетъ не только сырой матеріалъ, но и двигательную силу для промышленности—силу воды, дрова изъ ближнихъ лѣсовъ, при чемъ является излишнимъ транспортъ на далекія разстоянія, уголь. Сколько при этомъ сберегается въ издержкахъ транспорта и посреднической торговли!

Результаты этихъ сельско-хозяйственныхъ производствъ побуждали болѣемелкія хозяйства также воспользоваться этими преимуществами. Подходящей формой для этого оказались товарищества; послѣднія подготовлены были уже единичными капиталистическими предпріятіями, которыя были слишкомъ велики для того, чтобы ихъ собственная земля могла доставлять имъ весь сырой матеріалъ, и которыя, поэтому, оказались вынужденными заключить съ нѣсколькими окрестными сельскими хозяевами договоръ о доставкѣ сырого

продукта. Если такое предприятие велось акционерным обществом, то поставщикам—сельским хозяевам—нужно было только приобрести акции, и товарищество было готово. В течение немногих лет эти товарищества развились очень быстро, особенно в Германии. Здѣсь сельскохозяйственных товариществ (исключая ссудных, товариществ для закупки и сбыта) считалось:

	1891 г.	1892 г.	1896 г.	1897 г.
Товарищеских молочных фермъ	729	869	1397	1574.
Остальных товариществ	131	150	273	484.

Въ число послѣднихъ входятъ, главнымъ образомъ, винокурни, мельницы, пекарни, винные погреба и подобныя товарищества. Мы ничуть не сомнѣваемся, что это кооперативное движеніе, которое еще только начинается, дастъ еще значительные результаты и вызоветъ крупное преобразование нашихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній.

Но когда одни видятъ въ немъ одну изъ переходныхъ стадій къ социализму въ сельскомъ хозяйствѣ—другую переходную стадию видятъ въ остаткахъ средневѣковыхъ альмендъ и общинныхъ луговъ,—а другіе—средство для сохранения самостоятельнаго, полного силъ крестьянства, то мы не можемъ согласиться ни съ тѣми, ни съ другими. Характеристикой современнаго социализма служить то, что средствами производства владѣютъ сами трудящіеся, въ социалистической общинѣ, слѣдовательно, все общество. Производительное товарищество, которое могло-бы служить переходной стадіей къ этому состоянію, должно было-бы быть организаціей, являющихся въ то же время и собственниками средствъ производства, производителей. Одно изъ самыхъ важныхъ возраженій противъ того воззрѣнія, которое въ современныхъ производительныхъ товариществахъ рабочихъ видитъ переходную стадию къ социализму, состоитъ въ указаніи на тотъ фактъ, что въ капиталистическомъ обществѣ для процвѣтающаго производительнаго товарищества раньше или позже наступаетъ моментъ, когда члены товарищества начинаютъ пользоваться наемными рабочими, пролетаріями; послѣдніе не имѣютъ уже никакого участія во владѣніи средствами производства и эксплуатируются членами товарищества. Каждому производительному товариществу въ современномъ обществѣ, если только оно процвѣтаетъ и, слѣдовательно, расширяется, присуща, такимъ образомъ, тенденція къ превращенію въ капиталистическое предприятие. То, что въ

производительныхъ товариществахъ, основанныхъ наемными рабочими, вначалѣ составляетъ только тенденцію, въ производительныхъ товариществахъ сельскихъ хозяевъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, составляетъ уже заранѣе данную основу. Рабочими въ кооперативномъ свекло-сахарномъ, винокуренномъ заводахъ, молочной фермѣ, фабрикахъ консервовъ, мельницъ и пр. являются не члены товарищества а наемные рабочіе, нанятые и эксплуатируемые ими. Выгода, доставляемая сельскимъ хозяевамъ товариществами, наряду съ экономіей въ издержкахъ транспорта и торговли, заключается въ присвоеніи *прибыли на капиталъ*. Сельскохозяйственное промышленное товарищество этого рода—а другихъ пока еще нѣтъ,—есть переходная стадія къ *капитализму*, а не къ социализму.

Но какъ обстоитъ дѣло со спасеніемъ, посредствомъ ихъ мелкихъ крестьянъ? Тутъ прежде всего необходимо замѣтить, что они съ самаго начала недоступны карликовому крестьянину, крестьянину—пролетарію, всего болѣе нуждающемуся въ помощи. Въдѣ промышленное предпріятіе требуетъ денегъ, а ихъ то у него и нѣтъ. Онъ не будетъ также въ состояніи доставлять для предпріятія сырой матеріалъ, требуемаго качества. Только для средняго класса производительныя товарищества могутъ имѣть значеніе. Но и здѣсь крупное производство постоянно будетъ имѣть значительныя преимущества передъ мелкимъ. Крупный землевладѣлецъ, если только у него есть необходимыя деньги, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для введенія выгоднаго промышленнаго производства; какъ трудно, напротивъ, образовать товарищество! Для крупнаго землевладѣльца приспособленіе его сельскаго хозяйства къ потребностямъ промышленнаго производства разумѣется само собой; какъ трудно, напротивъ, привести къ единообразію и къ правильности въ доставкѣ произведеній разнообразныхъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ!

Крупное производство въ земледѣліи лучше всего соответствуетъ потребностямъ сельскохозяйственной крупной промышленности. Часто послѣдняя создаетъ такое крупное производство тамъ, гдѣ его еще не было. Сахарное производство, этотъ классическій примѣръ сельскохозяйственной крупной промышленности, сильно способствовало развитію крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ; съ другой стороны Пааше указываетъ на то, что одну изъ причинъ, мѣшающихъ его распространенію въ Южной Германіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

Франціи и сѣверной Италиі, слѣдуетъ искать въ раздробленности мѣстнаго землевладѣнія. Въ «Zukunft» (V, 382), въ статьѣ о «Нѣмецкихъ сахарныхъ заводахъ въ Америкѣ» докторъ Инне говоритъ о рациональномъ и дешевомъ производствѣ сахара въ отдѣльныхъ частяхъ восточной Пруссіи, гдѣ владѣльцы большихъ имѣній выстроили сахарные заводы и снабжаютъ ихъ свеклой, воздѣланной ихъ собственными рабочими на ихъ собственной землѣ, независимо отъ колеблющагося и часто упрямаго настроенія воздѣлывающихъ на своихъ поляхъ или въ огородахъ крестьянъ (Kossäthe), какъ это дѣлаютъ и крупные владѣльцы плантацій Луизианы съ своими заводами тростниковаго сахара» *).

Нѣкоторыя сельскохозяйственныя производства доставляютъ крупному хозяйству особыя выгоды.

Если въ крупномъ имѣніи имѣется винокуренный заводъ, то заводскіе отбросы вполне потребляются въ немъ же, и хозяйство постоянно улучшается. Дѣло обстоитъ иначе, если картофель доставляется винокуренному заводу съ различныхъ сторонъ. «При трудности транспорта барды, вслѣдствіе большого содержанія воды, выгодный откормъ скота возможенъ только при самой винокурнѣ. Если и другія хозяйства поставляютъ картофель для завода, то происходитъ обогащеніе полей винокуреннаго завода на счетъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ содержащаяся въ доставленномъ картофелѣ питательныя вещества почвы болѣе уже не возвращаются имъ. (Krafft, «Betriebslehre», 101). По хорошо знакомой таблицѣ Зеттегаста транспортъ барды винокуренныхъ заводовъ обходится, при прочихъ равныхъ условіяхъ, рго центнеръ и милю по грунтовой дорогѣ въ 30⁰/о ея стоимости, а транспортъ картофеля только въ 10⁰/о. При кооперативныхъ винокурняхъ ближайшіе къ нимъ дворы увеличатъ богатство своей почвы, болѣе отдаленныя истощатъ.

Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ сахарными заводами. Наряду съ крупнымъ сельскимъ хозяйствомъ и крупный капиталъ въ нѣкоторыхъ производствахъ можетъ скорѣе всего и, болѣею частію, съ наибольшей выгодой воспользоваться преимуществами тѣснаго соединенія земледѣлія и промышленности.

*) Kossäthe—не имѣющій полевой земли, а только усадебную и приусадебный огородъ.

На послѣднемъ конгрессѣ нѣмецкихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ въ Дрезденѣ горячо рекомендовалось сельскимъ хозяевамъ основаніе кооперативныхъ пекаренъ и мельницъ. На мѣсто нынѣшнихъ, часто весьма отсталыхъ мелкихъ заведеній должны стать кооперативныя крупныя предпріятія, которыя доставили-бы значительныя выгоды не только своимъ членамъ, но и публикѣ. Идея поднять мелкое производство въ сельскомъ хозяйствѣ, доставивъ ему прибыли крупнаго производства отъ пекаренъ и мельницъ, во всякомъ случаѣ очень заманчива, по крайней мѣрѣ, для мелкихъ сельскихъ хозяевъ. Въ меньшей степени для мелкихъ мельниковъ и пекарей. Мелкое производство спасается путемъ экспропрированія мелкихъ производствъ, но это не смущаетъ сельскихъ хозяевъ, какъ они сами объявили. Между тѣмъ, если соединеніе въ однѣхъ рукахъ мельницъ, пекаренъ и земледѣлія дѣйствительно даетъ такія выгоды, какъ это утверждаютъ,—а мы нисколько въ этомъ не сомнѣваемся—то не тяжелыя на подъемъ и бѣдныя капиталомъ товарищества мелкихъ крестьянъ, а крупныя, сильныя капиталомъ мукомольныя мельницы прежде всѣхъ въ состояніи присвоить себѣ эти преимущества. Прежде чѣмъ мелкіе сельскіе хозяева овладѣютъ крупными мельницами, эти послѣднія получаютъ въ свое распоряженіе мелкихъ сельскихъ хозяевъ и пекарей. Какія отношенія уже теперь являются господствующими между крестьяниномъ и крупными мельницами, на это бросаетъ свѣтъ слѣдующее письмо изъ хлѣбородной мѣстности въ верхней Баваріи, обошедшее лѣтомъ 1897 г. нѣмецкую прессу:

«Двѣ мукомольныя мельницы, говорится въ немъ, господствуютъ надъ всей мѣстностью далеко вокругъ на 7 часовъ ѣзды. Крестьяне находятся въ полномъ ихъ распоряженіи. Суббота-базарный день въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ; но на рынокъ являются больше съ овсомъ; пшеницу и рожь крестьяне уже не осмѣливаются везти на рынокъ, ибо два мельника—единственные покупатели, и каждый, кто ѣдетъ на рынокъ, а не къ нимъ, наказывается тѣмъ, что ему предлагаютъ на 10 пфениговъ меньше за центнеръ. Свободная продажа хлѣба совершенно прекратилась; безпрекословно долженъ крестьянинъ везти свой товаръ и спокойно ждать того, что дадутъ. Если онъ отказывается продать за эту цѣну, то онъ получаетъ отвѣтъ: поѣзжай себѣ домой,—я только что получилъ 1000 центнеровъ венгерской пшеницы».

Но если и въ области индустриализаціи сельскаго хозяйства, какъ и въ другихъ областяхъ, крупное производство имѣеть за собой рядъ преимуществъ предъ мелкимъ, то это, конечно, не доказываетъ, что и послѣднее не можетъ извлечь нѣкоторыхъ и притомъ значительныхъ выгодъ изъ единственной доступной ему формы сельскохозяйственной крупной промышленности, — сельскохозяйственного производительнаго товарищества. Гдѣ удастся осуществить его, тамъ оно превращаетъ крестьянина въ капиталиста и позволяетъ ему обогащать свое сельскохозяйственное производство плодами его капиталистической эксплуатаціи, рациональнѣе устроить его и поднять на извѣстную высоту. Спрашивается только, какъ долго будетъ продолжаться этотъ волшебный фокусъ, превращающій за ночь въ капиталиста крестьянина, идущаго слѣшными шагами къ пролетариату? Первые послѣдствія образованія товарищества тѣ же, что и тамъ, гдѣ крестьянинъ становится поставщикомъ на чужую фабрику: онъ долженъ приспособить свое хозяйство къ его потребностямъ.

Сахарный заводъ предписываетъ сельскому хозяйству, какое сѣмя ему посѣять и какое удобреніе примѣнять; молочная ферма предписываетъ ему кормъ, время удоя, иногда даже породу молочнаго скота.

Раньше боялись всякаго слишкомъ сильнаго азотистаго удобрения, такъ какъ оно будто-бы вредно вліяетъ на содержаніе сахара въ свеклѣ. Фабрики поэтому большею частью предписывали отношеніе азота къ фосфорной кислотѣ 1:2 и совершенно запрещали примѣненіе чилийской селитры, равно какъ и воздѣлываніе свеклы при свѣжемъ навозномъ удобреніи. Изъ этихъ предписаній удержалось только запрещеніе и воздѣлываніе свеклы при удобреніи такимъ навозомъ, который вывезенъ въ поле послѣ Рождества. Напротивъ, отношеніе азота къ фосфорной кислотѣ постепенно все болѣе измѣняли къ выгодѣ перваго, такъ что теперь нѣкоторыя фабрики требуютъ уже отношенія 2:3 или 3:4, а большое число ихъ требуетъ даже отношенія 1:1 («Kärger, «Sachsehgängerei», 14).

Эти предписанія дѣлаются лишними тамъ, гдѣ сельскія хозяйства уже совершенно приспособились къ свеклосахарному производству. Stöckel въ своемъ сочиненіи объ «Устройствѣ, организаціи и веденіи товарищескихъ молочныхъ фермъ» даетъ образецъ товарищеской молочной торговли. § 4 гласить: «Въ

этотъ параграфъ должны быть включены всѣ необходимыя предписанія относительно корма коровъ. При продажѣ свѣжаго молока, особенно при доставкѣ такъ называемаго молока кормилищъ, нельзя обойтись безъ опредѣленныхъ, обязательныхъ предписаній о кормѣ.

«Также и для производительныхъ товариществъ можетъ явиться необходимость установить предписанія о кормѣ, именно ограничить кормъ такими кормовыми средствами, которыя вліяютъ на сохранимость масла.

«§ 5. Время удоя коровъ слѣдуетъ установить такъ, чтобы молоко доставлялось въ товарищество прямо изъ хлѣва, и пр.

«§ 6. При доеніи слѣдуетъ соблюдать величайшую чистоту и пр.

«§ 7. Членамъ наблюдательнаго совѣта и членамъ правленія предоставляется право во всякое время безъ предупрежденія посѣщать принадлежащія членамъ товарищества хлѣва для коровъ и помѣщенія для сохраненія молока, присутствовать при доеніи и брать пробы выдоеннаго молока. Эти уполномоченные вправе требовать отъ членовъ или ихъ замѣстителей точныхъ разъясненій относительно корма молочнаго скота, обхожденія съ нимъ и т. п.» (102—104.

«Въ Даніи молочныя товарищества дѣлаютъ предписанія о кормѣ и содержаніи коровъ, чтобы обезпечить однообразіе качества, отсутствіе непріятнаго привкуса и равномерность производства молока за зиму». (Докладъ Парламентской аграрной комиссіи въ Англіи, 1897, 126).—Крестьянинъ перестаетъ, такимъ образомъ, быть господиномъ въ своемъ сельско-хозяйственномъ производствѣ; оно становится придаткомъ промышленнаго предпріятія, потребностями котораго оно должно руководиться. Крестьянинъ становится детализированнымъ рабочимъ фабрики. Часто онъ становится—даже и технически—зависимымъ отъ промышленнаго предпріятія постольку, поскольку послѣднее, какъ мы уже замѣтили, доставляетъ ему кормъ для скота и удобреніе. Рука объ руку съ этой технической зависимостью идетъ и чисто экономическая зависимость крестьянина отъ товарищества. Оно не только доставляетъ средства для улучшенія сельскохозяйственнаго производства и для покрытія его случайныхъ дефицитовъ, оно становится также, по мѣрѣ того какъ послѣдній приспособляется къ его потребностямъ, единственнымъ потребителемъ производимыхъ крестьяниномъ това-

ровъ. Сельскохозяйственное производство не можетъ болѣе существовать безъ промышленнаго; послѣднее дѣлается столпомъ, съ крушеніемъ котораго гибнетъ и первое. А такое крушеніе наступаетъ слишкомъ легко. Чѣмъ выше прибыли, получаемыя сельско-хозяйственной промышленностью, тѣмъ больше капиталовъ привлекаются ею. Высокія прибыли, обыкновенно, теперь могутъ доставляться только предпріятіями, стоящими далеко выше средняго по величинѣ капитала, могущими поэтому и въ техническомъ, и въ коммерческомъ отношеніяхъ отразить всякую конкуренцію. Далѣе онѣ могутъ извлекаться въ производствахъ, которыя по своей природѣ, или благодаря особенно сложившимся обстоятельствамъ, допускаютъ монополизацию, или, наконецъ, въ производствахъ, которыя вновь создаются техническими и экономическими революціями или вновь открываются для капиталистической эксплуатаціи, какъ напр. нынѣ въ области электротехники. Но высокія прибыли послѣдняго рода держатся не долго; скоро вновь открытая область переполняется, и перепроизводство дѣлается хроническимъ. Первые снимаютъ сливки, послѣдующимъ остается только снятое молоко—иногда даже нѣтъ и этого. Здѣсь для сельскохозяйственной промышленности на сторонѣ крупнаго землевладѣльца, особенно если онъ капиталистъ, имѣется преимущество передъ мелкимъ землевладѣніемъ и товариществомъ; онъ подвижнѣе, предпримчивѣе, дальновиднѣе, легче на подъемъ, чѣмъ мелкій землевладѣлецъ или товарищество, можетъ. гораздо скорѣе основать сельскохозяйственное производство тамъ, гдѣ даны необходимыя условія, пока оно еще выгодно. Для всякой сельскохозяйственной индустрии, какъ и для всякой другой, раньше или позже наступаетъ моментъ, когда она попадаетъ въ тяжелое положеніе, когда цѣны падаютъ, когда конкуренція неистовствуетъ. и убиваетъ болѣе слабыхъ и неопытныхъ, когда, наконецъ, соответственную область промышленности потрясаютъ отъ времени до времени кризисы, частью общіе, совпадающіе съ общимъ круговоротомъ хозяйственнаго процвѣтанія и угнетенія, частью частныя, вызванныя особенными техническими, экономическими, законодательными перемѣнами. Чѣмъ болѣе покровительствуетъ этой промышленности государственная власть, чѣмъ больше преимуществъ она даетъ ей въ интересахъ сельскаго хозяйства на счетъ всего населенія, тѣмъ скорѣе наступаетъ этотъ моментъ. Европейское производство спирта и сахара ясно до

казываетъ это. Какъ то, такъ и другое усиленно поощрялись привилегіями всякаго рода, именно вывозными преміями въ формѣ возврата уплаченнаго налога въ Германіи и въ Австріи, Россіи и Франціи. Съ 1872 по 1881 г. въ районѣ дѣйствія имперскихъ налоговъ число винокуренъ, переработывавшихъ мучнистыя вещества или патоку, возрасло только съ 7011 до 7280, а число винокуренъ, выплачивающихъ свыше 15.000 марокъ водочнаго налога поднялось съ 789 до 1492; оно почти удвоилось. Съ 18⁸⁰/₈₁—18⁸⁵/₈₆ г.г. количество картофеля, переработывавшагося при винокурении, поднялось съ 1.982.000 до 3.087.000 тоннъ. Слѣдствіемъ этого блестящаго расцвѣта былъ кризисъ, разразившійся въ 1884 г. Во всякомъ случаѣ онъ повлекъ за собой немедленно то послѣдствіе, что бисмарковское правительство пришло на помощь нуждающейся промышленности. Ему, наконецъ, удалось провести законъ объ обложеніи 1887 года, обезпечивающій за винокурнями извѣстную «подачку» («Liebesgabe») въ 40 милліоновъ марокъ ежегодно, и сильно противодѣйствующій перепроизводству; въ 1895 году онъ былъ дополненъ новымъ закономъ, еще сильнѣе ограничивающимъ перепроизводство спирта и еще болѣе удорожающимъ водку внутри, чтобы изъ собраннаго налога составилась вывозная премія въ 6 марокъ съ гектолитра. И не смотря на все это, призракъ спиртнаго краха не сходитъ со сцены. Сахаръ можетъ похвалиться не меньшими заботами правительствъ, чѣмъ спиртъ—вѣдь и его производство находится въ рукахъ высокихъ особъ.

Результатъ—поразительный ростъ сахароваренія. Въ Германской Имперіи считалось:

	Заводовъ, перерабатывавшихъ свеклу.	Количество переработанной свеклы—тоннъ.	Въ томъ числѣ добыто самими заводами—тоннъ	Количество добытаго сыра сахаръ—тоннъ.
1871/72	311	2.251.000	1.504.000	186.000
1881/82	343	6.272.000	3.432.000	600.000
1891/92	408	9.488.000	4.644.114	1.144.000
1896/97	399	13.722.000	5.782.051	1.739.000

Въ Германской Имперіи въ тоннахъ, напротивъ, считалось:

	Потребленіе сахара.	Вывозъ сахара.
1871/72	221.799	14.276
1881/82	291.045	314.410
1891/92	476.265	607.611
1896/97	505.078	1.141.097

Какъ сильно ни возрасли потребленіе сахара и особенно вывозъ, за послѣднее время они далеко отстаютъ отъ произ-

водства. Въ 18⁹⁶/97 г. потребление и вывозъ сахара вмѣстѣ составляли въ круглыхъ цифрахъ, 1.640.000 тоннъ, а производство достигло 1.740.000 тоннъ, перепроизводство равнялось слѣдовательно 100.000 тоннъ. При этомъ положеніе сахарной промышленности въ послѣднее время, благодаря кубанской войнѣ, совершенно затруднившей экспортъ сахара съ Кубы, было особенно благоприятнымъ. Въ 18⁹⁴/95 г. перепроизводство нѣмецкой сахарной индустрии надъ внутреннимъ потреблениемъ и вывозомъ равнялось 300.000 тоннъ.

Нельзя ожидать улучшенія теперешняго состоянія сахарной индустрии, скорѣе слѣдуетъ ожидать его ухудшенія. Давленіе за-океанской конкуренціи, ведущее къ развитію сельскохозяйственныхъ индустрій, и искусственное поощреніе этого развитія путемъ постоянно повышаемыхъ премій имѣютъ мѣсто и въ другихъ странахъ. Въ круглыхъ цифрахъ производство свекловицы, выраженное въ тоннахъ сахара—сырца, (по М. Шиппелю «Сахарный кризисъ, вывозныя преміи и сахарный картель», Neue Zeit, XV, I, 622).

	Въ Германіи.	Австріи.	Франціи.	Россіи.	Бельгіи и Голландіи.	Другихъ европейскихъ странахъ.	Всего.
18 ⁹¹ /92 . . .	1.200.000	780.000	640.000	550.000	230.000	90.000	3.490.000
18 ⁹³ /94 . . .	1.370.000	840.000	570.000	650.000	310.000	110.000	3.850.000
18 ⁹⁴ /95 . . .	1.830.000	1.060.000	780.000	620.000	370.000	150.000	4.810.000

Наряду съ Англіей, нашимъ лучшимъ потребителемъ сахара являются Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Вывозъ изъ Германской Имперіи сахара—сырца, сахара рафинада и т. п. въ тоннахъ составляетъ:

	Всего.	Въ Великобританію.	Въ Соед. Штаты.
1891	784.000	454.000	140.000
1896	974.000	513.000	316.008
1897	1.120.000	564.000	376.000

Американцы дѣлаютъ между тѣмъ не малыя усилія создать собственное свекло-сахарное производство. Уже упомянутый F. W. Inne, президентъ политехническаго общества въ Чикаго, въ своей статьѣ въ берлинской «Zukunft», стр. 380, приглашаетъ нѣмецкихъ машино-строителей воспользоваться представляющеюся возможностью и основать свеклосахарные

заводы въ Америкѣ. Какъ это патриотично! Старанія американцевъ будутъ выражаться тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ меньше доходнымъ будетъ становится воздѣлываніе пшеницы. Но сахарная промышленность, какъ показываютъ приведенныя данныя, способна съ самому быстрому расцвѣту, а американцы—подходящіе люди для того, чтобы быстро поднять ее на высоту. А въ государствахъ Европы съ развитымъ сахаровареніемъ вывозныя премии возвышаются вмѣсто того, чтобы понижаться. Въ Германіи онѣ въ 1896 году были удвоены (съ 1¹/₄ до 2¹/₂ марокъ). Съ преміями дѣло обстоитъ также, какъ и съ покровительственными пошлинами и милитаризмомъ; разъ сдѣлано начало, уже нельзя остановиться, когда вздумается. Всѣ знаютъ, что система премій ведетъ къ перепроизводству, къ страшному кризису,—но всякій боится, что кризисъ будетъ еще страшнѣе для его страны, если она одна перестанетъ платить преміи, и всякій надѣется выдержать дольше другихъ. Такимъ образомъ населеніе эксплуатируется все въ возрастающей степени, но въ то же время свекловичныя плантаціи все расширяются, все болѣе обширныя земледѣльческіе округа сковываютъ свою судьбу съ судьбой сахароваренія. Подъ свекловицей было гектаровъ:

	Германія.	Австрія.	Франція.	Россія.	Бельгія и Голландія.
1891 .	336.000	328.000	223.000	310.000	75.000
1892 .	441.400	369.000	272.000	331.000	103.000

А банкротство сахарной промышленности дѣлается все болѣе и болѣе неизбежнымъ, и опустошенія, которыя въ концѣ концовъ должно принести съ собой ея крушеніе, представляются все болѣе ужасными.

Не въ такой степени, какъ свекло-сахарное производство, поощрялось въ Германіи *молочное дѣло*. Тѣмъ не менѣе, какъ это показываютъ вышеприведенныя данныя о кооперативныхъ молочныхъ, оно быстро развилось, главнымъ образомъ подъ давленіемъ иностранной конкуренціи, дѣлавшей все менѣе выгоднымъ воздѣлываніе хлѣбовъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ еще обстоятельной статистики развитія молочнаго хозяйства въ Германіи. Но съ увѣренностью можно сказать, что быстрый расцвѣтъ молочнаго дѣла только отчасти стоитъ въ связи съ увеличеніемъ производства молока. Число коровъ растетъ гораздо медленнѣе производства масла и сыра. Быстрое рас-

пространіе молочнаго дѣла въ гораздо большей степени зависитъ отъ другого обстоятельства. Молоко, которое производилось вдали отъ городовъ, благодаря трудности транспорта, до сихъ поръ не могло дойти до рынка и превратиться въ товаръ. Оно потреблялось въ хозяйствѣ самаго производителя, его семьей и наемными рабочими, если у него таковыя имѣлись. Переходъ къ молочному хозяйству открываетъ возможность производить сыръ и масло, котрые переносятъ болѣе далекій транспортъ и могутъ выступать въ качествѣ товаровъ на рынокѣ, не только внутреннемъ, но и на мировомъ. Но это ведетъ къ тому, что сельскій хозяинъ отнынѣ *лишаетъ* себя и свою семью молока, которое онъ до сихъ поръ потреблялъ самъ съ своей семьей. Въ той же мѣрѣ, въ какой растетъ молочное дѣло въ деревнѣ, падаетъ и потребление молока въ ней. Если сельское населеніе, не смотря на чрезмѣрный трудъ и жалкія жилищныя условія, не смотря на недостаточное потребление мяса, до сихъ поръ стояло выше городского населенія по силѣ и выносливости, то этимъ, на ряду съ работой на свѣжемъ воздухѣ, оно въ значительной степени обязано было значительному потребленію молока. Но тамъ, гдѣ домашняя промышленность свиваетъ себѣ прочное гнѣздо, прекращается работа на свѣжемъ воздухѣ, а гдѣ молочное дѣло отнимаетъ у сельскихъ хозяевъ ихъ молоко, прекращается потребление молока. Эти два средства, специально предназначенныя для экономическаго спасенія мелкаго крестьянства, являются *самыми действительными средствами его физическаго вырожденія*.

Это болѣе всего относится къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ молочныя заведенія выдѣлываютъ сыръ. Однако намъ кажется нѣсколько оптимистичнымъ мнѣніе, высказанное И. Ландауеромъ-Герабронъ на 42 съѣздѣ вюртембергскихъ сельскихъ хозяевъ въ Гогенгеймѣ въ 1897 г., что вредное вліяніе молочнаго дѣла на питаніе сельскохозяйственнаго населенія исчезаетъ, если, какъ это въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто въ Вюртембергѣ, оно ограничивается производствомъ масла и возвращаетъ сельскимъ хозяевамъ снятое молоко: «Этотъ способъ утилизаціи молока долженъ, конечно, болѣе примирить съ молочнымъ дѣломъ г-дъ врачей, чѣмъ это было до сихъ поръ, когда въ сыроварни отдавалось все молоко и сельскіе хозяева не получали назадъ снятаго, почему г-да врачи съ правомъ приводили серьезныя сомнѣнія съ гигиенической точки зрѣнія, а одинъ штабный

врачъ когда-то даже предалъ гласности свои печальныя наблюденія, сдѣланныя при осмотрѣ рекрутовъ въ нѣкоторыхъ округахъ».

Снятое молоко ни въ коемъ случаѣ не можетъ замѣнить цѣльнаго молока; оно потеряло почти весь содержавшійся въ немъ жиръ. Цѣльное молоко содержитъ 2,8—4,5⁰/₀ жира, снятое молоко 92—0,5⁰/₀ жира. Авторъ этихъ строкъ припоминаетъ также отчеты врачей, которые не могли примириться съ режимомъ снятаго молока и находили чрезвычайно пагубнымъ, что въ округахъ съ развитымъ молочнымъ дѣломъ послѣднее употребляется для кормленія грудныхъ дѣтей. Менѣе всего, понятно, обратное полученіе снятаго молока способно улучшить гигиеническое состояніе сельскаго населенія тамъ, гдѣ сельскіе хозяева не сами потребляютъ его, а также «утилизируютъ», напр., какъ это часто случается, кормятъ свиней, которыя при этомъ прекрасно откармливаются и приобретаютъ большую цѣнность. Чѣмъ болѣе превращается въ товаръ продуктъ мелкаго крестьянина, чѣмъ болѣе онъ превращаетъ его въ деньги, тѣмъ хуже его питаніе.

Но если вредное вліяніе молочнаго дѣла на *физическое* состояніе хозяевъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, то *экономическій* подъемъ ихъ при помощи этого средства довольно сомнителенъ, если при этомъ не имѣтъ въ виду исключительно минутныя выгоды.

Въ то время какъ фабрикація масла въ Германіи быстро растетъ, вывозъ масла при ростѣ воза непрерывно падаетъ.

Въ килограммахъ масла возъ и вывозъ составляли:

	Вывозъ.	Ввозъ.
1886	12.309.000	5.119.000
1891	7.649.000	7.950.000
1895	6.857.000	6.890.000
1896	7.101.000	7.857.000
1897	3.716.000	10.326.000

Относительно сыра мы имѣемъ слѣдующія данныя:

	Вывозъ.	Ввозъ.
1886	3.409.000 кило	5.216.000 кило
1891	1.883.000 »	8.392.000 »
1895	2.212.000 »	9.348.000 »
1896	1.840.000 »	10.196.000 »
1897	1.373.000 »	11.937.000 »

И здѣсь мы находимъ паденіе вывоза и рѣшительный ростъ ввоза.

Конкуренція при сбытѣ продуктовъ молочнаго хозяйства на міровомъ рынкѣ постоянно растетъ. Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ стѣсненіе производства хлѣбовъ слу-

жить стимуломъ для развитія молочнаго дѣла, какъ во Франціи и въ Нидерландахъ, такъ и въ Австріи, Россіи, Швеціи и Норвегіи. Въ особенности же поразительное развитіе получило маслостойное дѣло въ *Даніи*. Перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ здѣсь поднялся съ 18 милліоновъ килограммовъ въ 1881 году до 119 милліоновъ въ 1896 году. Число коровъ сравнительно съ населеніемъ не поднялось. Ихъ было:

	На 1000 душъ населенія.	Въ абсолютн. числахъ.
1871.	448	807.000
1881.	452	899.000
1893.	449	1.011.000

Но и за предѣлами Европы молочное дѣло быстро развивается. Здѣсь особенно выдаются *Канада своимъ сыромъ* и *Австралія своимъ масломъ*. Вывозъ сыра изъ Канады достигалъ:

1891	106.200.000 фунтовъ (англійскихъ).
1895	146.000.000 »

Въ Австраліи молочное хозяйство, кромѣ паденія цѣнъ на пшеницу, поощрялось еще вывозными преміями (въ размѣрѣ 2 пенсовъ за фунтъ масла и 1 пенни за фунтъ сыра), въ Викторіи до 1893 года, въ Южной Австраліи до 1895 г., въ Квинслендѣ до 1898 года. Аграрная коммиссія англійскаго парламента сообщаетъ объ австралійскомъ маслостойномъ дѣлѣ: «Въ Викторіи прогрессъ молочнаго хозяйства характеризуется развитіемъ фабричной системы. По новѣйшимъ официальнымъ даннымъ въ 1895 году тамъ было 155 маслостойныхъ заводовъ и сыроваренъ противъ 74 въ 1892 г., и изъ всего продукта производства въ 35.580.000 фунтовъ масла въ первомъ году на долю фабрикъ (dairy factories) падало 27.000.000. Ростъ экспорта масла изъ Викторіи выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1889/90	829.000 фунт.	1893/94	17.141.000 фунт.
1890/91	1.700.000 »	1894/95	25.948.000 »
1891/92	4.794.000 »	1895/96	21.024.000 »
1892/93	8.094.000 »		

Подобныя же сообщенія о быстромъ ростѣ молочнаго хозяйства приходятъ изъ Квинсленда и Нов.-Юж. Валлиса; въ послѣдней колоніи выдѣлка масла поднялась съ 15.500.000 фунтовъ въ 1889 году до 27.359.000 фунтовъ въ 1895 году. Замѣчательно слѣдующее мѣсто въ отчетѣ о Нов.-Юж. Валлисѣ:

«Повидимому, молочное хозяйство не ограничивается уже, какъ прежде, крестьянами (farmers), ибо многіе крупныя ското-

воды (graziers in a large way of business), особенно вблизи моря, въ последнее время обратили свое вниманіе на эту промышленность.

«Когда впервые была введена фабричная система, большинство фабрикъ были кооперативными, и процессы отдѣленія сливокъ и сбиваніе масла были соединены. Такое устройство все болѣе и болѣе исчезаетъ, и на мѣсто прежнихъ возникаютъ центральные маслобойные заводы, получающіе свое сырье отъ многочисленныхъ заведеній для отдѣленія сливокъ. Выгоды такой перемѣны, говорятъ, значительны. Въ каждомъ центрѣ производится масло однообразнаго качества, и издержки производства значительно уменьшаются, благодаря высшей ступени производства и примѣненію лучшихъ машинъ и аппаратовъ, какъ напр. охладительныхъ, которые съ выгодой могутъ примѣняться крупными предпріятіями».

Подобно вывозимому изъ Германіи сахару, вывозимое изъ Германіи масло потребляется большею частью Англійей. Изъ 7.101.000 килограммовъ нѣмецкаго вывоза масла (1896) на долю Англійи падало 5.570.000; изъ 3.716.000 килограммовъ въ 1897 году—2.766.000. Но уже эти цифры показываютъ, что нѣмецкое масло быстро оттѣсняется на англійскомъ рынкѣ. Въ англійскомъ импортѣ масла принимали участіе, въ процентахъ:

	Данія.	Норвегія и Швеція.	Франція.	Голландія.	Германія.	Австра- лія и Азія.	Прочія страны.
1887.	32,3	11,3	27,5	10,7	10,3	0,4	7,5
1890.	40,7	11,3	25,9	7,7	5,1	2,0	7,3
1893.	40,2	12,4	20,1	6,1	7,1	7,3	6,8
1894.	42,8	11,0	16,5	6,4	5,4	11,3	6,6
1895.	41,1	11,5	16,1	6,8	4,0	11,1	9,4

Быстрый подъемъ Австраліи выступаетъ здѣсь съ особенной яркостью. Датскія молочныя фермы также уже сильно тѣсняются австралійской конкуренціей, понижающей цѣны и затрудняющей сбытъ.

Но нѣмецкіе кооператоры усердно стараются какъ можно скорѣе увеличить число молочныхъ фермъ; они съ гордостью указываютъ на быстрый ростъ ихъ за послѣдніе годы; они ведутъ себя такъ, какъ будто бы предпріятіе было тѣмъ доходнѣе, чѣмъ больше число конкурентовъ. Конечно, въ качествѣ

спасителей крестьянства, они вынуждаются къ такому поведенію. Какъ-бы велико ни было число кооперативныхъ молочныхъ фермъ, по сравненію съ числомъ крестьянъ, долженствующихъ быть спасенными этимъ главнѣйшимъ средствомъ, оно все еще слишкомъ мало. Но еще за долго до того, когда значительная часть крестьянства вернется къ блаженнымъ временамъ, благодаря кооперативнымъ молочнымъ, область производства сыра и масла также должна подвергнуться перепроизводству и кризису. Въ Даніи, блаженной странѣ кооперативныхъ молочныхъ фермъ, многія изъ нихъ уже сейчасъ находятся въ стѣсненномъ положеніи. Въ Германіи, во время обсужденія закона о маргаринѣ, положеніе производителей масла изображалось намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; однако это не помѣшало, какъ объ этомъ съ триумфомъ заявлено было на послѣднемъ съѣздѣ сельскохозяйственныхъ товариществъ въ Дрезденѣ, образованію въ 1895 году 175 новыхъ молочныхъ фермъ, въ 1896 году—177. Въ 1897 г. учредительская горячка, повидимому, еще свирѣпствовала. Проницательные кооператоры сами поднимаютъ уже предупреждающіе голоса. Такъ, напр., уже упомянутый Ландауеръ Герабронъ на 42 собраніи вюртембергскихъ сельскихъ хозяевъ заявилъ въ своемъ рефератѣ о молочномъ хозяйствѣ: «Замѣчательно, что въ настоящее время, особенно за послѣдній годъ, проявилось въ деревняхъ необыкновенно сильное движеніе въ пользу учрежденія новыхъ молочныхъ. Если оно продержится, можетъ осуществиться удвоеніе или даже, при благопріятныхъ условіяхъ, утроеніе теперешняго числа молочныхъ въ 2—3 года. Въ округѣ Герабронъ, напр., со времени основанія первой молочной, т. е. за 16 лѣтъ, не было основано ни одной новой молочной, зато въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ возникло не менѣе 10 новыхъ молочныхъ; кромѣ того, въ ближайшемъ будущемъ надо ожидать основанія еще новыхъ. Упомянутое движеніе настолько сильно, что даже пламенные поклонники коопераций съ недоумѣніемъ останавливаются передъ нимъ, качая головой, и питаютъ опасеніе, какъ бы изъ основанія столькихъ молочныхъ косвеннымъ путемъ не возникло самой серьезной опасности для сельскаго хозяйства».

Подобно водочному и сахарному кризису, и кризисъ молочнаго хозяйства неизбеженъ. При крупныхъ размѣрахъ этого индустріальнаго производства это нынѣ само собой разумѣется.

Вѣдь жаловался-же Зерингъ въ своемъ рефератѣ о товариществахъ, прочитанномъ въ Февралѣ 1897 г. въ прусской королевской коллегіи сельско-хозяйственной экономіи, на жестокую конкуренцію, которую ведутъ между собой общественныя молочныя фермы. «Однако», успокоительно думаетъ онъ: «надѣются преодолѣть эти трудности дальнѣйшимъ развитіемъ кооперативной идеи или еще болѣе тѣмъ средствомъ, которое въ настоящее время такъ своеобразно преобразуетъ нашу крупную промышленность, картелями. Агитируютъ въ пользу того, чтобы отдѣльныя молочныя фермы чаще, чѣмъ до сихъ поръ, присоединялись къ крупнымъ обществамъ для продажи масла и обязывались бы сбывать извѣстную часть своего продукта только черезъ ихъ посредство. Разросшіеся и упрочившіеся союзы для продажи масла раздѣлили-бы тогда между собой рынки сбыта и устранили-бы, такимъ путемъ, прежнюю безпорядочную конкуренцію, губительно дѣйствовавшую на цѣны; излишки же, хотя бы и съ жертвами, вывозились-бы за границу». Но это пресловутое средство проф. Зерингъ рекомендовалъ въ той самой рѣчи, въ которой нѣсколько выше онъ съ негодованіемъ заявилъ: «Индустрія въ періодѣ прогрессирующаго картелированія меньше всего можетъ быть лишена этихъ обществъ для, закупки матеріаловъ, ибо противъ злоупотребленія экономической силой, приносимаго объединеніемъ фабрикантовъ, нѣтъ другой защиты, кромѣ объединенія потребителей» (Thiels landw. Jahrbuch. 1897, 223, 225).

Аграрный картель является такимъ образомъ «развитіемъ кооперативной идеи», промышленный картель—«злоупотребленіемъ экономической силой», которому можетъ дать отпоръ только развитіе кооперативной идеи. Сначала превозносятъ кооперацию какъ средство борьбы съ картелемъ, затѣмъ хвалятъ картель, какъ средство отклонить неизбежное банкротство кооперации. Логика г. профессора стоитъ на одинаковой высотѣ съ его моральнымъ негодованіемъ; но не въ этомъ главный интересъ его выводовъ. Послѣдніе заслуживаютъ вниманія тѣмъ, что констатируютъ нужду молочныхъ фермъ и превозносятъ, какъ единственный выходъ, картель, который, однако, становится неосуществимымъ при постоянномъ ростѣ числа фермъ. И въ этомъ должно сознаться свѣтило аграрной науки въ хвалебномъ гимнѣ чудодѣйственному вліянію кооперации!

Такъ-же, какъ съ упомянутой отраслью, обстоитъ дѣло и съ другими сельско-хозяйственными вѣтвями крупной про-

мышленности, имѣвшими, однако, до сихъ поръ малое значеніе для коопераціи. Наступающій кризисъ, конечно, не обязательно долженъ разрушить индустрію, затронутую имъ. Онъ дѣлаетъ это только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно онъ ведетъ только къ тому, что преобразуетъ существующія отношенія собственности въ духѣ капитализма, т. е. производитъ какъ разъ то, противъ чего кооперація должна служить надежнымъ оплотомъ. Мелкія, плохо снабженныя капиталомъ предпріятія гибнутъ въ кризисѣ. Но гибель предпріятія въ сельско-хозяйственной индустріи не ограничивается имъ однимъ; она влечетъ за собой гибель или, по крайней мѣрѣ, потрясеніе многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ существованій, опирающихся на него. Чѣмъ больше была помощь, оказываемая промышленными заведеніями сельскимъ хозяевамъ, чѣмъ больше опиралось на нихъ ихъ сельское хозяйство, тѣмъ опустошительнѣе должны быть послѣдствія банкротства.

Болѣе крупныя, лучше обставленныя предпріятія съумѣютъ удержаться при такомъ кризисѣ, но и имъ придется пережить тяжелыя времена, когда прибыли исчезаютъ, и когда только повторное приложеніе новаго капитала можетъ поддержать непрерывность производства. Члены коопераціи, которые не въ состояніи дѣлать новыхъ вкладовъ, теряютъ свои кооперативныя права. Если потеря платежеспособности всеобща, то не остается ничего другого, какъ продать предпріятіе капиталисту; если она не всеобща, то кризисъ ведетъ къ превращенію его въ частную собственность нѣсколькихъ немногихъ богатыхъ членовъ, которые ведутъ его ужъ чисто капиталистически.

Этотъ процессъ не ведетъ необходимо къ пролетаризаціи бывшихъ членовъ коопераціи; при счастливомъ оборотѣ они могутъ сохранить свою крестьянскую собственность. Но гдѣ дѣло принимаетъ такой счастливый оборотъ, тамъ ихъ экономическая зависимость отъ прежняго кооперативнаго хозяйства сохраняется; зависимость отъ ассоціаціи, которой сельскій хозяинъ былъ равноправнымъ и равно заинтересованнымъ членомъ, превращается въ зависимость отъ одного (или нѣсколькихъ) могущественныхъ капиталистовъ съ противоположными интересами. Рабочій изъ участника кооперативной фабрики дѣлается наемнымъ рабочимъ капиталистической фабрики. Дѣло не улучшается отъ того, что наемный трудъ здѣсь, какъ и въ домашней промышленности, имѣетъ скрытую форму. Таковъ

неизбѣжный конецъ сельско-хозяйственныхъ производительныхъ товариществъ.

Какъ вездѣ въ капиталистическомъ обществѣ, и здѣсь, въ концѣ концовъ, промышленность беретъ верхъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, капиталъ надъ отдѣльнымъ производительнымъ товариществомъ. Сельско-хозяйственныя производительныя товарищества, благодаря минутнымъ выгодамъ, которыя они сулятъ сельскимъ хозяевамъ, являются могущественнымъ средствомъ поощренія индустриализаціи сельскаго хозяйства, но потому самому они являются также могущественнымъ средствомъ для проложенія капиталу пути къ господству надъ сельскимъ хозяйствомъ; безъ этого онъ встрѣтилъ-бы гораздо больше препятствій. Мы нисколько не умаляемъ значенія этихъ кооперацій. Онѣ важны для революціонизированія сельскаго хозяйства; но это не средство для спасенія крестьянина.

Но товарищества имѣютъ и свои предѣлы. Для сельско-хозяйственной индустріи дѣйствительны тѣ же законы, что и для всякой другой индустріи. Концентрація и централизація производства, встрѣчающія въ сельскомъ хозяйствѣ противныя тенденціи, дѣлають здѣсь быстрые успѣхи; въ сельско-хоз. промышленности, такъ-же, какъ и во всякой другой, господствуетъ тенденція къ крупному производству. Это яснѣе всего доказываетъ сахарная промышленность, во всякомъ случаѣ искусственно стимулированная государственными мѣрами. Въ Германской Имперіи считалось:

	Сахар- ныхъ за- водовъ.	Количество пере- работан. свекло- вицы въ тоннахъ.	Тоже, въ сред- немъ на са- харн. заводъ въ тоннахъ.
1871/72	311	2.250.918	7.237
1881/82	343	6.271.948	18.286
1891/92	403	9.488.002	23.543
1896/97	399	13.721.601	34.389

И такъ за 25 лѣтъ увеличеніе почти въ 5 разъ количества свекловицы, переработываемой въ среднемъ однимъ заводомъ!

Въ картофельномъ винокурениі обнаруживалась та же тенденція, хотя, во всякомъ случаѣ, не въ столь рѣзкой формѣ, до новыхъ законовъ объ обложеніи, которые имѣли въ виду ограничить расширеніе производства. Въ статистическомъ ежегодникѣ Германской Имперіи отмѣчается, что число винокуренъ, переработывавшихъ картофель, хлѣбъ или черную патоку, въ

предѣлахъ дѣйствія однороднаго обложенія, возросло за періодъ времени съ 1872 по 18⁸¹/82 съ 7011 до 7280. Но число винокурень, уплачивавшихъ меньше 15,000 марокъ водочнаго налога, упало съ 6222 до 5788, напротивъ число винокурень, выплачивавшихъ больше 15,000 марокъ, увеличилось съ 789 до 1492.

Съ другой стороны считалось;

	Винокурень, переработывавшихъ картофель.	Количество переработываемаго картофеля въ тоннахъ.	Тоже на одну винокурню въ тоннахъ.
18 ⁸² /83	4180	2.392.000	572
18 ⁸⁶ /87	4069	2.719.000	668

Съ 18⁸⁷/88 г. въ области государственнаго налога въ среднемъ на одно заведеніе производство картофельныхъ винокурень осталось на той-же высотѣ; но достойно вниманія, что именно самыя мелкія винокурни указываютъ на рѣшительный регрессъ. Производили:

		1890/91	1894/95	Уменьшеніе (—) или увеличеніе (+)
до	50 литровъ	1300	513	--787
50 —	500 »	731	720	-- 11
500 —	5000 »	632	658	+ 25
5000 —	50000 »	1931	1983	+ 52
свыше	50000 »	1793	1758	— 35

Молочныя фермы, само собой разумѣется, также подвержены закону развитія современной крупной промышленности; и для нихъ техническій прогрессъ идетъ впередъ; и для нихъ ручная работа вытѣсняется паромъ, растутъ машины, растетъ количество продукта, перерабатываемаго одной машиной, растутъ помѣщенія для производства и для складовъ, растутъ области сбыта и вмѣстѣ съ ними необходимость примѣненія силъ, имѣющихъ коммерческія знанія, которымъ только крупное заведеніе можетъ дать достаточное занятіе.

Выше мы видѣли, какъ въ Новомъ-Южн. Валисѣ молочныя фермы становятся все крупнѣе. О томъ же самомъ сообщаютъ изъ Бельгіи: Colard Vouy въ своемъ докладѣ международному сельско-хоз. конгрессу 1895 года констатировалъ: плохо обставленныя и дурно управляемыя мелкія товарищества все болѣе исчезаютъ въ борьбѣ съ крупными, «которыя перерабатываютъ большія количества молока за самыя низкія цѣны и могутъ доставлять продуктъ постоянно одинаковаго качества. Если производство ведетъ способный служащій, то эти преимущества достигаютъ своей высшей точки».

(Цитировано Э. Вандервельдомъ въ его статьѣ объ «Аграрномъ социализмѣ въ Бельгiи», Neue Zeit, XV, I, 755).

Развитіе промышленности по обработкѣ пищевыхъ веществъ въ Германской Имперіи выражается въ слѣдующихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ промысловой статистики 1882 и 1895 годовъ. По нимъ на каждые сто управляющихъ предприятий (собственниковъ и служащихъ по найму) было наемныхъ рабочихъ и служащихъ:

	Мельницы	Свекло-сахарное производство	Производство другихъ растительн. и пищеви. веществъ 1)	Промыз. животнохъ пищев. веществъ кромя промыз. мяса 2)	Солодони и пивовареніе	Винокурни, фабрики ликеровъ и пресован. дрожжей.	Фабрики пишучихъ и плодовыхъ винъ	Фабрикація уксуса	ПРИМЪЧАНІЕ
1882	101	2831	688	141	364	299	256	162	1) Консервы, пресованные овощи, суррогаты, кофе, какао, крахмалъ, макароны. 2) Соленіе рыбы, изготовленіе сгущеннаго молока, производство масла и сыра.
1895	237	5764	1231	315	759	413	315	237	
Прирость	76	2933	543	174	395	114	59	75	

Вездѣ мы видимъ прогрессирующее разрастаніе предприятий, во всѣхъ вѣтвяхъ сельско-хозяйственной промышленности число наемныхъ рабочихъ растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ число предпринимателей и управляющихъ предприятиями; въ свекло-сахарномъ производствѣ, молочномъ дѣлѣ и въ пивовареніи относительный прирость составляетъ больше 100⁰%, въ производствѣ растительныхъ консервовъ—почти 100⁰%. Какое развитіе получили нѣкоторыя сельско-хоз. промышленныя предприятия, показываютъ, напр., предприятия фирмы Нестле. Она имѣетъ въ Швейцаріи двѣ крупныя фабрики для производства сгущеннаго молока и одну фабрику для производства дѣтской муки. Послѣдняя фабрика переработываетъ ежедневно 100,000 литровъ молока, продуктъ 12000 коровъ, собираемый въ 180 деревняхъ; 180 деревень потеряли свою экономическую самостоятельность и стали подданными дома Нестле. Ихъ жители внѣшнимъ образомъ еще собственники своей земли, но они болѣе уже не свободные крестьяне.

Чѣмъ скорѣе подвигается впередъ это развитіе, растетъ сумма капитала, необходимая для основанія предприятия, способнаго къ конкуренціи, суживается кругъ сельскихъ хозяевъ, которые могутъ стремиться основывать производительныя

товарищества, тѣмъ скорѣе новыя предпріятія въ этихъ областяхъ съ самаго начала дѣлаются капиталистическими предпріятіями, какъ это теперь уже ясно обнаруживается въ свекло-сахарномъ производствѣ и въ картофельномъ винокурениі. Гдѣ еще можно было говорить о кооперативныхъ фабрикахъ въ этихъ отрасляхъ промышленности, тамъ почти исключительно дѣло идетъ о товариществахъ крупныхъ крестьянъ и владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній.

Если всякому сельско-хозяйственному производительному товариществу при всякомъ кризисѣ грозитъ переходъ въ капиталистическія руки, то для всякаго вида сельско-хозяйственной промышленности раньше или позже наступаетъ моментъ, начиная съ котораго оно преграждаетъ доступъ въ число своихъ членовъ мелкимъ сельскимъ хозяевамъ и дѣлается монополіей капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Обыкновенно это развитіе ведетъ также къ вытѣсненію мелкаго сельскаго хозяйства крупнымъ. И въ этомъ случаѣ сахарное производство даетъ намъ лучшія доказательства. Преимущества машиннаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ всего яснѣе выступаютъ тамъ, гдѣ двигательная сила для машинъ не должна особо производиться, а доставляется промышленнымъ заведеніемъ, находящимся въ имѣніи. Тамъ, гдѣ это не ведетъ къ упадку мелкаго производства, индустриализація мелкаго хозяйства отмѣчаетъ зависимость мелкаго сельскаго хозяина отъ фабрики, единственной потребительницы его продукта, и совершенно превращаетъ его въ крѣпостнаго промышленнаго капитала, съ потребностями котораго онъ долженъ сообразовать свое хозяйство.

Таково спасеніе, которое сельско-хозяйственная промышленность приноситъ крестьянину.

е) Вытѣсненіе сельскаго хозяйства промышленностью.

Если развитіе сельско-хоз. промышленности доставляетъ сельскому хозяину, по крайней мѣрѣ на время, новую опору, то прогрессъ техники содѣйствуетъ появленію результатовъ, которые угнетаютъ сельскаго хозяина и разоряютъ отдѣльныя вѣтви его хозяйства. Это происходитъ, вопервыхъ, благодаря лучшей утилизаціи сырого матерьяла, такъ что изъ того-же количества сырья выходитъ больше продукта; послѣднее, есте-

ственно, способствует падению спроса на сырой материал при неизмѣняющемся потребленіи продукта, или не столь быстрому росту спроса на сырье, при растущемъ потребленіи. Но далѣе промышленный прогрессъ ведетъ къ замѣщенію дорого стоящаго сырья малоцѣннымъ, благодаря утилизаціи отбросовъ и производству суррогатовъ. Въ концѣ концовъ промышленность начинаетъ сама производить продукты, доставлявшіеся раньше сельскимъ хозяйствомъ или замѣняетъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ, такъ что продуктъ сельскаго хозяйства становится излишнимъ.

Нѣсколько примѣровъ иллюстрируютъ это. Извѣстна большая потеря питательныхъ веществъ вслѣдствіе несовершенства перемола хлѣба. Прогрессъ мукомольнаго дѣла все болѣе уменьшаетъ эти потери «Въ XVII столѣтіи годовое потребленіе одного человѣка было равно почти 712 фунтовъ пшеницы, количество, достаточное теперь почти для двухъ человѣкъ, и теперь, благодаря усовершенствованію нашихъ мельницъ, для человѣчества выигрываются громадныя количества питательныхъ веществъ, стоимостью во много милліоновъ ежегодно; вещества эти раньше служили только животнымъ, для которыхъ ихъ неизмѣримо легче замѣнить другими питательными веществами, совершенно непригодными для человѣческаго потребленія. Пшеница содержитъ не больше 2⁰/₀ непереваренной клѣтчатки, и совершенная въ широкомъ смыслѣ слова мельница не должна-бы давать больше этого количества въ видѣ отрубей, но наши лучшія мельницы все еще даютъ 12—20⁰/₀, обыкновенныя мельницы до 25⁰/₀ отрубей, содержащихъ 60—70⁰/₀ питательныхъ составныхъ веществъ». (I. v. Liebig. «Chemische Briefe», 334). Въ 1877 г. искусный мельникъ В. Тиль утверждалъ, будто онъ нашелъ способъ перемола, дающій 92,6⁰/₀ муки и только 7,4⁰/₀ отрубей и отбросовъ. (V. Till, «Die Lösung der Brodfrage»). Упомянутый о дальнѣйшемъ уменьшеніи отрубей мы еще не встрѣчали. За то теперь дѣлаются попытки сдѣлать переваримыми питательныя вещества отрубей, именно бѣлокъ, химическимъ путемъ.

Ясно, что при неизмѣняющемся потребленіи муки всякій прогрессъ мукомольнаго дѣла въ использованіи зерна долженъ вызвать уменьшеніе спроса на него. Но дѣйствіе падающаго спроса должно проявляться и при возрастающемъ потребленіи муки, если одновременно масса хлѣба, попадающая на рынокъ,

растетъ такъ-же быстро или еще быстрѣе, чѣмъ потребление муки. Вытѣсненіе примитивныхъ мельницъ образцовыми должно, такимъ образомъ, обострять дѣйствіе кризисовъ на хлѣбномъ рынкѣ.

Только что упомянутыя попытки перевести питательныя вещества отрубей въ форму, въ которой они могли-бы усваиваться человѣческимъ желудкомъ, относятся уже къ области утилизаціи отбросовъ и производства суррогатовъ. Прогрессирующая утилизація отбросовъ есть одна изъ существеннѣйшихъ особенностей современнаго способа производства. Она—естественное слѣдствіе крупнаго производства; послѣднее скопляетъ отбросы въ громадныхъ количествахъ въ отдѣльныхъ пунктахъ, дѣлаетъ этимъ необходимымъ ихъ удаленіе, вызываетъ попытки использовать ихъ для промышленныхъ цѣлей и превращаетъ ихъ, такимъ образомъ, изъ предмета затрудненій и непродуцительныхъ расходовъ въ источникъ дохода. Для сельскаго хозяйства эти отбросы приобрѣли очень важное значеніе. Съ одной стороны отбросы крупной промышленности доставляютъ сельскому хозяйству кормъ для скота и удобреніе, какъ напр., отбросы винокуренныхъ, сахарныхъ, пивоваренныхъ заводовъ, маслобоенъ, т. наз. томасовъ шлакъ, древесная зола, и т. д., и превращаются въ могущественное средство для того, чтобы приковать сельское хозяйство къ промышленности. Съ другой стороны промышленность пользуется отбросами сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, чтобы путемъ ихъ переработки составить конкуренцію самому сельскому хозяйству. Примѣромъ такой утилизаціи отбросовъ можетъ служить производство масла изъ хлопчатобумажнаго сѣмени, которое раньше выбрасывалось, въ лучшемъ случаѣ употреблялось какъ удобреніе на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ. Теперь научились производить изъ него масло, дѣлающее очень чувствительную, и съ каждымъ днемъ растущую конкуренцію масламъ, выдѣлываемымъ изъ европейскихъ масляничныхъ растений. Въ Германской Имперіи ввозъ составлялъ:

	Хлопчато-бумажное масло.	Льняное масло.
1886.	8.067 тоннъ.	39.743 тоннъ.
1891.	21.366 »	37.385 »
1895.	34.460 »	19.863 »
1896.	27.047 »	19.693 »
1897.	30.227 «	15.548 »

Примѣненіе хлопчато-бумажное масло находитъ себѣ именно при фальсификаціи оливковаго масла и при выдѣлкѣ искус-

ственного масла-маргарина, приготовляемого изъ бычачьяго сала, молока и дешевыхъ маслъ, особенно хлопчато-бумажнаго масла; его трудно отличить отъ натурального масла по вкусу и физиологическому дѣйствию. Въ 1872 г. въ Германіи была основана первая фабрика искусственнаго масла; теперь ихъ имѣется около шестидесяти.

Что эта конкуренція не улучшила и безъ того критическаго положенія на рынкѣ коровьяго масла, само собой ясно. Трогательныя жалобы аграріевъ, которыми они въ 1896 году обосновывали необходимость своихъ требованій новаго ограниченія маргариновой промышленности, конечно, преувеличены, но также преувеличено и противоположное утвержденіе, что сельскіе хозяева совершенно не понесли ущерба отъ искусственнаго масла. Очень мало утѣшительнаго представляетъ для послѣднихъ указаніе на то, что и производство искусственнаго масла находится въ тяжеломъ положеніи. Это меньше проявляется въ дефицитахъ отдѣльныхъ фабрикъ, что бываетъ и въ цвѣтущихъ отрасляхъ промышленности съ дурно управляемыми, неудачно устроенными и недостаточно оборудованными предпріятіями, чѣмъ въ статистикѣ страны, въ которой маргаринъ и масло могутъ свободнѣе всего довести до конца свое состязаніе на полѣ конкуренціи. Въ Великобританіи ввозъ достигалъ:

Г о д ъ.	М А С Л А		Маргарина.
		въ томъ числѣ австралійскаго.	
1886.	1.452.000	— процентовъ.	870.000 цент.
1892.	2.107.000	4 »	1.293.000 »
1895.	2.750.000	11 »	922.000 »

Дешевое австралійское масло вытѣсняетъ не только производителей натурального масла, но и производителей искусственнаго масла. Но это, конечно, поведетъ не къ гибели производства искусственнаго масла, а къ улучшенію способовъ его производства. Производители натурального масла ничего отъ этого не выиграютъ.

Но если мы и не оспариваемъ, что молочныя фермы терпятъ ущербъ отъ фабрикаціи маргарина, то мы этимъ ни въ коемъ случаѣ не хотимъ выразить одобренія стремленіямъ ограничить производство послѣдняго къ выгодѣ перваго. Мы охотно признаемъ, что печально, если банкротство кооператив-

ной молочной фермы низводитъ въ ряды пролетаріевъ много трудолюбивыхъ крестьянъ, но это не болѣе печально, чѣмъ лишеніе хлѣба трудолюбивыхъ пролетаріевъ новой машиной. Такимъ путемъ только и совершается техническій прогрессъ въ современномъ обществѣ. Кто хочетъ устранить этотъ путь прогресса, долженъ устранить весь современный общественный строй. Напротивъ, бессмысленно желать сохранить этотъ порядокъ всѣми средствами и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его послѣдствія. Эта бессмыслица дѣлается возмутительной, если ее хотятъ осуществить на практикѣ, представляя, подъ вліяніемъ минутныхъ и кастовыхъ интересовъ, только отдѣльнымъ слоямъ производителей привиллегію охраны всякаго технического прогресса, уменьшающаго ихъ барыши, — охраны, которая вообще можетъ осуществиться только на счетъ остальныхъ слоевъ. Такого рода привиллегіи въ современномъ государствѣ не могутъ долгое время терпѣливо переноситься массой населенія, и поэтому является утопійей мысль о сохраненіи такимъ путемъ сельскаго хозяйства отъ напора промышленности. Судорожныя стремленія нашихъ аграріевъ въ этомъ направленіи доказываютъ только, насколько имъ угрожаетъ крупное капиталистическое производство пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ, какое значеніе приобрѣло послѣднее по сравненію съ сельскимъ хозяйствомъ.

Искусственное масло и рядомъ съ нимъ также искусственный сыръ до сихъ поръ являются тѣми суррогатами, производимыми крупнымъ производствомъ, которые чувствительнѣе всего отражаются на сельскомъ хозяйствѣ. Но они не единственные, дѣйствующіе въ томъ же направленіи.

Пивовареніе за послѣднія десятилѣтія обнаружило громадныя подъемы почти во всѣхъ государствахъ. Пивоваренное производство доставляло:

Германія.		Великобританія.		Австрія.	
Годъ.	Гектолитровъ.	Годъ.	Гектолитровъ.	Годъ.	Гектолитровъ.
1872 . .	32.945 000	1873 . .	35.700.000	1870. . .	9.303.400
1882/83 . .	39.250.000	1881 . .	44.774.000	1880. . .	10.530.000
1890/91 . .	52.730.000	1891 . .	52.675.000	1890. . .	13.570.000
1895/96 . .	60.563.000				
Бельгія.		Франція.		Россія.	
Годъ.	Гектолитр.	Годъ.	Гектолитр.	Годъ.	Гектолитр.
1870 . .	7.794.000	1872 . .	7.131.000	1866. . .	2.200.000
1880 . .	9.238.500	1885 . .	8.010.000	1884. . .	4.212.000
1890 . .	10.770.000	1890 . .	8.490.000	1890. . .	8.490.000

Въ Даніи производство пива выросло съ 1.200.000 гектолитровъ (1876) до 2.185.000 (1891); въ Швеціи съ 419.815

(1880) до 1.240.811 (1890), въ Швейцаріи съ 280.000 (1867) до 650.000 (1876), 1.004.000 (1876) и 1.249.000 (1891).

Можно было бы думать, что въ той же мѣрѣ выросло и *производство хмѣля*. Ничуть не было. Оно только незначительно повысилось. Уже въ 1867 г. сборъ полнаго урожая хмѣля въ Европѣ исчислялся въ 50.000 тоннъ. Столько же принесъ урожай 1890 года (въ томъ числѣ 24.705 въ Германіи, 15.000 въ Англіи); въ 1892 г. собрано было 57.550 тоннъ (въ томъ числѣ въ Германіи 24.150, въ Англіи 19.000).

Въ Англіи количество производимаго въ годъ пива возрасло съ 35 милл. гектолитровъ (1873) до 52 милліоновъ (1891), на 17 милл., т. е. въ круглыхъ цифрахъ на 50%. Напротивъ, хмѣля засѣяно было въ 1871 г. 24.000 гектаровъ, въ 1892 г.—23000. Между тѣмъ ввозъ хмѣля, замѣчаетъ докладъ парламентской аграрной комиссіи 1897 г. (стр. 83), «фактически за послѣднее 20-лѣтіе оставался стаціонарнымъ. Въ теченіе періода 18⁷⁶/₇₈ средній годичный ввозъ хмѣля изъ всѣхъ странъ составлялъ 195.000 центнеровъ, а въ 18⁹³/₉₅—203.000 центнеровъ».

Развитіе въ Германской имперіи показываетъ слѣдующая таблица:

	1884.	1896.
Урожай хмѣля	28.870 тоннъ.	25.325 тоннъ.
Ввозъ хмѣля	1.340 »	3.041 »
И т о г о	30.210 тоннъ.	28.366 тоннъ.
Вычитается вывозъ хмѣля въ	11.514 »	9.868 »
Остается хмѣля	18.696 тоннъ.	18.498 тоннъ.
	18 ⁸⁴ / ₈₅	18 ⁹⁶ / ₉₇
Производство пива въ гектолитрахъ	42.287.000	61.486.000
На одну тонну хмѣля приходится гект. пива.	2.260	3.324

Возрастающее потребленіе пива такимъ образомъ нисколько не помогаетъ хмѣлеводамъ. Оно только способствуетъ производству *суррогатовъ хмѣля*.

Еще хуже, чѣмъ хмѣлеводамъ, приходится отъ развитія химіи *винодѣламъ*. Она учитъ приготавливать изъ картофельнаго крахмала виноградный сахаръ, это славное средство къ улучшенію малоцѣннаго вина. Она учитъ кромѣ того фабриковать вино изъ выжимокъ и изюма съ помощью сахара и другихъ продуктовъ сельскохозяйственной индустріи.

Все болѣе даже, такъ называемыя, «натуральныя вина» должны подвергаться ряду операцій, требующихъ естественно

научныхъ знаній и примѣненія дорогихъ аппаратовъ, все болѣе, такимъ образомъ, и натуральное вино дѣлается продуктомъ капиталистической крупной промышленности, которой производитель винограда доставляетъ только сырой матеріалъ. Винный погребъ превращается въ фабрику винъ.

Въ своемъ рефератѣ о «состояніи законодательства объ изготовленіи вина и техники изготовленія», прочитанномъ въ королевско-прусской коллегіи сельско-хозяйственной экономіи въ февралѣ 1897 г., проф. Меркеръ, между прочимъ, сдѣлалъ такіе выводы: «Вино не вполнѣ натуральный продуктъ; на виноградныхъ лозахъ вино не растетъ бутылками, а должно пройти длинный путь при обработкѣ, пока изъ сладкаго винограднаго сусла не выработается благородное вино...

«Это изготовленіе вина за послѣдніе годы вызвало цѣлый рядъ научныхъ изысканій, въ которыхъ мы подвинулись очень далеко въ области обработки вина, постепенно научаясь изъ малоцѣннаго винограда выдѣлывать натуральное вино лучшаго качества. Прежде всего этой областью овладѣло разведеніе чистыхъ культуръ дрожжевыхъ грибковъ». На кожурѣ винограда находятся разнообразныя грибки, вызывающіе броженіе въ суслѣ. «Извѣстно, что существуетъ много видовъ дрожжевыхъ грибковъ, что дрожжевые грибки, растущіе на Іоганнисбергѣ; въ Гейзенгеймѣ, производятъ вино вполнѣ определеннаго качества; и вотъ попытались выдѣлать вино вполнѣ определеннаго качества, разведя чистыя культуры определеннаго вида дрожжевыхъ грибковъ. Когда въ самомъ дѣлѣ сдѣланы были удачныя опыты съ разведеніемъ чистыхъ культуръ дрожжевыхъ грибковъ, сангвиники думали, что можно совсѣмъ обойтись безъ винодѣлія; нужно только искусственно прибавить къ какому-нибудь сахарному раствору дрожжевыхъ грибковъ, чтобы такимъ образомъ получить благороднѣйшее Іоганнисбергское или Штейнбергское вино».

Можно было-бы думать, что эти перспективы могутъ дѣйствовать только воодушевляющимъ образомъ: не только сладкій горошекъ, но и іоганисбергское вино для cadaго — развѣ это не было бы началомъ рая на землѣ?*)

*) Читатель благоволитъ припомнить мѣсто изъ «Deutschland» Генриха Гейне, цитированное въ рейхстагѣ Бебелемъ во время знаменитыхъ дебатовъ о «Zukunftstaat».

Так думаетъ социалистъ, но не аграрій. Что для блага общества является счастьемъ,—изобиліе жизненныхъ и вкусовыхъ веществъ,—то для земельной ренты несчастье. Если каждый сможетъ готовить себѣ юганисбергское вино изъ сахарной воды, тогда конецъ земельной рентѣ юганисбергскихъ виноградниковъ. По этому проф. Меркеръ съ облегченіемъ продолжаетъ: «Благодаря Бога, путемъ разведенія чистыхъ культуръ дрожжевыхъ грибковъ удалось производить гораздо лучшее вино, чѣмъ безъ нихъ, удалось также добиться значительно лучшихъ цѣнъ на нашъ продуктъ. Прошло всего лишь нѣсколько лѣтъ, какъ стали пользоваться этимъ техническимъ приѣмомъ въ винодѣліи».

Эти дрожжевые грибки, такимъ образомъ, до сихъ поръ почтительно останавливались передъ земельной рентой. Но не слѣдуетъ-ли опасаться, что эти микроскопическіе проказники въ одинъ прекрасный день бросятъ свое лояльное поведеніе и превратятся въ революціонеровъ? Начинаютъ съ производства юганисбергскаго изъ кислоты, почему не закончить производствомъ вина изъ сахарной воды?

Но запретить улучшение вина невозможно; это проф. Меркеръ далѣе самъ разъясняетъ въ своемъ рефератѣ. Статистика говоритъ, что на 10 лѣтъ приходится только одинъ отличный годъ на вино, три хорошихъ, три среднихъ, три плохихъ. Эти кислыя вина безъ надлежащей переработки не переносятся культурнымъ небомъ. Запретить улучшение вина—значило-бы сильно повредить самимъ производителямъ винограда.

Рядомъ съ улучшенными винами и виномъ изъ выжимокъ возникаетъ производство изюмнаго вина. «Растворенный въ водѣ, достаточно измельченный и подвергнутый броженію, въ особенности при посредствѣ чистыхъ культуръ дрожжевыхъ грибковъ, изюмъ является дѣйствительнымъ и прекраснымъ средствомъ для выдѣлки весьма хорошаго вина. Оно прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ, вполне годное къ употребленію, ничѣмъ не уступающее обыкновенному виноградному вину, и является серьезнымъ конкурентомъ туземному нѣмецкому вину. Съ технической точки зрѣнія противъ него ничего нельзя возразить, но тѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ возраженій съ хозяйственной точки зрѣнія, такъ какъ оно дѣлаетъ тяжелую конкуренцію туземному нѣмецкому вину. Оно хорошо противостоитъ броженію и необычайно дешево; за 12 марокъ можно

выдѣлать 100 марокъ. Это тяжелая конкуренція, съ которой слѣдуетъ рѣшительно бороться законодательнымъ путемъ».

И въ самомъ дѣлѣ, подумайте, какое несчастіе падетъ на голову нѣмецкаго народа, если изюмному вину удастся вытѣснить картофельную сивуху.

Путемъ чистыхъ культуръ дрожжевыхъ грибковъ можно приготовить похожее на вино питье и изъ солода. Въ Гамбургѣ одна огромная фабрика выдѣлываетъ также солодовое вино.

Изъ преній объ этомъ рефератѣ слѣдуетъ упомянуть о заявленіи старшаго правительственнаго совѣтника Тиля, замѣтившаго, между прочимъ, что *мелкіе винодѣлы* не въ состояніи сами производить улучшеній въ выдѣлкѣ вина. Это могутъ дѣлать только крупные владѣльцы виноградниковъ и виноторговцы. Въ томъ же родѣ писалъ уже въ 60-ыхъ годахъ Мейтценъ. «Только болѣе крупные владѣльцы виноградниковъ и зажиточные винодѣлы сами прессуютъ и очищаютъ вино въ складахъ и выжидаютъ благоприятнаго времени для продажи. Число бѣднѣйшихъ винодѣловъ, не имѣющихъ къ тому средствъ, доходитъ до 12—13.000 (въ старой Пруссіи до 1866 г.). Чтобы поскорѣе получить наличныя деньги, они сбываютъ виноградъ непосредственно за жатвой, часто ранѣе, продавъ и взявъ задатки. Податные чиновники исчисляють количество винограда, уступленнаго осенью 1864 г. этимъ классомъ винодѣловъ виноторговцамъ и фабрикантамъ винъ, въ 69.405 центнеровъ». («Voden» II, 275).

Зависимость мелкихъ винодѣловъ отъ виноторговцевъ увеличивается еще необезпеченностью урожая винограда. Выше мы упомянули замѣчаніе Меркера, что на 10 лѣтъ приходится всего три среднихъ урожая и только одинъ отличный сборъ; но рядомъ съ количествомъ колеблется и качество. Мейтценъ въ своемъ упомянутомъ сочиненіи (стр. 277) приводитъ количество полученнаго Рейнской провинціей сбора за время отъ 1821 до 1864 года. Извлечемъ отсюда нѣсколько цифръ (въ ведрахъ):

1821 . . . 24.868	1830 . . . 41.970	1856 . . . 175.663
1822 . . . 469.211	1834 . . . 850.467	1857 . . . 546.545
1828 . . . 816.228	1854 . . . 91.299	1858 . . . 576.205
1829 . . . 271.088	1855 . . . 212.358	1864 . . . 320.471

При такихъ обстоятельствахъ винодѣліе становится чистой азартной игрой, въ которой, въ концѣ концовъ, долженъ выиграть тотъ, у кого болѣе толстый карманъ, кто можетъ го-

дами терпѣть убытки. Мелкаго, неимѣющаго капиталовъ винодѣла одинъ неурожаѣ превращаетъ въ банкрота или приводитъ его къ рабству безнадежнаго должника.

Товарищества должны и тутъ явиться спасительнымъ средствомъ. Кооперативные склады должны доставить мелкимъ винодѣламъ возможность класть въ свой карманъ выгоды, вытекающія изъ улучшенія ихъ вина и изъ посреднической торговли. Къ нимъ относится все, что сказано было вообще о сельскохозяйственныхъ производительныхъ товариществахъ: съ одной стороны—они недоступны очень мелкимъ, неимѣющимъ капитала, производителямъ виноградъ, съ другой—они такъ же, какъ и другія производительныя товарищества, раньше или позже должны капиталистически выродиться или сдѣлаться капиталистической собственностью.

Въ этомъ смыслѣ они только ускоряютъ развитіе, стремящееся поставить производителя виноградниковъ все въ большую экономическую зависимость отъ фабрики, отъ виннаго погреба, превратить его въ детализированнаго рабочаго винной индустри.

То техническое развитіе, которое дѣлаетъ виноградаря все болѣе зависимымъ отъ фабриканта винъ, дѣлаетъ послѣдняго все независимѣе отъ отечественнаго виноградаря. Оно во все возрастающихъ количествахъ доставляетъ ему иностранное дешевое вино, которое онъ превращаетъ въ лучшее доставляетъ ему болѣе дешевый сырой продуктъ.

Революціонизированіе виннаго производства легче всего прослѣдить во Франціи. Вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ филлоксерой и другими болѣзнями, доходъ винодѣлія стремительно упалъ; онъ составлялъ за годъ:

Въ среднемъ за десяти-лѣтіе.	Площадь подъ винодѣліемъ въ гектарахъ.	Доходъ съ гектара.	ВСЕГО	Потребленіе вина (раз-счет.) Гектолитровъ.	Излишекъ + или дефицитъ произв. Гектолитр.	Вывозъ вина въ гектолитрахъ.
		ВЪ ГЕКТОЛИТРАХЪ				
1870—1879	2.364.175	22.4	52.935.956	38.100.000	+14.800.000	3.283.419
1880—1889	2.052.897	16.3	33.499.782	36.400.000	-- 3.000.000	2.538.199
годъ—1887	1.919.878	13.6	25.365.441	34.000.000	-- 9.000.000	2.402.216
» —1891	1.763.374	17.0	30.139.000	?	?	2.044.000

*) 1880—1884.

Хотя съ начала 80-ыхъ годовъ потребленіе вина далеко превышаетъ его производство, однако вывозъ почти не уменьшается. Это объясняется отчасти накопленіемъ излишковъ прежнихъ лѣтъ, отчасти ввозомъ малоцѣнныхъ винъ; которыя улучшаются и затѣмъ потребляются въ самой Франціи или вывозятся въ качествѣ хорошихъ французскихъ винъ.

Ввозъ вина въ тысячахъ гектолитровъ составлялъ:

	1878	1889	1878	1889
Изъ Испаніи . . .	1347	7052	Австро-Венгріи . . .	9
„ Алжира . . .	1	1581	Турціи	8
„ Португаліи . . .	16	875	Греціи	0
				146

Одновременно съ этимъ повысилась и фабрикація искусственнаго вина. Даже по официальной статистикѣ было выдѣлано вина:

Изъ сушеннаго винограда • Гектолитры.	Изъ выжимокъ Гектолитры.	Всего Гектолитры.
1880	2.320.000	2.130.000
1890	4.293.000	1.947.000
		6.240.000

Дѣйствительная фабрикація искусственныхъ винъ должна быть еще значительно выше. Только часть этой отрасли промышленности ведется открыто.

Въ Германской Имперіи ввозъ изюма съ 12.994.000 килограммовъ въ 1886 г. возросъ до 32.846.000 въ 1895 г. Львиная доля этого увеличенія должна быть отнесена на счетъ фабрикаціи вина. Рядомъ съ этимъ ввозъ свѣжаго винограда поднялся съ 3.181.000 килограм. (1886) до 19.371.000 (1895).

Между тѣмъ и въ этой области готовится за-океанская конкуренція, какъ въ Африкѣ (Алжиръ, Тунисъ, Капская земля), такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Калифорніи, Чили, Урагваѣ, Аргентинѣ, Австраліи. Въ Алжирѣ виноградной лозой было засажено въ 1878 г. 17.600 гектаровъ, въ 1889 г.—96.624, въ 1893 г.—116.000 съ выработкой въ 3.800.000 гектолитровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ добыча вина въ 1889 г. составляла 1.500.000 гектолитровъ, въ Аргентинѣ—столько же, въ Чили 1.000.000.

До сихъ поръ рѣчь шла все еще о переработкѣ сырого продукта, хотя-бы и малоцѣннаго, доставляемаго *земледѣліемъ*. Но индустріальному развитію, въ концѣ концовъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ удастся даже продуктъ до сихъ поръ

доставлявшійся земледѣліемъ безъ всякаго содѣйствія послѣдняго производить непосредственно.

Наиболѣе извѣстны въ этомъ отношеніи успѣхи, достигнутые химіей при разработкѣ *дегтя*. Изъ него не только добывается очень большое, съ каждымъ днемъ возрастающее, число совершенно новыхъ веществъ, играющихъ большую роль особенно въ медицинѣ; изъ него добываются также очень дешево вещества, доставлявшіяся до сихъ поръ исключительно земледѣліемъ.

Марена напр. до 70-ыхъ годовъ была важнымъ техническимъ растеніемъ для нѣкоторыхъ мѣстностей Европы, именно Голландіи, Южной Франціи и Южной Германіи. Открытіе и добываніе *ализарина* изъ каменно-угольнаго дегтя, удавшееся въ 1868 году Гребе и Либерманну, и съ 1870 года все въ возрастающей степени примѣняющагося фабриками, нанесло смертельный ударъ культурѣ марены.

Отъ другого продукта каменно-угольнаго дегтя—сахарина—въ началѣ ожидали такого же результата для культуры свекловицы. Но результата этого не послѣдовало. Правда, сахаринъ въ 500 разъ слаще тростниковаго сахара, но онъ можетъ замѣнить сахаръ только для сладости, а не въ качествѣ пищевого вещества. Тѣмъ не менѣе онъ вытѣсняетъ сахаръ изъ ряда примѣненій, гдѣ тотъ находилъ мѣсто до сихъ поръ, и препятствуетъ, такимъ образомъ, увеличенію его потребленія.

Алкоголь можно также добыть изъ дегтя, но до сихъ поръ, еще нѣтъ способа, который сдѣлалъ-бы промышленное примѣненіе его выгоднымъ.

Большее и болѣе непріятное значеніе для части сельскаго хозяйства имѣютъ успѣхи *электротехники*. Ей, повидимому, удается то, что не удалось пару, — почти полное вытѣсненіе *лошади* изъ экономической жизни.

Паровая сила можетъ съ выгодой быть примѣняема только для приведенія въ движеніе большихъ массъ и при непрерывности производства. Она вытѣснила лошадь при передвиженіи тяжестей на большія разстоянія. Но желѣзныя дороги, стимулировавъ ростъ большихъ городовъ и даже въ значительной степени сдѣлавъ его возможнымъ, поставили мѣстному передвиженію цѣлый рядъ все растущихъ задачъ, которыя до недавняго времени могли быть разрѣшима только съ помощью лошадиной силы. Въ сельскомъ хозяйствѣ паровая машина

также не могла вытѣснить лошади, какъ-бы цѣнна она ни была для нѣкоторыхъ работъ.

Силу электричества легко дѣлать и передавать на большія разстоянія, его дѣйствіе можно по желанію прерывать и снова пускать въ ходъ, его двигатели занимаютъ мало мѣста, и имъ легко управлять; электричество можетъ, поэтому, взять на себя функцію лошади какъ двигателя въ передвиженіи, такъ и въ земледѣліи, и оно уже сдѣлало это во многихъ случаяхъ. Вытѣсненію лошади изъ области передвиженія содѣйствуютъ и другіе успѣхи техники. Рядомъ съ электрическими желѣзными дорогами, электрическими дрозками и электрическими омнибусами возникаютъ механическіе экипажи другого рода, а распространеніе приводимаго въ движеніе человекомъ велосипеда дѣлаетъ успѣхи, стремительность которыхъ служитъ неисчерпаемымъ источникомъ матеріала не только для юмористическихъ листковъ и для моральнаго негодованія филистеровъ, но и жирныхъ барышей для велосипедныхъ фабрикантовъ и торговцевъ.

Дѣйствіе всего этого ясно: спросъ на лошадей долженъ пасть, коневодство должно сдѣлаться неприбыльнымъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ электрическія желѣзныя дороги въ значительно бѣльшей степени, чѣмъ въ Европѣ, вытѣснили уже конныя дороги, это уже имѣетъ мѣсто. Одинъ англійскій сельскій хозяинъ, знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ по собственнымъ наблюденіямъ, пишетъ объ этомъ: «Въ послѣднее время слышно много жалобъ на торговлю лошадьми. Именно коневодство въ Америкѣ показалось мнѣ особенно бездоходнымъ; коннозаводчики говорили мнѣ, что они часто совсѣмъ не въ состояніи сбывать взрощенныхъ ими лошадей за отсутствіемъ покупателей; предложеніе больше спроса. Меня это обстоятельство не удивляетъ, ибо каждый маленькій городъ въ Америкѣ имѣетъ теперь дорогу съ электрической или канатной тягой на мѣсто конно-желѣзной дороги. Практическій американецъ давно уже открылъ, что электричество дешевле, чѣмъ дорого стоящее содержаніе лошадей; я часто поражаюсь распространеніемъ электричества даже въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ». (König, «Die Lage der englischen Landwirthschaft», 408).

Дѣйствительно, число лошадей въ сѣверной Америкѣ уменьшается—несмотря на расширеніе земледѣлія, увеличеніе ея

населенія, ростъ ея городовъ. Еще сильнѣе, чѣмъ число лошадей, упала ихъ цѣна. Въ Соединенныхъ Штатахъ лошадей считалось:

Годъ.	Число.	Стоимость въ долларахъ.
1892	15.498.140	1.007.593.636
1893	16.206.802	992.225.185
1894	16.081.139	769.224.799
1895	15.893.318	576.730.580
1896	15.124.057	500.140.186
1897	14.364.667	452.649.392

Цѣнность наличнаго количества лошадей въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящій моментъ составляетъ такимъ образомъ меньше половины цѣнности ихъ въ 1892 году.

Рука объ руку съ уменьшеніемъ спроса на лошадей въ Соединенныхъ Штатахъ идетъ ростъ ихъ вывоза. Онъ составлялъ:

	1892.	1896.
Всего	3.226 головъ.	25.126 головъ.
Въ Англію	467 »	12.022 »
» Германію	28 »	3.686 »

Такъ говоритъ официальная американская статистика («Yearbook of the United States, Department of Agriculture, 574, 580»). Статистическій ежегодникъ Германской Имперіи приводитъ, что изъ Соединенныхъ Штатовъ было ввезено въ Германію въ 1890 году 19, въ 1896—4285, въ 1897—5918 лошадей. Ввозъ изъ Америки за послѣдніе годы значительно превысилъ ввозъ изъ Англіи, поднявшійся за 1890—97 съ 1070 до 2719 головъ.

Однако, одновременно съ этимъ техническій прогрессъ въ путяхъ сообщенія въ самой Европѣ долженъ повести на первыхъ порахъ къ ограниченію увеличенія числа лошадей, а затѣмъ и къ уменьшенію послѣдняго. Этимъ на первомъ планѣ будутъ затронуты коннозаводчики, по большей части крупные сельскіе хозяева; но и для крупныхъ крестьянъ разведеніе лошадей остается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ важнымъ источникомъ доходовъ. Напротивъ, *мелкіе* сельскіе хозяева прямо не затрогиваются перепроизводствомъ лошадей; имѣютъ преимущество передъ крупными, понятно, не въ силу ихъ технического превосходства. Но косвеннымъ образомъ и они затрогиваются ограниченіемъ разведенія лошадей, ибо послѣднее съ естественной необходимостью влечетъ за собой ограниченіе производства корма. Велосипеды, электрическія желѣзныя до-

роги, механическіе экипажи, электрическіе плуги не потребляютъ ни овса, ни сѣна. Между тѣмъ овесъ среди главныхъ хлѣбныхъ злаковъ меньше всего страдалъ до сихъ поръ отъ за-океанской конкуренціи. Въ Великобританіи площадь посѣва въ акрахъ составляла:

	1867—1872.	1878—1882.	1895.
Подъ пшеницей . . .	3.563.000	2.965.000	1.417.000
» ячменемъ . . .	2.289.000	2.460.000	2.166.000
» овсомъ . . .	2.746.000	2.777.000	3.296.000

Въ 1896 году площадь посѣва подъ овсомъ нѣсколько уменьшилась. Она составляла только 3.095.000 акровъ. Есть-ли это уменьшеніе проходящее явленіе или составляетъ уже начало прогрессирующаго паденія разведенія овса, этого пока еще нельзя рѣшить. Во всякомъ случаѣ раньше или позже мы должны ожидать подобнаго результата. Что падится иностранной конкуренціей, то встрѣчаетъ угрозу со стороны промышленнаго развитія собственной страны.

Превращеніе сельскаго хозяйства въ индустріальное производство еще только начинается. Смѣлые пророки, именно одаренные фантазіей химики, грезятъ уже о томъ времени, когда изъ камня будутъ дѣлать хлѣбъ, когда вся масса пищевыхъ веществъ будетъ производиться на химическихъ фабрикахъ. Съ подобной музыкой будущаго намъ здѣсь, понятно, не приходится считаться. Но одно несомнѣнно. Въ цѣломъ рядѣ областей сельско-хозяйственное производство превратилось въ индустріальное, другой рядъ превращеній предстоитъ въ предвидимомъ будущемъ; ни одна область сельско-хозяйственной дѣятельности не свободна вполне отъ этого. И каждый прогрессъ въ этомъ направленіи долженъ повести къ ускоренію вытѣсненія сельскихъ хозяевъ, къ усиленію ихъ зависимости отъ индустрии, къ уменьшенію обезпеченности ихъ существованія. Изъ этого далеко еще нельзя заключать о гибели земледѣлія. Но его консервативный характеръ безвозвратно погибъ тамъ, гдѣ современный способъ производства сталъ твердой ногой. Закоснѣлость въ старинѣ грозитъ сельскому хозяину вѣрной гибелью; онъ непрерывно долженъ слѣдовать за развитіемъ техники, долженъ непрерывно приспосабливать свое производство къ новымъ отношеніямъ. Нѣтъ для него возможности отдыха на разъ достигнутой ступени. Когда сельскому хозяину кажется, что онъ одолѣлъ одного врага, на встрѣчу ему вы-

ходить другой. И въ деревнѣ вся экономическая жизнь, столь однообразно двигавшаяся до сихъ поръ вѣчно въ одной и той-же колеѣ, попадаетъ въ состояніе непрерывнаго революціонизированія, этого характеристическаго признака капиталистическаго способа производства.

Этотъ вѣчный водоворотъ ввергаетъ въ пропасть всѣхъ, кому не выпало на долю изъ ряду вонъ выходящее счастье, кто не отличается крайней неразборчивостью въ средствахъ необычайной дѣловой интеллигентностью или экстраординарными денежными средствами.

Такимъ образомъ революціонизированіе сельскаго хозяйства, такъ сказать, освящаетъ (inaugurirt) ихъ травлю, которая безжалостно гонитъ ихъ впередъ, пока, выбившись изъ силъ, они не упадутъ—за исключеніемъ нѣсколькихъ неотесанныхъ болвановъ, баловней судьбы (brutal Glückspilze), которымъ удается по стопамъ павшихъ подняться въ ряды травящихъ, крупныхъ капиталистовъ.

Взглядъ на будущее

а) Двигательныя силы развитія.

Буржуазная экономія при изслѣдованіи хода развитія сельскаго хозяйства видитъ центр тяжести вопроса въ отношеніи между крупнымъ и мелкимъ производствомъ по площади земли. И такъ какъ это отношеніе между площадями измѣняется сравнительно медленно, то она приписываетъ земледѣлю, въ противоположность промышленности, консервативный характеръ.

Напротивъ, другое возрѣніе, популярное въ кругахъ коллективистовъ, видитъ революціонизирующій элементъ сельскаго хозяйства въ ростовщичествѣ, въ задолженности, лишającychъ крестьянина его собственности и выгоняющихъ его изъ двора и дома.

Насколько невѣрно первое мнѣніе, это, полагаемъ, мы достаточно показали. Но и со вторымъ мнѣніемъ мы не можемъ безусловно согласиться.

Задолженность крестьянина, какъ извѣстно, не является особенностью, свойственной капиталистическому способу произ-

водства. Она такъ-же стара, какъ и товарное производство, и играла большую роль уже въ тотъ періодъ Греціи и Рима, когда ихъ исторія переходитъ изъ легендарной стадіи въ исторически достовѣрную. Самъ по себѣ ростовщическій капиталъ можетъ только сдѣлать крестьянство недовольнымъ и мятежнымъ, но онъ не образуетъ двигательной силы развитія къ высшему способу производства. Только тогда, когда вырастаетъ капиталистическое производство, когда развивается конкурренціонная борьба между крупнымъ и мелкимъ производствомъ, и обладаніе большимъ количествомъ денегъ дѣлаетъ возможнымъ болѣе выгодное производство на высшей ступени развитія,—только тогда ростовщичество превращается въ кредитъ, значительно поднимающій силу дѣйствія капитала и ускоряющій экономическое развитіе. Но и въ такомъ случаѣ это больше относится къ индустріи, чѣмъ къ сельскому хозяйству. Въ послѣднемъ кредитъ въ значительной степени сохраняетъ характеръ до-капиталистической эпохи. Задолженность землевладѣнія и теперь только въ незначительной степени опредѣляется потребностью въ расширеніи и улучшеніи производства; въ гораздо большей степени она является продуктомъ нужды и переходовъ владѣній—продажи и наслѣдованія; какъ таковая, она не только не способствуетъ экономическому развитію сельскаго хозяйства, а задерживаетъ его, отнимая средства для прогресса; она не только лишена какихъ-либо задатковъ или элементовъ здоровой эволюціи, но прямо консервативна; она—не средство поднятія крестьянскаго производства въ высшій способъ производства, напротивъ, она—средство, удерживающее это производство на ступени его теперешняго несовершенства.

Если задолженность земли по отношенію къ способу производства является болѣе консервативнымъ, чѣмъ революціоннымъ элементомъ, то часто она является таковымъ и въ смыслѣ отношеній собственности. Во всякомъ случаѣ, гдѣ условія крестьянскаго землевладѣнія являются тормазомъ на пути къ развитію новаго способа производства, тамъ задолженность собственниковъ можетъ сдѣлаться средствомъ къ ускоренію экспроприаціи. Это имѣло мѣсто въ древнемъ Римѣ, когда изобиліе военноплѣнныхъ рабовъ способствовало развитію хозяйства плантаторовъ; это имѣло мѣсто въ Англии эпохи реформаціи, когда подъемъ торговли шерстью повелъ къ расширенію

пастбищъ для овецъ. Но что задолженность была только однимъ изъ рычаговъ экспроприаціи, а не движущей силой ея, мы видимъ уже изъ того, что напр. ко времени реформаціи въ юж. Германіи жалобы на задолженность крестьянства раздавались еще громче, чѣмъ въ Англии, тѣмъ не менѣе она не повела тутъ къ замѣтной экспроприаціи крестьянства. Личности владѣльцевъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ перемѣнились, сами дворы остались. Ростовщичество повело здѣсь къ крайней степени эксплоатаціи, но не къ уменьшенію численности крестьянства.

Переворотъ въ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ производства, послѣдовавшій за французской революціей и ея отраженіями въ другихъ странахъ, не давалъ возможности ростовщическому капиталу произвести сколько-нибудь существенныя измѣненія въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Онъ способствовалъ лишь проявленію тенденціи къ крупному производству и раздробленію хозяйствъ. Задолженность крестьянства облегчала крупнымъ землевладѣльцамъ округленіе ихъ имѣній и расширеніе ихъ лѣсовъ. Съ другой стороны, возрастающій спросъ растущаго сельскаго населенія на жилища и на земельные участки повелъ къ раздѣлу имѣній, къ парцелляціи задолженныхъ крестьянскихъ дворовъ,—процессъ, который систематически осуществляютъ многіе ростовщики. Оба процесса еще продолжаются, но, съ тѣхъ поръ какъ за-океанская конкуренція дѣлаетъ земледѣліе неприбыльнымъ, съ тѣхъ поръ какъ приростъ земледѣльческаго населенія пріостановился, часто даже перешелъ въ убыль, эти процессы сильно замедлились. Земельная рента и цѣны на имѣнія болѣе не растутъ, если не говорить объ особо благоприятномъ расположеніи, напр. вблизи городовъ или фабрикъ; онѣ стали падать и угрожаютъ упасть еще больше. Чѣмъ далѣе подвигается это явленіе, тѣмъ болѣе уменьшается интересъ капиталистовъ-ростовщиковъ въ экспроприаціи задолженныхъ крестьянъ. Продажа съ публичныхъ торговъ грозитъ имъ не только потерей ихъ процентовъ, но даже потерей части капитала. Въмѣсто того чтобы ускорять, они стараются отдалить ее путемъ отсрочки платежа процентовъ, часто путемъ выдачи новыхъ ссудъ, подобно тому какъ въ Англии даже самые жадные и жестокосердные лендлорды вынуждены были аграрнымъ кризисомъ къ отсрочкѣ недоимочной арендной платы, къ пониженію ея на будущее время, къ меліорациямъ, предпринимаемымъ на собственный счетъ.

Такъ напр. землевладѣлецъ Винкельманъ изъ Вестфалии въ анкетѣ союза соціальной политики о положеніи крестьянства сообщаетъ: «При той цѣпкости, съ которой здѣшній крестьянинъ держится за свой наслѣдственный участокъ, многіе ростовщики находятъ предпочтительнѣе для себя принуждать сельскаго хозяина работать на себя и отнимать у него все вырабатываемое имъ, кромѣ необходимаго для нищенскаго существованія, чѣмъ пускаться на сомнительную продажу съ аукціона задолженныхъ участковъ. Во многихъ нашихъ бѣднѣйшихъ горныхъ округахъ къ тому-же уже нѣтъ покупателей», (II т. 11).

Задолженность крестьянства, являющаяся главнымъ образомъ препятствіемъ къ революціонизированію отношеній производства въ деревнѣ, не всегда означаетъ также революціонизированіе отношеній собственности. Именно аграрный кризисъ въ настоящій моментъ отводитъ на задній планъ ея революціонныя тенденціи также и въ послѣднемъ отношеніи, но каждое новое измѣненіе производственныхъ отношеній найдетъ въ задолженности землевладѣнія рычагъ, который облегчитъ ему приспособленіе отношеній собственности къ условіямъ производства. Но гдѣ намъ искать движущій моментъ, дѣлающій необходимымъ это измѣненіе въ способѣ производства? Послѣ вышеизложеннаго отвѣтъ не представляетъ затрудненій. *Индустрія* образуетъ движущій моментъ не только своего собственнаго развитія, но и развитія земледѣлія.

Мы видѣли, что именно городская индустрія разрушила единство промышленности и сельскаго хозяйства въ деревнѣ, такъ сказать, ихъ взаимную координацію, превративъ деревенскаго жителя въ односторонняго сельскаго хозяина, въ товаро-производителя, зависящаго отъ капризовъ рынка, что именно она создала условія для его пролетаризаціи.

Мы нашли далѣе, что сельское хозяйство феодальнаго времени попало въ кругъ, изъ котораго ему не выбраться бы собственными силами. Городская промышленность создала революціонныя силы, которыя вынуждены были и оказались въ состояніи разрушить феодальный режимъ, и этимъ открыли новыя стези не только промышленности, но и сельскому хозяйству. Именно промышленность создала затѣмъ техническія и научныя условія новаго, раціональнаго сельскаго хозяйства, революціонизировала его при помощи машинъ и искусственнаго

удобрения, микроскопа и химической лаборатории, и этим создала техническое превосходство капиталистического крупного производства над крестьянским мелким производством. Но рядом с этим качественным различием между крупным и мелким производством то же самое экономическое развитие создало еще другое различие: различие между хозяйствами, служащими только для собственного потребления, и такими, которые производят преимущественно или, по крайней мере, в значительной степени для рынка. Как те, так и другие попадают в зависимость от промышленности, но различными путями. Для первых возникает необходимость добывания денег путем продажи рабочей силы, путем наемного труда или домашних промыслов, благодаря чему мелкие сельские хозяйства все больше зависят от промышленности, все больше приближаются к положению промышленных пролетариев. Товаропроизводящие же хозяйства также в возрастающей степени видят себя вынужденными прибегнуть к подсобному промыслу. Конечно, техническому прогрессу присуща тенденция к уменьшению издержек производства, но эта тенденция в капиталистическом земледелии больше чем парализуется противоположными тенденциями, лежащими на него все большей тяжестью: рост земельной ренты, т. е. здесь аренды, там ипотечной задолженности, наследственное право, способствующее этой задолженности или дроблению участков, рост эксплуатации деревни городом, являющийся следствием милитаризма, налогов, абсентеизма и пр., истощение почвы, растущее понижение силы сопротивления вредным моментам у культурных животных и растений, наконец, возрастающее отвлечение сельских рабочих промышленностью, — все это факторы, которые своим соединенным действием, не смотря на технический прогресс, все больше повышают издержки производства в земледелии. Это ближайшим образом ведет к общему и непрерывному возвышению цен на жизненные припасы, но этим самым и к обострению противоречия между городом и деревней, между землевладением и массой потребителей.

Но то же самое промышленное развитие, которое создало эти отношения в земледелии, преобразует их еще далее путем расширения мирового обращения и вызывает к жизни за-океанскую конкуренцию жизненными припасами. Где земле-

владѣніе недостаточно сильно, тамъ промышленное развитіе обрушивается на него всей своей тяжестью, какъ въ Англіи, но именно этимъ оно уменьшаетъ противоположность между землевладѣніемъ и массой потребителей. Гдѣ землевладѣніе можетъ заставить себѣ служить государственную власть, тамъ оно пытается искусственнымъ возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы снова поднять цѣны до высоты старыхъ издержекъ производства, что, однако, при современномъ міровомъ обращеніи и международной конкуренціи ему нигдѣ не удастся и не можетъ удасться въ достаточной степени, и ведетъ только къ еще большому обостренію противоположности между землевладѣніемъ и массой потребителей, именно пролетаріатомъ, противоположности, уже и безъ того достигшей высокой степени напряженія. Но вмѣстѣ съ землевладѣніемъ страдаетъ и сельское хозяйство, прежде всего, конечно, тамъ, гдѣ сельскій хозяинъ является и номинальнымъ землевладѣльцемъ; оно хватается за различные способы производства, чтобы приспособить производство къ новымъ отношеніямъ; здѣсь оно возвращается къ экстенсивному пастбищному хозяйству, тамъ оно доходитъ до интенсивнѣйшаго огороднаго хозяйства, но, въ концѣ концовъ, оно находитъ самымъ раціональнымъ—соединеніе промышленности и сельскаго хозяйства.

Такъ современный способъ производства, по крайней мѣрѣ въ двухъ своихъ формахъ,—промыслового наемнаго труда мелкаго крестьянина и сельско-хозяйственной индустрии болѣе крупнаго сельскаго хозяина—въ концѣ своего діалектическаго процесса снова возвращается къ своему исходному пункту: *къ уничтоженію отдѣленія промышленности отъ сельскаго хозяйства*. Но если въ примитивномъ крестьянскомъ хозяйствѣ земледѣліе было экономически рѣшающимъ и направляющимъ моментомъ, то теперь отношеніе измѣнилось. Капиталистическое крупное производство правитъ, а земледѣліе должно слушаться его приказовъ, должно приспособляться къ его потребностямъ. Направленіе промышленнаго развитія становится опредѣляющимъ для сельскохозяйственнаго развитія. Если первое направляется къ обобществленію, то къ нему должно направляться и послѣднее. Но въ мѣстностяхъ, которыя остаются чисто земледѣльческими, которыя, благодаря замкнутости ихъ областей или ихъ жителей, остаются недоступными для проникновенія промышленности, тамъ населеніе уменьшается въ числѣ, силѣ, интеллигентности,

благосостояніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ истощается почва, гибнетъ сельское хозяйство. Чистое земледѣліе въ капиталистическомъ обществѣ перестаетъ быть элементомъ благосостоянія. А вмѣстѣ съ этимъ для крестьянства прекращается возможность снова вернуть свое благосостояніе. Подобно земледѣльческому населенію феодальной эпохи, и эти элементы попадаютъ въ тупикъ, изъ котораго имъ не выбраться по собственному почину, въ которомъ они все болѣе тѣснятся, полные страха и отчаянія. Какъ въ концѣ 18 столѣтія, такъ и на этотъ разъ населеніе городовъ должно дѣятельно стремиться къ перевороту въ условіяхъ своего существованія, долженствующему принести имъ освобожденіе отъ тяготящаго надъ ними ярма, и открыть имъ путь къ дальнѣйшему развитію.

Сильно мѣшая въ деревнѣ образованію условій для развитія такого же энергичнаго, борющагося класса, капиталистическій способъ производства способствуетъ этому въ городахъ. Онъ концентрируетъ въ нихъ рабочія массы, создаетъ тамъ благопріятныя условія для ихъ объединенія, ихъ умственного развитія, ихъ классовой борьбы. Онъ отвлекаетъ населеніе изъ деревень, разсѣиваетъ сельскихъ рабочихъ по обширному пространству, изолируетъ ихъ, отнимаетъ у нихъ средства къ умственному развитію и къ сопротивленію эксплуататорамъ. Въ городахъ онъ концентрируетъ капиталы все въ меньшемъ числѣ рукъ и этимъ прямо стремится къ экспроприаціи экспроприаторовъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ только отчасти ведетъ къ концентраціи производства, съ другой стороны онъ ведетъ напротивъ, къ его раздробленію. Въ своемъ прогрессѣ капиталистическій способъ производства во всѣхъ странахъ рано или поздно превращаетъ промышленность въ экспортную промышленность, не довольствующуюся внутреннимъ рынкомъ, а производящую для міроваго рынка. Въ той же мѣрѣ онъ низводитъ земледѣліе на степень производства, не могущаго обезпечить себѣ даже внутренняго рынка, значеніе котораго рядомъ съ мировымъ производствомъ все болѣе падаетъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе капиталистическія формы собственности и капиталистическіе интересы приходятъ въ противорѣчіе съ потребностями сельскаго хозяйства, чѣмъ большей тяжестью они ложатся на послѣднее, даже подавляютъ его, чѣмъ настоятельнѣй для сельскаго хозяйства становятся разрушеніе капиталистическихъ формъ, низверженіе капиталисти-

ческих интересовъ, тѣмъ менѣе оказывается оно въ состояніи развить изъ себя самого необходимыя силы и зародыши организаціи, тѣмъ болѣе оно нуждается въ двигательномъ толчкѣ со стороны передовыхъ силъ промышленности.

И этотъ двигательный толчекъ явится. Промышленный пролетаріатъ не можетъ выполнить своей исторической миссіи, не освободивъ вмѣстѣ съ собой сельско-хозяйственнаго населенія.

Общество людей есть организмъ, не животный и не растительный, а своеобразный организмъ, но все таки организмъ, а не простой агрегатъ индивидуумовъ, и въ качествѣ организма, оно должно быть организовано по единому плану. Абсурдно думать, что въ обществѣ одна часть можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая, столь же важная, въ противоположномъ. Оно можетъ развиваться только въ *одномъ* направленіи. Но не необходимо, чтобы каждая часть организма произвела изъ себя самой необходимую для ея развитія двигательную силу; достаточно, если одна часть организма производитъ требуемыя силы для цѣлаго. Если развитіе крупной промышленности идетъ въ направленіи къ обобществленію, и если эта промышленность является господствующей силой въ современномъ обществѣ, то она завоюетъ для процесса обобществленія и приспособитъ къ своимъ потребностямъ тѣ области, которыя неспособны произвести изъ себя самихъ предварительныя условія этого переворота. Она должна это сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ единства, гармоніи общества.

Нельзя было сдѣлать худшаго прогноза современнаго общества, чѣмъ тѣ буржуазные экономисты, которые съ триумфомъ заявляютъ: «пусть дорога промышленности ведетъ къ коллективизму, дорога сельскаго хозяйства ведетъ къ индивидуализму». Если бы это было вѣрно, и если-бы сельское хозяйство оказалось достаточно сильнымъ, чтобы отразить отъ себя коллективизмъ, не будучи въ то же время въ силахъ навязать промышленности «индивидуализмъ», то это означало-бы не спасеніе, а гибель общества, непрерывную гражданскую войну (*Bürgerkrieg in Permanenz*); къ счастью для человѣческаго общества, этотъ послѣдній спасительный якорь капиталистической эксплуатаціи не находитъ почвы, гдѣ-бы онъ могъ укрѣпиться.

б) *Элементы обобществленнаго земледѣлія.*

Мы исходили изъ того положенія, что развитіе современной промышленности необходимо и неизбѣжно ведетъ къ обобществленію производства. Чтобы доказать это, понадобилась-бы цѣлая книга; это сдѣлано уже въ капитальнѣйшихъ сочиненіяхъ экономической науки новѣйшаго времени, гдѣ теорія обобществленія труда поставлена на широкую научную основу, какъ мы это видимъ напр. въ «Капиталѣ». Здѣсь мы попытаемся только, по мѣрѣ возможности, въ болѣе конкретной формѣ очертить, какъ грядущее перераспредѣленіе реальныхъ силъ между отдѣльными общественными слоями, такъ и неизбѣжно связанное съ этимъ перераспредѣленіемъ обобществленіе промышленности, которое должно повліять на земледѣліе.

Крупное производство въ земледѣліи не имѣетъ такой же тенденціи къ господству, какъ въ промышленности. Но рѣшительно неправильно ожидать вытѣсненія крупнаго производства крестьянскимъ хозяйствомъ. Крупное и мелкое производство обусловливаютъ другъ друга въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ. Самостоятельное крестьянское хозяйство нельзя уже спасти; оно можетъ утвердиться, только опираясь на крупное хозяйство. Гдѣ имѣются вблизи крупныя промышленныя предприятия, дающія крестьянину занятіе, какъ наемному рабочему или какъ мнимо самостоятельному, работающему на капиталистовъ, хозяину, тамъ онъ дѣлается ихъ рабочь. Гдѣ таковыхъ нѣтъ, тамъ онъ нуждается въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, чтобы не опуститься на крайнюю степень нищеты. Конечно, крупное земледѣльческое хозяйство болѣе страдаетъ отъ бѣгства изъ деревни, чѣмъ мелкое хозяйство, но и крестьянская семья начинаетъ отъ этого распадаться, и въ ея распоряженіи нѣтъ средствъ хоть нѣсколько помочь недостатку въ рабочихъ рукахъ увеличеннымъ примѣненіемъ машинъ. И если аграрный кризисъ скорѣе экспроприруетъ неимѣющихъ достаточнаго капитала крупныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ крестьянъ, то все быстрѣе растущее накопленіе капиталовъ создаетъ достаточно капиталистовъ, умѣющихъ извлекать доходъ изъ соединенія сельско-хозяйственной эксплуатаціи съ промышленной, что для нихъ, само собой разумѣется, возможно только въ рамкахъ крупнаго, а не крестьянскаго хозяйства.

Какъ бы мало, поэтому, мы ни были вправѣ разсчитывать на быстрое поглощеніе мелкихъ хозяйствъ крупными въ сельскомъ хозяйствѣ, еще менѣе основаній намъ ожидать противоположнаго процесса. Въ дѣйствительности статистика показываетъ намъ только минимальныя измѣненія въ отношеніяхъ между отдѣльными по величинѣ категориями, измѣненія, часто объясняемые переменами въ способѣ производства, — большей интенсивностью производства, а не экономическимъ регрессомъ. Если въ Германіи доля хозяйствъ свыше 50 гектаровъ во всей сельско-хозяйственно эксплуатируемой площади понизилась за время отъ 1882 по 1895 годъ съ 33.00⁰/₀ до 32.56⁰/₀, т. е. менѣе чѣмъ на полъ процента, то во Франціи съ 1882 по 1898 годъ доля хозяйствъ, свыше 40 гектаровъ, во всей культурной площади поднялась съ 44.96⁰/₀ до 45.56⁰/₀, т. е. болѣе чѣмъ на полъ-процента.

Это — совершенно ничтожныя различія. Но здѣсь, какъ и тамъ, крупныя хозяйства занимаютъ очень значительную часть земли, почти $\frac{1}{3}$ здѣсь, почти $\frac{1}{2}$ тамъ. Но въ этихъ хозяйствахъ во Франціи въ 1882 году были заинтересованы только 142.000 (изъ 5.672.000 сельскихъ хозяевъ, т. е. 2.51⁰/₀), въ 1892 году даже только 139.000 (изъ 5.703.000, т. е. 2.42⁰/₀), въ Германіи въ 1882 году 66.614 (изъ 5.276.344 сельскихъ хозяевъ, т. е. 1.20⁰/₀), въ 1893 году 67.185 (изъ 5.558.317, т. е. 1.21⁰/₀). Что эти хозяйства перейдутъ въ общественную собственность, когда дальнѣйшее существованіе наемной системы сдѣлается невозможнымъ, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но благодаря только одному этому обществу получить въ свое распоряженіе отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ сельско-хозяйственной земли.

Громадная земельная площадь крупнаго сельскаго хозяйства, капиталистическій характеръ котораго все болѣе развивается, ростъ арендной системы и ипотекъ, индустриализація сельскаго хозяйства, — вотъ элементы, подготовляющіе почву для обобществленія сельско-хозяйственнаго производства, которое съ такой же неизбѣжностью вытекаетъ изъ грядущаго перераспределенія реальныхъ силъ между общественными слоями, какъ и обобществленіе индустриальнаго производства, съ которымъ оно все болѣе сливается въ одно гармоническое цѣлое.

Одновременно съ этими общественными элементами будущаго сельскаго хозяйства развиваются и его техническіе эле-

менты. Мы видѣли, какъ современная наука и современная техника овладѣваютъ сельскимъ хозяйствомъ и совершаютъ въ немъ переворотъ, и какъ современное крупное сельско-хозяйственное производство достигаетъ своей высшей точки въ капиталистическихъ латифундіяхъ, которыя мы подробно изобразили въ 7 главѣ. Но какъ совершенная техника англійскаго земледѣлія въ прошломъ столѣтіи могла процвѣтать только въ немногихъ имѣніяхъ, не подлежащихъ разрушительному гнету феодальной собственности, такъ и современная техника можетъ развиваться только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ. Нуженъ снова общественный катаклизмъ, чтобы сдѣлать ее всеобщей и удалить тѣ препятствія для развитія, которыя дѣлаютъ сельское хозяйство послѣ короткаго подъема хилымъ.

Побѣда передовыхъ элементовъ современной промышленности означаетъ уничтоженіе милитаризма и централизаціи большихъ городовъ. Обобщественленіе крупныхъ имѣній освободитъ послѣднія отъ путъ наследственнаго права и абсентеизма. Замѣна же наемнаго рабства трудомъ свободныхъ членовъ общины доставитъ и сельско-хозяйственному крупному производству тотъ элементъ расцвѣта, который для него всего важнѣе и отсутствіе котораго въ настоящее время больше всего мѣшаетъ его развитію: достаточно *интеллигентныхъ, добровольныхъ и старательныхъ рабочихъ силъ*. Бѣгство изъ деревни прекратится, какъ только рабочій найдетъ въ деревнѣ достаточно работы, которая доставитъ ему тоже благосостояніе, тѣже культурныя условія, какъ городская работа. Оно тѣмъ скорѣе прекратится, чѣмъ болѣе промышленность будетъ связана съ земледѣліемъ, и на мѣсто товарнаго производства и торговли, стремящихся къ экономической централизаціи въ большихъ городахъ, вступить производство обществомъ и для общества, дѣлающее возможнымъ равномерное размѣщеніе по всей странѣ мѣстъ производства и позволяющее положить конецъ убійственному скученію населенія въ большихъ городахъ. Соединеніе промышленности и сельскаго хозяйства, встрѣчающее въ промисловомъ наемномъ трудѣ мелкихъ крестьянъ и домашнихъ рабочихъ первую жалкую форму своего возрожденія, уже совершеннѣе выступающее въ промышленномъ подсобномъ промыслѣ земледѣльца, обрабатывающаго свое сырье, и достигающее теперь своей высшей точки въ современныхъ латифундіяхъ, сдѣлается тогда общимъ закономъ всего общественнаго производства.

Самостоятельное сельско-хозяйственное мелкое производство теряет свою послѣднюю опору. Мы познакомились съ тремя формами, на которыхъ оно основывается: на индустриальномъ подсобномъ промыслѣ, на наемномъ трудѣ въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, а гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, гдѣ мелкій крестьянинъ остается чистымъ земледѣльцемъ, гдѣ онъ выступаетъ противъ крупнаго производства не въ качествѣ наемнаго рабочаго, а въ качествѣ конкуррента, — на чрезмѣрномъ трудѣ и недостаточномъ потребленіи, на *варварствѣ*, по выраженію Маркса. Благодаря переходу капиталистическихъ хозяйствъ въ общественную собственность, и мелкія земледѣльческія хозяйства какъ перваго, такъ и втораго рода попадутъ въ зависимость отъ общественнаго производства, поглотятся послѣднимъ или превратятся въ его придатки.

Но тогда самостоятельныя, чисто земледѣльческія мелкія хозяйства, потеряютъ всякую притягательную силу для ихъ собственниковъ. Уже теперь положеніе городского пролетаріата настолько выше мелкаго крестьянскаго варварства, что молодое крестьянское поколѣніе такъ же сильно охватывается бѣгствомъ изъ деревни, какъ и сельско-хозяйственные наемные рабочіе. Когда ихъ кольцомъ охватятъ общественныя латифундіи, ведущіяся уже не жалкими наемными рабочими, а зажиточными товариществами свободныхъ, добрыхъ людей, тогда на мѣсто бѣгства съ парцелль въ городъ начнетъ еще гораздо болѣе стремительное бѣгство съ парцелль въ общественныя крупныя хозяйства, и варварство будетъ изгнано изъ своихъ послѣднихъ убѣжищъ, въ которыхъ оно распространено нынѣ въ центрѣ цивилизаціи.

Не экспроприацію принесетъ обобщественное крупное производство мелкому крестьянину, а освобожденіе изъ ада, къ которому приковываютъ его нынѣ формы частнаго землевладѣнія.

Общественное развитіе въ земледѣліи идетъ въ томъ же направленіи, какъ и въ индустріи. Общественныя потребности, какъ и общественныя условія тутъ и тамъ толкаютъ къ общественному крупному производству, высшая форма котораго объединяетъ земледѣліе и промышленность въ одно прочное единство.

ПРИЛОЖЕНИЕ *).

I. Крестьянинъ и пролетарій.

Нельзя отрицать, что жизненный уровень крестьянина мѣстами сравнялся съ положеніемъ пролетарія, а мѣстами даже опустился ниже послѣдняго. Но этимъ еще никоимъ образомъ не сказано, что его классовые интересы стали отъ этого пролетаріатскими.

Характерной чертой современнаго пролетаріата ни въ коемъ случаѣ не является его нищета. Бѣдные существуютъ, хотя и не споконъ вѣковъ, но уже много тысячелѣтій, между тѣмъ современное общественное движеніе есть специфическій продуктъ нынѣшняго столѣтія, есть продуктъ пролетаріата, какого до тѣхъ поръ свѣтъ не видалъ, по крайней мѣрѣ въ качествѣ массоваго явленія.

Отличительнымъ признакомъ современнаго пролетаріата является важная роль, которую онъ играетъ въ современномъ процессѣ производства. На немъ зиждется господствующій нынѣ капиталистическій способъ производства. Этимъ онъ, какъ небо отъ земли, отличается отъ пролетаріевъ-паразитовъ (*Lumpenproletariat*) стараго и новаго времени.

Но онъ также ни въ коемъ случаѣ не такъ абсолютно лишенъ собственности, какъ тотъ. У того нѣтъ ничего, но что онъ ощущаетъ живѣе всего—это недостатокъ въ жизненныхъ и пищевыхъ средствахъ. Отсутствие средствъ производства меньше его беспокоитъ. Изъ сферы производства онъ, правда, исключенъ, и часто у него нѣтъ никакихъ притязаній на участіе въ немъ. Но если онъ не хочетъ работать, то онъ все-таки хочетъ жить; а жить онъ можетъ только подъ условіемъ, чтобы имущіе дѣлились съ нимъ предметами потребленія. Насколько, поэтому, *Lumpenproletariat* задается общественными стремленіями, его идеаломъ является коммунизмъ не на средства производства, а на предметы потребленія, не коммунизмъ *единенія*, а коммунизмъ *дѣленія*, цѣль, которая на дѣлѣ ведетъ къ хищничеству тамъ, гдѣ социальныя отношенія дозволяютъ насиліе, къ нищенству тамъ, гдѣ насилія не возможны.

Напротивъ, то отсутствіе собственности, которое служитъ отличительнымъ признакомъ современнаго наемнаго пролетарія, есть только отсутствіе

*) Настоящее приложение представляетъ собой переводъ нѣкоторыхъ частей главъ изъ второй части сочиненія Каутскаго. Мы не сочли необходимымъ дать въ настоящее время нашимъ читателямъ полнаго перевода этой части въ виду слишкомъ спеціальнаго интереса ея и извлекли только то, что представляетъ общій интересъ для русскаго читателя, характеризуя общія воззрѣнія автора на вопросы аграрной политики. Желаящимъ детально ознакомиться со взглядами автора, рекомендуемъ обратиться непосредственно къ оригиналу.

у него *средствъ производства*. Недостатокъ въ предметахъ потребления *можетъ*, но не *долженъ* съ нимъ быть связаннымъ. До тѣхъ поръ, пока современный наемный рабочій не является владѣльцемъ своихъ средствъ производства, онъ остается пролетаріемъ, какъ бы ни было удовлетворительно его положеніе, какъ *потребитель*; какъ таковой, онъ можетъ даже превратиться во владѣльца и пріобрѣтать въ собственность предметы роскоши, мебель, даже домикъ для жилья.. Борьба, которую онъ ведетъ, является продуктомъ не его нищеты, а антагонизма между нимъ и владѣльцемъ его средствъ производства. Не устраненіе нищеты, если бы даже оно было возможно, но только уничтоженіе этой противоположности возстановитъ соціальный мирь...

Здѣсь мы наталкиваемся на дальнѣйшую характерную черту современнаго наемнаго пролетарія. Онъ-рабочій не индивидуалистическихъ, а общественныхъ средствъ производства, средствъ производства въ объемѣ, при которомъ не единичный рабочій, а только совокупность многихъ рабочихъ можетъ примѣнить ихъ. Возможны два вида владѣнія этими средствами производства: владѣніе однимъ лицомъ, по необходимости эксплуатирующимъ тогда рабочихъ, занятыхъ при его средствахъ производства—это капиталистическая форма собственности, или кооперативное владѣніе. Но подъ господствомъ частной собственности на средства производства кооперативное владѣніе ими никогда не можетъ стать общей формой ея; всѣ попытки въ этомъ направленіи, насколько онѣ удаются, всегда принимаютъ рано или поздно капиталистическій характеръ. Только въ формѣ общественной собственности на средства производства общественное владѣніе ими можетъ стать всеобщимъ...

Наконецъ, мы должны упомянуть еще и о четвертой характерной чертѣ современнаго наемнаго пролетарія, на которую мы указывали уже въ этомъ сочиненіи: его разобщеніе съ домомъ предпринимателя. Наемные рабочіе прежнихъ временъ обыкновенно, входя въ домъ работодателя, принадлежали къ его семейству, не только какъ рабочіе, но и какъ люди; они во всѣхъ своихъ поступкахъ были въ зависимости отъ него даже и внѣ работы. Современный наемный пролетарій внѣ работы принадлежитъ самому себѣ. Онъ является тѣмъ болѣе свободнымъ человѣкомъ, чѣмъ болѣе онъ выступаетъ какъ равный противъ капиталиста, чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства и исчезаютъ остатки феодализма.

Вотъ факторы, которые сдѣлали современный пролетаріатъ мощнымъ импульсомъ соціального движенія.

У крестьянина ни въ коемъ случаѣ нельзя найти всѣхъ этихъ характерныхъ чертъ. Указываютъ на ипотечнаго кредитора, который де является фактическимъ собственникомъ его имѣнія. Но послѣдній, какъ мы показали, фактически стоитъ къ нему не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, а въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю. Благодаря своимъ ипотекамъ, крестьянинъ такъ-же мало становится пролетаріемъ, какъ мало фабрикантъ становится наемнымъ рабочимъ по той причинѣ, что онъ свое предпріятіе ведетъ въ нанятомъ, а не въ собственномъ домѣ. Крестьянинъ все-таки остается собственникомъ средствъ производства, собственникомъ орудій труда, своего скота, словомъ, своего инвентаря. Конечно, и инвентарь можетъ быть заложенъ, но при всемъ томъ онъ выполняетъ функціи предпринимателя и остается, поэтому, въ качествѣ таковаго въ антагонизмѣ къ пролетаріату, такъ-же какъ фабрикантъ, который ведетъ произ-

водство только съ занятымъ капиталомъ и которому не принадлежитъ ничего изъ его средствъ производства, все-таки функционируетъ, какъ индустриальный капиталистъ, и какъ таковой враждебно противостоитъ пролетариату.

Рѣзче всего этотъ контрастъ долженъ обнаружиться у тѣхъ крестьянъ, которые эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ, а именно у *крупныхъ крестьянъ*...

Между рѣзкимъ, чѣмъ между крупными крестьянами и пролетаріями, является контрастъ между этими послѣдними и средними крестьянами, которые не держатъ наемныхъ рабочихъ или по крайней мѣрѣ держатъ лишь незначительное число ихъ, и которые ведутъ свое хозяйство рабочими силами собственной семьи, но все-же живутъ производствомъ для рынка жизненныхъ средствъ. Здѣсь, конечно, отпадаетъ антагонизмъ между эксплуататорами и эксплуатируемыми, но остается тотъ антагонизмъ, который существуетъ между наемнымъ пролетариатомъ и всѣми производителями на рынокъ жизненныхъ средствъ: антагонизмъ между покупателями и продавцами.

Не смотря на это, открыли гармонію интересовъ между обоими классами: указываютъ на то, что рабочей является наилучшимъ покупателемъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ—чѣмъ выше его заработная плата, тѣмъ болѣе онъ можетъ тратить. Итакъ повышеніе заработной платы всецѣло въ интересахъ крестьянъ, ихъ интересы тождественны съ интересами пролетариата.

Подобные аргументы не новы, ими пользовались не разъ, чтобы открывать гармонію интересовъ. Дружелюбцы рабочихъ уговаривали фабрикантовъ, чтобы они повысили плату: это де является наилучшимъ средствомъ для расширенія внутренняго рынка и для предупрежденія заминокъ въ сбытѣ. Въ свою очередь, съ другой стороны, излагали рабочимъ, какъ съ ихъ стороны глупо вынуждать фабрикантовъ къ повышенію платы. Отъ этого поднялись бы цѣны на жизненные средства, такъ-что рабочіе потеряли бы съ одной стороны то, что они выиграли съ другой стороны, или уменьшилась бы прибыль. Но чѣмъ выше прибыль, тѣмъ болѣе накапливается капиталъ, тѣмъ быстрѣе растетъ спросъ на трудъ, это могущественнѣйшее средство для повышенія платы. Итакъ рабочіе имѣютъ важныя причины избѣгать всего, что могло бы вести къ уменьшенію прибыли, какъ, напр., стачекъ и т. д. Они столь-же заинтересованы въ увеличеніи прибыли, какъ и фабриканты, интересы обоихъ тождественны.

Эти аргументы вѣрны постольку, по скольку и капиталистическое общество, подобно всякому другому, является единымъ организмомъ, въ которомъ каждое поврежденіе одной части не проходитъ безслѣдно для другихъ частей.

Это обстоятельство, однако, не уничтожаетъ антагонизма классовъ... Противорѣчіе между гармоніей интересовъ различныхъ классовъ съ одной стороны (а наличности таковой въ извѣстныхъ предѣлахъ отрицать не возможно), и между болѣе рѣшительнымъ антагонизмомъ классовыхъ интересовъ съ другой—доказываетъ только, какимъ несовершеннымъ организмомъ является капиталистическое общество, какъ много силъ и средствъ оно должно тратить, чтобы выполнять свои задачи.

Что опредѣляетъ взаимное положеніе классовъ другъ къ другу, и что служитъ движущей пружиной капиталистическаго общества, это не (или по крайней мѣрѣ лишь въ малой степени) косвенная гармонія ихъ интересовъ, а прямой антагонизмъ классовъ.

То же самое и въ отношеніи покупателя къ продавцу жизненныхъ средствъ. Антагонизмъ между ними слишкомъ прямой, чтобы онъ могъ быть изглаженъ болѣе отдаленнымъ интересомъ продавца въ покупательной силѣ покупателя.

Сельскій хозяинъ хочетъ продавать свои продукты какъ можно дороже, а рабочій хочетъ купить ихъ какъ можно дешевле. И какая польза для того отъ повышенія платы послѣдняго, когда оно ведетъ только къ росту потребленія маргарина, американскаго сала, австралійскаго мяса и разнаго рода консервовъ! Онъ думаетъ объ устраненіи рыночной конкуренціи, которая является столь желательной рабочему, и объ искусственномъ поднятіи цѣны на свои продукты.

Черезъ этотъ антагонизмъ интересовъ не можетъ проложить моста проповѣдь безъ сомнѣнія остроумно придуманной, но ни въ коемъ случаѣ не осязательной гармоніи интересовъ.

Не то обстоятельство, голодаеть ли сельскій хозяинъ, задолженъ-ли онъ, а то обстоятельство, является ли онъ на рынкѣ, какъ продавецъ своей рабочей силы или какъ продавецъ жизненныхъ средствъ, рѣшаетъ вопросъ... Голодъ и задолженность, сами по себѣ, не создаютъ еще общности интересовъ со всѣми трудящимися, они могутъ даже обострить антагонизмъ съ послѣдними, если голодъ можетъ быть утоленъ, если долги могутъ быть уплачены только при условіи, что цѣны на жизненные средства подымутся и для рабочихъ представится невозможнымъ пользоваться дешевыми жизненными средствами.

На ряду съ этимъ антагонизмомъ есть, безъ сомнѣнія, и интересы, общіе между крестьяниномъ и пролетаріемъ; съ ними мы еще познакомимся. Общность интересовъ можетъ оказаться иногда болѣе сильной, чѣмъ ихъ антагонизмъ, и привести къ союзу крестьянъ и пролетаріевъ. Но этотъ союзъ будетъ только политическимъ, маршировать они должны будутъ, обыкновенно, разъединенно, и сегодняшній союзникъ можетъ завтра стать противникомъ.

Но не долженъ ли оказаться губельнымъ для рабочей силы антагонизмъ между продавцами жизненныхъ средствъ и продавцами рабочей силы? Не слѣдуетъ ли опасаться, что при такихъ обстоятельствахъ повторится комедія 1848 года, и что въ одинъ прекрасный день окованный гвоздями сапогъ крестьянства и крестьянскихъ сыновей обратится противъ пролетаріата и раздавить его?

Присмотримся же попристальнѣе къ этому окованному гвоздями страшилищу. Возможно, что оно, какъ и многія другія пугала, потеряетъ свой ужасный обликъ, какъ только къ нему приблизятся.

Вызываются на свѣтъ воспоминанія 1848 г. Съ тѣхъ поръ протекло пятьдесятъ лѣтъ капиталистическаго господства. Неужели они остались безъ вліянія!

Тогда сельское населеніе въ Германіи составляло около $\frac{3}{4}$ *всего населенія*, теперь оно только немногимъ превышаетъ $\frac{1}{3}$, точнѣе составляетъ 35,7%, 18.500.000 изъ населенія въ 51.800.000. Еще въ 1882 г. оно было на 700.000 душъ многочисленнѣе, составляя $\frac{2}{3}$ слишкомъ, 42,51% населенія, 19.225.000 изъ 45.222.000.

Въ королевствѣ Саксоніи оно не составляетъ даже 14% (въ 1882 году еще 19%), въ округѣ Цвпкау только 10% (въ 1882 году еще 14%)

населенія. Въ Сѣверной Германіи оно сильнѣе всего въ Познани (58% противъ 64% въ 1882 г.), въ Южной Германіи—въ Нижней Баваріи, этой нѣмецкой Вандеѣ, единственномъ болѣе или менѣе обширномъ округѣ Германской Имперіи, въ которомъ съ 1882 г. оно процентно не уменьшилось или уменьшилось едва замѣтно. Оно составляло въ 1882 году 61,5, въ 1895 г.—61% всего населенія округа.

Многочисленнѣе сельское населеніе Франціи, но и тамъ за періодъ времени 1876—1891 оно понизилось съ 51,4 до 45,5% всего населенія. (См. стр. 253).

	Все населеніе.	Процентное отно- шеніе сельскаго населенія.
1876	36.906.000	51,4
1881	37.672.000	48,4
1886	38.219.000	46,6

Мы поспѣшными шагами идемъ на встрѣчу англійскимъ условіямъ, гдѣ въ 1890 году число занятыхъ въ земледѣліи лицъ составляло уже только 10% всего производительнаго населенія!

И въ *Соедин. Штатахъ* началось, если не абсолютное, то во всякомъ случаѣ относительное уменьшеніе производительнаго населенія въ земледѣліи; къ сожалѣнію только оно здѣсь сосчитывается вмѣстѣ съ занятыми въ рыболовствѣ и горнодѣліи. Если бы оно отмѣчалось отдѣльно, то это уменьшеніе, навѣрное, выступило-бы еще яснѣе. Оно составляло въ 1880 году 50,25% (7.405.000) всего производительнаго населенія, въ 1890 г. 44,28% (8.334.000). Въ сѣверныхъ атлантическихъ штатахъ оно въ 1890 г. составляло уже только 22,6% всего производительнаго населенія, въ южныхъ-же штатахъ—все еще 60%.

Но не все производительное населеніе въ земледѣліи состоитъ изъ продавцевъ *жизненныхъ средствъ*. На ряду съ ними мы находимъ и солидное число продавцевъ *рабочей силы*. Въ 1895 году въ Германской Имперіи въ земледѣліи считалось:

	Производи- тельное насе- леніе.	Членовъ се- мей и нахо- дящихся въ услуженіи.	ВСЕГО.
Самостоятельныхъ производителей .	2.576.725	6.900.096	9.476.821
Наемныхъ рабочихъ (слугъ, служа- нокъ, поденщиковъ, служащихъ и проч.)	5.715.967	3.308.519	9.024.486
Всего	8.292.692	10.208.615	18.501.307

Итакъ земледѣльческое населеніе, живущее наемнымъ трудомъ, столь-же многочисленно, какъ и самостоятельные производители съ ихъ семьями.

Но и эти самостоятельные производители не все живутъ исключительно продажей земледѣльческихъ продуктовъ. Изъ числа 2.530.539 само-

стоятельныхъ производителей собственно въ земледѣліи (исключая садоводство, лѣсное хозяйство и пр.) 504.165 имѣли подсобный промыселъ.

Не болѣе благоприятное для самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ отношеніе получится, если мы возьмемъ въ руководство не статистику промысловъ, а статистику производствъ. Тутъ мы найдемъ, что изъ числа 5.558.317 владѣльцевъ земледѣльческихъ хозяйствъ только 2.499.130 являются самостоятельными сельскими хозяевами; 717.037 изъ нихъ— несамостоятельные сельскіе хозяева,—остальные относятся къ другимъ промысламъ, въ томъ числѣ не менѣе 1.495.240—къ промышленности. Мы находимъ, такимъ образомъ, съ одной стороны—2¹/₂ мил. самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, которымъ противостоятъ почти 6 мил. земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ, съ другой стороны—наряду съ 2¹/₂ мил. самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ 3 мил. владѣльцевъ земледѣльческихъ хозяйствъ, главные интересы которыхъ сосредоточены не на земледѣліи. Крестьяне не составляютъ болѣе большинства въ деревнѣ и подъ ними стоитъ значительный слой сельскихъ рабочихъ, который не уступаетъ имъ по численности и интересы которыхъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ тождественны съ интересами промышленныхъ наемныхъ рабочихъ.

Конечно, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ самостоятельное крестьянство значительно многочисленнѣе, чѣмъ это показываютъ вышеприведенныя среднія данныя. Такъ на примѣръ изъ 20 германскихъ правительственныхъ округовъ съ самымъ значительнымъ средне-крестьянскимъ владѣніемъ (5—20 гектаровъ) на одну Баварію падаетъ 13. Въ то время какъ во всей Германской Имперіи изъ 100 гектаровъ эксплуатируемой для сельскаго хозяйства площади на средне-крестьянскія хозяйства падаютъ только 30, въ этихъ округахъ въ рукахъ среднихъ крестьянъ находится 60—70% общей площади. Безъ сомнѣнія, въ такихъ мѣстностяхъ окованный гвоздями мужицкій сапогъ можетъ еще при случаѣ чувствительно наступить на мозоли пролетаріата. Но далеко отъ того, чтобы крестьянство могло растоптать его ногами или хотя-бы серьезно повредить ему, разъ только онъ выступитъ, наконецъ, въ полной силѣ, объединенный однимъ знаменемъ. Онъ имѣетъ на своей сторонѣ, не только всѣ преимущества высшей интеллигентности, которой надѣляется городская жизнь, лучшей организаціи и обученности его силъ, экономического перевѣса индустріи надъ сельскимъ хозяйствомъ, но и нынѣ уже численный перевѣсъ.

Пролетаріатъ является уже сильнѣйшимъ классомъ въ Германской Имперіи. За исключеніемъ арміи, государственныхъ чиновниковъ и лицъ безъ опредѣленныхъ профессій, въ 1895 г. въ Германской Имперіи считалось 20.674.239 производительнаго населенія и служащихъ, изъ этого числа къ пролетаріату относилось:

Служащихъ	1.339.318
Наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, индустріи, торговлѣ	10.746.711
Домашней прислуги	432.491
Всего.	12.518.520

Изъ остающихся 8.155.719 производительнаго населенія еще многіе должны быть отнесены къ пролетаріату, какъ изъ числа 2 мил. работаю-

щихъ членовъ семей, такъ и изъ 600.000 служащихъ; наконецъ изъ 5.500.000 самостоятельныхъ не одинъ является только формально самостоятельнымъ, на дѣлѣ-же онъ—наемный рабочій капитала, какъ напр. въ домашней индустриіи.

Въ виду этихъ чиселъ, которыя быстро складываются еще болѣе къ выгодѣ пролетаріата, является анахронизмомъ вызывать къ свѣту воспоминанія 1848 года.

Разъ только удастся „поймать на удочку“ сплоченную массу пролетаріата и всѣхъ тѣхъ мнимо самостоятельныхъ хозяевъ въ сельскомъ хозяйствѣ и индустриіи, которые фактически являются только наемными рабочими капитала, тогда нѣтъ силы, которая-бы могла оказать сопротивленіе! Овладѣть массой, организовать ее политически и экономически, поднять ее интеллектуально и морально, довести ее до того, чтобы она была въ состояніи взять на себя наслѣдство капиталистическаго способа производства— вотъ что является и остается главной задачей партіи труда.

Эта „ловля“ въ деревнѣ далеко не является такой простой вещью. Нельзя допустить, что развитіе пролетаріата, что повышеніе его политической и экономической силы, его интеллектуальный и моральный подъемъ пойдутъ когда нибудь въ деревнѣ столь-же быстрыми шагами, какъ въ промышленныхъ центрахъ.

Факторы, которые вліяютъ тамъ въ этомъ направленіи, хорошо извѣстны изъ «Ком. Ман.» и намъ нечего долго останавливаться на этомъ.

Уже докапиталистическое товарное производство скопило въ отдѣльныхъ городахъ большія массы безработныхъ наемныхъ рабочихъ. Съ могуществомъ и интеллигентностью городовъ росли также сила и интеллектъ рабочихъ. Но подмастерья были еще полусвободные люди, они принадлежали къ дому мастера, и работа, какъ и хозяйство, разъединяла ихъ. Только общность праздниковъ сводила ихъ вмѣстѣ. Капиталистическій способъ производства, напротивъ, объединяетъ наемныхъ рабочихъ въ большія массы не только въ отдѣльныхъ городахъ, которые по размѣрамъ далеко превышаютъ феодальные, но и внутри самихъ городовъ въ отдѣльныхъ громадныхъ мастерскихъ: онъ самъ организуетъ и дисциплинируетъ наемныхъ рабочихъ. Но они не принадлежатъ уже къ семейству предпринимателя. Въ мастерской они являются экономически вполне самостоятельными, свободными людьми съ собственнымъ хозяйствомъ.

Иначе, чѣмъ въ городахъ, вліяетъ капиталистическое развитіе въ деревнѣ. Здѣсь оно не спланиваетъ людей, а разсѣиваетъ ихъ. Оно ведетъ не только къ относительному, но на опредѣленной ступени своего развитія даже къ абсолютному обезлюденію деревни. И оно отнимаетъ у деревни какъ разъ самые лучшіе, самые энергичные и интеллигентные элементы; остаются самые слабые, самые безпомощные. Рука объ руку съ обезлюденіемъ деревни идетъ и умственное одичаніе ея.

Улучшеніе преподаванія въ школахъ, въ деревнѣ весьма проблематичное, и прогрессъ въ путяхъ сообщенія, который приноситъ съ собою въ деревню книги и газеты, оказываютъ только незначительное противодѣйствіе послѣднему. Конечно, теперь сельское населеніе читаетъ гораздо больше, чѣмъ нѣкогда; но газеты, которыя попадаютъ въ руки поселянину, большею

частью самаго реакціоннаго свойства: онѣ судятъ о современномъ обществѣ по шаблонамъ давно прошедшихъ временъ и тѣмъ безцеремоннѣе обращаются съ фактами, которые не укладываются въ этотъ шаблонъ, чѣмъ наивнѣе и невѣжественнѣе публика, къ которой онѣ обращаются. А книги, которыя оно читаетъ, (исключая библію—продукта былыхъ тысячелѣтій), представляютъ издѣлія худшаго сорта, изображающія дѣйствительность въ до невѣроятности грубо извращенной формѣ.

Подобная литература не только не можетъ способствовать болѣе ясному пониманію дѣйствительности, существа современнаго общества, но скорѣе можетъ внести полнѣйшую путаницу въ понятія. Вліяніе изолированности часто не только не ослабляется ею, но скорѣе усиливается. Уже это сильно затрудняетъ организацію сельскаго пролетаріата, мѣшаетъ вызвать въ немъ пониманіе и интересъ къ стремленіямъ городского пролетаріата. А къ этимъ затрудненіямъ скорѣе, внѣшняго свойства, присоединяются еще болѣе сильныя, идущія гораздо глубже.

Какъ бы далеко ни шла общность интересовъ сельскаго пролетаріата и промышленнаго, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, однако, всѣ вышеприведенныя характеристическія черты современнаго пролетаріата ни въ какомъ случаѣ не относятся и къ нему.

Особенно не относятся онѣ къ прислугѣ (Gesinde), но также и къ контрактнымъ рабочимъ (Instleute, Heuerleute), вольнымъ безземельнымъ рабочимъ (Einlieger) *).

Всѣ эти категоріи сельскихъ рабочихъ живутъ еще въ феодальныхъ условіяхъ, входя составной частью или въ качествѣ придатка въ чужой домъ. Они и внѣ работы стоятъ подъ «попеченіемъ» господина; ихъ развлеченія, ихъ чтеніе и даже союзы подлежатъ его контролю. У нихъ нѣтъ коалиціоннаго права, даже тамъ, гдѣ ихъ не лишаетъ его законъ; они не смѣютъ читать газеты, которая не нравится господину, имъ, насколько возможно, предписывается, кого имъ избирать. Челядь не отлпчается отъ крѣпостныхъ и рабовъ протекшихъ вѣковъ даже возможностью стать самостоятельными, сдѣлавъ достаточныя сбереженія: вѣдь и рабы имѣли возможность откупиться на волю.

Подобный классъ при чрезмѣрно дурномъ обращеніи склоненъ къ вспышкамъ отчаянія и бунтамъ, но ихъ положеніе неблагоприятно для веденія организованной, упорной, продолжительной классовой борьбы.

Лучше обстоитъ дѣло въ этомъ отношеніи съ сельскими рабочими, имѣющими какую-нибудь собственность. Ихъ собственное хозяйство не возвышаетъ ихъ надъ пролетаріатомъ, такъ-какъ это хозяйство составляетъ только придатокъ домашняго хозяйства, а мы видѣли, что не бѣдность предметами потребленія, а отсутствіе средствъ производства для рынка служитъ характеристической чертой современнаго пролетарія. Какъ горнорабочій остается пролетаріемъ, хотя бы онъ пріобрѣлъ себѣ домикъ, клочекъ земли для картофеля и завелъ корову, такъ-же остается имъ и сельскій карликовый хозяинъ, поскольку его собственное хозяйство служитъ только потребностямъ его дома.

*) Различныя категоріи сельскихъ рабочихъ въ Германіи. О нихъ см. ст. Гольца въ сб. «Землевладѣніе» изд. М. Водовозовой, М. 18 6. стр. 234—238. Instleute, Heuerleute—крестьяне, арендующіе землю за отработку.

Но хотя собственное хозяйство не мѣшаетъ ему *быть* пролетаріемъ, однако оно сильно мѣшаетъ ему *чувствовать* себя таковымъ. Его прошлое, его настоящее, его будущее даютъ ему много мотивовъ для того, чтобы становиться на сторону самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ. Уже традиція, обладающая въ деревнѣ гораздо большей силой, чѣмъ въ городѣ, дѣлаетъ для крестьянина—собственника дома или коровы отживающее крестьянское классовое самосознаніе ближе, чѣмъ вновь пробуждающееся пролетарское.

Но первое питается и настоящимъ.

Въ теоріи мелкій сельскій хозяинъ является, конечно, производителемъ для собственнаго потребленія; его потребность въ деньгахъ удовлетворяется продажей его рабочей силы, а не сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но если въ общемъ. т. е. въ теоріи, это и вѣрно, то жизнь, однако, не представляетъ столь рѣзкихъ отличій, какія мы принуждены дѣлать для научныхъ цѣлей. Тутъ существуютъ безчисленные переходныя ступени, которыми теоретикъ можетъ и долженъ пренебречь, если хочетъ изслѣдовать лежащіе въ основѣ явленій законы, по которымъ онъ не можетъ оставить безъ вниманія, если хочетъ сдѣлать изъ этихъ законовъ примѣненіе къ практической жизни. Даже мелкій сельскій хозяинъ, хозяйство котораго едва достаточно для доставленія необходимыхъ его дому жизненныхъ средствъ, даже тотъ, чье хозяйство не вполне достаточно и для этого, обыкновенно продаетъ часть своихъ продуктовъ; онъ откармливаетъ свиней или гусей, продаетъ яйца, молоко, овощи, если близокъ рынокъ—городъ или фабрика,—и постольку цѣны на жизненные средства для него ни въ какомъ случаѣ не безразличны, высокія цѣны на продукты, которые онъ продаетъ, весьма желанны.

Гдѣ преобладаетъ натуральная форма вознагражденія за трудъ, тамъ сельскіе рабочіе и въ качествѣ получателей наемной заработной платы заинтересованы въ высокихъ цѣнахъ на жизненные средства. Если они получаютъ часть платы въ видѣ ржи, которую они продаютъ, то они заинтересованы въ высокихъ цѣнахъ на рожь, слѣдовательно и въ пошлинахъ на рожь. Они являются на рынокъ не только въ качествѣ продавцовъ рабочей силы, но и въ качествѣ продавцовъ жизненныхъ средствъ.

Но наряду съ традиціей прошлаго и интересами настоящаго есть еще интересъ будущаго, который, быть можетъ, сильнѣе всего наполняетъ карликоваго крестьянина крестьянскими чувствами и мыслями. Человѣкъ живетъ въ настоящемъ, но работаетъ для будущаго. Тамъ, гдѣ промышленный наемный рабочій еще вѣрится въ будущее ремесла, гдѣ ремесленный подмастерье чувствуетъ себя будущимъ мастеромъ, онъ является другимъ, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ потерялъ надежду стать когда-нибудь самостоятельнымъ при господствѣ современнаго способа производства. Такъ и карликовый крестьянинъ тамъ, гдѣ онъ потерялъ надежду стать когда-нибудь самостоятельнымъ земледѣльцемъ въ собственномъ хозяйствѣ и вернуться къ блаженнымъ временамъ, другой, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ надѣется не вѣчно оставаться карликовымъ крестьяниномъ, гдѣ онъ надѣется путемъ сбереженій, хотя-бы изъ своего заработка, приобрести со временемъ столько земли, чтобы стать вполне самостоятельнымъ крестьяниномъ. Если онъ сегодня еще владѣлецъ домика, которому приходится прикупать жизненныхъ средствъ, онъ тѣмъ не менѣе чувствуетъ себя въ такомъ случаѣ будущимъ крестьяниномъ, будущимъ продавцемъ жизненныхъ средствъ.

Питать и будить эту надежду представляется важной задачей для буржуазных экономистов; вѣдь эта надежда является могущественными узами, привязывающими самый сильный класс сельскаго рабочаго населенія къ землевладѣнію и отдѣляющими его отъ пролетаріата, и они заклинаютъ поэтому крупныхъ землевладѣльцевъ не скупать въ слѣпой жадности къ землѣ всю землю, а оставлять столько, сколько нужно—не для того, чтобы превратить всѣхъ сельскихъ рабочихъ въ крестьянъ, гдѣ-бы тогда взять наемныхъ рабочихъ?—а для того, чтобы вѣчно убаюкивать всѣхъ сельскихъ рабочихъ надеждой стать когда-нибудь самостоятельными крестьянами. Именно эта надежда дѣлаетъ ихъ тѣмъ трудолюбивѣе, послушнѣе и покорнѣе.

Къ числу тѣхъ, которые особенно горячо рекомендуютъ крупнымъ землевладѣльцамъ дать своимъ рабочимъ возможность пріобрѣсти земельную собственность, принадлежитъ ф.—деръ Гольцъ. Но, говоритъ онъ: «мое мнѣніе ни въ коемъ случаѣ не таково, что нужно стремиться превратить *всѣхъ* сельскихъ рабочихъ въ землевладѣльцевъ; во всякомъ случаѣ это цѣль, которую не слѣдуетъ сейчасъ имѣть въ виду въ восточныхъ провинціяхъ.... *Перспектива* стать когда-нибудь землевладѣльцемъ дѣлаетъ контрактныхъ рабочихъ (Instleute) трудолюбивыми, бережливими, хозяйственными, охраняетъ ихъ отъ эксцессовъ, а это полезно и работодателю». («Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat», 215, стр. 257—8).

Такъ и старый Рошеръ говоритъ: «Существованіе мелкихъ владѣній особенно полезно тѣмъ, что благодаря этому непрерывнымъ рядомъ переходныхъ ступеней заполняется пропасть между поденщикомъ и крупнымъ крестьяниномъ. Перспектива поощренія, представляемая этимъ въ случаѣ трудолюбія, ловкости и бережливости, имѣетъ въ себѣ столько-же подстрекающаго, сколько успокоивающаго («Nationalökonomik des Ackerbaues», 176).

Двѣ души живутъ въ груди карликоваго хозяина: крестьянская и пролетарская. Консервативныя партіи имѣютъ всѣ основанія укрѣплять крестьянскую душу, интересы пролетаріата идутъ въ противоположномъ направленіи—туда-же идутъ и интересы социальнаго развитія и самихъ карликовыхъ хозяевъ. Вспомнимъ многочисленные примѣры крестьянскаго недоѣданья и чрезмѣрнаго труда, съ которыми мы познакомились въ первой части; мы видѣли, что сельскій наемный рабочій живетъ лучше самостоятельнаго мелкаго сельскаго хозяина, что нищета начинается съ «собственной упряжкой»,— и для насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что намъ слѣдуетъ стремиться къ поднятію карликовыхъ хозяевъ, какъ *людей*, къ возвышенію ихъ изъ варварства въ цивилизацію не путемъ поднятія ихъ изъ рядовъ наемныхъ рабочихъ въ ряды крестьянства, и что нѣтъ ничего опаснѣе и безчеловѣчнѣе, какъ будить въ нихъ иллюзіи на счетъ будущаго мелкаго крестьянскаго хозяйства. А именно это дѣлаетъ аграрная программа, обѣщающая дѣйствительную защиту крестьянства. Такая программа должна разбить пролетарскую душу въ карликовомъ крестьянинѣ и сдѣлать мужицкую душу самодержицей въ его груди. Она должна разорвать узы, связывающія его съ промышленнымъ пролетаріатомъ, и оживить въ немъ всѣ тѣ элементы, которые отдѣляютъ его отъ общей массы пролетаріата. Пролетарская агитація подобнаго рода въ деревнѣ должна дать результаты какъ разъ противоположные тому, къ чему она стремится. Рядъ скоропреходящихъ

минутныхъ выгодъ она подрываетъ основы, на которыхъ могла-бы зиждиться дѣйствительная классовая борьба пролетаріата въ деревнѣ, а не одна избирательная агитація.

II. Націонализація земли.

Аграрная программа въ духѣ защиты крестьянства была-бы, такимъ образомъ, не только безцѣльной, хуже того, она нанесла-бы серьезный уронъ партіи, о которой идетъ рѣчь. Она стояла-бы въ противорѣчій къ ея характеру какъ партіи опредѣленнаго класса и какъ эволюціонной или назовите ее какъ угодно партіи. Ей пришлось-бы заплатить за проблематичныя минутныя выгоды потрясеніемъ ея внутренняго единства, уменьшеніемъ ея силы нападенія и потерей ея реноме какъ партіи, видящей дальше всѣхъ.

Но можно желать аграрной программы еще иного характера, чѣмъ въ духѣ защиты крестьянства. Слышалось мнѣніе: земледѣліе обнаруживаетъ болѣе медленное развитіе, чѣмъ промышленность. Оно становится тормазомъ для нашего прогресса. Нужны поэтому мѣры, которыя ускорили-бы его развитіе, и въ этомъ смыслѣ нужна аграрная программа.

Эта точка зрѣнія совершенно правильна. Человѣческое общество—единный организмъ, но—и это составляетъ одно изъ главныхъ отличій его отъ животнаго организма—оно не представляетъ собою организма, всѣ части котораго развивались-бы одинаковымъ темпомъ. Нѣкоторыя его части отстаютъ въ развитіи, опережаются другими, и въ интересахъ единства должны быть искусственно подвинуты ими впередъ путемъ внѣшнихъ вліяній, чтобы приспособиться къ цѣлому. Это справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, какъ и по отношенію къ отдѣльнымъ классамъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе той мысли, будто признаніе принципа соціального развитія исключаетъ всякіе скачки и всякое искусственное, т. е. *сознательное* вмѣшательство въ соціальныя явленія.

Оно исключаетъ только всякое *произвольное* вмѣшательство, всякое вмѣшательство, стоящее въ противорѣчій съ тенденціями соціального развитія, всякое вмѣшательство, направляемое одними нашими желаніями и нуждами, а не соціальнымъ познаніемъ. Культурныя страны Европы созрѣли для капитализма задолго до того времени, какъ феодализмъ отжилъ свой вѣкъ во всѣхъ отрасляхъ производства и во всѣхъ частяхъ страны—вѣдь мы и теперь еще находимъ многочисленныя пережитки его. Такъ и современное общество созрѣетъ для высшей формы задолго до того, какъ исчезнетъ послѣдній ремесленникъ и послѣдній крестьянинъ, и какъ весь пролетаріатъ созрѣетъ политически и сьорганизуется экономически: всѣмъ этимъ явленіямъ не суждено совершиться въ капиталистическомъ обществѣ. И одной изъ главныхъ нашихъ историческихъ задачъ будетъ—поднять отсталыя народныя слои и доставить имъ средства для высшей формы производства и для высшей культуры. Въ этомъ направленіи мѣры для поднятія крестьянства въ смыслѣ приближенія и возможнаго облегченія его перехода къ высшей формѣ производства будутъ играть во всякомъ случаѣ выдающуюся роль. Въ этомъ смыслѣ, конечно, нужна будетъ аграрная программа.

Спрашивается только, наступило ли уже время для послѣдней, возможна ли программа, которая, стоя на почвѣ *современнаго* общества, способствовала-бы развитію сельскаго хозяйства въ направленіи къ высшей формѣ производства?

Въ капиталистическомъ обществѣ главной пружиной экономическаго развитія служитъ интересъ капиталистовъ, *прибыль*. Поощреніе экономическаго развитія означаетъ здѣсь прежде всего поощреніе *прибыли*.

Но особой капиталистической цѣли соотвѣтствуютъ и особыя капиталистическія средства. Какое же положеніе должно принять при такихъ обстоятельствахъ по отношенію къ экономическому развитію?

Мы не можемъ и не должны задерживать экономическаго развитія, но у насъ нѣтъ и никакихъ основаній споспѣшествовать ему. Мы не можемъ помѣшать введенію сберегающихъ трудъ машинъ или вытѣсненію мужчинъ женщинами въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, но не наше дѣло поощрять къ тому капиталистовъ или поддерживать ихъ при этомъ государственными средствами. Тоже самое справедливо и въ отношеніи къ экспропріаціи крестьянъ и ремесленниковъ.

Намъ иногда бросаютъ упрекъ, будто мы радуемся пролетаризаціи этихъ классовъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого. Мы сожалѣемъ о ней, мы немедленно положили-бы конецъ этому методу экономическаго прогресса, если бы это отъ насъ зависѣло; мы объявляемъ только безсильнымъ желаніе остановить этотъ процессъ въ рамкахъ современнаго общества. Наша историческая задача—не экспропріація самостоятельныхъ производителей, а экспропріація экспропріаторовъ.

По сколькоу пролетаріатъ вмѣшивается въ этотъ процессъ капиталистическаго развитія, его задачей не можетъ быть поощреніе, добровольная, прямая или косвенная (при помощи государственной власти) помощь ему, но также и не задержка его, а только возможное ослабленіе губительныхъ, вырождающихъ вліяній его на затрогиваемые имъ народныя слои.

И такъ не воспрещеніе машинъ и женскаго труда, а законы для защиты труда. Не препятствованіе экспорту, но въ то-же время и отказъ отъ различныхъ способовъ его государственнаго поощренія (покровительственныя пошлины, преміи, колоніальныя пріобрѣтенія), а гдѣ это на практикѣ оказывается неэффективнымъ, по крайней мѣрѣ возможная защита тѣхъ, кого эта политика затрогиваетъ, напр., туземнаго населенія колоній.

Мы еще увидимъ, какъ примѣнить этотъ принципъ къ нѣкоторымъ методамъ экспропріаціи крестьянства. Ясно, что поощреніе экономическаго развитія сельскаго хозяйства въ капиталистическомъ смыслѣ не можетъ быть задачей нашей аграрной программы. Но этого никто и не имѣлъ въ виду. Нѣтъ, при этомъ имѣлись въ виду мѣры, которыя могли-бы подготовить уже нынѣ почву для *общественнаго* производства въ сельскомъ хозяйствѣ и ускорить его безболѣзненный переходъ къ нему.

Подобная мысль стала возможна только благодаря уже не разъ упомянутому противорѣчію, возникшему между земельной собственностью и производствомъ въ земледѣліи. Производство гораздо болѣе отстало, чѣмъ въ промышленности, гораздо дальше отъ обобществленія, чѣмъ тамъ; представляется нелѣпостью переходъ къ общественному производству въ земледѣліи, пока въ промышленности и слѣдовательно во всемъ обществѣ царствуетъ капитализмъ.

Но что относится къ производству, не относится еще къ собственности. Частная собственность на землю гораздо скорѣе и въ гораздо большей степени пришла въ противорѣчіе съ условіями производства въ земледѣліи и сдѣлалась для нихъ невыносимыми оковами, чѣмъ частная собственность на средства производства въ промышленности. При этомъ собственность на землю уже вполне обособилась отъ производства. Въ то время какъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ тенденція къ централизаціи едва замѣтна, а часто проявляется даже тенденція къ раздробленію, въ земельной собственности господствуетъ рѣшительная тенденція къ централизаціи, выступающая всего яснѣе въ ипотечной собственности, ставшей уже въ большей части безличной.

Націонализація земельной собственности возможна, поэтому, уже въ капиталистическомъ обществѣ; она возможна при сохраненіи товарнаго производства и наемной системы, безъ измѣненія существующаго способа производства. Въ той или иной формѣ она настоятельно требуется уже буржуазными партіями, часто самими сельскими хозяевами. Съ другой стороны и антибуржуазныя аграрныя программы того рода, о которыхъ идетъ рѣчь, все сводятся не къ чему иному, какъ къ тому или иному методу націонализаціи земли.

Вмѣстѣ съ нашимъ отношеніемъ къ націонализаціи земли въ современномъ обществѣ дано также и наше отношеніе къ антибуржуазнымъ аграрнымъ программамъ прогрессивнаго характера. На ряду съ націонализаціей земли, пріобрѣвшей особую популярность въ странахъ арендной системы, тутъ имѣется въ виду еще *націонализація ипотекъ и націонализація хлѣбной торговли*.

Владѣлецъ ипотекъ фактически является владѣльцемъ и земли; ипотечный должникъ стоитъ къ нему въ подобномъ-же отношеніи, въ какомъ арендаторъ стоитъ къ земельному собственнику.

Монополія же хлѣбной торговли дѣлаетъ тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые производятъ хлѣбъ для продажи—слѣдовательно большую часть ихъ—совершенно зависимыми отъ владѣльца монополіи. Послѣдній, если не юридически, то фактически имѣетъ въ своемъ распоряженіи всю площадь, засѣянную хлѣбами.

Впервые выдвинули эти требованія принципиальные противники буржуазіи. Восьмой пунктъ требованій, выставленныхъ въ Германіи Марксомъ и Энгельсомъ въ мартѣ 1848 г., гласилъ: „Ипотеки на крестьянскіе участки объявляются государственной собственностью: платежи по этимъ ипотекамъ вносятся крестьянами государству“.

Седьмой параграфъ требовалъ превращенія крупныхъ земельныхъ владѣній въ государственную собственность.

Тридцать лѣтъ спустя профессиональные союзы Цюрихскаго кантона вызвали на сцену движеніе въ пользу введенія государственной торговли хлѣбомъ.

Теперь, когда тѣ-же самыя требованія выдвигаются сельскими хозяевами, антибуржуазныя партіи относятся къ нимъ часто съ недоумѣніемъ, иногда даже прямо отвергаютъ ихъ. Что-же измѣнилось съ тѣхъ поръ? Измѣнились какъ общія воззрѣнія, такъ и общественная ситуація.

„Когда послѣдовалъ взрывъ февральской революціи“, говоритъ Энгельсъ въ своемъ замѣчательномъ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во

Франціи въ 1848—1850 гг.“ Маркса, мы всё въ нашихъ представленіяхъ объ условіяхъ и теченіи общественныхъ движеній находились подъ впечатлѣніемъ историческаго опыта, именно историческаго опыта Франціи....

„При тогдашнихъ условіяхъ для насъ не могло быть поэтому никакого сомнѣнія въ томъ, что великая рѣшительная борьба наступила, что она должна закончиться въ одинъ длинный и полный превратностей революціонный періодъ, но что она можетъ кончиться только окончательной побѣдой пролетаріата“.

Въ Швейцарскомъ же движеніи 70-хъ годовъ господствовалъ еще демократическій предрасудокъ, пренебрегавшій классовыми противорѣчіями, не обращающій вниманія на общественныя условія, и полагавшій, что нужны только демократическія формы и просвѣщеніе, чтобы освободить путь коллективизму.

Совсѣмъ иное говорятъ современныя воззрѣнія, но и современное положеніе дѣлъ совсѣмъ другое, чѣмъ тогда. Не пролетаріи, а имущіе сельскіе хозяева громче всѣхъ требуютъ нынѣ націонализаціи хлѣбной торговли и ипотекъ, и ей суждено взвалить на шею общества не *выгоды*, а *убытки* частнаго землевладѣнія; выгоды-же частнаго землевладѣнія она оставляетъ неприкосновенными, даже обезпечиваетъ и увеличиваетъ ихъ. Не пролетаріи, а землевладѣльцы и капиталисты держатъ въ своихъ рукахъ государственную власть, и имъ поэтому предстояло бы провести въ жизнь націонализацію. А положеніе сельскихъ хозяевъ, какъ и пролетаріевъ, въ 1898 году другое, чѣмъ въ 1848 и 1878 годахъ.

До 1878 г. хлѣбныя цѣны все росли; сельскіе хозяева процвѣтали, а потребители страдали. Государственное вмѣшательство въ этотъ процессъ могло имѣть цѣлью только прийти на помощь потребителю, а слѣдовательно противодѣйствовать повышенію цѣнъ.

Теперь хлѣбныя цѣны падаютъ, теперь не потребители, а производители жалуются на хлѣбныя цѣны. Объ искусственномъ пониженіи этихъ цѣнъ при помощи государства не думаетъ рѣшительно никто—гдѣ государственная власть вмѣшивается въ установленіе хлѣбныхъ цѣнъ, это дѣлается только ради ихъ возвышенія. Не удивительно, что государственная хлѣбная торговля представляется теперь въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Но тоже самое справедливо и о націонализаціи ипотекъ. Отъ 1848 до 1878 г. земельная рента непрерывно росла. Пока это имѣло мѣсто, націонализація ипотекъ ни въ какомъ случаѣ не могла представлять выгодъ землевладѣнію. Она имѣла цѣлью только служить переходной мѣрой къ высшей формѣ общества, служить средствомъ для того, чтобы поставить землевладѣніе въ зависимость отъ государственной власти и вырвать изъ рукъ капиталистовъ одну область эксплуатаціи.

Иначе обстоитъ дѣло со времени 1878 г., когда началось паденіе земельной ренты. Ренты падаютъ, но не падаетъ сумма ипотечныхъ процентовъ, задолженность напротивъ растетъ. Землевладѣльцы все менѣе оказываются въ состояніи выполнять свои обязательства; если не наступитъ неожиданный поворотъ, то ипотечные банки потерпятъ большіе убытки. Націонализація ипотекъ становится нынѣ средствомъ для гарантированія капиталистамъ ихъ процентовъ, ибо вмѣсто единичнаго землевладѣльца его должникомъ выступаетъ государство. Ихъ проценты поэтому обезпечены имъ.

Зато государство должно взять на себя весь рискъ, лежавшій до сихъ поръ на капиталистахъ. Последніе выигрываютъ, — вмѣстѣ съ ними выигрываютъ и землевладѣльцы, по крайней мѣрѣ временно, если націонализація ведетъ къ пониженію нормы процента по ихъ ипотекамъ. По счету приходится платить плательщикамъ налоговъ.

То же самое было-бы и съ націонализаціей земли съ выкупомъ при оставленіи неизмѣннымъ капиталистическаго способа производства, какъ этого желаютъ буржуазные земельные реформаторы à la Генри Джорджъ. Если бы имъ удалось въ концѣ семидесятыхъ годовъ осуществить въ Англии націонализацію земли, то никто не имѣлъ-бы большихъ выгодъ отъ этого, чѣмъ выкупленные лендлорды. Они спокойно проживали бы тогда проценты съ капиталовъ, выплаченныхъ имъ государствомъ, а послѣднему пришлось бы нести всю потерю земельной ренты, 30 процентовъ и больше, падающую теперь бременемъ на лендлорда.

Отъ націонализаціи ипотекъ націонализація земли отличается во всякомъ случаѣ въ хорошую сторону тѣмъ, что она предоставляетъ, по крайней мѣрѣ государству возможность противодѣйствовать послѣдствіямъ паденія земельной ренты путемъ введенія усовершенствованныхъ способовъ обработки, между тѣмъ какъ первая не даетъ ему никакого вліянія на веденіе хозяйства.

Но не надо питать слишкомъ большого довѣрія и къ государству въ роли сельскаго хозяина. Государство нынѣ прежде всего *институтъ господства*. Отъ этого своего характера оно не отказывается и тамъ, гдѣ на его долю выпадаютъ хозяйственныя функціи. И здѣсь рѣшающей является точка зрѣнія юриста, полицейскаго, солдата, а не техника и предпринимателя. Только въ той мѣрѣ, въ какой общественнымъ силамъ удастся устранить классовыя противорѣчія и лишить государство его характера, какъ организаціи господства, измѣнится и это. Теперь государство ведетъ хозяйство, обыкновенно, дороже и менѣе умѣло, чѣмъ частный предприниматель. Тѣмъ не менѣе уже и теперь націонализація того или другого предпріятія можетъ представлять экономическія выгоды для большинства. Это относится къ такимъ предпріятіямъ, которыя монопольны, благодаря природнымъ ли условіямъ—желѣзныя дороги, нѣкоторыя отрасли горнодѣлія—или общественнымъ—картелямъ, трестамъ. Здѣсь эксплуатація публики частными монополіями можетъ достигнуть такой степени, что государственное хозяйство является спасителемъ въ нуждѣ, особенно тамъ, гдѣ правительство зависимо отъ народа, такъ что фискъ не можетъ по своему желанію продолжать эксплуатацію частной монополіи.

Но гдѣ частная монополія не создаетъ такой необходимости, нѣтъ никакого *экономическаго* основанія передавать *современному* государству предпріятіе. Напротивъ къ экономическимъ основаніямъ, говорящимъ противъ этого, присоединяются еще *политическія*, также вытекающія изъ характера государства, какъ *организаціи господства*.... И этотъ политическій мотивъ, подобно экономическому, падаетъ въ той мѣрѣ, въ какой государство подпадаетъ подъ вліяніе трудящихся. Но демократическія формы сами по себѣ не даютъ еще оружія противъ примѣненія государственной силы для угнетенія пролетаріата. Гдѣ крестьяне и мелкіе буржуа составляютъ значительное большинство населенія, они иногда готовы ограничить эксплуатацію рабочихъ *крупными* капиталистами, но тѣмъ усерднѣе блюдутъ они „экономическую

